

БАТТЕЧЕСН®

БИБЛИОТЕКА

BATTLETECH

Twilight of the Clans

ВЫНУЖДЕННЫЙ СОЮЗ

СЕРИЯ "ЗАКАТ КЛАОВ" 2я КНИГА

СМОЖЕТ ЛИ ВНУТРЕННЯЯ СФЕРА ОБЪЕДИНИТЬ СВОИ СИЛЫ ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА,
ШЛИ ИМ ПОМЕШАЮТ ИХ СОБСТВЕННЫЕ АМБИЦИОЗНЫЕ ПЛАНЫ?

МАЙКЛ А. СТАКПОЛ

Battletech book series #38. Twilight of the Clans series #2.

Michael A. Stakpole «Grave Covenant»

Copyright © 1997 by FASA Corporation

Майкл Стакпол «Вынужденный союз». Серия «Закат кланов».

Перевод с английского М. Левина, 2002

Издательство: ООО «Дрофа», 2002

Scan&OCR: The Stainless Steel Cat (steel_cat@pochtamt.ru)

SpellCheck: Konstantin Balaboukha (bkonstantin@mail.ru, FidoNet 2:5030/1321.12)

Библиотека Battletech © 2013 www.cbtbooks.ru

Форум: <http://www.forums.cbtbooks.ru>

Редактор, верстка: Леонид Шагидуллин aka Leonid

Художник обложки: Роджер Лавлесс

Русификация обложки: Андрей Кулешов aka rCS_Darkside

Корректор: Кирилл Лоза

Внимание!

Эта электронная книга не предназначена для коммерческого использования! Приобретите лицензию у правообладателей: Catalyst Game Labs™ и The Topps Company, Inc.

Проект «Библиотека Battletech» является некоммерческим, создан с целью исправления русских текстов и переводов. При размещении данной книги на каком-либо ресурсе, просим указывать ссылку на страницу «Библиотеки Battletech». Если за скачивание этой книги с вас требуют заплатить, это является незаконным и нарушает авторское право.

Для дополнительного прочтения, а также для более подробных карт, рекомендуется сценарий FAS1704 «The Dragon Roars», вышедший в 1998 году.

Майкл Стакпол. Вынужденный союз

КНИГА ПЕРВАЯ.

КОНГРЕСС ИНТРИГАНОВ

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	54
Глава 13	60
Глава 14	64
Глава 15	68
Глава 16	71
Глава 17	75
Глава 18	81
Глава 19	86
Глава 20	91
Глава 21	94

Глава 22	97
----------------	----

Глава 23	100
----------------	-----

КНИГА ВТОРАЯ.

СУРОВЫЕ КРЕСТОНОСЦЫ

Глава 24	104
Глава 25	109
Глава 26	113
Глава 27	117
Глава 28	124
Глава 29	130
Глава 30	135
Глава 31	140
Глава 32	145
Глава 33	150
Глава 34	156
Глава 35	162
Глава 36	167
Эпилог	174
Об авторе	178
Об авторе	178
Комментарии редактора	180

ЗАГОВОРЫ ВНУТРИ ДРУГИХ ЗАГОВОРОВ

Советники Катрины Штайнер, её двоюродная бабушка генерал Нонди и мандарин Тормано Ляо, наблюдали за нею, крутящей в пальцах платиновый ножик для бумаг.

— Если бы голосование было завтра, кто бы стал новым первым лордом возрождённой Звёздной Лиги? — спросила Нонди Штайнер.

Тормано на миг задумался.

— Военный регент явно не против, чтобы Виктор повёл силы обороны Звёздной Лиги на кланы. Кто будет лучше, чем он?

Катрина улыбнулась:

— Если мой брат Виктор поведёт силы, он будет должен пойти с ними и участвовать в будущих сражениях.

Нонди сузила глаза до щёлочек.

— А зачем давать ему шанс вернуться во Внутреннюю Сферу человеком, покорившим кланы?

— А мы тем временем определим роль, которая достанется ему по возвращении. Если он будет в отлучке, править Федеративным Содружеством он не сможет. Мы должны просмотреть досье всех делегатов, если я хочу быть избранной первым лордом. Каждое их пожелание должно быть удовлетворено и взято на заметку. Пусть у них будет такое чувство благодарности, что, когда мне кто-нибудь окажет честь выдвинуть на пост первого лорда, все остальные решат, что я этой чести заслуживаю.

Тормано склонил голову.

— Но я полагаю, что вы встретитесь с жёсткой конкуренцией со стороны брата.

Катрина аккуратно положила нож для бумаг.

— С Виктором я имею дело всю жизнь. Его крушение организую я сама.

Благодарности

Эта книга посвящена Иэну Андерсону и «Джетро Талл».

Это мой двадцать второй роман, все были написаны с музыкой, играющей фоном. «Джетро Талл» всегда были в моём плейлисте. Когда я писал этот роман, я побывал на концерте «Джетро Талл». Музыка волшебна, и Иэн Андерсон — волшебник.

Автор хотел бы поблагодарить следующих людей за их вклад в эту книгу:

Джордана Вайсмана, Брайана Нистула, Рэндалла Биллса, Джилл Лукас, Билла и Нину Кейт, Донну Ипполито и Роберта Торстона за их развитие истории, редактуру, нахождение ошибок.

Лорена Коулмена, Роберта Торстона, Блейна Парду, и Тома Грессмана за их книги.

Моего отца, доктора Дж. Уорда Стакполя, за медицинские консультации относительно травм и болезней, упомянутых здесь; Джона-Аллена Прайса за надолго одолженного Галена Кокса; Марка Хермана за объяснение мне энтропийной войны; и особенно Майка Пондсмита за его щедрое благотворительное пожертвование, чтобы появиться в этой книге.

Дженнифер Смит и Лору Джайлмэн из ROC за их терпение моих трудностей с распорядком.

И, как всегда, Лиз Дэнфорт, пережившей моё безумное состояние во время написания этой книги.

Книга первая

Конгресс интриганов

1

*Триадское национальное кладбище
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
30 сентября 3058 г.*

По лабиринту надгробий Триадского национального кладбища гулял влажный бриз, подталкивая Виктора Иэна Штайнера-Дэвиона. Весна в этом году пришла рано, и обычное сентябрьское одеяло снега съёжилось до отдельных островков в океанах грязи. Пробивалась наружу, к солнцу, яркая зелень молодой травы и свежих листков. Ранняя весна порождала чувство радости, сквозившее во всех передачах СМИ, которые принимал принц, приближаясь к планете в своём межпланетном корабле.

«Один добрый мороз — и всё это погибнет». — Виктор стоял перед мемориалом матери, и его не брала весенняя лихорадка, охватившая Таркад. Мать погибла в результате схватки за власть всего двух аристократов Внутренней Сферы. Сейчас Виктор прибыл на Таркад для участия в Уайттингской конференции, где десятки представителей знати Внутренней Сферы будут ожесточённо спорить за власть. Вывод, что конференция закончится катастрофой, был почти неизбежен.

Виктор нахмурился: «Плохо получается тогда, когда ты сам допускаешь, чтобы вышло плохо. — Он шевельнул плечами и передёрнулся от боли. Почти вся эта боль возникла на изнурительном пути от Ковентри к Таркаду. Прыжковые корабли могут прорывать дыры в ткани реальности, моментально переносясь с места на место по тридцать световых лет за прыжок. Такие прыжки выматывают, но куда хуже Виктору пришлось на межпланетнике, с большим ускорением летящему к Таркаду. — С моим ростом двигаться при гравитации выше нормальной — серьёзная работа».

Он заставил себя улыбнуться. То, что ему пришлось трудно, не помешало ни Каю, ни Хохиро его избить. Виктор потрогал исчезающий синяк под правым глазом. Этот фонарь он заработал, когда не сумел отбить правый кросс Хохиро Куриты. — «Я видел, как он летит, но сделать ничего не мог». — Раздосадованный этим фонарём, он всё же им гордился.

Слишком много места в жизни Виктора стали занимать показуха и политика. Он понимал необходимость таких вещей, но политика всё ещё ему претила. Ему казалось совершенно нелепым, что приходится занимать позицию куда более крайнюю, чем намереваясь, лишь для того, чтобы потом достичь компромисса с оппонентами, получая то, чего хотел с самого начала. Время и силы, которые впустую тратятся на такие игры, можно было бы с большим толком использовать для настоящего дела.

Организация Уайтингской конференции — яркий пример пустой траты времени и сил. Четырнадцать недель назад на Ковентри он предложил создать объединённые силы для переноса войны на территорию кланов. Через два дня его сестра Катерина, архонт Лиранского Альянса, предложила провести эту конференцию на Таркаде. Этим она приняла на себя бремя организации встречи, приглашения глав Внутренней Сфера и ещё уйму хлопот, а заодно, и весьма искусно, сделала так, что именно её потом станут считать создателем объединённых сил ради будущего Внутренней Сфера.

Виктор отдавал ей должное: свою роль она играла хорошо и изящно продиктовала ему действия. Хотя Ковентри отделяют от Таркада менее девяноста световых лет — расстояние, которое можно преодолеть за три недели, — ему не было смысла показываться раньше первого октября, даты начала конференции, установленной Катериной. Он оставался на Ковентри со своими самыми верными союзниками, обучая войска.

Хотя задержка раздражала его, время, проведённое в учениях на Ковентри, не было скучным. Часто посещавшее Виктора чувство изоляции от жизни исчезло, когда он провёл со своими войсками столько времени. Впервые со времени восхождения на трон Федеративного Содружества ему удалось по-настоящему ощутить заботы обычного гражданина.

И ещё он воспользовался этим временем для собственных тренировок. Виктор всегда был худощав — штайнеровский метаболизм препятствовал накоплению килограммов, — но физическая бездеятельность стала истощать его силу. Он начал выполнять программу упражнений, потом дополнил её тренировками по кэндо с Хохиро и изучением айкидо вместе с Каём Аллардом-Ляо. Взамен он нашёл старого седого сержанта, готового обучать особ королевской крови тонкостям бокса.

«И Хохиро научился куда быстрее, чем мне бы хотелось. — Виктор покачал головой, подумав на миг, что бы сказала мать насчёт синяка под глазом. Она бы встревожилась, но улыбнулась и сказала, что дополнительные упражнения ему полезны. — Она всегда знала, что сказать, чтобы человеку было хорошо».

Он посмотрел вниз на танцующее, мечущееся пламя Вечного огня у гранитного цоколя монумента. Эта статуя, в отличие от многих других по всему Федеративному Содружеству, увековечивавших память о его матери, не отличалась внешним сходством с Мелиссой Штайнер-Дэвион. И всё же что-то от неё в себе несло. Приземлённая каменная сила отражала ту силу, которую она дала союзу Федеративных Солнц и Лиранского Содружества, когда мать тридцать лет назад вышла замуж за Хэнса Дэвиона.

Виктор склонил голову. Он знал, что следует упасть на колени и вознести молитву за мать, но холодная лужа, которую тающая весна раскинула у надгробья, уже промочила полы длинного синевато-стального пальто. Поскольку большинство жителей Лиранского Альянса — так назвала Катерина лиранскую половину Федеративного Содружества после отделения — считало, что он убил свою мать, его коленопреклонение в луже перед могилой показалось бы им дикой выходкой убийцы, которого вдруг постигло раскаяние.

Он перекрестился, произнёс короткую молитву за упокой души Мелиссы Штайнер-Дэвион, сделал глубокий вдох и чуть поклонился в сторону гранитного надгробья.

— То, что создали тридцать лет назад вы с отцом, распалось через два года после твоей смерти. При твоей жизни объединить Внутреннюю Сферу на борьбу с кланами и их уничтожение было бы легко. Сейчас я лишь надеюсь, что возможность уничтожить кланы не рассеется дымом.

Тут его внимание привлекло какое-то мимолётное движение возле входа на кладбище. Вглядевшись в просвет меж надгробий, он увидел три ховерлимузина. Они плыли к нему, испаряя лужи

на кладбищенской аллее. Первый и последний крутили мигалками, и свет играл на ветровых стёклах, а средний, самый большой, плыл среди своего эскорта с безмятежным достоинством.

Позади послышался щелчок — открылась дверь его собственного лимузина на воздушной подушке. Виктор повернулся и поднял руку, останавливая человека с ледяными глазами, появившегося из машины.

— Нет причин тревожиться, агент Курайтис.

— Учитывая, кто находится в той машине, и что она сделала, чтобы добиться власти, есть ли у меня причины не тревожиться? — Курайтис был один из немногих, знаяших правду о Катерине.

Виктор секунду подумал и кивнул:

— Ты прав.

Черноволосый телохранитель закрыл дверцу машины и остался стоять рядом с ней. Виктор знал, что дальнейших замечаний от секретного агента ждать не следует.

«Рядом с этим человеком скала покажется болтливой», — кроме того, всё внимание Курайтиса теперь было поглощено приближающейся группой лимузинов.

Ведущий лимузин отвернулся в сторону, освобождая место среднему, и тот остановился всего в десяти метрах от передка машины Виктора. Подъёмная дверца в задней трети зашипела и откинулась. Виктор заметил движение в затемнённом салоне, вышла сестра, без сопровождения, и направилась к брату.

«Ты никогда не меняешься». — Катерина была выше Виктора, и ещё подчеркнула это, надев белые сапоги до колен на шпильках. Белая соболиная шубка доходила до голенищ, и её дополнила аккуратная шляпка на голове. Длинные золотистые волосы играли на плечах при каждом уверенном шаге длинных ног.

Она небрежно махнула рукой в перчатке:

— Добрый день, Виктор.

— Добрый день, Катерина. — Он отчётливо и тщательно произнёс каждый слог её имени. Хотя она стала называть себя Катриной, Виктор не признавал этой перемены. Катрина Штайнер была его бабкой, архонтом и самой искусной и властной правительницей из всех, что когда-либо правили в наследных государствах Внутренней Сфера. Присвоение сестрой имени и образа Катрины казалось ему преступлением. — Я удивлён, что вижу тебя здесь.

— В самом деле? — синие ледяные глаза смотрели вызывающе. — Я с тобой разминулась в космопорте.

— Ах, так это была ты? — Виктор чуть улыбнулся, лишь взглядом серых глаз позволив себе выразить сарказм, не допущенный в голос. — Надо было мне сообразить, что ты выслала комиссию по встрече, но мне очень хотелось сначала попасть сюда.

Она остановилась у другой стороны памятника.

— Облегчить угрызения совести?

— Угрозения? С чего бы?

Катерина холодно улыбнулась:

— Тебя не было на её похоронах. Ты не дал себе труда приехать.

Хотя Виктор считал, что готов к встрече с сестрой, её замечание пробило его защиту. Не зная в момент смерти их матери, что Катерина — его враг, он позволил ей самой организовать похороны. Поскольку мать взорвали при помощи бомбы, выставить её для прощания и подождать, пока соберутся все её дети, было невозможно. Катерина устроила похороны почти сразу, и Виктор, единственный из детей, не смог прибыть вовремя.

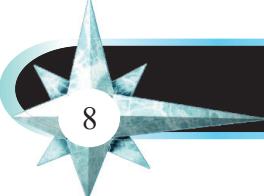
— Я хотел здесь быть, Катерина, но бывают времена, когда бремя правителя не даёт делать то, что хочешь.

Катерина позволила себе хриплый короткий смешок:

— Ах да, ты ведь был занят? Кажется, готовился к погоне за какими-то бандитами из клана?

— Они угрожали Внутренней Сфере и перемирию.

— Нет, Виктор, просто тебе выпал случай лишний раз поиграть в солдатики. — Катерина широко развела руками. — Оглянись вокруг себя, Виктор! На этом кладбище полно людей,

которых завлекли боевые мехи. Их создали шестьсот лет назад, чтобы они господствовали на поле боя. Триста лет назад Александр Керенский отобрал силы обороны Звёздной Лиги у Внутренней Сфера из опасения, что боевые мехи, до тех пор используемые ради защиты жизни, станут инструментом её уничтожения, — и он был прав. Три столетия бушевали наследные войны, а правители сидели в боевых мехах и добывали для себя славу, а для своих вотчин — клочки энтропической Вселенной. И тогда люди Керенского вернулись показать нам, насколько может быть разрушительным мех.

Катерина коснулась носком могилы Мелиссы Штайнер.

— Даже наша мать не устояла против мистицизма мехвоинов. Она родила Ивонну, унаследовала от своей матери пост архонта и вдруг объявила, что хочет быть пилотом боевого меха. Стала одержима этими десятиметровыми машинами разрушения. Она до того увлеклась, что даже прошла курс обучения в Нагельинге, и всё потому что традиция требует от архонта быть пилотом, мехвоином — хотя история показывает, что быть воином никоим образом не связано с тем, чтобы быть правителем.

Катерина опустила взгляд на Виктора:

— И тебе, Виктор, ещё предстоит усвоить этот урок.

Серые с синими пятнышками глаза Виктора сощурились.

— Сомневаюсь, что ты способна мне его преподать, Катерина.

— Я могу дать тебе много уроков, Виктор.

— О, в этом я не сомневаюсь. — Виктор изо всех сил старался говорить ровным голосом, не поддаваясь злости. У него были доказательства, и очень убедительные, что сестра состояла в заговоре с Райаном Штайнером ради убийства Мелиссы. — «У меня нет доказательства, которое обличило бы тебя, Катерина, но Курайтис говорит, что его ждать недолго. И тогда я дам тебе урок — на тему правосудия».

Он высоко поднял подбородок:

— Только не уверен, что хочу усваивать уроки, которые ты можешь дать.

Его ответ, казалось, слегка сбил её с толку.

— Ты слишком долго играл в воина, Виктор. Для твоей страны это не очень хорошо.

— Если бы я не играл в воина на Ковентри, ты бы сейчас была связанный кланов.

Щёки Катерины вспыхнули тёмно-красным, и Виктору на кратчайшее мгновение показалось, будто она действительно может поблагодарить его за сделанное на Ковентри.

— На Ковентри ты действительно сделал много интересного, Виктор. Твоё решение отпустить Нефритовых Соколов без наказания отлично сыграло на публику. Хотя я слышала такое мнение, будто это из страха перед реакцией общественности на твою трусость ты появился только за день до конференции.

— Но ты так не думаешь.

— Ни в коем случае, Виктор. Я думаю, у тебя были причины для задержки.

Виктор кивнул:

— Действительно, были. На самом деле я задержался из-за одной вещи, которой научила меня ты.

— О? — в глазах Катерины искоркой мелькнуло тщеславие. — И что это за вещь?

— Я научился эффекту появления. — Виктор сложил руки на груди. — Я ждал, чтобы прибыли все, а потом появился в сопровождении своих войск. И отправился прямо на могилу матери, отдать долг почтания — и смотри, кто ко мне приехал! Наверняка твоё поспешное прибытие ко мне сделает мне хорошую прессу, Катерина.

Она шагнула к нему, и на секунду Виктор подумал, что она собирается ударить его по лицу. Но она только протянула левую руку и тронула его кончиками пальцев за подбородок, большим пальцем обвела контуры синяка под глазом.

— И ты думаешь, Виктор, что уже победил? Надеюсь, у тебя не слишком легко появляются синяки, потому что на этой конференции тебя ждёт серьёзная трёпка. Я определяю повестку

дня, я веду дискуссии, я руковожу всем этим. Если не будешь играть по моим правилам, окажешься на лопатках. Вот так всё просто.

Он медленно качнул головой, заставляя её убрать руку.

— Нет, Катерина, не так всё просто. Ты очень хорошо знаешь, что правители Внутренней Сфера приехали сюда не развлекать тебя или дать тебе играть королеву, а найти способ противостоять угрозе кланов. Если ты будешь этому мешать, если встанешь на дороге у того, что следует сделать, то на твою страну падёт вся тяжесть возмездия кланов. А тогда, дорогая моя сестра, народ Лиранского Альянса возжелает, чтобы правителем страны снова был воин, потому что только воин сможет их спасти.

Он шагнул назад и коротким жестом отдал ей честь.

— Кстати, я беру себе Биврёст-холл на время моего пребывания. Там есть технические средства, которые мне нужны.

Катерина прищурилась:

— И удобно для людей КомСтара.

— И ещё фонд Лувона, где остановятся Морган Келл и Фелан.

Катерина чуть шире открыла глаза:

— Я их не приглашала.

— Я знаю. Я исправил этот твой недосмотр. — Виктор направился к ховерлимузину, но перед дверцей обернулся к сестре: — Ты права, быть воином — ещё не значит иметь качества хорошего лидера и правителя. Но это не мешает их приобрести.

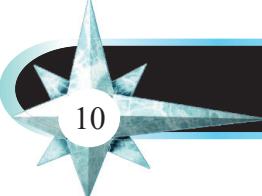
Катерина насмешливо фыркнула:

— Ты бы задался вопросом, Виктор, успеешь ли ты приобрести их вовремя.

— Возможно, Катерина. А может быть, тебе стоит задаться вопросом, успеешь ли ты помешать мне приобрести их. — Он холодно улыбнулся. — Если нет, постарайся, чтобы у меня был враг, потому что иначе им будешь ты.

*Спортивный центр имени Керенского
Страна Мечты
Звёздное скопление Керенского, пространство кланов
30 сентября 3058 г.*

Хан Волков Владимир Уорд спускался по травянистому склону от своего межпланетного корабля «Лобо Негро», новыми глазами глядя на столичную планету кланов. Он смотрел на широкие просторы зелёных холмов под лиловым небом с тонкими лавандовыми облачками и бегающих взад и вперёд воинов, играющих в лакross. Он хорошо помнил эту игру: горячий пот и дух соревнования, удары и точность, которая отличает умелых от истинно талантливых.

В последний раз он играл на этих полях уже больше семи лет назад. Лёгкая улыбка скользнула по губам, когда Влад вспомнил, каким был тогда. Он считал себя почти совершенным, порождением превосходной евгенической программы, создавшей его величайшим воином за всю историю человечества. В успехах этой евгенической программы он по-прежнему не сомневался, но, оглядываясь на эти семь лет, понимал, что высочайшей марки стала без ковки, закалки и заточки — это ещё не острый клинок.

«В те дни лишь началось моё испытание. — Ему стало интересно, что бы тот человек, которым он был тогда, подумал о том, которым он стал сейчас. Конечно, звание хана его не удивило бы, хотя семь лет назад событий, приведших к его избранию, представить себе было бы невозможно. — Путь к власти оказался извилист, мягко говоря».

Он вспомнил свою последнюю игру на этом поле. Влад всегда был превосходным атлетом, и тот матч не был исключением. На половине игры в неё вступил Фелан, подкидыш из Внутренней Сферы, но только теперь Влад мог признать, что Фелан проявил талант, побеждая противников, хотя впервые играл по правилам кланов. — «Я тогда видел его как препятствие, которое надо сбить и отнести в сторону». — Но Фелан всё же превосходил своих соперников. Он даже заметил Владу, что они могли бы свершить великие дела, если бы действовали вместе, а не противостояли друг другу.

«Мне бы следовало понять тогда, о чём он говорит, но я этого не увидел. — Этот Фелан был врагом и угрожал самой природе кланов, чего нельзя было забывать ни тогда, ни сейчас, но препятствием он не являлся. Если уж на то пошло, Фелан был вызовом, оселком, на котором Влад должен был стать ещё острее. — Нет, Фелан, вместе нам не действовать, а лишь воевать друг против друга, чтобы я стал тем, кем предназначено судьбой. И мы будем воевать».

Предыдущие их схватки были только прелюдией к более грандиозной драме, которой ещё предстоит разыграться на подмостках будущего. Они оба стали теперь ханами клана Волка, хотя Волки Влада отвергали заблудших дураков, которые пошли за Феланом в изгнание во Внутреннюю Сферу. Там Фелан встал против агрессии кланов, закладывая фундамент будущего конфликта.

Конечно, признал про себя Влад, такой исход никого не удивил, но поддерживающие его члены клана не видели значения других событий. Без ведома других ханов со Страны Мечты Влад встретился и вступил в союз с Катриной Штайнер, архонтом Лиранского Альянса. Несколько месяцев тому назад она рискованно проникла в зону оккупации кланов, надеясь связаться с Дымчатыми Ягуарами и заключить с ними союз. По чистой случайности её корабль попал в руки Влада, и так они встретились впервые. За проведённое вместе время он смог убедить её, что союз с ним гораздо выгоднее. Их общая ненависть к её кузену Фелану связала их крепче.

Вспомнив Катрину, Влад покраснел. Та же генетическая инженерия, что давала вернорождённому воину клана военное превосходство, обрезала связи между сексуальной близостью, потомством и эмоциональной привязанностью, что связывала воедино семьи вольнорождённых. Поскольку все юные вернорождённые воспитывались в сибгруппах с сотнями других, эмоциональные связи возникали у них только с сибами-собратьями. При наступлении половой зрелости им разрешалось следовать сексуальным желаниям и порывам, и это тоже делалось среди собратьев по сибгруппе. Совокупление среди товарищей — это был дар, соединение равных, а не какой-нибудь брачный ритуал.

Но на Катрину Влад отреагировал так, как никогда не реагировал ни на одну женщину. Она возбудила в нём примитивные, даже первобытные чувства, которые нельзя было проигнорировать как простую жажду. Он не мог отрицать, как сильно она тянет его к себе, и даже осмеливался назвать это чувство любовью. И не имело значения, что сама идея любви вызывала презрение среди касты воинов клана. Он тоже когда-то презирал её, но теперь уже нет.

«Остальные — всего лишь воины. Я же — Влад из клана Волка».

— У меня бы тоже лицо горело от стыда, Влад, будь я на твоём месте и достань мне наглости явиться на Страну Мечты. — Голос хлестнул, вырывая его из мечтаний. Женский голос, и Влад узнал его. — Игры — это для детей, не воинов.

Он заставил себя улыбнуться и повернулся к Марте Прайд, хану Нефритовых Соколов. Высокая, стройная, с коротко остриженными чёрными волосами, с тем лёгким серым оттенком кожи, который даётся долгими космическими перелётами. Синие глаза, несмотря на красноватый оттенок, были полны того же огня, который ему запомнился.

— Так это твой межпланетник спустился за мной на эту планету?

Она сложила руки на груди, туго натянув зелёный комбинезон на плечах.

— Эта небольшая гонка, думаю, была затеей наших капитанов. Но я говорила не об этой игре.

Влад провёл рукой по своим чёрным волосам, приглаживая их от вдовьего пика.

— Тогда в какой же игре ты упрекаешь меня?

Лицо Марты заострилось.

— На Ковентри ты послал мне сообщение, угрожая отобрать шесть планет в моей зоне оккупации. Ты это сделал, чтобы помучить меня, потому что знал: войска Внутренней Сферы, брошенные против меня на Ковентри, были равны по силе моим. Если бы я отозвала свои силы, чтобы отбить твою демонстративную угрозу, я стала бы дезгрой в глазах кланов. Если бы я не отошла, обе стороны были бы уничтожены в бою.

Влад заставил себя улыбнуться, и шрам от левого глаза до нижней челюсти натянулся.

— Я не считаю это игрой. Всего лишь попытка отвлечь от твоей обычной безжалостной эффективности.

— Я это признаю, Влад, и даже рукоплещу тебе. — Марта чуть кивнула. — Я называю игрой твои контакты с противником. О моей задаче на Ковентри и о противостоящих мне силах ты мог узнать только от своих источников во Внутренней Сфере. И не пытайся сказать мне, что информацию дал тебе Фелан Келл. Если бы даже у него не было к тебе ненависти, передача таких сведений создала бы опасность для его друзей, и он на это не пошёл бы...

Влад поджал губы и медленно кивнул.

— То есть ты обвиняешь меня в том, что я использовал против тебя сведения, собранные мной во Внутренней Сфере с помощью разведки. Ты можешь назвать мой источник, вот?

Марта сурово нахмурилась:

— От.

— И хорошо, а то могла бы и ошибиться. — Влад выдержал её взгляд и не изменил голоса, выдавая простенькую ложь: — Во Внутренней Сфере держатся за независимость и свободу информации в так называемых новостях. Первые сообщения просочились с Ковентри прежде, чем Внутренняя Сфера заглушила их. На моих оккупированных мирах есть люди, которые эти передачи перехватили, а дальше — простая логика.

Он видел, что Марта не поверила объяснениям, и потому добавил:

— Кроме того, ханы не позволяют себе распускать слухов, не имеющих оснований. Если бы не это, я мог бы вслух поинтересоваться, где именно ты набрала всех этих воинов, что сменяли друг друга на Ковентри. Я, например, был вынужден рекрутировать из некоторых низших каст, чтобы выдвинуть гарнизонные войска на передний край фронта. Хотя я не слышал, чтобы ты делала что-либо подобное, приходится предположить, что именно так ты и поступила.

Марта вызывающе задрала подбородок.

— Можешь предполагать, пока у тебя нет доказательств обратного.

— Такого доказательства у меня нет, и искать его я не собираюсь. — Глаза Влада прищурились. — И не намерен позволить искать его кому-либо другому.

Брови Марты на миг сошлились на переносице.

— А почему нет?

«Расследование, Марта, могло бы быть концом для тебя, но сейчас не время». — Влад повернулся и показал на самое большое здание в центре столицы Страны Мечты.

— В Зале ханов нас ждут куда более срочные проблемы, чем та, как нам навредить друг другу. Никто из нас ещё не оправился от нашей недавней войны настолько, чтобы избежать поглощения другим кланом.

— Мы выпотрошим любой клан, который захочет нас захватить.

— Согласен, но ведь это ещё сильнее ослабит кланы, воут? — Влад протянул к ней правую руку ладонью вверх. — Ты и я, Нефритовые Соколы и Волки, мало в чём между собой согласны, кроме философии крестоносцев. Это наша судьба, наше право и наш долг — вернуть себе Внутреннюю Сферу и восстановить порядок. Поглощение этому не поможет. Гибель двух или больше кланов преданных крестоносцев не подвинет наше дело вперёд.

Марта моргнула, будто не в силах поверить.

— Ты предлагаешь наш союз, воот?

— Ут, союз. Твоё отвращение к политике на слуху. Я плюсую, что истинный воин выше политики, но она позволяет нам вести в Большом Совете бои, которые иначе пришлось бы вести нашим воякам. А их мы можем сэкономить для реальных битв будущего.

— Несмотря на вульгарность твоей речи, я слышу в ней правду.

— Прошу прощения за использование маргинальных оборотов речи, но они лишь подчёркивают срочность той задачи, что встало здесь перед нами. — Влад сжал руку в кулак. — Мы не можем допустить уничтожения наших кланов.

— Потому что иначе тебя не выберут ильханом.

Влад, позволил себе усмехнуться:

— Я не хочу, чтобы меня выбрали ильханом.

«Не сейчас», — добавил он про себя.

— Нет? — Марта изогнула бровь.

— Нет. Следующий ильхан не завершит крестовый поход. Он не возьмёт Терру.

Марта задумчиво тронула указательным пальцем нижнюю губу.

— Почему ты так думаешь?

— Следующей ильхан будет изо всех сил доказывать, что он не Ульрик. Он не будет делать ничего, что сделал или мог бы сделать Ульрик.

Марта Прайд улыбнулась:

— И он забудет, что ильхан Ульрик Керенский, будучи противником крестового похода, сделал больше любого хана для успеха в захвате приза. Интересно. В твоей теории, кажется, что-то есть.

— Есть. Подумай, Марта: крестовый поход был предпринят ханами, которые никогда не воевали против Внутренней Сферы. Им не приходилось вести масштабную кампанию, такую, какая будет необходима для взятия Терры. Среди них Ульрик был провидцем, что послужило его успеху. Запомни мои слова — крестовый поход завершат ханы, прошедшие сквозь огонь и выжившие в суровом испытании вторжения.

Её глаза полузакрылись.

— То есть ты думаешь, будто эта задача выпала тебе?

«Конечно», — ответил мысленно Влад.

— Или тебе, или ещё кому-нибудь, кто поднимется из общей массы. — Влад снова ткнул пальцем в сторону Зала ханов. — Если мы будем едины, у нас есть надежда увидеть завершение крестового похода.

Марта изучала его секунду, потом кивнула.

— Я согласна. Не думай, будто это значит, что я тебе доверяю или что не нанесу удара, если это будет на пользу моему клану.

— В точности мои мысли, Марта Прайд, — кивнул Влад ей в ответ. — Этот союз нужен лишь ради удобства — нашего удобства. А то, что многим другим он будет неудобен, — что ж, это побочный эффект, которому можно порадоваться.

Биврёст-холл, Триада

Город Таркад, Таркад

Округ Донегол, Лиранский Альянс

1 октября 3058 г.

Виктор Штайнер-Дэвион затаил дыхание, ожидая движения Хохиро Куриты. Наследник трона Синдиката Дракона, обнажённый выше пояса, стоял на коленях в другом конце поля для шаффлборда в гимнастическом зале. У него был меч-катана в ножнах на широкой золотой перевязи вокруг пояса. Плечи Хохиро поднялись и опали в последнем вздохе, и он сделал ход.

Вставая одним плавным движением, он освободил меч из ножен. Полыхнул вверх и вправо стальной клинок, взорвался красный шар с гелием, парящий на высоте головы. Хохиро продолжил вращение, и клинок опустился на полметра, повернулся и разрезал пополам следующий шар. Ещё шаг вперёд, и прямым ударом сверху вниз меч рассёк деревянную плашку, которую бросил ему Морган Хасек-Дэвион.

Половина плашки проскользила по полу и ударила в правую ногу Виктора. Принц опустил глаза и отметил, как чисто прорезала катана сосновый куб.

— Хорошо. Очень хорошо.

Хохиро гордо улыбнулся до самых карих глаз.

— Аригато, Виктор-сама. Теперь твоя очередь.

Виктор поёжился.

— До тебя трудно дотянуться.

— Давай, Виктор, ты сможешь это сделать. — Кай Аллард-Ляо закончил привязывать зелёный шар к короткой нити, удерживающей его на уровне груди. Его серые глаза лукавоискрились. — Не хочешь же ты сказать, что дашь превзойти себя наследнику Дракона?

Виктор нахмурился:

— У него куда больше опыта. Я играю в его игру, поэтому мне полагается проиграть.

Второй человек, надувавший красный шар, прокашлялся.

— Не уверен, что могу вам указывать, ваше высочество, но, когда Хохиро побеждает в боксе, он побеждает вас в вашей игре.

— Очень смешно, Джерри. — Виктор тряхнул головой и подошёл к шаффлбордовому полю.

— Может, ты вместо остроумных замечаний просто будешь держать шар? Я могу промахнуться, но твоя борода давно уже просит стрижки...

Джерард Крэнстон закончил привязывать нить к шару и отступил назад.

— Учитывая, что эта борода — единственная и неубедительная маскировка, которая не даёт вашей сестре меня узнать, я лучше буду держать её подальше от катаны. Хотя не сомневаюсь, что вы могли бы подровнять её, ваше высочество.

Виктор опустился на колени.

— Кажется, ты мне больше нравился до того, как моя сестра дала тебе умереть. — Он поглядел на Крэнстона, стоящего между Хохиро и Каём. — Но отложим это обсуждение до другого раза.

Хотя Биврёст-холл постоянно проверялся на наличие подслушивающих устройств и до сих пор оказывался чистым, болтать о тайнах не стоило.

«Знай Катерина, что Джерри Крэнстон — это на самом деле Гален Кокс, она бы легко поняла, что у меня есть доказательства, связывающие её с убийством матери. Когда-нибудь она это, разумеется, поймёт, но пусть это не будет раньше, чем нужно. Её доступ к такой информации,

и самую возможность ответить на неё, надо сдерживать и направлять, чтобы она не доставила слишком много неприятностей».

Виктор поглядел на воздушные шары, на старшего человека в белом с рыжими волосами, готового бросить ему плашку. Принц кивнул Моргану Хасеку-Дэвиону, указывая, что готов. Напряг руки, услышал, как щёлкнули связки, сделал глубокий вдох.

Виктор знал это упражнение назубок, но не умел выполнять его так, как Хохиро. Трудность была в том, что он разбивал его на части и потом составлял снова, а не протекал сквозь него. «Оно делится на части, но они как ноты в песне — каждая из них есть частица непрерывного». С этим осознанием вроде бы расширилась его возможность охватить задачу в целом. Он медленно выдохнул, и мир вокруг растаял — Виктор сосредоточился на задаче.

«Давай!» — Он вышел правой ногой вперёд, вытягивая катану из ножен и одновременно поворачиваясь к первому шару. Чуть искривлённое лезвие катаны прорезало в шаре неровную прореху. Виктор продолжал вращение, едва услышав взрыв шара за грохотом собственного сердца.

Он чуть подправил направление и обернулся к зелёному шару, который повесил Кай. Лезвие шло слишком низко, и Виктор чуть его приподнял. Острое лезвие катаны чисто срезало горловину шара, и нитка с узлом резко упала на пол, когда обезглавленный шар закувыркался в воздухе.

Пытаясь не обращать внимания на его полёт с частым стаккато хлопков, Виктор повернулся полоснуть плашку, но не смог. Дряблая зелёная плоть шара метнулась по дуге к Моргану, когда плашка вылетела из его пальцев. Принц попытался следить за плашкой, но видел шар, и его удар сверху сделал зарубку на плашке, не зацепив шара.

Разъярившись на себя, Виктор рухнул на колени, чтобы по инерции чуть проехать вперёд, и вложил меч в ножны, не глядя и почти не думая. Эхо лопнувшего шара затихло в хихиканье стоящей справа троицы и чуть слышного смешка Моргана слева. Виктор вспыхнул, и мягкий шлепок зелёного шара по полу лишь подчеркнул его унижение.

Но оно исчезло от звуков хлопков в ладоши. Сначала Виктор подумал, что это его спутники аплодируют в насмешку, но аплодисменты не затихли в стиле обычной издевательской похвалы. Они звучали сильно и ровно, и друзья Виктора перестали смеяться. — «Кто это? Что происходит?»

Виктор повернулся, одновременно вставая, и увидел в дверях зала человека с азиатскими чертами лица. Хотя он не видел этого человека уже семь лет, тех лет, что согнали краску с его волос, сморчили кожу в углах рта и карих глаз, нельзя было ошибиться ни в том, кто этот человек, ни в том, как похож на него его сын Хохиро. Координатор Синдиката Дракона продолжал аплодировать и даже улыбался... чуть-чуть.

Виктор немедленно отпустил официальный поклон, чуть более глубокий и долгий, чем тот, который давал Хохиро. Он знал, что многие и многие граждане Федеративного Содружества могли бы принять этот жест за подхалимаж — и государственную измену, — но он сделал его из уважения, а особенно из благодарности за поступок координатора. Потом он выпрямился и с восхищением увидел, как легко выдержал равным по глубине и продолжительности свой поклон Теодор Курита.

— Коннитива, Теодор Курита-сама. — Виктор заставлял себя произносить слова получше, зная, что в японском языке он не без недостатков, как и в работе с мечом. — Мне жаль, что вы увидели это нелепое представление.

— Почему? — покачал головой Теодор. — Вы оказываете честь моему сыну полным вниманием к его урокам, и оказываете честь Синдикату своим желанием изучить наши традиции, такие, как путь меча.

— Да, но вряд ли я оказал честь кэндзицу или моему сэнсёю этим выступлением. — Виктор выдавил из себя улыбку. — Ваши аплодисменты были вежливы, но смех моих друзей был более уместен.

Теодор слегка поклонился Виктору:

— Ваш удар по второму шару был неточен, но аплодировал я не этому. В конце упражнения вы, несмотря на все отвлекающие моменты, несмотря на унижение, не задумываясь, вложили меч в ножны. Присутствие духа, которое вы этим показали, редко когда встречается у кого-либо, воспитанного за пределами нашего общества или традиций Капеллы.

Виктор мысленно воспроизвёл свои действия. Он не думал, он просто действовал. Меч в ножны он вложил, поскольку это было правильно и своевременно. Даже мысли у него не мелькнуло с досады выругаться или швырнуть меч. Он, даже не заметив, закончил упражнение и вложил меч в ножны, не порезавшись — а ведь ему несколько раз случалось порезаться в куда менее напряжённой обстановке.

Теодор улыбнулся.

— Бывают случаи, принц Виктор, когда умение вернуть оружие в ножны важнее умения нанести удар. Резать и убивать может любой, но знание, что без крови и убийства можно обойтись, — это веха на пути к истинной мудрости.

— Благодарю вас, координатор. Мне хочется думать, что дорога, по которой я иду, — одна из тех, что приводит к мудрости. — Виктор раскрыл руки. — Кажется, вы встречали моих спутников. — Виктор кивнул на кузена. — Кай Аллард-Ляо.

Теодор поклонился Каю.

— Чемпион Соляриса. Вы были очень внимательны к моей дочери, когда она там у вас жила.

— Бывший чемпион, координатор. — Кай вернулся поклон, — Принимать у себя Оми было для нас удовольствием.

Виктор показал на человека слева:

— Морган Хасек-Дэвион.

— Мы встречались на Аутриче, координатор.

— Я это тоже помню, маршал Хасек-Дэвион.

Когда Теодор и Морган обменялись поклонами, Виктор повернулся к Джерарду Крэнстону.

— А это мой советник по разведке, Джерард Крэн斯顿.

Теодор поклонился в сторону Джерри.

— Рад познакомиться с вами, господин Крэн斯顿. У моей разведки есть очень подробное досье на вас, но оно едва ли отражает истинную вашу суть.

Крэн斯顿 улыбнулся, кланяясь в ответ:

— У всех есть свои тайны, координатор, и свои причины их хранить.

— Разумеется.

Виктор почти не сомневался: Теодор знает, что Джерард Крэн斯顿 был когда-то Галеном Коксом. Хохиро это знал, но он куда больше своего отца общался с Коксом на Аутриче семь лет назад, и потому легко разгадал обман. Принц ничего не имел против того, что Теодор знает правду, но замечание координатора насчёт его службы разведки наводило на мысль, что его люди тайны Крэнстона не знают. Виктору казалось вполне разумным, что координатор скрыл эти сведения от собственных разведчиков — главным образом потому, что это давало возможность их поразить или ткнуть носом при случае, но удивляла мысль, что Теодор оценил возможность это сделать. — «Синдикат действует по правилам, которые я вряд ли когда-нибудь пойму до конца».

Координатор поднял руки:

— Я пришёл сюда не затем, чтобы прерывать ваши занятия, принц Виктор, но, когда Хохиро мне сообщил, что вы будете здесь, я решил прийти и поговорить о делах, которые лучше держать подальше от жадных глаз и охочих ушей.

Кай прокашлялся:

— Если никто не возражает, я пойду выпью чего-нибудь холодного. Кто со мной?

Координатор покачал головой:

— Вам следует остаться, Кай Аллард-Ляо, и вам, маршал, и даже вам, господин Крэн斯顿. То, что я скажу, вы, несомненно, услышите от принца, и я не вижу, почему вам не услышать мои слова из моих собственных уст. Сказанное мною не будет предназначаться для широкой огласки, но и опровергать этого тоже не следует.

Теодор на секунду опустил глаза, будто собираясь с мыслями.

— Во-первых, я хотел бы принести вам свои соболезнования в связи с потерей матери и отца. С ним я был знаком лучше, чем с нею, но уважал обоих. Хэнс Дэвион, Лис, был постоянным источником беспокойства для Синдиката, и лишь благодаря невероятной удаче я не стал вашим вассалом. Ваша мать, Мелисса Штайнер-Дэвион, поразила меня тем, как смогла остановить схватку фракций, обратившись прямо к народу, которым она правила. Когда погас их свет, будущее Внутренней Сфера стала темнее.

Виктор попытался проглотить вставший в горле комок.

— Благодарю, координатор. Ваша дочь Оми была весьма любезна, появившись на похоронах моего отца и передав ваши соболезнования по поводу смерти моей матери. Я знаю, что оба они относились к вам с уважением, и им было бы приятно узнать, что это чувство было взаимным.

— Второе, о чём я хотел бы говорить, не погружено в печаль. — Теодор поднял голову и широко улыбнулся. — Ваши занятия кэндзицу с моим сыном, ваши уроки японского весьма меня радуют. Ваш отец знал Синдикат лишь с одной стороны. Для него мы были врагами, умеющими свирепо биться. Для него мы были убийцами его брата. Каково бы ни было его уважение к нам, гнев и опасение не давали ему нас понять. С его точки зрения мы были всего лишь народом воинов, с которым у него была война.

— Вы же, благодаря дружбе с моими сыном... — Теодор чуть запнулся, — ...и дочерью, можете постичь нас намного лучше. Ваш отец смотрел на символику меча и видел в ней воплощение наших воинственных намерений. Он знал о том, что в нашей культуре меч значит намного больше, но никогда не понимал этого полностью. Меч и право носить два меча отделяют благородных от простолюдинов. Это оружие войны, но, как вам известно, его может с успехом применять лишь тот, кто обучался этому, подчиняясь дисциплине. Точно так же требует учения и дисциплины искусство создания меча. И в этом искусство воина с мечом и искусство создателя меча стали парадигмой всего Синдиката.

Виктор медленно кивнул:

— Синдикат требует от своих людей дисциплины и усердия ради усиления государства. В нашем государстве для стимулирования людей мы используем частное предпринимательство и прибыль — мотив выгоды. Мы стимулируем старание предложением награды. Наша система работает хорошо в тех случаях, если выгода ситуации может быть определена, — иначе ничего не будет сделано.

— А у нас вещи невыгодные выполняются потому, что являются общественным долгом. — Улыбка Теодора стала чуть поуже. — Здесь есть свои недостатки, но эти традиции образуют сердце нашей культуры. Когда нашим границам всё время угрожают кланы, дисциплина и порядок весьма ценные, даже за счёт творческого духа и свободы.

— Ваш отец понимал это так же, как понимал необходимость порядка или закона военного времени, но не видел в этом лишь часть целого, как видите вы. Ваш отец проводил в жизнь большой план освобождения Синдиката от угнетения нашего режима, будто мой отец такой же безумец, как Максимилиан Ляо, — прошу прощения, Кай.

Кай покачал головой:

— Безумие моего деда не унаследовано моим родом, так что я не оскорблён.

— Домо аригато. — Теодор прищурился. — Ваш отец хотел освободить нас от того, что нас определяет. Синдикат не подобен кланам — он не машина, штампующая воинов. Мы — общество, почитающее путь воина ради той дисциплины и службы, которые воины оказывают нам. Они охраняют нас и дают пример самоотверженного исполнения долга перед обществом.

Виктор улыбнулся:

— Но Хохиро говорил мне о поэзии и искусстве, которые они создают, — хотя вряд ли вы увидите, как я порчу хороший кусок рисовой бумаги, разбрызгивая по нему чернила.

— Хокку всегда можно написать! — рассмеялся Хохиро.

— Верно, но я воспитан здесь, на Таркаде, и первым моим языком был немецкий, ja¹? —

¹ Да (нем.).

Виктор чуть помрачнел. — В немецком есть слова, которые сожрут все отведённые на хокку слоги, да ещё им и не хватит. Нет, это не мой вид искусства.

— Не важно, Виктор, что вы не нашли ещё свой личный способ выражения. Важно лишь понимание, что у вас есть возможность это сделать. — Теодор сложил руки на груди. — И это даст вам способность проникнуть в суть, на которую вряд ли мог надеяться ваш отец. Несмотря на это, ваш отец был прозорлив и хитроумен, что подводит меня к третьему вопросу.

— Семь лет назад на Аутриче собирались все правители великих домов Внутренней Сфера, как сейчас на Таркаде. Тогда мы с вашим отцом согласились, что наша междуусобная битва только вредит общей борьбе с кланами. И решили — разумеется, неофициально — воздержаться от нападений друг на друга, пока не будет устранина угроза кланов.

Виктор кивнул:

— Отец говорил мне о вашем соглашении.

— Хорошо. — Теодор встретился взглядом с Виктором. — Я хочу, чтобы вы знали: я намереваюсь придерживаться этого соглашения. Хотя я приветствую эту встречу и надеюсь, что она позволит Внутренней Сфере выступить против кланов единым фронтом, мы оба знаем, что главная тяжесть битвы с кланами падёт на нас и на вас. Пока мы едины, у нас есть база для сопротивления.

Виктор протянул Теодору руку:

— Я могу говорить только от имени своей половины Федеративного Содружества, но ни один мой солдат не нападёт на Синдикат, пока там остаются кланы. — Серые с голубыми точками глаза принца сузились. — На самом деле я вообще не думаю, чтобы войска под моим командованием когда-либо напали на Синдикат.

Теодор пожал его руку.

— Моё глубочайшее желание — чтобы ваше представление о мирном будущем стало реальностью.

— Пока я у власти, так и будет. — Виктор кивнул в сторону Хохиро. — Он превосходит меня на мечах и подбил мне глаз, когда мы боксировали, так что я из первых рук знаю, как умеют сражаться воины Синдиката. Зачем же мне посыпать против них своих людей?

Хохиро нахмурился.

— Ты руководил государством, Виктор. Это не оставляло тебе столько времени на тренировки, сколько мне или Каю.

Кай кивнул в знак согласия.

— И при этом ты отлично и быстро нас почти нагнал. Твоё высочайшее достоинство, Виктор, — ты умеешь учиться. Будь у тебя время, Виктор, ты дал бы не меньше, чем получил.

Хохиро рассмеялся:

— И тогда я бы рассказывал, как сильны воины ФедСода, и этим оправдывал бы своё нежелание зря проливать кровь.

Морган Хасек-Дэвион хрустнул пальцами.

— Я был бы счастлив, если бы и другие люди разделяли то же чувство насчёт бесполезности старого соперничества. И думаю, что эта конференция должна научить некоторых наших коллег именно этому.

Координатор поклонился Моргану.

— Конечно, это было бы мудро. Пусть наше единство поставит себе это первой задачей, а потом мы соединим усилия в борьбе с кланами. И пусть они узнают, как доблестны и свирепы воины Внутренней Сфера.

— Этот урок потребует усилий от учителей, — улыбнулся Виктор, кладя руки на рукоять катаны. — Но мы преподадим им его у них на дому. И скоро.

Большой бальный зал, Королевский дворец

Триада

Город Таркад, Таркад

Округ Донегол, Лиранский Альянс

1 октября 3058 г.

Только лишь когда начался торжественный приём делегатов Уайтингской конференции, Катрина Штайнер поняла, что роль хозяйки не из самых приятных. Стоя в дальнем конце большого бального зала, напротив струнного квартета, играющего камерную музыку, она поняла, что быть хозяйкой — значит провести с этими людьми куда больше времени, чем хотелось бы. — «И весь вечер я должна улыбаться, даже если мне того не хочется».

Хотя большинство этих людей были ей безразличны — от героя Ковентри генерал-лейтенанта Карадока Тревены и множества Аллардов-Ляо, сопровождавших Кэндес Ляо, — львиную долю её внимания поглощали те, кого она презирала. Тех, кого можно было не замечать, Катрина и не замечала, но всё время в поле зрения попадался кто-нибудь, кто её раздражал.

Пролетел мимо по танцевальному полу Томас Марик, генерал-капитан Лиги Свободных Миров, а с ним — его новая спутница, миниатюрная и изящная Шеррил Халас, темноволосая с глазами газели дочь Кристофера Халаса, герцога Ориентского. Халасы давно поддерживали семейство Мариков, обладая приличной долей голосов в парламенте, и ухаживание Томаса имело вполне понятный смысл. И Катрина не могла поставить этого ему в вину. Недавно Марик и самой Катрине делал авансы, но она просто оставила их без ответа. — «Шеррил Халас достаточно хорошенькая, чтобы утешить Мирика за то, что я ему не досталась».

Раздражала её в Томасе не беззастенчивость, с которой он притащил эту самую Халас на Таркад, а то, что он имел наглость ухаживать за женщиной, во всём похожей на его дочь Изиду, если не считать роста. Глядя, как Халас представляет её другим делегатам и чуть ли не хвастается ею, Катрина ощущала желание стиснуть зубы.

«Жаль, что у Шеррил нет того вкуса в одежде, что у Изиды. — Эта женщина нарядилась в жемчуга и чёрный бархат, но платье отстало от моды на много лет и было тем же самым, которое Катрина видела на голограмме, отображающей какой-то государственный акт на Атрее. — Да, люди Ориента известны своей практичностью, но это уже граничит с вульгарностью».

Из�다 Марик, облачённая в простое платье синего шёлка, скроенное по классическим греческим линиям, была одета лучше, но большего расположения у Катрины не вызвала. Она прибыла под руку со своим наречённым Сунь-Цзы Ляо, но вскоре оставила его одного, а сама собрала вокруг себя свиту обожателей из различных военных, собранных на конференцию. Изида смеялась шуткам офицеров, краснела в ответ на их комплименты и довольно часто до-трагивалась до чьей-нибудь руки или плеча, выражая свою радость от общества этого человека.

Катрина почти восхищалась, как непринуждённо эта девушка вертит мужчинами, но ей мешали две вещи. Первая — неприкрытые попытки Изиды очаровать Моргана Келла. Седовласый наёмник вполне благосклонно воспринимал её действия, но оставался совершенно безразличным. А Изида словно не замечала, что он неуязвим для её чар. Катрина знала, что этому человеку нечего предложить девчонке Марик, так зачем же она впustую тратила на него свою энергию?

А хуже того для Катрины было, что Изида постоянно следила, что делает Сунь-Цзы. И каждый раз, когда он на неё смотрел, делала что-нибудь, чтобы возбудить у него укол ревности. Сигналы были ясны любому, кто мог их прочитать, как и досада Изиды, что Сунь-Цзы вроде

бы не замечает. — «Она не глупая девочка; это видно хотя бы по тому, как ловко она вертит военными и чиновниками, но Сунь-Цзы она должна была бы уже обвести вокруг пальца».

А Сунь-Цзы явно имел чем заняться и без неё. Покрой вышитого шёлкового ханьского пиджака подчёркивал и азиатское происхождение, и высокое, худощавое сложение своего обладателя. Зелёные драконы, вившиеся по всей длине золотых рукавов, переливались при каждом движении молодого канцлера Капелланской Конфедерации. Когда он останавливался с кем-нибудь поговорить, по его лицу ничего нельзя было прочесть, но оно заострялось, когда он крадучись преследовал свою сестру.

«Никогда не верила, когда он изображал из себя идиота, — Катрина позволила себе скрыто улыбнуться. — Но верю, что его сестра полностью и неизлечимо сумасшедшая».

В маленьком теле Кали Ляо был приличный запас яда. Рыжеватые волосы она уложила на голове и закрепила таким количеством золотых шпилек, что они напоминали множество радиоантенн, шёлковое платье без рукавов было под цвет зелёных глаз, высокий мандаринский воротник и разрез до бедра справа. Кали была бы неотразима, но неспособность овладеть искусством хождения на каблуках начисто разрушала элегантность всего замысла.

В ответ на приветствие Катрины Кали что-то прошипела по-китайски. Слов Катрина не поняла, но взгляд Кали и её тон в переводе не нуждались. Кали не только была членом секты зверского культа тугов, но другие члены этой секты считали её аватарой своей богини. Девушка, очевидно, была настолько уверена в собственной божественности, что не давала себе труда быть вежливой с низшими. — «То есть почти со всеми людьми своей страны».

Тroe Куриt из Синдиката Дракона приложили все усилия, чтобы восстановить образ азиатского достоинства, разрушенный семьёй Ляо. Теодор, как всегда, излучал ауру безмятежной силы. Исполненный уверенности, красивый, с интеллектом, светящимся в тёмном взгляде как маяк, он не мог не привлекать к себе внимания. Катрина сразу поняла, почему её отец считал Теодора серьёзной угрозой Федеративному Содружеству.

Его сын Хохиро унаследовал привлекательную внешность отца, но ему, казалось, не хватало силы личности, которая исходила от отца. Война с кланами круто обошлась с Хохиро. Однажды он был взят в плен Дымчатыми Ягуарами, а потом на другой планете оказался отрезан от своих боевыми порядками Нова Котов. Если бы не усилия её брата, Хохиро был бы навек потерян для Синдиката, и его спасение стало ещё одним преступлением против Федеративного Содружества, за которое Виктору придётся когда-нибудь заплатить.

Катрина смотрела на Хохиро из-под прищуренных век. — «Какое же давление может он выдержать, пока не сломается?»

Оми Курита выглядела, как всегда, должным образом — строго и красиво, величественно держась за плечом отца. Катрина познакомилась с ней три с половиной года тому назад на Арк-Ройяле, а потом видела на Солярисе — Мире Игр. Тогда Катрине она понравилась, и, если бы не странный вкус женщины Курита в выборе мужчин, она, возможно, попыталась бы подружиться с Оми. — «Она сторожит дороги к власти в Синдикате. Сейчас дом Куриты думает лишь о кланах, но так будет не всегда. Жаль, что она влюбилась в моего брата».

Катрина улыбнулась шире — к ней сквозь толпу шла Кэндес Ляо, чтобы поприветствовать хозяйку.

— Герцогиня, — поклонилась пожилой женщине Катрина, затем пожимая поданную руку, — я так счастлива вас видеть. Надеюсь, вам и вашей свите удобно в доме Ильма.

Старшая женщина осторожно кивнула.

— Вполне удобно. Пожалуйста, передайте мою благодарность вашей «Альпийской производственной корпорации игрушек» за прекрасную обстановку игровой и детской. Мой внук просто оторваться не может от игрушек, а детская очень хорошо подошла внучке.

Катрине казалось невозможным, что Кэндес Ляо говорит о внуках, хотя выглядит никак не старше сорока лет. Катрина предположила, что седину скрыла краска для волос, а досье, которое разведка Лиранского Альянса вела на Кэндес, предполагало, что морщины ликвидированы косметической хирургией. Катрина в этом сомневалась, потому что видела остатки боевых

шрамов на левой руке, выглядывающей из короткого рукава. — «Если бы у неё хватило времени на косметическую хирургию, она бы и с этими шрамами разобралась». — Катрина думала, что прекрасный вид Кэндес — результат тайцзицюань, системы, которую она узнала почти тридцать лет назад от покойного мужа.

Кэндес улыбнулась, серые глаза светились умом и обаянием.

— Моего сына вы, конечно, знаете.

Катрина протянула руку Каю.

— Рада тебя видеть, Кай. Всё ещё помню, как ты потрясающее защищал свой титул на Солярисе. Невозможно было оторваться от этого зрелища.

— Вы очень добры, архонт. — Кай поднял её руку к губам и поцеловал пальцы. — Я отлично помню ваше посещение.

— Архонт? Пожалуйста, Кай, не надо. Я думала, что мы достаточно хорошо друг друга знаем, чтобы отбросить эту официальность. — «Ты достаточно предан моему брату, чтобы не называть меня по имени моей бабушки. Очень удобно иметь такой простой тест на верность».

— Катрина позволила себе приподнять брови. — А это, как я понимаю, твоя жена. Я Катрина Штайнер.

Черноволосая спутница, державшаяся под рукой Кая, крепко пожала руку Катрины.

— Дейрдра Лир. Счастлива познакомиться с вами, архонт.

— Наше счастье взаимно. Вы оставили свою фамилию — но ведь вы же доктор? Вы по-прежнему практикуете?

— Не сейчас. Я ведь...

Катрина прижала руку к груди:

— Ох, простите меня. Вы ведь только что родили ребёнка, не так ли? Дочку?

Кэндес кивнула:

— Ей только шесть недель.

Кай поглядел на Катрину:

— Её назвали Мелисса Аллард-Ляо, в честь вашей матери.

— В честь моей матери! — Катрина запнулась и позволила голосу упасть до приглушённого шёпота. — Это действительно большая честь.

Дейрдра Лир улыбнулась:

— Мы тоже так полагали.

В голубых глазах этой женщины Катрина увидела нечто, от чего ей стало неловко, и от этого нелюбовь к Лир, которая всего через полтора месяца после родов сумела восстановить фигуру настолько, что надела модное чёрное платье, стала ещё сильнее. — «Очевидно, чувства Кая к моему брату окрасили чувства Лир ко мне. Но она мать, и поэтому у неё есть слабость — её дети».

— Пожалуйста, доктор Лир, если есть что-нибудь, что вам понадобится на Таркаде, и вы меня об этом не попросите, я буду оскорблена. Если вы с Каём захотите куда-нибудь пойти хоть на вечер, я пошлю к ребёнку няню. Для меня это будет честью, никаких проблем. — Вспомнился ещё один факт из досье Дейрдры. — Я знаю, что вы руководили программой здравоохранения и образования в Сент-Ивском Объединении. Ваш коллега доктор Уилсон с удовольствием обменялся бы с вами файлами данных и даже учебными материалами, если вы найдёте на это время.

Катрина произнесла это предложение с обезоруживающей наивностью, заставшей Дейрдру врасплох.

— Я благодарна вам за предложение — то есть за оба предложения. — Дейрдра осторожно улыбнулась. — Мелисса ещё слишком мала, чтобы её оставлять, но с доктором Уилсоном я с удовольствием повидаюсь — когда ему будет удобно, конечно.

— Отлично, я ему скажу, — Катрина показала рукой в сторону столов с закусками. — Пожалуйста, наслаждайтесь гостеприимством Лиранского Альянса.

Семья Ляо удалилась. Катрина заметила свою младшую сестру Ивонну и с трудом подавила вздох. Ивонна, хотя и выше Катрины на пару сантиметров и легче на пару килограммов — от-

чего потрясающе смотрелась в своём платье, — выглядела настолько неуклюжей, насколько Кали Ляо казалась дикой. В свои девятнадцать Ивонна была красивой по любым меркам, с рыжими волосами, отцовским наследством, серыми глазами и гладкой, светлой кожей Мелиссы Штайнер-Дэвион.

«Ивонна, пора вылезать из раковины. — Для Катрины, которая была на семь лет старше, сестра всегда являлась чем-то средним между живой куклой и воспитанницей, хотя воспитывать её не очень получалось. Она позволяла Катрине одевать себя и делать себя красивой, но в основном соглашалась на это, зная, что Катрину не отговорить от того, что ей втёмняшится. Катрина знала, что сестра сдаётся, но не соглашается, хотя это её не очень беспокоило. — Если ты такая бесхребетная, что не можешь от меня отбиться, то я не могу тебя использовать, зато никто не сможет использовать тебя против меня».

Позади Ивонны стоял Виктор, разговаривая с генерал-лейтенантом Тревеной и высоким человеком, который сопровождал на конференцию Ивонну от самого Нового Авалона. Танкред Сандоваль возвышался над Виктором сантиметров на двадцать, и Виктор на фоне грубоватой красоты его лица казался мальчишкой. Сильнее всего на лице Танкреда выделялись янтарные глаза; они напоминали Катрине глаза котов, и это сходство ещё усиливалось свойственной Сандовалю текучей грацией и совершенством Танкреда в древнем искусстве фехтования — это Катрин видела по головизору.

Но в глазах Катрины Сандаваля затмило внезапное появление Фелана Келла. Несмотря на официальность ситуации — а может быть, именно из-за этого, — Фелан надел кожаные одежды клана Волка, и эти серые одежды облегали его тело туже, чем самые узкие платья самых отчаянных модниц в этом собрании. Катрина не могла не признать за своим кузеном такое прекрасное телосложение, что даже эти ужасные кожи ему шли, хотя Катрина не считала его особо привлекательным. — «Не то чтобы плохой ансамбль, но глаза всё портят».

В зелёных глазах Фелана стояло неподдельное отвращение.

— Архонт Катрина, как великодушно с вашей стороны пригласить на этот приём меня и моего отца. Я весьма польщён, что наше приглашение сюда не потерялось, как было с нашим приглашением на конференцию.

— Хан Фелан — вы всё ещё хан, не правда ли? — Катрина заставила себя говорить ровным голосом. — Вряд ли вы усомнились бы в мудрости решения не приглашать противника на конференцию, единственная цель которой — избавление от этого самого противника.

— Нисколько, хотя это вряд ли объясняет, почему не приглашён мой отец. — Фелан скромно улыбнулся. — Катерина, я не поверю, будто твоя разведка забыла тебе доложить, что я и мой народ сами находимся в состоянии войны с кланами. Враг моего врага — мой друг.

— Мне трудно себе представить, что ты назвал бы себя моим другом, кузен.

Фелан быстро кивнул:

— Очень хорошо, Катерина, просто прекрасно. Я уже и забыл, насколько ты быстро соображаешь.

— А такое вряд ли стоит забывать, Фелан.

— Согласен. — Фелан прищурился. — Я только надеюсь, что ты используешь свои мозги на благо Внутренней Сфера и объединишь её вместо разрушения.

— На это ты можешь рассчитывать, Фелан. Моя цель — объединить Внутреннюю Сферу. — Катрина чуть с хитрецой улыбнулась. — «А когда я это сделаю, для таких, как ты, там места не будет, милый мой кузен. В этом можешь не сомневаться».

Большой бальный зал, Королевский дворец

Триада

Город Таркад, Таркад

Округ Донегол, Лиранский Альянс

1 октября 3058 г.

Виктор Штайнер-Дэвион согласно кивнул на слова Танкреда Сандаля и ответил:

— Вы правы, утверждая, что японцы делают упор на рубящих ударах, а европейцы на колющих ударах и выпадах, и это серьёзное различие между стилями, но есть и более глубокие.

— Это я понимаю, ваше высочество, — легко улыбнулся барон Робинсон. — Я слышал теорию, что японский стиль работы с мечом в чём-то ближе к чистому искусству, чем наш. Согласен, фехтование — это спорт, и даже моя специальность, шпага, имеет свой стиль, но сравнивать фехтование с кэндзицу мне кажется нечестным. В кэндо набор правил настолько же строг, как и в фехтовании. Разумнее было бы сравнить эти два вида.

В словах Танкреда Виктор уловил смесь усмешки и гордости, очень подходившей этому человеку. Семья Сандалей издавна возглавляла марку Дракона — часть Федерального Содружества, имеющую самую длинную границу и самую кровавую историю борьбы с Синдикатом Дракона. — «Многие жители марки Дракона назовут уголь белым, если Курита назовёт его чёрным, но Танкред умеет сдерживать свой шовинизм».

— Но если фехтование и кэндо лучше подходят для сравнения, то какая из западных традиций должна соответствовать кэндзицу?

Танкред улыбнулся:

— Я думаю, Док ответит на это лучше меня.

Виктор повернулся к своему военному советнику:

— Что скажешь?

Док Тревена кивнул, потрогал пальцем свой огромный нос и лишь потом произнёс:

— В Японии катана появилась очень давно и за много веков претерпела мало изменений. Японцы сначала довели оружие до совершенства, а потом отточили технику боя до высокого искусства.

— Кэндзицу, — кивнул Виктор.

— Да, ваше высочество. — Док Тревена нахмурился на секунду и опустил внимательный взгляд карих глаз, сосредотачиваясь. — В Европе же меч всё время совершенствовался. Оружие менялось, и появлялись новые стили. Например, появление рапиры произвело в Европе революцию, изменившую мечный бой при жизни одного поколения. В результате у нас нет искусства битвы на мечах, подобного кэндзицу, поскольку не было многовековой традиции боя одним и тем же оружием.

Танкред сложил руки, соприкоснув их кончиками пальцев.

— Так позвольте тогда задать вопрос, от которого ваше объяснение уклонилось. Какой способ боя лучше?

Док Тревена покачал головой:

— Это как яблоки и апельсины. Единственные, кто сражался и против европейского, и против японского оружия, — монголы, и им, в общем, было наплевать, против кого они бились. Их сражения с самураями показали, что японский стиль был изощрён и ритуализован, — он действовал против тех, кто играл по тем же правилам. Но монголы вообще никаких правил не признавали. Против сил арабов и европейцев монголы применяли высочайшую мобильность

и чувство тактики — с большим успехом. Тактическое маневрирование в те времена было в зачаточном состоянии, хотя три величайших тактика той эпохи были современниками: Чингисхан, Джон Лекленд Английский² и Саладин. Интересно было бы посмотреть, как бы они сражались друг с другом.

Танкред подмигнул Виктору:

— Теперь я понимаю, почему он у вас военный советник.

— Он своё дело знает.

— Извините, благородные господа, если я вам наскучил. — Док состроил испуганное лицо.

— Группа изучения тактики, которую я собрал, провела самый полный анализ тактики и военного искусства за всю историю человечества, разыскав всё, что есть в надёжных источниках. Мы промоделировали практически все гипотетические ситуации — например, если бы в 1941 году русскими войсками командовал Чингисхан, немецко-русская война была бы куда короче.

— А допускали ли вы, что сталинских чисток командного состава не было вообще или что они были в намного меньшем масштабе? — вступила в разговор брата с Танкредом Ивонна Штайнер-Дэвион. — Я читала, что отсутствие грамотного руководства да ещё выход за подготовленные оборонительные рубежи и были причиной первоначальной катастрофы Советов — так тогда назывались русские в то время.

Док моргнул, удивлённый.

— Мы, разумеется, должны были допустить, что командиры частей мыслили как монголы, и потому да, фактически мы смягчили чистки. Но даже без этого наличие мобильности и её использование заметно снизили бы опустошительный эффект наступления нацистов.

Ивонна приподняла бровь:

— А если бы ваше моделирование было сделано в допущении, что зима наступила позже и не была такой суровой?

Док передёрнулся:

— Тогда бы фрицы и джапы гоняли грузы по Транссибирской магистрали от Гиммлерграда до Адольфвостока.

Виктор сдвинул брови и поглядел на сестру:

— Я думал, ты в Новоавалонском институте наук изучаешь введение в право.

— Так и есть, Виктор. — Она положила правую руку ему на левое плечо. — Ты хотел, чтобы я это изучала, и потому я так и делаю. Но есть и факультативные курсы, ты же знаешь. А Танкред сказал, что если я прослушаю достаточное их число, то смогу получить степень магистра по истории или политологии в ближайшие два года в НАИН.

Танкред пожал плечами:

— Её высочество мне сказала, что ей на занятиях скучно. Большинство вводных курсов для неё слишком просты, и она сейчас посещает семинары для выпускников. Средний балл у неё на два пункта отстаёт от высшего.

Виктор покосился на сестру:

— И в чём же отставание?

Ивонна пожала плечами, резко опустив их.

— Для получения диплома есть требования по физической культуре. Я занималась на курсах фехтования у Танкреда и еле-еле сдала.

Барон Робинсона поднял руку, предупреждая возможные вопросы Виктора:

— Вашей сестре слегка не хватает координации движений.

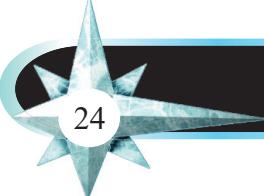
— Просто она вымыхала за последние четыре года, — улыбнулся Виктор. — Было время, когда мы смотрели друг на друга глаза в глаза.

Ивонна вспыхнула.

— Ну, извини.

— Не стоит извиняться, с этим ничего не поделаешь. — Виктор пожал плечами. — Зато мои портреты на монетах — в натуральную величину...

² В отечественной историографии известен как Иоанн Безземельный. (Прим. ред.)

Все засмеялись. Виктор нежно потрепал руку сестры, лежащую у него на плече.

— Ты хорошая девочка, Ивонна.

— Боюсь, слишком хорошая, ваше высочество, — покачал головой Танкред. — В поединках другие студенты избегали её атаковать, но она отказывалась использовать возможности, которые они ей предоставляли.

— Вы относите к нежеланию то, что вполне можно отнести к неспособности, — чуть виновато улыбнулась Ивонна. — Попадание в точку остриём метрового куска стали — это ваша сильная сторона, барон Сандоваль, но не моя.

— Вас нельзя назвать неспособной, ваше высочество. Иначе я не стал бы с вами заниматься.

Виктор сморщил лоб, хмуро посмотрев:

— А я не знал, что ты преподаёшь в НАИНе, Танкред. Я думал, твои обязанности в секретариате внутренних дел не дают тебе минуты свободной.

— Они действительно не дают вздохнуть, но командант Аллин Хасек — тренер команды фехтовальщиков Новоавалонской военной академии. Мы с ним были вместе в командах по фехтованию на Олимпиаде 3038 года, оба тогда были в возрасте вашей сестры и горды неимоверно. Тогда мы были соперниками и с тех пор остались друзьями-соперниками. Он уговорил меня тренировать команду НАИНа, а чтобы иметь такую возможность, я должен был вести хотя бы один курс. — Танкред улыбнулся. — Особо уговаривать меня не пришлось — мне уже надоело смотреть, как команду НАИНа каждый раз выносят.

Хмурый взгляд Виктора сменился улыбкой.

— А мне надоело, что меня во множестве видов боевых искусств превосходят Хохиро Курита и Кай Аллард-Ляо. Может, приедешь и поучишь нас фехтованию? А ты мог бы у Хохиро поучиться кэндзюцу.

— Мне эта мысль не кажется удачной, ваше высочество.

— Почему?

Ивонна тяжело вздохнула.

— Виктор, ты забыл, что Танкред с Робинсона. Его отец командует обороной марки Дракона. Если Танкред будет общаться с Хохиро Куривой, пойдут слухи.

Танкред пожал плечами:

— Глупо, но правда. Мой народ не доверяет Синдикату, хотя мы уже семь лет живём в мире.

— И мир продлится, можешь мне поверить, — сказал Виктор. — Я тебе вот что скажу: рассматривай своё общение с нами как выполнение приказа, а ответственность я принимаю на себя. Мы изобразим дело так, будто тебе пришлось защищать честь Федеративного Содружества, поскольку мне это точно не удаётся. — Принц потрогал фонарь под глазом. — Мне твоя помощь очень понадобится.

Танкред мгновение подумал и кивнул.

— Очевидно, что отказаться я не могу, а потому и не буду. И я очень благодарен, что вы поняли щекотливость моего положения.

— Это часть моей работы, не так ли? — улыбнулся Виктор и пожал руку Танкреду. — Я скажу, чтобы тебе передали наше расписание. А теперь, если вы меня извините, я пойду повидаться с людьми, с которыми должен поговорить.

Он отошёл от кружка собеседников и стал пробираться туда, где стояли Хохиро и его сестра Оми. На ней было платье розового шёлка с короткими рукавами и высоким воротником, свободно подпоясанное синим шнуром, подходящим под цвет её глаз и к изображению спиралевидно-го вихря вышитых на блестящем платье звёзд, скрывавшего её гибкое тело. Чёрные волосы были забраны на затылок и удерживались синим бантом, но Виктор едва это заметил, поглощённый видом её обнажённой шеи. Ему хотелось всю эту шею покрыть поцелуями.

«Танкред опасается, что уроки фехтования для Хохиро вызовут недовольство в марке Дракона, а что было бы, уступи я своему капризу?»

Виктор встярхнул головой и подошёл к брату и сестре, поклонился:

— Комбанва.

Хохиро и его сестра вежливо ответили:

— Добрый вечер, Виктор. — Хохиро заглянул через его плечо. — Эта женщина с рыжими волосами — твоя сестра Ивонна?

— Разве вы не знакомы? — Виктор обернулся туда, где стояла Ивонна с Доком и Танкредом.

— Я буду рад вас представить.

— Я был бы счастлив познакомиться с ней, и достаточно долго знаю Дока, чтобы просить меня представить, — улыбнулся Хохиро. — Если ты окажешь мне честь побыть с моей сестрой, пока меня не будет...

— Это честь для меня, Хохиро. Только учти: тот, второй, — это Танкред Сандоваль. — Виктор улыбнулся. — Этот человек будет учить нас фехтованию, и он хорошо в нём разбирается.

— А поскольку Сандоваль из марки Дракона, он несколько насторожённо отнесётся к общению с Куритой, — кивнул Хохиро. — Понимаю. Спасибо за предупреждение.

— Меньше всего мне нужно, чтобы брата по оружию застали врасплох. — Принц похлопал Хохиро по спине и занял его место рядом с Оми. — И как вы чувствуете себя сегодня вечером, Оми-сама?

— Спасибо, намного лучше. — Хотя на губах её улыбка была еле заметна, сапфировые глаза лучились. — Я удивилась, что вас не встревожило желание моего брата познакомиться с вашей сестрой.

— А должно было?

— Когда мой отец был в возрасте Хохиро, они с матерью уже семь лет были женаты и имели двоих детей. — Оми поглядела в другой конец зала, где Док представлял Хохиро. — На Хохиро всё сильнее давят, чтобы он подумал о будущем и дал наследника трону Дракона. Вашу сестру нельзя назвать непривлекательной.

Виктор нахмурился, встал на носки, чтобы увидеть Хохиро.

— Вы шутите?

— Почему? В прошлом поколении мысль о свадьбе Куриты и Дэвиона была бы невозможна.

— И в Синдикате так резко поменялись взгляды?

— Нет, — Оми покачала головой, будто что-то для себя решила. — Но Ивонна также и Штайнер. Это уже более приемлемо.

Виктор начал было отвечать, но замолчал, когда у Оми вырвался смешок, не удержавшись в ладошке. Он пристально посмотрел ей в глаза и не смог сдержать улыбку.

— Вы с братом это подстроили?

Она чуть покачала плечами.

— Эта мысль пришла нам в голову, когда мы увидели, что вы направляетесь к нам. Пожалуйста, не беспокойтесь. Вашей сестре Хохиро не опасен.

— Мне совершенно нечего бояться вашего брата — кроме как на ринге, конечно.

Оми подняла руку и погладила его щёку.

— Вижу. Сильно болит?

Сходство этого движения и того, как коснулась его щёки Катерина, поразило Виктора, но тут же стал ясен контраст. — «Катерина тронула синяк, будто это мазок грязи, который можно стереть. Оми это сделала с большей заботой и нежностью».

— Уже не болит. — Виктор огляделся. — Здесь много любопытных глаз. Вы не согласились бы прогуляться со мной по саду?

— Я была бы рада, но климат Таркада несколько... Мне ещё надо акклиматизироваться, и хотя всё тает, всё-таки пока холодно. — Оми кивнула в сторону двустворчатой двери, ведущей в тёмный сад. — Вряд ли кто-нибудь ещё захочет сейчас искать там приключений.

Виктор уловил в этих словах второй смысл. — «А если мы пойдём вдвоём, без сопровождающих, это сочтут неподобающим».

— Конечно, вы правы, Омико. Я здесь вырос, и эта погода кажется мне чудесной, но я понимаю, что не каждый с этим согласится. Может быть, потом, в ходе конференции, я смогу убедить вас.

— Я буду очень благодарна за ваши усилия в этом направлении. — Оми слегка прищурилась. — И это время доставит мне куда больше удовольствия, чем сегодняшний вечер, когда я как на витрине.

Виктор не успел ответить, как подошли, улыбаясь на ходу, Морган Хасек-Дэвион с женой. Ким с любовью держала мужа под руку, и Виктору вспомнились родители на таких же приёмах. Морган в чёрной с золотом форме 1-го полка Катильских улан и его жена в золотом платье с чёрной отделкой смотрелись идеальной парой, превосходящей по элегантности всех присутствующих. Белые локоны прятались в золотых волосах Ким, а в рыжей гриве Моргана светилась седина, но в глазах и улыбках у них сияло столько жизни, что нельзя было сказать, будто этой паре по пятьдесят пять лет.

— Надеюсь, Виктор, я не помешал, но Ким сказала, что в зале приёмов стало чуть тесновато. Я предложил ей уйти и пройтись по галерее, где твоя бабушка собирала бронзу. — Морган кивнул назад, на ведущую в галерею дверь. — Солдаты у входа сказали, что туда доступа нет.

Виктор заморгал:

— Они не позволили вам войти?

— Нет. Но я подумал, что тебе они вряд ли откажут. — Морган ухмыльнулся. — Если бы ты захотел показать бронзу высокородной Оми, я с Ким могли бы вас сопроводить.

Оми слегка улыбнулась и опустила глаза.

— Я бы с радостью полюбовалась бронзой, но не хочу мешать тому времени, которое вы можете провести с женой, маршал Хасек-Дэвион.

Ким протянула руку и коснулась руки Оми.

— Это не будет помехой. Я отлично помню, как себя чувствовала во время знакомства с Морганом — как в стеклянной банке. Он тогда был наследником Хэнса Дэвиона и самым блестящим женихом во всей Внутренней Сфере — Хэнс, если выпомните, был тогда помолвлен с Мелиссоид. У меня всегда было такое чувство, будто все на меня таращатся — кроме как когда была с друзьями. Пройтись с вами и с Виктором по галерее — это и значит быть с друзьями, и потому чудесно. А если Морган мне правильно эту галерею описал, то мы там вполне можем потеряться и друг друга не видеть.

Виктор посмотрел на Моргана:

— Я ценю твою попытку, Морган.

— Виктор Дэвион, ты можешь думать, будто я пытаюсь дать тебе и высокородной Оми ускользнуть от любопытных, но ты сильно недооцениваешь моё желание действительно показать жене галерею. В конце концов, ты же должен знать, сколько времени мы провели в разлуке и сколько нам ещё предстоит провести. — Морган взял Ким за руку. — И должен понимать, как мне дорого время, проведённое с женщиной, которую я люблю.

Оми сложила ладони:

— Виктор, я думаю, мы не можем отказать этим людям в помощи. Это было бы в высшей степени неблагодарно и грубо.

— Ты, Оми, как всегда, мудра не менее, чем прекрасна, — улыбнулся ей Виктор. — Твоего брата и мою сестру позовём?

Оми приподняла бровь.

— Боюсь, Хохиро не слишком интересуется бронзой. Этот недостаток следует исправить, но не сегодня вечером.

— Да, не сегодня, — Виктор махнул рукой в сторону двери. — Если вы пройдёте со мной в галерею бронзы, для меня будет удовольствием — невероятным удовольствием — показать вам её чудеса.

Большой бальный зал, Королевский дворец

Триада

Город Таркад, Таркад

Округ Донегол, Лиранский Альянс

3 октября 3058 г.

Виктор оглядел помещение и поразился, как люди его сестры за два дня преобразили большой бальный зал в комнату для совещаний. Столы делегаций были расставлены восьмиугольником. За главными столами уходили вверх амфитеатром несколько колец столов и стульев. На всех столах стояли терминалы для данных, под столами змеились соединявшие их кабели.

В вершине восьмиугольника на возвышении стояла трибуна, и спина выступающего была обращена к лестнице, ведущей вниз, в зал. Штандарты всех представленных на конференции государств были расставлены у лестницы, образуя фон для выступающего, а в середине восьмиугольника висел круг из голограммических экранов, так что любые данные, которые оратор хотел бы сообщить аудитории, можно было легко показать. Ещё зал был полон сотрудников службы безопасности от каждого государства, так что, несмотря на спину, обращённую к лестнице, оратор был неуязвим.

«К тому же все нападения будут изнутри, а не извне восьмиугольника». — Слева от возвышения стоял стол для представителей КомСтара и Свободной Расальхагской Республики. Принцу Хаакону Магнуссону и регенту по военным вопросам предоставили равный статус, хотя государство Магнуссона было почти завоёвано кланами и существовало лишь благодаря победе КомСтара на Тукайиде. КомСтар фактически превратил семь оставшихся систем Расальхага в протекторат, и присутствие Магнуссона было всего лишь любезностью КомСтара.

Стол Виктора стоял рядом, и он не сомневался — сестра поместила его здесь, чтобы он и его делегаты вынуждены были поворачиваться к оратору. Конечно, это не было серьёзной трудностью — всего лишь небольшим неудобством, которые так досаждают в жизни. — «Она хочет меня отвлечь, но не понимает, что понадобится нечто большее, чтобы сбить меня с цели. — Виктор улыбнулся. — Конечно, мне придётся попросить Моргана Хасека-Дэвиона пересесть слева от меня, чтобы мне был виден помост».

Слева от стола Виктора стоял стол, изначально отведённый для Сент-Ивского Объединения. За ним продолжали сидеть Кэндес Ляо и Кай Аллард-Ляо, но Кэндес любезно уступила половину стола Моргану Келлу и его сыну Фелану. Это давало оборонительному кордону Арк-Ройяла статус суверенного государства, против чего, как Виктор был уверен, сестра станет возражать. Хотя Сент-Ивское Объединение невелико, а Арк-Ройялский оборонительный кордон не выходил из Лиранского Альянса, предводители обеих групп, как и военный регент, были самыми закалёнными и опытными воинами из всех, что имелись в наличии.

За ними, поставленный лицом прямо к оратору, находился стол Лиранского Альянса. Сделанный из того же светлого дуба и по форме точно такой же, как другие, он всё-таки чем-то отличался. Виктор заметил, что и золотые волосы его сестры сияют как-то ярче. Подняв голову, он заметил пару точечных прожекторов в созвездии светильников. — «Эта иллюминация должна подчеркнуть озарение Катерины. Интересно, лучи прожекторов будут сопровождать её на трибуну?»

Томасу Марику был отведен стол слева от Катерины. Виктор счёл любопытным, что Изида Марик предпочла сидеть с отцом, а не с наречённым, Сунь-Цзы. — «Что-то это должно значить. Надо будет спросить Джерри, какие выводы он сделал». — Виктор понял, что Изида

на самом деле загадка. Он встречался с ней несколько лет назад на Аутриче, но она всегда держалась в тени отца или жениха.

Виктор медленно улыбнулся. — «Интересно, как бы она отреагировала, узнав, что сидящий рядом с ней человек — не отец ей и не законный наследник генерал-капитанства Лиги Свободных Миров?» — Генетические тесты, проведённые в Новоавалонском институте наук, показали с полной уверенностью, что Томас Марик, возглавляющий Лигу Свободных Миров, — вообще не Марик. Хотя никто не мог точно сказать, откуда взялся этот человек, Виктор не сомневался, что он — двойник, которым КомСтар заменил мёртвого или умирающего Томаса Марика после покушения в 3035 году. Может быть даже, что настоящий Томас до сих пор где-то жив.

Ирония момента состояла в том, что лже-Томас оказался куда более умелым, чем почти любой из истинных Мариков, его предшественников, и под его правлением Лига расцвела и набрала силу во Внутренней Сфере. Грядущий брак Изиды и Сунь-Цзы объединит Лигу Свободных Миров с Капелланской Конфедерацией, создаст огромное государство и смертельного врага Федеративному Содружеству Виктора. — «И подарить им на свадьбу бомбу вызовет неодобрение общественности».

Прямо напротив стола Федеративного Содружества стоял стол Синдиката Дракона. Хохиро Курита сидел справа от отца, а Наримаса Асано, ставший последнее время одним из ближайших советников координатора, — слева, Оми сидела позади и выше отца в первом ряду кресел вокруг восьмиугольника. Виктор поднял глаза и, кажется, перехватил её взгляд, но не был в этом уверен: еле заметная улыбка на её лице могла появиться и по тысяче других причин.

Замыкал восьмиугольник стол Капелланской Конфедерации. Там сидели Сунь-Цзы и Ву Кан Кую, командир «Рейдеров Харлока». Это была единица Ляо, посланная на Ковентри, и на конференции они присутствовали по приглашению Сунь-Цзы. До Ковентри Капелланская Конфедерация не посыпала свои войска против кланов. Виктор нашёл, что Ву — человек очень разумный и дальновидный. — «Может быть, он сможет втолковать Сунь-Цзы некоторые разумные вещи».

Регент по военным вопросам КомСтара Анастасий Фохт взошёл на возвышение и приблизился к кафедре. Он стоял, высокий и худой, не согнувшись под грузом лет. Густые белые волосы создавали резкий контраст чёрной повязке через правый глаз. Оставшийся глаз был бледно-серым и глядел холодно и сильно. Военный регент оглядел руководителей и советников, улыбнулся и, как показалось Виктору, стал ещё выше.

— Прошу тишины. Первое заседание Уайттингской конференции объявляю открытой. Как вы знаете, я Анастасий Фохт, регент по военным вопросам КомСтара. Я видел битву с кланами с обеих сторон: сперва как посол КомСтара у кланов, потом — как защитник Тукайида. Успешная оборона Тукайида дала пятнадцать лет перемирия, из которого мы упустили более шести лет. Именно тогда надо было провести эту конференцию или ей подобную, чтобы обсудить общие интересы и проблемы. Задержка эта прискорбна, но не является фатальной ошибкой, которую нельзя исправить.

Фохт подтянул рукава синего френча, потом разгладил наброшенную на плечи золотую мантию. Золотая с гематитом эмблема КомСтара — овал с двумя удлинёнными бриллиантами на нижнем конце, — застёжкой замыкала мантию на горле. Глубокий грудной голос Фохта наполнял зал, и он казался вполне заслуживающим своей репутации легендарного воина вроде Александра Керенского.

— Мы знаем, что такое кланы и откуда они взялись. Три века назад, когда Александр Керенский с помощью сил обороны Звёздной Лиги подавил государственный переворот Амариса, он знал, что Звёздная Лига скончалась. Различные государства-члены стали соперничать за господство, каждый лидер хотел восстановить Звёздную Лигу и стать в её главе. Керенский понимал, что подогреваемая в странах-участницах националистическая горячка разрушит СОЗЛ, а потому взял войска с собой и покинул Внутреннюю Сферу.

— Этот исход вывел СОЗЛ за пределы Внутренней Сферы, но Керенский не мог излечить своих людей от присущей им тяги к насилию. Несмотря на все его старания, его последователи всё-таки втянулись в войну и чуть не истребили друг друга.

Фохт сделал паузу, давая слушателям прочувствовать ужас момента.

Виктор покачал головой. — «То, что сделали с собой СОЗЛ, государства Внутренней Сфера сделали друг с другом. Отбросили друг друга если не в каменный век, то чертовски близко к промышленной революции». — Только тридцать лет назад был найден банк памяти эпохи Звёздной Лиги, и очень многое после этого вышло из разряда «утрачтекс». Виктор, родившийся после этого открытия, не так сильно испытал на себе явление утерянных технологий, но понимал, что многие из сидящих рядом с ним слишком хорошо помнят, что это значит.

— Сын Александра Николай принял бразды из рук отца и додумался до способа сохранить СОЗЛ. Он создал кланы и переделал общество СОЗЛ в такое, в котором воины — высшая каста и смысл существования всех остальных каст. Целью его было создать самых совершенных воинов, а это означало специальные евгенические программы, суровые испытания и направление почти всех ресурсов на модификацию и разработку систем оружия.

— В кланах возникли две фракции: крестоносцы и хранители. Хранители считали, что их работа — защищать Внутреннюю Сферу, они придерживались первоначальной цели СОЗЛ. Крестоносцы же верили, что их долг — восстановить Звёздную Лигу и покарать тех, кто её разрушил. Фракция крестоносцев с годами набрала силу, и это привело к вторжению во Внутреннюю Сферу.

Фохт кивнул Виктору:

— Три месяца тому назад на Ковентри принц Виктор Дэвион утверждал, что успех кланов против нас частично связан с тем, что они навязывают нам битвы на наших мирах, заставляя нас оборонять те цели, которые сами выбирают. Мы упустили из виду эту истину, несмотря на то, что Федеративное Содружество и Синдикат Дракона с её помощью нанесли кланам поражение на Твикроссе и Уолкотте соответственно. Но мы более не слепы, и мы собирались создать единый фронт против самого страшного врага, угрожавшего когда-либо Внутренней Сфере. Настало время перенести войну на территорию кланов.

Военный регент поднял два пальца.

— Для этого нам нужны две вещи, два результата нашей конференции. Первый — создание единой военной силы, которой будет поставлена задача перенести войну к кланам. В материалах, любезно предоставленных архонтом Катриной, вы можете увидеть, что в программе предусмотрены, помимо политических заседаний, ещё и заседания военного планирования. Группа планирования доложит настоящему собранию свои выводы, хотя многие из вас будут участвовать в её работе лично или будут представлены своими военными советниками.

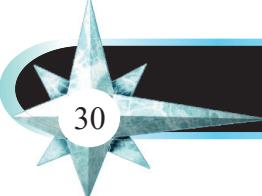
— Второй результат, который нам нужен, — политический. Это решение, которое потребует консенсуса и даст нашим военным мощное оружие против кланов. Без него военная операция остаётся возможной, но её эффективность будет резко снижена. В этом случае окончательный результат, к которому мы стремимся, — уничтожение угрозы со стороны кланов, — вероятно, не будет достигнут.

Фохт оглядел зал.

— Наша политическая цель — восстановление Звёздной Лиги.

Хотя Виктор и знал, что будет сказано, услышать это в речи военного регента было потрясением. — «Три столетия, с самой попытки Стефана Амариса узурпировать власть в Звёздной Лиге, каждое национальное государство спало и видело, как взгромоздить на этот трон задницу своего вождя. Быть первым лордом Звёздной Лиги — эта честолюбивая мечта заставила моего отца начать две войны. Без счёта людей погибло в наследных войнах, и вот теперь ради выживания Внутренней Сфера мы должны бескровно добиться того, чего не смогли сделать столетия войны».

— Причины, требующие восстановления Звёздной Лиги, просты и довольно тонки, но, тем не менее, они жизненно важны. Кланы тянутся душой к прошлым дням Звёздной Лиги и не признают нашей власти, поскольку наши предки разрушили Звёздную Лигу. Восстановив её, мы лишим их основного рассуждения о своей миссии и о нас. Находясь под единым командованием Звёздной Лиги, наша военная сила получит полномочия, которых у неё раньше

не было. Кланам, вынужденным противостоять войскам Звёздной Лиги, придётся задаться вопросом о миссии, которую они почти что считают священной. Проиграв кампанию Звёздной Лиге, они осознают, что разбиты силой более легитимной во Внутренней Сфере, чем они.

Справа от Фохта поднялся Сунь-Цзы:

— Простите, что перебиваю вас, регент по военным вопросам, поскольку то, что вы говорите, весьма интересно. Но прежде чем обсуждение пойдёт дальше, есть процедурный вопрос, который необходимо разрешить. — Он протянул руку, показывая на противоположную сторону восьмиугольника, где сидели Кэндес Ляо и Морган Келл. — Как можно обсуждать восстановление Звёздной Лиги, если среди присутствующих есть люди, не имеющие легитимного статуса? Мне могут возразить, что Сент-Ивское Объединение своими двадцатью девятью годами псевдонезависимости заслужило место среди нас. Но Арк-Ройялский оборонительный кордон такой истории не имеет, он даже не объявил себя независимым от Лиранского Альянса, а правит им человек, сын которого — клановский квислинг. Арк-Ройял приютил у себя клан Волка, тот самый клан, который больше всего вреда принёс Внутренней Сфере, и его хан сидит за спиной своего отца, готовый передать повелителям своего клана всё, что мы планируем.

Смех Фелана Келла прорезал гул, взлетевший после замечания Сунь-Цзы.

— Регент по военным вопросам, может быть, вы подтвердите для канцлера Капелланской Конфедерации, что я, вопреки моему присоединению к кланам, не подчиняюсь им. Мои люди и я — мы хранители, и мы вели войну против Нефритовых Соколов, войну, опустошившую их.

Нефритовые глаза Сунь-Цзы сузились в щёлочки.

— Если они были настолько опустошены, может быть, вы объясните, как они смогли напасть на Ковентри?

— Я бы предпочёл напомнить канцлеру, что именно по совету Волка, одного из моих Волков, было найдено решение ситуации на Ковентри.

— Решение, — отпарировал Сунь-Цзы, — которое позволило Нефритовым Соколам уйти с планеты невредимыми!

Виктор нахмурился. — «Тытворишь чудеса, укрепляя свою репутацию идиот!»

Военный регент поднял руки:

— Ваши возражения по поводу Фелана Келла безосновательны, канцлер. Он обладает бесценной информацией о кланах, без которой планировать какую бы то ни было операцию против них — безумие. Я верю ему полностью и безоговорочно.

Тут прищурил глаза Томас Марик:

— Я считаю, регент по военным вопросам, что канцлер поднял серьёзный вопрос о присутствии на нашем собрании Моргана Келла. Ни он, ни его сын не были приглашены нашей хозяйкой — их пригласил её брат. Присутствие Моргана Келла явно предназначено для того, чтобы её разозлить, хотя надо отдать ей должное — она слишком хорошо воспитана, чтобы на это реагировать. Но факт остаётся фактом — Морган Келл не имеет права находиться здесь.

Виктор встал.

— У Моргана Келла больше прав здесь быть, чем у половины присутствующих делегатов. «Гончие Келла» сражались с кланами во множестве битв на множестве планет. Они были при Твикроссе, они участвовали в успешной обороне Лютьена. Сам Арк-Ройял подвергался нападению кланов, и это «Гончие Келла» отбили атаку. Можете спорить о легитимности АРОК, но факт остаётся фактом — Морган Келл должен присутствовать.

Томас развел руками:

— Я не стану отрицать доблесть, проявленную «Гончими Келла» в защите Внутренней Сферы. Да, нам нужен голос Келла в совете, но в военном совете, а не в политической дискуссии, которую мы здесь собираемся вести.

Виктор не успел ответить, как встала Кэндес Ляо и подняла серебряную кронеровую монету.

— Позвольте мне уладить этот вопрос. Полковник Келл, я желаю нанять «Гончих Келла» к себе на службу. — Она бросила монету на стол перед ним. — Итак, он мой военный советник и имеет право здесь находиться.

Сунь-Цзы громко рассмеялся.

— Архонт Катрина, позовите ваших архитекторов, чтобы они расширили этот зал. Сейчас вокруг каждого из нас сберутся предводители его наёмников.

— Нет. — Морган Келл покачал головой, прижал металлическим пальцем монету к столу и пустил её направо, обратно к Кэндес. — «Гончие» не нанимаются. Я прибыл сюда, приняв приглашение Виктора, потому что дал обещание отдать всё, что собой представляю и чем владею, на защиту шестнадцати миров от нападений кланов. Создавая Арк-Ройялский оборонительный кордон, яставил себе целью не раскол Лиранского Альянса, но лишь более прямое управление там, где оно нужно, чтобы освободить руки архонта для решения других задач в других местах. Если этой причины недостаточно, чтобы я здесь находился, я уйду.

Виктор отодвинул стул, чтобы посмотреть на Джерри Крэнстона, и дёрнул головой в сторону Моргана Келла.

— Полковник Келл может войти в состав моей делегации. Он остаётся.

Крэн斯顿 кивнул и стал пробираться к столу Сент-Ивского Объединения.

Кэндес Ляо, всё ещё стоя у стола, опустила руку на механическое правое плечо Моргана.

— Хватит этой ерунды. Морган Келл, будьте моим мужем.

— Что? — Морган удивлённо заморгал тёмными глазами.

Левая рука Кэндес сжалась крепче.

— Настоящим я передаю вам планету Уорлок, возводя вас в пэры моего государства, но я понимаю, что мой племянник возразит, будто этого недостаточно для вашего присутствия. Посему я прошу вас стать моим консортом. Никто не сможет поднять голос против вашего присутствия, если вы примете мое предложение.

Виктор улыбнулся, наполовину от восхищения ходом Кэндес, но в большей степени — из-за ошеломлённых лиц собравшихся. В голосе Кэндес, в пронзительном взгляде, брошенном ею на присутствующих, Виктор увидел своего отца. — «Хэнс был бы в восторге. Он бы даже предложил одолжить посуду на свадебный пир».

Голос Моргана прозвучал очень тихо.

— Я очень любил свою жену, а убило её вероломство Внутренней Сфера.

— Я тоже любила своего мужа, — кивнула Кэндес. — Та же политика, что убила вашу Саломею, убила моего Джастина. Вместе, быть может, мы положим конец этому безумию.

Морган улыбнулся, полузацрыв глаза.

— Я принимаю ваше предложение.

Сунь-Цзы рассмеялся лающим смехом.

— Это дешёвый трюк! Вы издеваетесь над процедурой!

Кэндес хлопнула правой рукой по столу. Это прозвучало как выстрел, и Сунь-Цзы замолчал. В тишине зазвучали ледяные слова, и, хотя направлены они были Сунь-Цзы, Виктор понимал, что они предназначены для всех.

— Нет, племянник, я не издеваюсь — издеваешься ты своими действиями. Разве ты не слышал слова регента по военным вопросам? Только в единстве мы можем победить. То, что я сделала, не рассудочно, и лишь такими неожиданными поступками я могу заставить тебя увидеть, как важна задача, стоящая перед нами. — Она поглядела на Моргана: — Моё предложение и его согласие — отчаянные меры? Несомненно. Но если это будут последние отчаянные меры, которые нам придётся принимать до поражения кланов, то это невероятное счастье!

*Королевский дворец, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
3 октября 3058 г.*

Катрина Штайнер откинулась на спинку великолепного кресла белой кожи, крутя в пальцах платиновый ножик для бумаг.

— Этот первый день прошёл не так, как мы думали, верно?

Оба советника переглянулись, решая, кто будет говорить первым. Выбор был сделан так, как это бывало уже много раз: Тормано Ляо дал говорить первой генералу Нонди Штайнер, двоюродной бабке Катрины. Катрина знала, что со стороны Тормано это не столько вежливость, сколько желание увидеть сначала реакцию Катрины на слова Нонди. — «Он до сих пор старается ответить мне, что, по его мнению, я должна услышать, пока это не вызывает у меня гнева».

У Нонди Штайнер были седые волосы до плеч, но она увязывала их назад конским хвостом, чтобы показать эполеты со знаками различия. Катрина всегда считала, что бабка резка, как топор, и тяжёлый взгляд её серых глаз с длинного лица это впечатление не развеивал. — «Не будь Нонди так предана дому Штайнеров, она была бы врагом, которого мне пришлось бы уничтожить».

— Неожиданности были, архонт, но ни одна из них серьёзной проблемы не представляет.
— Нонди изо всех сил пыталась выпрямиться, выбинаясь из глубины мягкого белого кожаного кресла. — Призыв военного регента к восстановлению Звёздной Лиги был несколько преждевременным, но я думаю, он поступил разумно, сделав это объявление в самом начале. Битвы за пост первого лорда достаточно займут политиков, чтобы военные могли спокойно планировать операцию, которую нужно провести. Хотя Фохт и сказал, что стратегическое планирование вторично по отношению к политическому согласию, только дурак вроде Сунь-Цзы может этому поверить.

Катрина медленно кивнула.

— А вы с этим согласны, мандарин Ляо?

Тормано Ляо уравновесил своё коренастое тело на подлокотнике кресла — такого же, как то, куда провалилась Нонди. Миндалевидные глаза, желтоватый цвет кожи выдавали его азиатское происхождение, но покрой костюма был строго современным.

— Я согласен с генералом Штайнер, что лишь идиот может поверить словам военного регента. Но я не думаю, что мой племянник — глупец, и, если генерал настаивает, чтобы мы поверили в его пижонское выступление, мы об этом потом пожалеем.

— Он клоун! — нахмурилась Нонди.

— Этот клоун отобрал обратно значительную часть миров, которые захватил тридцать лет назад Хэнс Дэвион. Он, быть может, незрел, но не глуп. — Тормано прищурнул тёмно-синие глаза. — То, что Ляо были побеждены в прошлом, не означает, что они не смогут победить в будущем. Наш род пока что выжил — как и Штайнеры, — и мы будем выживать и дальше, может быть, даже и процветать.

Катрина улыбнулась и постучала кончиком ножа по синтетическому покрытию стола.

— В словах мандарина Ляо есть смысл, тётя Нонди. Ляо бывают весьма проницательны. Нонди улыбнулась:

— Поступок Кэндес действительно всех поразил.

Раздражение Катрины ускорило барабанное стаккато ножа для бумаг по крышке стола. Она с той минуты, как Виктор сообщил ей о приглашении Моргана Келла, ждала, когда наймника вышибут сапогом под зад. Не допустить его она не могла, поскольку согласилась, чтобы он взял на себя ответственность за Арк-Ройялский оборонительный кордон. Возражать и тем унизить Келла — это могло бы вызвать открытый бунт, а Катрина не хотела так рисковать. Виктор немедленно признал бы государство Моргана Келла и поддержал бы его. Таким образом, братцу достался бы ещё кусок её страны.

Присутствие Моргана вызывало у неё возмущение, но объяснение, зачем он организовал Арк-Ройялский оборонительный кордон, её тронуло. Келлы всегда были верными сторонниками Штайнеров. Морган был двоюродным братом Артура Лувона, деда Катрины со стороны матери, и много лет назад участвовал в потрясающем приключении с первой Катриной Штайнер. То, что он сделал, казалось очень правильным и уместным, и она почти почувствовала себя виноватой, что усомнилась в нём. — «Может быть, когда я просила о помощи в прошлом году, он отказал лишь потому, что хотел защитить Лиранский Альянс от кланов и не желал отвлекаться на другие задачи».

Катрина медленно кивнула:

— Да, это был весьма остроумный ход. И они доведут это до конца?

— Морган и моя сестра поженятся? — резко хохотнул Тормано. — Не могу себе представить их женатыми. Впрочем, это была бы отличная пара.

Нонди с отвращением фыркнула:

— Они вполне друг друга заслуживают.

— Что вы имеете против моей сестры?

— Ничего, хотя она стала такой самодовольной с тех пор, как вышла из Капелланской Конфедерации и превратила своё Сент-Ивское Объединение в протекторат Федеративного Содружества. У меня там служили войска из всей лиранской половины Содружества. Этот мир Уорлок, который она дала Моргану, — просто шар льда.

— Знаю. Моя семья держала там курорт, где я учился кататься на лыжах. — Тормано сложил руки на груди. — И всё же, генерал, я не понимаю вашего предубеждения против полковника Келла. После всего, что он за эти годы сделал для лиранцев.

— У нас с ним старые счёты. Он со своим двоюродным братом помог моей сестре в трудную минуту. Это всё хорошо, но Морган, его брат и Артур Лувон приобрели излишнее влияние на Катрину. — Нонди свела седые брови на переносице. — Они её смягчили, она потеряла резкость. Если бы не они, она никогда не продала бы свою дочь Хэнсу Дэвиону. И я это говорю, Катрина, даже зная, что результатом этого союза была ты. Ещё раз подтверждено, что не бывает худа без добра.

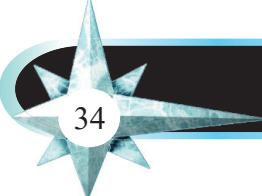
— Спасибо, тётя Нонди, — улыбнулась Катрина, стараясь не выразить голосом презрения. Интересно, как ещё старуха не позеленела от зависти к влиянию Моргана на первую Катрину Штайнер. Гнев на Катрину, порождённый ощущением предательства, когда Катрина стала больше прислушиваться к мужу, чем к сестре, толкнул Нонди на альянс с политическими врагами Катрины в начале её правления. Хотя потом Нонди опомнилась и заключила с сестрой мир, она никогда не простила Морга-ну изменений, произошедших с Катриной.

Нонди покачала головой.

— Морган всегда хотел играть самостоятельно. В Четвёртой наследной войне он вёл собственные операции против Синдиката Дракона. Семь лет назад, когда впервые напали кланы, он помог собрать то совещание на Аутриче. Он хочет присутствовать на политических переговорах, потому что думает, будто ему следует быть первым лордом Звёздной Лиги.

— Мысль интересная, — глубокомысленно кивнула Катрина. — «Совершенно ложная и безумная, но всё равно интересная. Ты хороший генерал, Нонди, но никакой политик».

— Разумеется, интересная, архонт, но генерал Штайнер, боюсь, не совсем права, — сказал Тормано. — Цель Моргана в политических дискуссиях — не давать им уходить в сторону. Позволю себе сказать, что у моей сестры Кэндес, регента по военным вопросам и даже у принца

Магнуссона цель та же самая. Каждый знает, что не может быть и не будет избран первым лордом новой Звёздной Лиги, но понимает важность проведения выборов.

— И это очень похоже на ваше собственное положение, мандарин Ляо?

Катрину восхитило, как Тормано проигнорировал жалю, заключавшееся в вопросе Нонди, и не показал, насколько оно его ранило. — «Одно дело — когда рушатся твои амбиции, другое — когда тебя этим пытаются поддеть».

— Я бы согласился с вами, генерал, если бы не одна вещь: я реалист. Не имея между своим задом и холодным каменным полом Небесного трона Капелланской Конфедерации, я никак не могу претендовать на этот пост. Единственный же для меня способ занять трон — убить свою сестру и всех своих племянников и племянниц. Этого не будет.

В глазах Нонди цвета кремня вспыхнули искры.

— Да, не будет. Кай Аллард-Ляо убил бы вас в мгновение ока.

— У меня есть ещё одна причина довольствоваться положением советника архонта. — Тормано поднял голову. — Можете считать меня мутантом, но я лишён пристрастия Ляо проливать кровь своих родителей или родных братьев и сестёр.

Катрина выпустила из пальцев нож, и он задребезжал по рабочему столу, закончив дискуссию.

— Я бы предпочла вернуться к более плодотворным путям анализа. Если предположить, что всё это закончится созданием новой Звёздной Лиги, каковы будут в связи с этим наши цели?

Лицо Нонди стало резче.

— Необходимо сделать так, чтобы наши войска не использовались как основные силы этой военной операции. Мы не можем себе позволить пролить крови больше других. Если наша армия ослабнет после всего, что сказано и сделано, Виктор придёт и проглотит нас.

Катрина улыбнулась:

— Отличная мысль, и её стоит запомнить. Я надеюсь, ты проследишь за этим на военных совещаниях и будешь держать меня в курсе.

— Разумеется, архонт. Нашим представителем там будет Шэрон Брайан, и ваши пожелания будут ей переданы. — Голос Нонди чуть дрогнул с неуверенностью. — Мой ответ не был тем, которого вы ожидали?

— О нет, я именно этого ответа и ожидала — потому-то ты мой военный советник, — Катрина повернулась к Тормано. — Если бы голосование было завтра, кто бы стал новым первым лордом?

Тормано нахмурил брови и на миг задумался.

— Я бы первыми в списке поставил вас и Виктора, а третьим — Томаса Марики. Если будет принято решение о ротации руководителя, то вполне уместно было бы первым лордом сделать вас, поскольку вы принимаете у себя это историческое совещание.

— А почему в списке Виктор?

— Это должно быть очевидно, архонт, — чуть недовольно взглянул Тормано. — Виктор командовал объединёнными силами на Ковентри и выдвинул план, предотвративший кровопролитие. Как бы ни возражали Сунь-Цзы и прочие, но бескровная победа куда больше по душе Лиге Свободных Миров и Капелланской Конфедерации, чем объяснения, почему войска должны были погибать, защищая один из лиранских миров. Регент по военным вопросам явно заманивает Виктора возглавить силы союзников при нападении на кланы, а если возрождение Звёздной Лиги планируется как оружие против кланов, кто же лучше поведёт в бой СОЗЛ, как не новый первый лорд?

Нонди вбила кулак в подлокотник кресла.

— Виктор поведёт эти силы только через мой труп!

— Почему так, тётя Нонди? — нахмурилась Катрина.

— Потому что... потому что... Виктор не годится.

Архонт подобрала нож со стола и продолжила вертеть его в пальцах.

— Но ведь ты не хочешь сказать, что Виктор — недостаточно закалённый воин, не так ли?

— Нет, конечно. Он отлично знает своё дело, но его опыт исчисляется годами, а нужны десятилетия. И у нас такие люди есть. Морган Хасек-Дэвион, Теодор Курита, Наримаса Асано,

Шэрон Брайан — много есть людей, которым подобало бы вести войска куда больше, чем Виктору.

— Но, тётя Нонди, ты забываешь два важных фактора. Первый: опыта сражений с кланами у Виктора не меньше, чем у других. И второй. — Катрина осторожно улыбнулась. — Если Виктор поведёт людей, ему положено будет идти с ними. Мой брат, несомненно, поведёт их в буквальном смысле и будет сражаться в предстоящих битвах. Ты сама указывала, что он — угроза нашему государству, так зачем же мы будем лишать его шанса погибнуть?

Нонди сузила глаза до щёлочек.

— А зачем давать ему шанс вернуться во Внутреннюю Сферу покорителем кланов?

— Ради времени, которое на это уйдёт. Мы знаем, что это время может исчисляться десятилетиями. А мы тем временем определим роль, которая достанется ему по возвращении. Если он будет в отлучке, править Федеративным Содружеством он не сможет. Кого он поставит вместо себя?

— Если не появится ваш брат Питер или Морган Хасек-Дэвион пойдёт с оперативной группой, то пост регента достанется, скорее всего, Ивонне. — Тормано задумался, потом решительно кивнул. — Да, Ивонне. Ваш брат Артур, конечно, на два года старше, но его успехи в учёбе показывают, что эта работа не для него.

Катрина отдала Тормано салют ножиком для бумаг.

— Никогда я ещё не слышала такой мягкой формулировки, что у Артура сердца больше, чем мозгов, а это, к сожалению, правда. Ивонна не будет угрозой Лиранскому Альянсу. А это значит, что, пока Виктор будет уничтожать главную угрозу нашей стране и тем временем, быть может, будет уничтожен и сам, мы должны нарастить свои силы.

Нонди фыркнула:

— Вы забываете, что на наши границы нацелены Нефритовые Соколы. Если Виктор нападёт на них, они могут напасть на нас и втравить его в оборонительную войну, которой ему не хочется.

— Я не боюсь нападения Нефритовых Соколов.

— Нет? — нахмурилась Нонди.

Тормано слегка кашлянул.

— Архонт хочет сказать вот что, генерал: наиболее вероятно, что война с кланами будет начата из лиранского космоса и направлена против Нефритовых Соколов. Если нет, то Нефритовые Соколы слишком истощены и наверняка ограничится защитой своих территорий. В любом случае они не представляют существенной угрозы, и шансы их нападения ничтожны.

Катрина снова отсалютовала Тормано ножом для бумаг. — «Нонди ничего не знает о моём альянсе с Волками под предводительством Влада Уорда. Его силы удержат Соколов от нападения на меня, а если нет, то мы вдвоём перемелем их в костную муку. Нонди взбесилась бы, узнав о таком соглашении, так что Тормано вовремя меня прикрыл. Он полезен и ещё раз доказал, что Ляо весьма умны».

— Думаю, друзья мои, я знаю, что нам нужно, чтобы всё было так, как мы хотим, — то есть, чтобы меня выбрали первым лордом. Прежде всего, я должна говорить с равными мне и склонить их на свою сторону. Мне также надо поговорить и с Морганом Келлом, чтобы сгладить наши противоречия.

— Зрячная трата слов, Катрина.

— Может быть, тётя, но слов мне не жалко.

Старуха усмехнулась:

— Послушай, дитя, ты вполне способна очаровывать своих врагов, только не Моргана Келла. «Ты что, Нонди, считаешь меня простушкой вроде Изиды Марик? Я научилась обводить людей вокруг пальца, глядя, как это делает моя мать. Теодор Курита может отдать своему вассалу приказ убить себя, — но моя мать вздохом и подмигиванием могла бы добиться самоубийства целой толпы — и все в этой толпе считали бы, что выполняют долг своей жизни. Чувства Моргана Келла к роду Штайнеров делают его уязвимым для моих замыслов».

— Ценю твоё предостережение, тётя Нонди. Буду действовать осторожно. — Катрина посмотрела на Тормано. — Я хочу, чтобы ты посмотрел досье на всех делегатов. Каждое их пожелание должно быть удовлетворено и взято на заметку. Мне нужна не информация для шантажа, хотя и она тоже сойдёт. Пусть все знают мою заботу о том, чтобы они получили всё, что хотят. Пусть у них будет такое чувство благодарности, что, когда мне кто-нибудь окажет честь выдвинуть на пост первого лорда Звёздной Лиги, все остальные решат, что я этой чести заслуживаю.

— Я понял, чего вы хотите, архонт, и сделаю это, — склонил голову Тормано. — Но я полагаю, что вы встретитесь с жёсткой конкуренцией со стороны брата.

— Разумеется. Вот почему ты делаешь то, что делаешь ты, а Нонди — то, что делает она. — Катрина аккуратно положила нож на стол. — С Виктором я имею дело всю жизнь. Его крушение организую я сама.

8

Зал ханов, квартал воинов

Страна Мечты

Звёздное скопление Керенского, пространство кланов

3 октября 3058 г.

Влада самого поразил благоговейный восторг, охвативший его при мысли, что он находится в Зале ханов Большого Совета. Ему и сахану Мэриэлл Радик были даны сиденья в заднем ряду полукруглой комнаты, на самом верху. По сторонам и впереди сиденья были пусты — эти места принадлежали когда-то кланам, поглощённым или уничтоженным.

«Мои возрождённые Волки — самый новый клан, поэтому нас сюда посадили». — Влад принял бы это за дурное предзнаменование, но ханам Нефритовых Соколов Марте Прайд и Саманте Клиз тоже были выделены места в заднем ряду, через пролёт, который вёл одним концом к двустворчатой двери зала, а другим — к возвышению, где сидел хранитель закона Каэль Першо. Рядом с Нефритовыми Соколами сидели два восьмидесятилетних хана клана Нова Котов. Рассадка, как понял Влад, была результатом маневрирования ханов, которые хотели во время дискуссии быть в центре событий.

Он не позволил себе беспокоиться из-за места. Над ним развевался стяг клана Волков, как и разевались другие флаги над сиденьями, занятыми другими ханами. Выделенные ему сиденья были вырезаны из гранита, как и все остальные, обиты красными бархатными подушками и поставлены перед столами чёрного мрамора с белыми прожилками. — «У всех сорока ханов места одинаковые, и потому все мы здесь равны».

И то, что он с ханами чувствовал себя равным, а не высшим, Влада удивило. Он глубоко в душе знал, что они ему не равны. Он яростно верил в то, что говорил Марте Прайд: лишь те вожди, кто закалился в боях с Внутренней Сферой, смогут завершить крестовый поход. Он по-прежнему знал, что это истина, только сейчас она скользила как-то мимо.

Строгий церемониал покорял, заставлял забыть о себе. Каждый хан прибыл в палату Совета, одетый в официальную форму. Ханы Призрачных Медведей надели плащи, сделанные из шкур своих тёзок, и другие ханы тоже принесли тотемы своих кланов. Серые кожи, в которые был одет он сам, напоминали волчий окрас. Буйство цветов, оттенков, текстур превращали собрание ханов в блестящее зрелище. Поскольку Влад никогда не видел такого собрания, пока сам не был возведён в ханское достоинство, то сейчас он смотрел глазами ребёнка и поражался, как ребёнок.

У каждого хана был ещё и эмалированный шлем, сделанный в виде головы символа клана. На шлеме самого Влада была оскаленная волчья морда с поднятыми ушами. Острый клюв и большие глаза на шлеме Марты Прайд превращали её в воплощение свирепого сокола её клана. Спинные плавники на шлемах Алмазных Акул увеличивали рост ханов почти до роста Линкольна Озиса из клана Дымчатых Ягуаров.

Каэль Першо — скрюченное создание, казалось, более из металла, чем из плоти, более машина, чем человек, — стукнул по столу хранителя закона молоточком.

— Я — Каэль Першо, избранный хранителем закона для этого собрания Большого Совета. Настоящим я провожу этот совет по условиям военного кодекса, как положил Николай Керенский. Поскольку мы находимся в состоянии войны, все процедуры надлежит исполнять в соответствии с положениями этого кодекса.

— Сейла, — почтительно выдохнул Влад. Он сел и подавил порыв снять шлем. — «Символ Волка более устрашит других ханов, чем моё лицо. — Кожа натянулась на левой щеке, перерезанной шрамом. — Не стоит им напоминать, что я когда-то был слаб».

Першо оглядел собрание.

— Вот самый серьёзный вопрос, выносимый сегодня на ваше рассмотрение. Хан Эйса Тэни из клана Ледовых Хеллионов предложил выполнить ритуал поглощения.

Хан Ледовых Хеллионов встал со своего места в середине собрания двумя рядами ниже Влада и положил шлем на стол перед собой. Белый шлем был сделан в виде морды свирепого стайного хищника из тундры планеты Гектор. Изображение было устрашающим, хотя Влад и другие Волки часто презрительно называли его песцом. — «И какой-то клан песцов предлагает выполнить поглощение».

Ледовый Хеллион с большой головой пилота пригладил рыжие волосы.

— Я с глубоким прискорбием предлагаю поглощение, но это совершенно необходимо, ибо некоторые наши кланы понесли слишком большие потери, чтобы сохранить жизнеспособность. Как и всегда, поглощение одного клана другим сохраняет потенциал для нашей евгенической программы. Я призываю к ритуалу поглощения во избежание потерь, от которых мы не оправимся.

Ян Хоукер, светловолосый и светлоглазый хан Алмазных Акул, снял маску и встал напротив Тэни.

— Я согласен с этим призывом к поглощению. Продолжение крестового похода — дело жизненно важное. Мы не можем позволить затупиться клинку, которым действуем против Внутренней Сфера. Время поглощения настало.

Марта Прайд тоже сняла шлем, когда встала, но придерживала его правой рукой под мышкой, а не положила на стол.

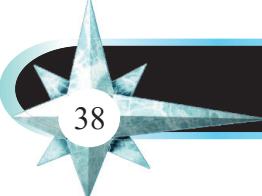
— Хранитель закона, разве в предыдущих двух поглощениях призыв к ритуалу был сделан раньше, чем указан клан для поглощения?

Першо ввёл запрос в настольный терминал, потом покачал головой:

— Хан Тэни следует традиционной процедуре. Нигде не записано, что выбор кланов для поглощения должен быть сделан до голосования. Но клан Вдоводелов и клан Мангуста пережили множество аннулирований за десятилетие перед тем, как был исполнен ритуал.

— Ага, целое десятилетие отмен. Провал двух евгенических циклов. — Марта говорила небрежным тоном, но все поняли, что она имеет в виду.

«Два неудачных цикла означают серьёзное нарушение евгенической программы. Это совсем не то, что у Волков, а у нас вообще все отмены не старше года». — Влад встал, но шлем не снял.

— Быть может, хан Эйса Тэни согласится дать нам определение, что делает клан жизнеспособным в его глазах?

Ледовый Хеллион благосклонно улыбнулся.

— Я думаю, это очевидно. Клан должен иметь возможность выращивать, обучать и выставлять войска в достаточном числе и должного качества, дабы сокрушать врагов и добывать великие победы. Это цель, ради которой созданы кланы.

— Понимаю. — Влад осторожно снял шлем и поставил его на стол, рычащей мордой к Ледовому Хеллиону. — Тогда прошу ответить на один вопрос для меня лично: может ли клан, проникший на двести световых лет во Внутреннюю Сферу, встречавший и громивший лучшие войска Внутренней Сферы, считаться в ваших глазах жизнеспособным или нет?

Улыбка Тэни исчезла и он нахмурился.

— Мы не обсуждаем прошлое Волков, хан Уорд. В любом случае вы сами отрезали историю вашего клана от тех Волков. Это всё древняя история, а нас интересуют текущие события и их результаты в будущем.

— И меня тоже, хан Тэни. — Влад поглядел направо. — Действия, которые я описал, совершены кланом Нефритовых Соколов позднее последнего собрания Большого Совета. Соколы организовали, обучили и вооружили войска, с невообразимой лёгкостью прошедшие косой по Внутренней Сфере. И они разгромили самые опытные войска, которые Внутренняя Сфера смогла выставить.

— И сбежали от сил, которых хватило бы, чтобы дать им приличный бой! — пробрюзжал Хоукер.

Марта собралась отвечать, но Влад остановил её, подняв руку.

— А знаете, почему она решилась на хегириу от войск Внутренней Сферы на Ковентри? — Он сделал эффектную паузу, чтобы слово «трусость» всплыло в умах ханов, и потом сам ответил: — Она решила принять их предложение, поскольку обнаружила, что я собираю войска, чтобы отобрать у неё некоторые миры из коридора вторжения. И зачем тратить силы на войска Внутренней Сферы, у которых явно не было желания драться, когда она могла бросить их против моих воинов? Она сделала то, что сделал бы каждый из вас, и в глубине души вы сами это знаете.

Линкольн Озис поднялся на ноги и положил массивную чёрную руку на шлем, поставленный на стол.

— Хан Уорд очень ясно изложил свою мысль. Нефритовые Соколы — жизнеспособный и даже сильный клан. Волки, проникшие во Внутреннюю Сферу, так их убоялись, что даже вступили для защиты в союз с наёмниками. Представляется очевидным, что любой, предложивший поглощение, не имел в виду указать его целью Нефритовых Соколов.

Выражение лица Яна Хоукера стало резче.

— Да, похоже, есть лишь один клан, заслуживающий поглощения.

Марта Прайд оглядела остальных ханов:

— Вы имеете в виду, что клан Волка для него созрел?

Тэни кивнул:

— Ваши предшественники из Нефритовых Соколов так думали, хотя их попытка это осуществить была неумело и не дала результата.

— Отчего мои предшественники и погибли.

— Верно. Но факт остаётся фактом: Волки претерпели серьёзные перемены. — Тэни покачал головой. — Их истощила не только война с Соколами, но из клана Волка ушёл элемент хранителей, отчего они ещё сильнее ослабли. Это сплошная история слабости.

Марта приподняла бровь:

— В самом деле?

Тэни мигнул:

— Это же очевидно, воут?

— От, хан Тэни. — Марта оскалила мелкие зубы в улыбке. — Разве не ты только что сказал хану Уорду, что его Волки отделены от истории побед других Волков? Как же мог клан пре-

терпеть перемены, если, когда они случились, этого клана ещё не было? Или вы хотите, чтобы дети платили за грехи отцов?

Хоукер отмахнулся от её протеста:

— Это не важно, Марта. Просто Волки — слабые щенки.

— Слабые? — Марта перевела взгляд на Линкольна Озиса. — Какой клан слабее — тот, что выиграл битву, или тот, что проиграл её? Семь месяцев тому назад Волки сделали успешный налёт на Киамбу. Они забрали у вас генетический материал, не так ли, Линкольн? Если ваш разгром не доказал их силы, то добавление крови Озиса в их сибгруппы их наверняка усилило, воут?

Озис зарычал, и Влад чуть не зааплодировал. — «Ты красноречиво расплатилась со мной за услугу, Марта».

Дымчатый Ягуар медленно кивнул.

— Да, правда, что Волки совершили успешный налёт через зону оккупации Призрачных Медведей и разгромили нашу планету Киамба. И победили войска, которые у нас там были. Хан Уорд получил связанных и генетический материал, но это не значит, что Волки не могут быть объектом поглощения.

Влад развёл руками:

— Я согласен с рассуждениями хана Дымчатых Ягуаров и даже с рассуждениями хана Тэни, хотя считаю, что ни один из них не довёл свой анализ до конца. Эйса Тэни сказал, что клан, чтобы считаться жизнеспособным, должен быть в состоянии поставлять в достаточном количестве обученные и хорошо вооружённые войска, быть в состоянии проводить операции и одерживать победы. Я бы сказал, что есть ещё одна проверка жизнеспособности. — Он понизил голос до хриплого ворчания. — Клан должен обладать волей и духом, чтобы находить врага и нападать.

Влад вытянул руку в сторону хана Ледовых Хеллионов.

— Последние восемь лет Нефритовые Соколы, Волки и другие кланы сражаются с Внутренней Сферой. Сколько битв ты провёл в этой борьбе, Эйса Тэни? Ты делал налёты на наши родные миры? Ты называешь себя сильным, но ты ничем этого не доказал.

Тэни шумно вдохнул.

— Я с удовольствием предоставлю хану Уорду анализ силы Ледовых Хеллионов, и пусть он сам прочтёт, каковы мы.

— Твоя компьютерная сила стоит ровно столько энергии, сколько нужно, чтобы стереть диск. — Влад наклонился вперёд и вперил сверху вниз взгляд в мужчину. — Будь у Ледовых Хеллионов хоть крупица боевого духа, они нашли бы себе битву, чтобы утвердить себя.

— И я буду биться с твоим кланом, если вы станете объектом поглощения, Влад Уорд.

— Ха! — Влад тряхнул головой. — Если Волки станут объектом поглощения, Ледовым Хеллионам никогда не выиграть торги за наш захват. Призрачные Медведи, Дымчатые Ягуары, даже Нефритовые Соколы вас отодвинут. Факт налицо: вы и другие кланы, не участвовавшие во вторжениях во Внутреннюю Сферу, настолько от нас отстали, что никогда вам не поглотить клан, совершивший вторжение. То, чему мы научились в битвах с Внутренней Сферой, сделало нас сильнее, чем вы были, есть и можете быть. Если дело дойдёт до поглощения, то не клан вторжения будет поглощён.

Влад выпрямился и показал рукой по очереди на хана Соколов и хана Ягуаров.

— Спроси Марту Прайд. Спроси Линкольна Озиса. Они знают, что твои тайные планы, как бы поглотить какой-нибудь клан вторжения и занять его место, это мечты безумца. Завершить крестовый поход против Внутренней Сферы могут лишь те вожди, кто испытан в горниле боя. Пережить Тукайид — вот испытание, которое должен пройти любой настоящий предводитель. Мы знали победы, мы знали поражения. И только так мы узнали, что нужно для победы над Внутренней Сферой.

Линкольн Озис сложил налитой груди мощные чёрные руки.

— Хотя я мог бы счесть надменность и резкость этого Волка непозволительной дерзостью, у него есть добытая в бою мудрость, которую не заменить ничем. И если дело дойдёт до поглощения, я не рад был бы спорить с ним за право поглотить любого из вас.

Марта рассмеялась:

— Ты изменил своему высокомерию, Линкольн, предположив, что ты будешь спорить с Владом за право поглощения другого клана.

Влад улыбнулся и слегка поклонился Марте. — «Линкольн Озис быстро усвоил мысль, что лишь хан клана вторжения может повести нас к победе над Внутренней Сферой. Он знает, что Волки, Нефритовые Соколы и Призрачные Медведи не будут выставлять кандидатов против него, а Нова Коты скорее всего тоже воздержатся от выдвижения своего. Остаются Стальные Гадюки и Алмазные Акулы, но никто из них не входит в первые четыре клана вторжения, а поражение на Тукайде надолго выбило их из колеи. Поддерживая меня, он претендует на пост ильхана».

Влад улыбнулся Каэлю Першо.

— Наверное, хранитель закона, пришла пора голосовать на счёт поглощения.

Тэни поднял руку:

— В свете приведённых против поглощения аргументов, я отзываю своё предложение.

— Ты совсем бесхребетный? — повернулся к нему Ян Хоукер.

Марта расхохоталась:

— Просто у хана Тэни нет чувства юмора. Было бы очень смешно, если бы его предложение привело к поглощению его же клана.

Хан Тэни побагровел:

— Всякого, кто сомневается в моей храбрости, я вызываю в круг равных.

Влад переплёт пальцы и громко щёлкнул костяшками.

— Если бы я недавно не убил ильхана, я бы принял это приглашение.

— Хватит, хан Уорд! — поднял руку Линкольн. — Нам надо решать важные вопросы, а убивать ханов — это не ускорит процесса.

Влад склонил голову:

— Ты прав, хан Озис. Прими мои извинения.

Изумлённый испуг на тёмном лице Линкольна Озиса чуть не заставил Влада улыбнуться. — «Когда мы говорили последний раз, подобное замечание вызвало бы с моей стороны резкую отповедь, а сейчас я соглашаюсь. Он не может поверить в своё счастье, что я отношусь к нему с почтением. Отлично. Сконфуженный враг — побеждённый враг».

Подняв глаза, Влад перехватил взгляд Марты Прайд. — «Её я, похоже, тоже удивил. Она не навидит политику, но при этом политика её манит. Любопытное сочетание. Такое, которое напораживает, если есть у врага... или у союзника».

Каэль Першо обрушил на стол председательский молоточек.

— Вопрос о поглощении снят. Следующий наиболее важный вопрос — выборы ильхана, но сначала надо решить некоторые процедурные тонкости. Некоторые из вас слишком давно не были в битве и не испытывали себя, чтобы быть признанными воинами, имеющими право выбирать ильхана. Как только это затруднение будет устранено, мы сможем продолжать.

Влад сложил руки на груди и посмотрел вниз на остальных ханов. — «Значит, многие из вас воины только в своём воображении. Неудивительно. А удивительно то, что вы не поняли предупреждения — смерти Элиаса Кричелла из-за того же недостатка статуса. То ли кланы, которые мы оставили позади, опустились так низко, то ли я поднялся так высоко?»

Минутку подумав, он ответил на свой вопрос и надел шлем, чтобы скрыть улыбку.

*Королевский дворец, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
4 октября 3058 г.*

Виктор Дэвион откинулся в кресле и поиском глазами на голограммической проекции повестку дня первого заседания конференции стратегического планирования. Вопросы казались Виктору определённо вялыми и явно неподходящими для военного совета. Он уже составил себе мнение о подходе, необходимом для победы над кланами, но регент по военным вопросам справедливо указал ему на то, что руководство коалицией должно ещё согласиться с этим мнением.

«И согласиться выделить войска», — сохранение единства сил коалиции было жизненно важно по двум причинам. Первая — та, что, лишь встретив перед собой единый фронт, кланы поймут невозможность постепенного завоевания Внутренней Сфера. Если не все примут участие в войне, восстановление Звёздной Лиги будет просто обманом. Виктор легко мог представить себе, как кланы назовут новую Звёздную Лигу жалкой попыткой устыдить их и сочтут лишним доказательством, что Внутреннюю Сферу необходимо завоевать.

Вторая и более важная причина, почему все должны сражаться вместе, — никто не мог бросить свои войска в наступление, рискуя потерять собственные миры при нападении других государств, к которым пришлось бы повернуться спиной. Виктор точно знал, что Теодор Курита и его собственная сестра понимают серьёзность угрозы кланов, но не был уверен, что Сунь-Цзы не рассмотрит новую войну с кланами как шанс расширить собственную Капелланскую Конфедерацию. К тому же для победы над кланами требовались военные ресурсы большие, чем могли дать любые две или три страны.

«Или мы будем держаться вместе, или нас повесят по одному».

Для заседаний секции военного планирования было выделено помещение поменьше. В обычное время оно служило небольшим театром, и трибуну установили на сцене. Голограммические проекторы над сценой были размещены так, чтобы все появляющиеся изображения повисали перед полукругом столов, где сидели делегаты. Старые деревянные половицы и ступени, ведущие на сцену, заскрипели под ногами регента по военным вопросам, идущего от стола КомСтара к трибуне.

Фохт оглядел собравшихся правителей и их военных советников.

— Цель нашего заседания — выработать общий план, который перенесёт войну на территорию кланов. Если никто не возражает, то важно подчеркнуть, что наша сегодняшняя дискуссия посвящена военным вопросам и не должна зависеть от политических соображений. Мы должны предложить наилучший план, как прогнать кланы и покончить с их угрозой. Любые вопросы, которые могут нас от этого отвлечь, должны быть оставлены за порогом этого зала.

Маршал Лиранского Альянса Шэрон Брайан заметила с места:

— Фон Клаузевиц сказал, что война есть продолжение политики иными средствами. Как же нам здесь отделиться от политики?

Серый глаз регента по военным вопросам стал жёстче.

— Фон Клаузевиц говорил о войне и политике Наполеона, но книга его продолжала выходить и тогда, когда ни его, ни явления, о котором он говорил, уже не было. Если вы посмотрите историю войн, ведшихся во времена господства этой доктрины, то увидите, что эмпирические данные не подтверждают его заключения. Война слишком сложное явление, чтобы уклады-

ваться в такую простую парадигму, особенно если участвующие в войне силы могут стерилизовать целые планеты.

— Прошу вас не питать никаких иллюзий насчёт того, что мы здесь обсуждаем. Кланы с помощью генетики, технического прогресса и передовых методов обучения создали самую устрашающую военную машину за всю историю человечества. Тот факт, что мы до сих пор не опрокинуты окончательно, показывает, что их развитие не сделало их неодолимыми, а также предполагает, что наши военные доктрины должны быть основаны на слабых местах их вооружённых сил.

Фохт кивнул человеку в форме Федеративного Содружества. Чёрная кожа этого человека говорила об африканских предках, а чёткая и точная походка при подходе к трибуне выдавала военное воспитание и образование. Виктор знал, что это один из аналитиков Дока Тревены, и Док о нём весьма лестно отзывался. — «Раз Док выпустил его с докладом, значит, у него действительно есть голова на плечах».

Регент по военным вопросам кивнул этому человеку.

— Для тех, кто не знает, представляю: это доктор Майкл Пондсмит. В настоящий момент он служит в вооружённых силах Федеративного Содружества в звании команданта, а вне действительной военной службы является преподавателем в Сахарской академии. Его научная специальность — военная история и количественный анализ. Им исследована модель военного искусства, на основе которой мы будем планировать наступление, и мы попросили доктора Пондсмита объяснить присутствующим её суть, чтобы мы все начинали с одинаковыми базовыми знаниями. Прошу вас, доктор Пондсмит.

— Благодарю вас, военный регент. — Густой и сильный голос Пондсмита немедленно привлёк внимание. — Модель, которую я исследовал, известна как энтропийная модель войны. Она была разработана доктором Марком Германом, военным аналитиком и создателем моделей военных конфликтов в конце XX — начале XXI века. Она добавляет третью сторону конфликта к обычно применяемой модели войны из двух компонентов. Дополнительный материал, к которому обращается эта теория, был в разное время отброшен как трудный для количественного измерения либо практически несущественный, но на самом деле предлагаемая модель прямо и непосредственно применима к ситуации, подобной угрозе со стороны кланов.

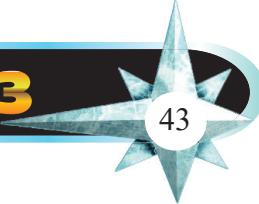
Пондсмит нажал кнопку на пульте трибуны, и над головами делегатов появился жёлтый голограммический круг.

— Моделирование войны начинается очень просто. Принимается во внимание одна характеристика, представленная здесь жёлтым кругом. Это смертоносность, иначе говоря, поражающая способность: способность войск уничтожать войска противника и, более широко, подрывать его боеспособность. Мы все знаем — в основном по недавнему вторжению самих кланов, — что способность противника поражать чужие войска вызывает распад уцелевших сил из-за ужаса и паники, порождённых подобным применением поражающей силы. В течение долгого времени поражающая способность была единственным элементом воинского искусства и даже во время военных конфликтов постиндустриальной эпохи оставалась главным решающим фактором войны.

Виктор увидел красный круг, перекрывший в проекции жёлтый. На нём была надпись «Подрыв».

— Тактические соображения развивались и становились всё более необходимыми, поскольку возрастание поражающей способности и расширение зон поражения, сопровождавшие прогресс военных технологий, вызвали увеличение масштабов военных конфликтов. Несмертельные и обманные методы причинения трудностей противнику приобрели большую значимость. Если противника удаётся заставить думать, что вы нападёте здесь, а вы будете атаковать там, он может сосредоточить силы не там, где надо, и растратить их зря. Даже ожидание атаки, которой так и не будет, оказывает существенное отрицательное влияние на боеспособность противника.

— Перекрытие между поражающей способностью и подрывом означает преимущество, возникающее при уничтожении командных и управлеченческих звеньев противника или перереза-

нии линий снабжения. Посредством такого специфического применения поражающей способности может быть уничтожена цель, существенная для способности противника реагировать на угрозу. Убейте связного, везущего приказы войскам, и боевая единица не двинется с места. Убейте командира — и единица останется без мозга. Хотя такие боевые единицы и не уничтожаются в ходе боя, они полностью теряют эффективность в его ведении.

Чернокожий человек показал в середину зала, где появился синий кружок, перекрывшийся с первыми двумя:

— В модели Германа добавлен третий элемент: трение. Этот термин относится к амортизации боевой единицы за счёт боевого износа — как к обслуживанию, необходимому для поддержания единицы в боеспособном состоянии, так и — в особенности — к трудностям, вызванным введением боевой единицы в бой. Сюда попадают дезертирство, неисправности техники, дефицит запасов горючего и провизии, недостаток боевого духа и масса других еле заметных по отдельности факторов. Зелёная зона перекрытия между трением и поражающей способностью известна как усталостное истощение. Она означает неспособность войск устранять повреждения и восстанавливаться после битвы. Лиловое перекрытие между трением и подрывом называется инерцией и описывает ущерб, который несёт боевая единица, реагируя на ложные угрозы и другие отвлекающие действия.

— Центральная зона, где перекрываются все три кружка, является ключевой для энтропийной модели войны. Вот в чём её значение: если вы заставите противника действовать, когда вам этого хочется, если поразите его командные и управлочные звенья так, чтобы была потеряна согласованность командования, то этого удара будет достаточно, чтобы потрясти его войска, — а потрясение здесь совершенно необходимо, — и они рассыплются. Они будут в буквальном смысле слова потеряны — не будут знать, зачем они находятся там, где находятся, не будут знать, что делать, а перед ними будет противник, от которого нет защиты. Если война — это ад, то энтропийная война — личная сауна сатаны, — заключил Пондсмит.

Маршал Брайан покачала головой:

— Все эти теории очень красивы и убедительны, и, быть может, это самое трение позволяет использовать количественные методы, которые постфактум совпадут с реальностью, но арифметикой кланы не победить.

— Согласен, маршал Брайан, — поклонился с трибуны Пондсмит. — Однако анализы битвы при Тукайде и Ковентрийской кампании и даже рейдов Красного Корсара в Лиранский Альянс показали, что к угрозе кланов энтропийная модель войны — ЭМВ — полностью применима. Кланы действуют почти исключительно в зоне поражающей силы. На Тукайде мы видели, что навязывание им долгой войны серьёзно снизило их боеспособность. Расточительное использование боезапаса — пример трения: они не могли дальше сражаться, потому что израсходовали необходимые для этого материалы. Только Волки, ограничившие свою потребность в снабжении, смогли одержать существенную победу над комгвардией.

Сидевший за столом Капелланской Конфедерации Ву Кан Кую поднял глаза:

— Правильно ли тогда моё предположение, что оперативные и тактические соображения нашей кампании будут сосредоточены на максимальном усилении наносимого кланам ущерба от трения?

Пондсмит сдвинул брови.

— Поскольку кланы выглядят уязвимыми именно в этой области, такой план представляется разумным, но об этом лучше говорить не мне.

Встал Виктор.

— Спасибо, доктор Пондсмит. — Виктор обвёл взглядом лица коллег за их столами. — Энтропийная модель войны была вам представлена в качестве основы для построения нашей кампании вот почему: она прямо указывает на некую реальность, осознать которую должны мы все. Дело в том, что кампания будет долгой. Пусть кланам потребовалось только два года, чтобы захватить все миры, которые они сейчасдерживают, но для подготовки обороны у них было пять лет. Наша кампания должна будет отбросить их назад широким фронтом, а это будет нелегко.

Маршал Шэрон Брайан наклонилась вперёд.

— Есть другой способ покончить с этим вторжением.

Виктор приподнял бровь.

Брайан улыбнулась.

— Мы можем ударить по столичной планете кланов и вывести их из боя полностью.

— И вы знаете, как туда попасть? — Виктор всмотрелся в Брайан тяжёлым взглядом. —

Я не знал, что вам известно её местонахождение.

— Мне — нет. — Брайан повернулась к Фелану Келлу. — А ему — да. Он может отвести нас к их логову. Один удар, *coup de grâce*³, и с этим делом покончено.

Зелёные глаза Фелана холодно сверкнули.

— Я не поведу вас к Стране Мечты.

— Вероломный пёс! Что ты тогда здесь делаешь?

— Помогаю вам разгромить кланы, маршал Брайан.

— И защищаешь их!

— Нет. — Фелан твёрдо покачал головой. — Я отказываюсь вести вас к Стране Мечты по многим причинам, и не последняя из них — та, что у меня нет необходимых для этого данных.

Регент по военным вопросам нахмурился:

— Вам неизвестен маршрут к Стране Мечты?

Виктор увидел гримасу боли на лице Фелана. — «Наверное, я впервые вижу, чтобы он проявил слабость».

Фелан медленно встал, склонив голову.

— Когда ильхан Ульрик Керенский послал мою военную группу во Внутреннюю Сферу, он хотел убрать меня подальше от соблазна. Он хотел, чтобы я и мои люди во Внутренней Сфере послужили тормозом для остальных кланов. Он знал, что ему предстоит погибнуть, и знал, что мы захотим за него отомстить. Чтобы этого не случилось, он принял экстраординарные предосторожности — убрал из компьютеров наших кораблей навигационные данные о маршрутах к мирам кланов. Кроме того, насколько мне известно, не существует ни одной полной карты подобного маршрута. Прибывающим кораблям маршруты до другой станции и транзитные точки дают путевые станции.

Брайан сощурила тёмные глаза до щёлок.

— Я думаю, вы лжёте.

— Можете думать, что хотите, маршал Брайан, но независимо от этого у меня нет данных, которые вам нужны. — Фелан поднял голову. — А были бы — я бы вам их не дал. Одинокий далёкий удар по Стране Мечты только приведёт в ярость кланы и подогреет их войну с Внутренней Сферой. Без кампании, которая покажет, что мы можем их встретить и разгромить, они отмахнутся от этого удара, как от нашего случайного везения, — а чтобы долететь туда, ударить и вернуться обратно, понадобится везение очень немалое.

Виктор кивнул своему кузену:

— Ничего бы я так не хотел, как нанести единственный удар, ошеломляющий кланы, но если подходить реально, то вопрос стоит так: мы должны вытеснить их из Внутренней Сферы. По моим оценкам, такая кампания затянется очень надолго — порядка семи или больше лет, в зависимости от степени участия.

Виктор поднял руку:

— Что вы имеете в виду под «участием»?

— Сколько кланов будет против нас одновременно? — Виктор пожал плечами. — Если бы мы могли вести эту войну так, чтобы против нас стоял только один клан, мы бы с ними разобрались быстрее.

Фелан кивнул:

— Вы должны вспомнить, что сами кланы политически расколоты по вопросу о необходимости вторжения. Крестоносцы считают, что Внутренняя Сфера должна быть освобождена от тех, кто

³ Удар милосердия (*фр.*).

не имеет на неё прав, а хранители верят, что цель кланов — защищать людей Внутренней Сферы от любых угроз — в том числе от кланов. Если мы нападём на клан крестоносцев, позиции крестоносцев в совете кланов будут подорваны. Может быть, кланы склонятся к поискам мира.

Брайан постучала пальцем по столу:

— Но мы никогда не согласимся на мир без полного отхода кланов с оккупированных миров. Я права?

Регент по военным вопросам встал и жестом велел сесть и Виктору и Фелану.

— Это, маршал Брайан, вопрос политический и будет решаться политиками. Мы же будем заниматься вопросами боеготовности войск, транспорта, боевых задач, снабжения и выбора подходящих целей для атаки. Где мы будем сражаться, также будет решаться политиками, но мы должны заверить их, что сражаться мы можем и будем. Мы — скальпель, которым другие вырежут раковую опухоль кланов из тела Внутренней Сферы. И нам решать, сколько времени продлится операция и как лучше её осуществить.

Шэрон Брайан фыркнула с издёвкой:

— Думаю, эта война будет какой угодно, только не хирургической.

Виктор выдержал её презрительный взгляд, не моргнув.

— Если пациент останется жив, маршал Брайан, значит, мы сделали то, что требовалось.

10

*Королевский дворец, Триада
Город Таргад, Таргад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
5 октября 3058 г.*

Катрина Штайнер встретила Томаса Марика прямо в дверях своего кабинета. Она протянула левую руку, чтобы он мог обменяться с ней рукопожатием здоровой левой рукой, а не изувеченной правой. Катрина заметила удивление её поступком в его глазах, но ничем этого не проявила, только дружелюбно улыбнулась. — «Я знаю, что на него производит впечатление, когда человек помнит его предпочтение пользоваться левой рукой. Он считает это вежливым и предупредительным, а именно эти впечатления я хочу вызвать».

— Я очень рада, что вы смогли прийти ко мне, генерал-капитан.

— Я был счастлив принять ваше приглашение, архонт.

Катрина посмотрела ему за спину, в закрывающиеся двойные двери её белого кабинета.

— Вашей спутницы с нами не будет?

Томас чуть повернулся, чтобы к ней был обращён профиль без шрамов.

— Нет. Графиня просила меня передать её извинения, но она сопровождает мою dochь в походе по городу Таргад. Думаю, Изида собирается обогатить вашу экономику, а Шеррил интересуют кое-какие культурные памятники столицы.

Катрина жестом пригласила Томаса сесть на белый кожаный диван возле низкого стеклянного столика с каркасом из кованого железа.

— Садитесь, прошу вас. Хотите освежиться?

— Спасибо, не сейчас. — Томас подтянул форменные брюки и сел. Зелёный мундир был отделан королевским пурпуром, но были лишён шевронов, полос и шнурков, которые полагались бы к форме человека такого ранга. Для Катрины эта форма выглядела достаточно по-военному, но отсутствие украшений напоминало ей простоту формы КомСтара.

«Будто мне надо напоминать, что Томас был когда-то адептом КомСтара и даже сейчас многими из фракции «Слова Блейка» считается «примасом в изгнании»».

Сама она выбрала себе костюм солдатского покроя — жакет болеро, строгая юбка и ботинки для верховой езды, облегающие икры как вторая кожа. Белое сукно и кожа, и единственным цветным элементом были золотые пуговицы и пряжки. Волосы забрала в золотистую косу позади, переброшенную вперёд через правое плечо подобно змее.

— Жаль, что графиня Халас не смогла быть с нами. Она очаровательна, и я очень хотела бы узнать её получше. — Катрина села напротив Томаса. — Я рада, что вы нашли спутницу, которая смогла вас утешить после потери Софины.

У Томаса пресеклось дыхание. Менее чем полтора года назад он потерял жену и узнал почти сразу после этого, что их сын и наследник Джошуа умер при прохождении лечения на Новом Авалоне — столице Федеративного Содружества Виктора Дэвиона. Удар оказался сокрушительным. Узнав, что Виктор собирался подставить вместо его сына двойника, Томас напал на Федеративное Содружество и смог отбить обратно миры, которые двадцать лет назад захватил Хэнс Дэвион.

— Да, в этом мне повезло, хотя Шеррил — это луч надежды в чёрной туче.

— Я понимаю, что Софину вам никто заменить не может. — Катрина заставила себя произнести это сдавленно, будто от наплыва чувств. — Я так о вас печалилась.

— И я был вам очень благодарен тогда за выражение сочувствия. — Томас потёр челюсть левой рукой. — А ваше решение воздержаться от нападения на меня, когда я наказывал вашего брата за вероломство, показало мне вашу благородную природу.

— Виктор — мой брат, но я никогда не могла бы поддержать такой коварный и жестокий обман.

— Я чувствовал в вас тогда, и сейчас чувствую тягу к справедливости. — Томас слегка повёл плечами. — Тогда я ощущал с вами родство, которое могло бы привести ко многому.

«Значит, Тормано был прав — ты интересовался мной как возможным супругом». — Катрина улыбнулась и поиграла кончиком косы.

— Есть вещи, которые делаются по политическим причинам, а есть которые по личным. Я знаю, что нереально было бы полагать, будто именно в моей жизни эти вещи можно было бы разделить, но мне этого очень хотелось бы. Любовь моей жизни Гален Кокс был убит из-за политики. Из-за неё погибла моя мать и... нет, этого мне не следует говорить...

Взгляд Томаса стал острее, но он скрыл свой интерес за вежливым кивком.

— Я ценю ваше доверие, Катрина. То, что мы здесь говорим, говорится между родственными душами, а не политическими соперниками.

Катрина позволила себе выразить голосом облегчение.

— Моя мать была страшно несчастна.

— Что?

— О, я знаю, что это считается величайшей ересью — чуть ли не богохульством — считать, будто она не была безнадёжно влюблена в моего отца. Так оно и было во многих смыслах, но Хэнс Дэвион был далёк и практически неизвестен той, кем она была в молодости. Правда, что они сблизились за последующие годы, но ей претило, что её используют для распространения власти Дэвионов на её народ. Сами подумайте — в качестве свадебного подарка мой отец преподнёс ей войну. В её честь он вырезал миллионы.

Томас мигнул несколько раз, пока она говорила.

— Я этого не знал.

— Мало кто знал. Я не думаю, что мой брат это понимает, а если и понимает, то ему это всё равно. Он для этого слишком сын Хэнса.

Генерал-капитан коротко кивнул:

— Порода Лиса в нём слишком сильна.

— К сожалению.

— Вы так думаете? — Томас нахмурился. — Хотя я никогда не любил вашего отца, если бы я сейчас мог вызвать его из могилы и поставить во главе войны с кланами, я бы сделал это в мгновение ока. Переделывая пословицу: если проблема — это гвоздь, то решением будет молоток.

Катрина кивнула.

— Да, но политика, и управление нациями — это не те проблемы, которые можно назвать гвоздями, вы согласны?

— Нет, политическая прозорливость — это больше искусство, чем умение.

— А я, Томас, оказалась в таком положении, что должна иметь дело с проблемами политической прозорливости, не имея должного совета. Я не могу обратиться к Виктору — он ненавидит меня за раскол Федеративного Содружества. Теодор Курита тоже настроен Виктором против меня. Сунь-Цзы Ляо и я никогда не встретимся с глазу на глаз, особенно когда я взяла к себе советником его дядю. — Катрина улыбнулась с надеждой во взгляде. — Вы единственный человек, которому можно доверять, и вы обладаете знанием, которое мне нужно, чтобы быть уверенной, что я действую правильно.

Кожаный диван скрипнул, когда Томас подался вперёд.

— Вы мне льстите, Катрина.

— Я только констатирую очевидное, Томас.

— Очевидное, быть может, для вас, но я никогда бы не посмел думать, что вы мне настолько доверяете.

«Теперь посмеешь, поскольку это тот вывод, к которому я тебя подвожу».

— Я доверяю вам, Томас, поскольку каждому из нас нужно то, что может ему дать другой.

— Катрина облокотилась на левую сторону дивана и положила ногу на ногу. — Я не удивлюсь, если ваша Шеррил Халас вскоре объявит, что носит вашего ребёнка. Пожалуйста, не делайте такой удивлённый вид — это просто интуиция. Вам нужен наследник, чтобы отодвинуть Изиду и не пустить Сунь-Цзы на ваш трон, а Халас — вполне подходящий супруг.

Тёмный глаз Томаса заискрился.

— Она не была единственным вариантом среди кандидаток на рождение моего наследника.

— Я так и думала, — улыбнулась Катрина. — Будь мой брат всё ещё архонт-принцем единого Федеративного Содружества, он мог бы предложить меня вам в качестве супруга, чтобы наш ребёнок стал средством объединения наших царств.

— Это был бы мощный альянс даже и сейчас, Катрина.

— Согласна, но сейчас это невозможно, Томас. — Катрина посмотрела прямо ему в глаза. — Если бы мы поженились и объединили наши государства, у нас оказался бы один голос вместо двух в Звёздной Лиге, которую мы собираемся создать. — Её улыбка стала жёстче. — Пусть я не могу дать вам наследника, но я могу помочь вашему новому наследнику выжить.

— Как?

— Тормано постоянно порывается усилить своё движение «Свободная Капелла». Сейчас его возглавляет Кай Аллард-Ляо, но вы можете себе представить, чтобы он удержался от вступления в войну против кланов? Вряд ли, а в его отсутствие влияние Тормано усилятся. Его действия могут занять Сунь-Цзы, и ему будет не до вас.

— Он будет занят другим.

— Именно, и не будет думать о вашем ребёнке. — Катрина улыбнулась. — Я сочту для себя честью предоставить графине кров и до и после родов, сколько она пожелает.

Лицо Томаса замкнулось, тон стал официальным.

— Прошу прощения, архонт, но один мой ребёнок уже насладился гостеприимством вашей семьи.

Катрину охватил гнев. — «Как ты смеешь думать, что я предлагаю тебе подвох, ты, недочеловек несчастный!» — Она хотела наброситься на него, но сдержалась. Чтобы скрыть свои чувства, она поднесла руку ко рту, потом наклонилась, положила руку к нему на колено.

— О, Томас, я не подумала. Боже мой, каким же исчадием зла вы считаете меня! — Катрина сумела перевести гнев в ужас и позволила себе выразить его дрожью в голосе. — Я думала, что Кали Ляо трудно было бы заслать своих убийц на Атрей, но нанести удар здесь им было бы ещё труднее. Прошу вас, простите меня. Я... это такой ужас...

Левая рука Томаса опустилась на её руку, прижав к колену.

— Я хочу верить, Катрина, что вас тогда ввели в заблуждение. Очень хочу. — Его голос стал чуть резче. — Но всё же я хочу, чтобы вы знали: за любую угрозу моему ребёнку я отплачу сполна. Я не стал продолжать войну против вашего брата, поскольку он всего лишь выполнял план отца, но моюдержанность не следует считать трусостью. Я могу отказаться драться, но это не значит, что я не могу драться или не буду.

— Эту ошибку я бы допустила в последнюю очередь, Томас. — Катрина подвинулась, коснувшись коленями края стола, и выпрямилась, насколько позволяла пойманная рука. — Я не представляю себе ситуации, в которой мне бы понадобился заложник от вас или вам от меня. Учитывая наши границы, мы и без того заложники друг друга. Если мы начнём воевать друг с другом, нас съедят другие — кланы нападут на моё государство, Сунь-Цзы — на ваше. А когда нас разгромят, мой брат и дом Куриты сметут то, что не сокрут кланы.

Катрина высвободила руку из ослабевшего захвата.

— Наш единственный шанс на процветание, на выживание — это работать вместе. Имея меня в союзниках, вы ничем не рискуете, усмиряя Сунь-Цзы. Правильное использование вящего будущего зятя поставит моего брата туда, где ему место, а Теодор согласится на любой план, идущий на пользу его стране.

Томас нахмурился.

— Вы действительно так презираете своего брата?

Вопрос поразил Катрину настолько, что она даже не смогла скрыть этого до конца.

— Виктора? Не то чтобы я презирала его, Томас, я просто слишком хорошо его знаю. Он считает Сунь-Цзы своим врагом, но также считает его прямой угрозой своему другу Каю. Виктор предан почти до нелепости, и преданность его ослепляет. И как вы уже отметили, Виктор больше воин, чем политик. Им вертеть нелегко, но можно.

Томас медленно опустил изрезанное шрамами лицо.

— Не могу отрицать, что в ваших словах есть логика. Но я не уверен, что мне нравится мысль вертеть Виктором.

— Но вы сами сказали, что Виктор — наша самая большая надежда как командующий силами, которые уничтожат кланы. Наш неофициальный союз гарантирует, что он сделает работу, для которой подходит лучше всякого другого. — Катрина позволила себе слегка хрипнуть. — То, что он будет думать только о кланах, а потому представлять собой меньшую угрозу для нас, — это всего лишь дополнительная выгода.

Томас сложил руки как в молитве.

— Я думаю, архонт, что наши государства очень выиграют от сотрудничества. Всё это, конечно, должно быть конфиденциально, но вполне допустимо, поскольку наши планы на пользу Внутренней Сфере в целом. — Томас улыбнулся. — Вас удивляет, что я так быстро согласился?

— Признаюсь, да. Вы же создали общество Рыцарей Внутренней Сферы с упором на благородство и справедливость, и я думала, что подобные действия за кулисами для вас могут быть неприемлемы.

— На самом деле нет. В идеальном обществе подобные закулисные действия не были бы необходимы. — Взгляд генерал-капитана стал твёрже. — Но наше общество не идеально, и нам приходится принимать решения, из-за которых родители теряют детей — как и я заплатил жизнью сына. Если тайные сделки уменьшают эту цену, я вступаю в них. Как бы я ни желал,

чтобы можно было без этого обойтись, они необходимы, а раз так, я стараюсь использовать их как можно лучше.

Он поднял глаза, и Катрину проняло холодком. Изуродованное лицо светилось внутренним огнём.

— Джером Блейк, слова которого я выучил, когда был в КомСтаре, предвидел золотой век человечества. И это та цель, которую я преследую. Она не оправдывает средства, но требует должного усердия. В вас, Катрина, я вижу партнёра для её достижения. Поэтому я работаю с вами, но лишь на благо всего человечества.

— Ваша цель — моя цель, Томас. — Катрина прижала руки к сердцу. — «Золотой век — под властью золотоволосой женщины». — И горе тому, кто встанет у нас на дороге.

11

Большой бальный зал, Королевский дворец

Триада

Город Таркад, Таркад

Округ Донегол, Лиранский Альянс

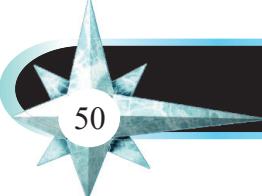
8 октября 3058 г.

Та же усталость, что заострила лицо регента по военным вопросам, гудела в костях Виктора. Заседания военного планирования разбились на долгие совещания, когда сравнивали официальные оценки боеготовности и сил войск каждого государства с фактами и цифрами, сообщёнными Джерри Крэнстоном и Доком Тревеной. В общем и целом цифры оказывались похожими, хотя Сунь-Цзы переоценивал свои новые боевые единицы и недооценивал боевые единицы воинских домов.

Цифры и обсуждения закладывали фундамент реального создания коалиционных сил. Хотя маршал Брайан всё ещё возмущалась исходом конфликта на Ковентри, другие руководители, в том числе Ву Кан Кую и сэр Пол Мастерс из мариковых Рыцарей Внутренней Сферы с уважением относились к желанию Виктора принять победу, которая не стоила жизней солдатам. Никто, конечно, не смел предположить, что кампания против кланов будет выиграна так же чисто, но все вроде бы соглашались, что расточительных потерь следует всеми силами избегать.

Регент по военным вопросам тяжело облокотился на трибуну и оглядел собрание политических руководителей.

— Все вы уже получили ваши секретные доклады о ходе дискуссий на заседаниях военного планирования. Как вы знаете, нашей предварительной задачей было оценить войска, которые мы можем мобилизовать против кланов. Эти новые силы обороны Звёздной Лиги будут многочисленны, но кампания потребует времени и серьёзного расхода резервов. Сколько именно она продлится и сколько потребуется людских и материальных ресурсов, в данный момент невозможno точно прогнозировать.

— Перед тем как мы вступим в фазу составления каких-либо существенных планов, необходимо обсудить некоторые вопросы. Будь эта кампания чисто планетарной, тактические соображения решали бы, где, когда и как мы её начнём. Но поскольку мы ставим себе целью изгнание врага из области, охватывающей сотни тысяч кубических световых лет, вопрос о том, где начать, может и должен содержать политическую составляющую. Итак, это первый вопрос, который я ставлю перед вами: откуда мы начнём наступление?

Виктор слушал эти слова как торжественные и серьёзные, но его сестра, судя по тому, с какой быстротой она вскочила на ноги, очевидно, приняла их за призыв аукциониста назначать цену. Виктору пришло в голову, что то, что они сейчас будут делать, очень похоже на торговлю, предшествовавшую атаке кланов, и ирония ситуации заставила его слегка улыбнуться. — «Мы становимся похожими на врагов, а они — на нас».

Анастасий Фохт кивнул Катрине:

— Вы хотите начать, архонт?

Катрина улыбнулась и показала на центр зала. Там медленно соткалось голограммическое изображение — вид Лиранского Альянса, от границы с Лигой Свободных Миров до оккупационной зоны Нефритовых Соколов. Карта снизу тянулась до Терры и границы между Лиранским Альянсом, Синдикатом Дракона и крошечной Свободной Расальхагской Республикой.

— Я собираюсь доказать вам, коллеги, что Лиранский Альянс является лучшим решением для организации и начала нашего наступления на кланы. Граница с Нефритовыми Соколами у нас широкая, но не настолько, чтобы растянуть силы. Зона оккупации Нефритовых Соколов имеет густо расположенные системы, а это значит, что почти все места боевых операций будут в одном прыжке от наших позиций. Наступление из Лиранского Альянса освободит миры Альянса, а также миры Свободной Расальхагской Республики.

Катрина показала пальцем на Терру, и родина человечества засветилась.

— Как все мы знаем, заявленная цель вторжения кланов — захват Терры. Одна из наших первых задач может состоять в отрезании оккупационной базы кланов, создав буфер, предотвращающий их удар на Терру и снимающий давление со Свободной Расальхагской Республики. — Она посмотрела вверх, на треугольную область возле середины линии, где Нефритовые Соколы выступили на несколько сантиметров из проекции. — Это оборонительный кордон Арк-Рояла. Полковник Келл — или префект фон Уорлок, если вам угодно, — обещал, что его «Гончие Келла» и войска его сына будут защищать эту зону от поглощения кланами. Если мы будем атаковать не из Лиранского Альянса, эти хорошо обученные и эффективные войска останутся неиспользованными.

Морган Келл встал.

— Простите, что перебиваю, архонт, но ваше последнее утверждение не точно. Я никогда не говорил и не имел в виду, что буду удерживать свои войска от битвы с кланами. Когда вы в прошлом просили моей помощи, она предназначалась для операции против целей Внутренней Сферы. Я отказался использовать свои войска против сил Внутренней Сферы при наличии столь сильной угрозы со стороны кланов. Мои люди будут драться там, где их попросят.

Виктор уловил в лице сестры вспышку гнева, потом лёгкого удивления, но она тут же взяла себя в руки. — «Она не ожидала от Моргана такого признания. Она считала его занозой у себя в боку и до этой минуты думала, будто дело в том, что он её ненавидит. Теперь похоже, что ему просто не нравился её выбор целей. Это заставит её задуматься, что тоже хорошо».

Катрина кивнула Моргану, и тот сел на место.

— Я благодарна вам за это разъяснение, полковник Келл. Но я лишь имела в виду тот факт, что ваши приготовления к защите Арк-Роялского оборонительного кордона могут послужить фундаментом для сил наступления.

Регент по военным вопросам улыбнулся:

— Ваша точка зрения вполне ясна, архонт, и ваше официальное предложение будет загружено в ноутпьютеры присутствующего здесь штабного персонала. Координатор, не хотите ли вы обратиться к собранию?

Теодор Курита встал, одетый в тёмный костюм без каких-либо воинских знаков различия.

— Архонт в своём выступлении удачно отметила некоторые моменты. Я бы предложил в качестве базы для наступления Синдикат Дракона — по многим причинам.

Он показал рукой на центр зала, и голографическое изображение Синдиката Дракона смилило карту Лиранского Альянса. Похожая на почку область была наклонена под углом сорок пять градусов, и в районе её внутренней кривизны виднелись зоны вторжения, оккупированные Дымчатыми Ягуарами и Нова Котами. Синдикат на голограмме был окрашен оттенками красного, а зона кланов — серым. Рядом с ней была куда более тонкая зона, оккупированная Призрачными Медведями. Она была голубой.

— Синдикат может предложить нашим силам множество преимуществ. Первое и главное: вопросы секретности будет решать куда проще, поскольку средства массовой информации подчиняются правительству. Многие из вас в прошлом осуждали подобное положение вещей, но факт остаётся фактом: простым прослушиванием вещания средств массовой информации кланы могут легко выяснить природу наших военных приготовлений в Лиранском Альянсе. Хотя СМИ — это инструмент, с помощью которого мы можем ввести их в заблуждение, истинная оперативная секретность может быть соблюдена только в Синдикате.

В сердце серой зоны засияла красным планета.

— Это Уолкотт. Этот мир Ягуары не смогли у нас отвоевать, и в торговле перед битвой они согласились оставить планету в покое, если не смогут завоевать. Мы можем использовать Уолкотт как базу для сосредоточения войск, обеспокоив Дымчатых Ягуаров. Она может служить как безопасным аванпостом для нападений, так и источником снабжения войск.

— Архонт Катрина отметила, что миры в зоне Нефритовых Соколов расположены теснее, что облегчает переброску войск. Кроме того, это также позволит Соколам быстрее передавать войскам подкрепления, снабжать их боезапасом и техникой. В зоне, близкой к Синдикату, у нас меньше целей, а значит, мы можем создать большую концентрацию сил. — Голос Теодора стал чуть тише, а взгляд твёрже; — У нас также есть причина полагать, что мы, быть может, не будем вынуждены нападать на миры, оккупированные Нова Котами.

У Томаса Марика отвалилась челюсть.

— Как? Вы что, вели переговоры с кланами?

Теодор поднял руку:

— Нова Коты пытались вести переговоры. Как известно военному регенту, Нова Коты отличаются от прочих кланов. Они столько же мистики, сколько и воины, хотя умеют сражаться свирепо, как свидетельствует их битва с «Нортундскими горцами» на Уэйсайде V. Нова Коты придают огромное значение видениям, испытанным некоторыми их воинами или ханами. На сколько я понимаю, у кого-то было видение нова кота, пережёванного драконом, или чего-то в этом роде, а это вызвало разрядку.

Томас Марик, прищурившись, уточнил:

— Так что вы хотите сказать, Теодор?

— Я хочу сказать, что Нова Коты, очевидно, видят теперь иные средства достижения своих целей. Если с ними возможен компромисс — а наши переговоры в эту сторону и движутся, — то я считаю, что продолжать такие переговоры необходимо.

Катрина уставилась на Теодора кинжалальным взглядом.

— И вы предлагаете, чтобы мы позволили клану владеть мирами Внутренней Сферы?

— Поскольку эти миры принадлежали мне, и я определяю, как с ними следует поступать, — то да, разумеется. — Координатор покачал головой. — Не вижу причин, почему я должен покупать кровью то, что и без того моё и что я могу вернуть мирным путём.

Сунь-Цзы негромко рассмеялся.

— Непонятно, почему ты так возмущаешься Теодором, Катрина. Ты же позволила людям клана жить прямо в своей стране.

— Люди моего сына — клановцы во всём, кроме одного! — рыкнул на него Морган Келл.

— Кроме преданности. Насколько я понимаю, координатор говорит то же самое о Нова Котах.

Регент по военным вопросам поднял руки:

— Прошу всех, давайте поймём вот что: координатор всего лишь предположил, что у него есть способ действий в той реальности, с которой нам придётся столкнуться, — в частности, когда клановцы останутся на отвоёванных нами планетах. Нам в этой комнате легко забыть, что для большинства людей завоевание мира — это смена лиц на монетах, новые государственные гимны и другие праздничные дни — вот и всё. Как наши люди не стали бежать с захваченных миров, так и люди кланов не будут бежать с миров, которые мы отвоюем. Нам не узнать, ни сколько их пришло во Внутреннюю Сферу, ни сколько планет перестроились по социальной модели кланов, но во Внутренней Сфере ещё долго придётся иметь дело с людьми кланов. Это мы должны помнить и принять.

Виктор встал:

— Регент по военным вопросам, я боюсь, что наша дискуссия очень скоро прервётся, если мы не перенаправим её туда, куда изначально собирались: поиск направления атаки на кланы. Конечно, моя сестра и координатор Синдиката Дракона привели очень хорошие доводы. Среди нас нет ни одного, кто не желал бы освободить из-под ига первым делом свои народы, но их освобождение — не главная наша цель.

— Так скажите же, в чём она, о принц Виктор! — ухмыльнулся Сунь-Цзы. — Помимо, конечно, вашего возвеличения.

Виктор не стал реагировать на шпильку Сунь-Цзы.

— Практический результат, без которой наша кампания не удастся, таков: один из кланов должен погибнуть! Здесь не может быть ни компромисса, ни колебаний, ни отступлений. Если вы изучите историю кланов, то узнаете, что изначально их было создано двадцать, два клана были поглощены другими, а третий, имя которого не называют, был истреблён остальными кланами до последнего человека. Это полное уничтожение одного из кланов в их истории считается огромным событием. Оно их потрясает и пугает. Если мы уничтожим клан, мы сделаем то, что раньше удавалось только им. Гибель клана сделает нас равными им.

Военный регент кивнул:

— Принц Виктор очень хорошо изложил свою точку зрения. Кланы уважают силу. Все мы согласны, что, отодвинув их обратно, покажем себя сильными. Если мы выберем один клан для нападения и разгрома, до них наверняка дойдёт.

Катрина нахмурилась:

— Но напасть только на один клан — это значит развязать руки остальным для нападения на нас.

Виктор покачал головой:

— Кланы не более едины, чем мы. Если мы нападём на клан, его враги не станут нападать на нас. Также важно повторить то, что сказал Фелан на нашем первом собрании: кланы разделены различной философией. Крестоносцы составляют население кланов, которые задумали и осуществили вторжение. Если мы уничтожим клан крестоносцев, это не только ослабит позиции крестоносцев в совете кланов, но и породит серьёзные сомнения в верности философии, положенной в основу вторжения.

— Тогда, принц Виктор, каков будет наш выбор? — Теодор Курита взглянул на своего помощника, и карту Синдиката сменила карта зон вторжения кланов. — Нова Коты сомневаются, и Призрачные Медведи — не крестоносцы. Нефритовые Соколы, Волки и Дымчатые Ягуары — крестоносцы.

— Это, определённо, сужает наш выбор. — Виктор кивнул головой в сторону карты. — Очевидный выбор — это Волки или Нефритовые Соколы. Оба клана ослаблены недавней войной друг с другом, и доходят сообщения, что некоторые миры в зоне Нефритовых Соколов ещё не усмириены после освобождения их Волками.

Трибуна заскрипела, когда регент по военным вопросам наклонился вперёд.

— Единственная видимая мне трудность с нападением на Нефритовых Соколов, — та, что Волки почти наверняка будут захватывать планеты, внося вклад в нашу победу, но снижая её влияние, которое мы хотим обеспечить. Фактически такие действия усилият Волков и их статус среди кланов. Усиление позиции Владимира Уорда — последнее, что я стал бы рекомендовать.

Виктор не успел высказать своё мнение — поднялась Катрина.

— Мне кажется, что наш единственный путь — атаковать Дымчатых Ягуаров. Как указал мой брат, Нефритовые Соколы и Волки слабы, и нападение на них может быть сочтено использованием случайного преимущества. Тот факт, что наибольших успехов вторжение достигло в новой Свободной Расальхагской Республике, означает, что кланы — я никого не хочу обидеть, принц Магнуссон — выбирают для атаки самые слабые места Внутренней Сферы. Если мы выберем более стоящего противника, морально мы окажемся выше кланов.

Кэндес Ляо поглядела через Моргана Келла на Катрину:

— Вы понимаете, архонт, что ваше одобрение Дымчатых Ягуаров в качестве цели, по сути, полностью противоречит вашей недавней позиции. Оно означает, что ваше государство не будет базой наступления.

— Я это понимаю, герцогиня Ляо, и вы не знаете, насколько мне больно видеть свой народ под гнетом тирании и не иметь возможности его освободить.

— Вы бы удивились, архонт, если бы узнали, как хорошо мне об этом известно.

Виктор увидел, как побледнел Сунь-Цзы от этих острых и ледяных слов.

— Я должен согласиться со своей сестрой. Дымчатые Ягуары — вполне логичный выбор цели. Если нам улыбнётся удача, враждебность Соколов и Волков не даст никому из них приступить к авантюре. Поскольку ни один из этих кланов не славится любовью к Ягуарам, они, скорее всего, при нашем нападении сохранят нейтралитет.

Военный регент кивнул.

— Я бы также указал, что ильханом в период начала вторжения был Лео Шоуэрс, Дымчатый Ягуар. Вполне уместно, чтобы именно его клан расплатился за нападение на Внутреннюю Сферу.

Теодор Курита оглядел собравшихся.

— Итак, решено? Все мы согласны, что цена нашего будущего — уничтожение целого клана и что клан, на который мы должны напасть, это Дымчатые Ягуары?

— Твой народ наживается на нашей мудрости, Теодор, — тихо засмеялась Катрина. — Это решено.

Виктор прищурился.

— Ты лучше пойми его вопрос, Катерина, потому что координатор не задаёт их так просто. Да, мы все согласились, что Ягуары — цель атаки, но согласились ли мы, что наша цель — их полное и окончательное уничтожение? Когда мы закончим, их не останется на наших мирах. Их символы будут уничтожены, здания стёрты с лица планет. Не останется ничего.

Томас Марик нахмурился:

— Но ведь ты не имеешь в виду геноцид? Пленники истребляться не будут?

Виктор покачал головой:

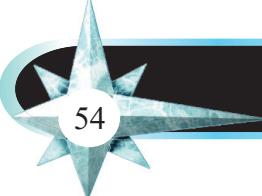
— Нет, мы не будем убивать пленных. Мы не будем убивать невинных. Но мы будем убивать Дымчатых Ягуаров. Их культура, то, что делает их неповторимыми среди кланов, — это должно быть уничтожено. Мы поглотим и переучим тех, кого можно, но их первоначальное создание, и их родная планета — если мы найдём её, — от этого должны остаться лишь воспоминания.

Хаакон Магнуссон холодно улыбнулся.

— Кланы почти проделали это в моей Расальхагской Республике. Я безоговорочно согласен отплатить им той же монетой.

— Это не месть, принц Магнуссон. — Теодор Курита наклонился вперёд, опираясь руками на стол. — Кланы когда-то отделились от нас. Это был мятеж, и он должен быть наказан. И мы накажем их, но мы должны согласиться в том, что не отступим от своего решения. Некоторые могут счесть наш план варварским, но нас не их мнения интересуют — важно, чтобы он произвёл нужное впечатление на кланы. Если вы не можете принять такую ответственность — скажите это сейчас или молчите.

Виктор оглядел делегатов. Сунь-Цзы слегка нервничал, у Катрины был скучающий вид, но у всех остальных выражение лица было суровым и торжественным. Морган Келл, Кэндес Ляо,

Теодор Курита — все знаменитые мехвоины, — понимали, что от них просят. Хаакон Магнуссон тоже был воином и принял возлагаемое на него бремя слишком охотно, по мнению Виктора.

Томас Марик, казалось, боролся в душе с демонами, но это Виктора не удивило. Хотя этот человек не являлся на самом деле Мариком — его обман был известен лишь узкому кругу советников Виктора и, по-видимому, самому дублю, — он был членом секты КомСтара ещё до занятия трона. Это был вождь-идеалист, предпринявший множество изменений, чтобы утишить междоусобные бои и постоянную вражду среди народа Лиги Свободных Миров. Он создал общество Рыцарей Внутренней Сферы — некоторые называли его частной армией, но Марик утверждал, что это новый военный орден, основанный на благородных взглядах на битву. Предложенная сейчас стратегия прямо противоречила целям, которые стояли перед ним как руководителем нации, и его мечтам о будущем Внутренней Сферы. — «И всё же он должен понять, что другого пути нет».

Томас медленно поднялся, и изборождённое шрамами лицо стало ещё ужаснее от простиравшей на нём печали.

— То, что мы сейчас выбираем, зло. В этом нет сомнения, но ещё большим злом было бы не противостоять кланам. Я считаю своей огромной личной виной, что не могу найти другого способа убедить кланы оставить нас в покое. Их нельзя уговорить, следовательно, их необходимо уничтожить. Вопреки своим убеждениям я соглашаюсь с таким образом действий.

Правители Внутренней Сферы кивнули один за другим в знак согласия. Регент по военным вопросам подождал, пока был подан последний голос, и потом тоже согласился.

— Итак, решено. Мы выступим против кланов, и основная кампания начнётся из Синдиката Дракона. Цель её проста: клан Дымчатых Ягуаров должен погибнуть.

12

*Королевский дворец, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
9 октября 3058 г.*

С каждым шагом приближаясь к кабинету Катрины Штайнер вместе с отцом, Фелан всё сильнее жалел, что не принял вместо этого приглашение Виктора пофехтовать. — «Здесь меня наверняка тоже ждёт фехтование, но я бы предпочёл такой вид, где я вижу рапиры и знаю, когда наносится укол». — Если бы Катрина пригласила его одного, он бы отказался, но он был включён в приглашение, направленное отцу. Морган попросил его немного потерпеть.

Комната показалась Фелану ослепительно белой. Поклонники Катрины описывали её кабинет как чистый и девственный, но ему он казался холодным и стерильным. — «Негостеприимным, почище ледяных полей Моржа. — При этой мысли он слегка улыбнулся. — Там я последний раз был в сражении и предпочёл бы сейчас быть там, а не здесь».

Катрина, одетая в кашемировую кофточку и облегающие брюки, белые, как отделка её кабинета, жестом пригласила вошедших сесть на диван и села на такой же с другой стороны низкого стеклянного столика. На столе лежали диски полудюжины журналов, вышедших в Арк-Ройяле или в пределах оборонительного кордона. Он не стал пытаться разглядеть их и узнать дату выхода и номер, но решил, что там есть статьи о нём, об отце и о Волках. — «И не все из них хвалебные, наверняка».

— Хочу поблагодарить вас обоих, что откликнулись на моё приглашение, посланное так поздно. Могу я вам что-нибудь предложить? — Катрина показала рукой в сторону буфета. — У меня даже есть ирландское виски с винокуренного завода Коннора в Арк-Ройяле, которое вы раньше посыпали моей бабушке.

— Нет, спасибо, — покачал головой Морган. Он задумчиво огляделся, с непривычно мягким выражением лица. — Последний раз, когда я пил здесь ирландское виски, этот кабинет был совсем другим. Ваша бабушка была ещё жива, а вы носили помочи и банты. В те времена вы здесь редко бывали — вы воспитывались в основном на Новом Авалоне.

— Довольно забавно, что Виктор правит не там, где он вырос, как и я. — Голубые глаза стрельнули в Фелана. — А Фелан должен был покинуть чрево Внутренней Сфера раньше, чем исполнил своё предназначение. Да, мы долго могли бы болтать о цепочке событий, которые ко всему этому привели, но у меня есть срочные вопросы, которое я хочу обсудить с вами обоими.

Фелан поднялся с кушетки и подошёл к буфету.

— И что это будут за вопросы?

— Я неверно судила о вас, о вас обоих, и хочу загладить свою вину. — Пока Фелан наливал себе в бокал холодной воды, Катрина наклонилась к его отцу. — Ваши слова, сказанные вчера на заседании, открыли мне глаза, что я была не права. Год назад, когда вы отказали в ответ на мою просьбу о помощи и создали Арк-Ройялский оборонительный кордон, я посчитала это актом неподчинения. Теперь я понимаю, конечно, что это было совсем не так.

Морган медленно кивнул:

— В то время вы, Томас Мариик, Сунь-Цзы Ляо и ваш брат втянулись в конфликт, отвлекающий нас от главной угрозы Внутренней Сфере. Если бы тогда по Соколам не ударил ильхан Ульрик Керенский, кланы прошли бы Лиранский Альянс насеквозд. Ваша нация была бы уничтожена, а вы бы сами стали бы связанной кланов. Быть связанной у кланов — штука неприятная, можете спросить у Фелана.

Фелан поглядел на Катрину поверх бокала.

— Да, вряд ли бы это вам понравилось, Катрина. Вы не прошли обучения воина или учёного, и в лучшем случае вас бы приписали к торговой касте.

Катрина вздрогнула, играя золотым изящным браслетом на правом запястье.

— Не сомневаюсь, что это было бы ужасно. Вы были совершенно правы, Морган, отказав мне в поддержке, и были правы, вновь стараясь привлечь внимание каждого к кланам. Однако до вчерашнего дня я этого не понимала и лишь потому не пригласила вас на это совещание. Я рада, что Виктор раз в жизни проявил некоторую дальновидность и исправил мою ошибку, которая могла быть роковой.

— Важно лишь то, Катрина, что мы с Феланом здесь.

— Да, Морган, это невероятно важно. — Катрина подвинулась, чтобы видеть сразу и Фелана и Моргана. — И вот почему я позвала вас сюда, у меня есть некоторые вопросы, весьма меня волнующие, и я хотела бы воспользоваться вашим советом.

Фелан фыркнул:

— Я думал, у вас советниками Тормано Ляо и Нонди Штайнер.

— Они дают мне советы, но, между нами говоря, у них есть свои слепые зоны. Тормано считает, что Сунь-Цзы угрожает мне больше, чем кланы. Нонди, которую я очень люблю, питает к вам сильные и недобрые чувства, Морган, и я не сомневаюсь, что она считает вас, Фелана и ваших людей экспедиционным корпусом клана, ждущим момента, чтобы вырваться из Арк-

Ройяла и поглотить нас. — Катрина осторожно улыбнулась. — Из ваших вчерашних замечаний я поняла, что есть вещи, которые Лиранский Альянс должен сделать для подготовки войны против кланов, и вряд ли Тормано и Нонди это поймут.

Морган подался вперёд, положив руки на колени, В полуденном солнце из больших окон тускло блеснул чёрный металл его искусственной правой руки.

— Мне очень интересно было бы знать ваши планы, Катрина.

— Хорошо. — Катрина вздохнула и откинулась на спинку дивана, подобрав ноги на подушки. — Я полностью согласна с вами насчёт целей оперативной группы, которую мы отправим. Идея перенести войну на территорию одного клана и уничтожить его кажется мне правильной. Я поддержу эти действия, но мне кажется, что военный регент и мой брат упускают из виду некоторые важные факторы. Мне неприятно об этом говорить, поскольку я понимаю важность сохранения единого фронта, но факт остаётся фактом: планирование наступательной стратегии — вещь хорошая, но они не учитывают внутренний фронт.

Морган нахмурился:

— Я не улавливаю вашу мысль.

— Виктор говорит о кампании, которая займёт много лет. Вполне возможно, что кланы — и вы, Фелан, знаете это лучше любого другого, — могут расколоться, и крестоносцы внезапно возобновят усилия по завоеванию Внутренней Сферы. Пока мы будем пытаться выбить из Внутренней Сферы Дымчатых Ягуаров, Нефритовые Соколы и Волки могут броситься вперёд и растоптать Лиранский Альянс.

Фелан кивнул:

— Это возможно. Волками командует Влад, а он способен на всё. Марта Прайд, хан Нефритовых Соколов, была бы рада захватить Терру. Вряд ли вам понравилось бы быть связанной у любого из них.

— Совсем бы не понравилось. Как и всему моему народу. — Катрина поглядела вниз на руки.

— Вот почему я хочу сохранить как есть ваш Арк-Роялский оборонительный кордон. Я хочу, чтобы «Гончие Келла» и Волки остались в Лиранском Альянсе, пока будет идти война с Дымчатыми Ягуарами. Хочу, чтобы вы могли защитить Лиранский Альянс.

Морган на миг закрыл глаза, потом медленно покачал головой.

— Кажется, вы не поняли смысл того, что я говорил вчера, и не поняли, почему я отказался помочь вам раньше.

— Нет, я вас отлично поняла. Я с вами согласна! — Катрина села прямо. — Вы — единственный, кому я могу доверить безопасность моей страны.

Морган снисходительно улыбнулся.

— Да, но, видите ли, я не склонен вам доверять, Катрина.

— Что?

— Вы меня слышали.

— Почему вы считаете меня недостойной доверия?

Голос Моргана упал до низкого ворчания.

— Я редко нахожу причины доверять убийцам.

Неожиданность, возмущение — Катрина выкатила глаза так, что стали видны белки, у неё отвалилась челюсть.

— Это я убийца? Я не убийца!

— Ваши протесты и демонстрация оскорблённой невинности на меня не действуют. — Морган Келл резко встал, и Катрина шарахнулась от него. — Я знаю, знаю, что Виктор не убивал вашу мать. Перед самой её смертью Мелиssa призналась мне, что предложила Виктору своё отречение в его пользу. Он не позволил ей этого. Она не была помехой на его пути к власти, но Виктор — помеха на вашем пути к власти. Вашу мать необходимо было устраниТЬ, а перекладывание вины за это на Виктора позволило вам узурпировать его место здесь.

Катрина закрыла лицо руками, плечи её затряслись от рыданий.

— Как вы можете так говорить, Морган? Я любила мать. Я была с ней, когда она умерла. И это я дала вам самый лучший уход во время вашего выздоровления. Когда вы лежали больной, я каждый день навещала вас. Как я могла бы такое делать и зачем, если это я была причиной вашего ранения?

— Чувство вины? — Морган поглядел на неё сверху вниз. — Каждый раз, когда вы ко мне приходили, вы выражали скорбь о смерти моей жены, и что я потерял руку, но вы ни разу неожалели о смерти своей матери. Вас больше заботило, что я не смогу присутствовать на похоронах, чем её гибель.

— Нет! Я просто умела держаться и утешала вас в вашей трагедии. Не будь вы так сильно ранены и накачаны наркотиками, вы бы увидели горе в моём сердце. То, что вы его не видели, — это значит, что его там не было.

— О нет, Катрина, вы хорошо сыграли роль убитой горем дочери — слишком хорошо. Вы несли своё бремя как борец и были уверены, что все СМИ всей Внутренней Сфера видят, как вы храбро держитесь. — Рука Моргана из плоти и крови сжалась в кулак. — Особенно мне нравилось, как вы негодовали против тех, кто обвинял вашего брата, и это лишь убеждало людей, что он точно убил Мелиссу, раз вы его так рьяно защищаете.

Морган наклонился и схватил её за подбородок, подняв её лицо к себе.

— Да, сначала я этого не понял. Горе от потери жены, руки и твоей матери меня ослепило. Но слепота была временной, и теперь я вижу ясно.

Катрина резким ударом отбила руку Моргана, встала и попятилась.

— Никогда не смей ко мне прикасаться! Никогда! Я — архонт!

— Я могу уважать этот титул, Катрина, но при этом выступать против его носителя. Твоя тёзка это знала. Тебе тоже стоит знать. И опасаться.

— Опасаться? Тебя? — Катрина громко расхохоталась, закинув голову. — Если бы у тебя были хоть какие-то доказательства, ты бы уже пустил их в ход. А у тебя ничего нет, и твои угрозы — пустые.

Морган посмотрел на неё долгим взглядом и покачал головой:

— Катрина, ты относишься к худшему виду дураков — к тем, кто не слушает. Если бы я пустил в ход мои улики прямо сейчас и низложил тебя, я бы ослабил Внутреннюю Сферу. Этого я не сделаю. Но когда кланы будут разгромлены, я не буду так связан.

— Если ты доживёшь до конца этой войны против кланов.

Холодная ярость в голосе Катрины ударила по жилам Фелана адреналином. Он с размаху запустил бокал в стену, оставив там мокре пятно. Катрина ещё не успела вскрикнуть, как Фелан шагнул вперёд и схватил её правой рукой за шею. Он поднял её над полом, слыша только бульканье в её горле и царапанье ног по ковру.

— Ты убила мою мать, а теперь угрожаешь отцу? Ты смеешь угрожать моему отцу? — Он чуть надавил большим пальцем, точно под угол челюсти. Больше всего ему хотелось стиснуть руку и выдавить жизнь из этой женщины, но это желание удавалось сдержать. — Вот что запомни: его смерть — твоя смерть. Моя смерть — твоя смерть.

На правое плечо Фелана легла металлическая рука.

— Отпусти её.

Фелан не обратил внимания.

— Слушай меня, Катрина, потому что это не пустые угрозы. У меня полная планета Волков, которых ничто не остановит, если они будут мстить за меня или мою семью. — Он наблюдал, как лицо Катрины лиловело, глаза стали вылезать из орбит. Пульс её был у Фелана под пальцами. Образ матери витал у него перед глазами, и он начал медленно сжимать хватку.

Сквозь красный туман ярости прорезался голос отца:

— Отпусти её, Фелан.

Фелан отпустил горло Катрины и не поддержал её, когда она упала на диван. Она тёрла горло и ничего не говорила, только смотрела на Фелана змеиным взглядом, а тот спокойно смотрел мимо этого взгляда и улыбался, видя, как наливаются красным синяки на бледной шее.

Морган склонил голову:

— Насколько я понимаю, аудиенция окончена. Вот что пойми, Катрина: пока существует более сильная угроза для Внутренней Сферы, тебе ничто не грозит. Когда кланы будут уничтожены, тогда свершится правосудие.

* * *

Дверь закрылась за Келлами, а Катрина всё ещё тёрла горло. Ей хотелось вопить от ярости, но такого удовольствия она им не доставит.

А может быть, её остановил просто страх.

Но страх победила ярость. Фелан Келл поднял на неё руку и мог убить её на месте. И тогда все тщательно выпестованные планы погибли бы вместе с ней. Не будь здесь Моргана, она уже точно была бы трупом. А зная Фелан о её альянсе с Владом из Волков и явной опасности, которую это представляет для его собственных Волков, то вряд ли его остановило бы и присутствие Моргана.

«И вряд ли Морган захотел бы его останавливать».

Ещё она злилась на себя за то, что усомнилась в первой мысли о Моргане Келле и причинах, по которым он создал Арк-Роялский оборонительный кордон. Морган оскорбил её, унилиз. Он пошёл на открытый бунт, и единственная причина, по которой не пытался её свалить, — он хочет сохранить свою технику и боевых мехов для битвы с кланами. Он и его сын были долгосрочной угрозой её планам и выживанию. Хотя прежде ей приходила мысль, что было хорошо, что Морган не погиб вместе с Мелиссой Штайнер, но сейчас ясно: чем быстрее она избавится от Келлов, тем безопаснее будет её мир.

Страх опять пробился сквозь ярость, но на этот раз словно лишь разжёг её. Катрина отлично знала, что Морган Келл никогда бы не посмел так с ней говорить, не имея улик её участия в убийстве Мелиссы, но она знала и другое: у него нет источников, чтобы их собрать. Её агент среди «Гончих Келла» не сообщал о каком-либо расследовании убийства «Гончими», ни даже слухах об этом. Но она также понимала, что этот источник не имел доступа к конфиденциальной переписке Виктора и Моргана Келла.

«Дурак этот Морган. Он мне сообщил, что я сижу между челюстями капкана, и дал время оттуда выбраться. Если они с Виктором не собираются нанести удар до устранения угрозы кланов, это даёт мне массу времени, чтобы обнаружить, какие улики у них есть, и уничтожить их. Пока они будут спасать Внутреннюю Сферу, я спасу себя».

* * *

Пригласив Моргана Келла в свой кабинет, облицованный деревянными панелями, Виктор Дэвион подумал, что никогда не видел старого командира наёмников таким измотанным.

— Выпить хочешь чего-нибудь, Морган?

— Виски, если у тебя есть. Чистое.

Виктор вытащил бутылку ирландского виски из нижнего ящика стола красного дерева и поставил рядом два стакана.

— Двойное? Я всегда принимаю это после разговоров с сестрой.

Морган поднял палец:

— Ровно на палец — только чтобы успокоить нервы. Никогда не используй это дело для решения проблем — они так не решаются. — Старший в паре собеседников улыбнулся. — А тебе вообще не следует, ты ещё мокрый после фехтования. При таком обезвоживании оно сразу попадёт в мозг.

Виктор налил Моргану на палец янтарной жидкости и подвинул стакан по столу. Себе он наливать не стал.

— Можешь выпить, если хочешь, — улыбнулся Морган. — Ты взрослый мужчина, Виктор.

— Настолько взрослый, чтобы соглашаться с мудрыми словами, когда мне их говорят. — Виктор посмотрел, как Морган осушил бокал. — Ну и как прошёл разговор с Катериной?

— И лучше и хуже, чем ты предсказывал. — Морган поставил стакан на стол. — Она хотела наладить отношения и попросила меня оставить моих «Гончих» и Волков Фелана в Лиранском Альянсе, когда начнётся кампания. Я отказался, ответив, что я ей не доверяю, а на вопрос «почему» ответил, что не знаю убийц, которые заслуживали бы доверия.

У Виктора отвисла челюсть.

— Вот так, в лоб?

— Да. Я знаю, ты меня просил только намекнуть, будто я знаю, что это она убила мою жену и твою мать, но Катрина полощется в таком море лжи, что я побоялся, как бы она не пропустила тонкий намёк мимо ушей или не вывернула так, как ей захочется. Действуй я потоньше, она могла бы остаться в убеждении, будто я верю, что это ты убил свою мать и мою жену, и я не смог вытерпеть её игры, которую она собиралась проделать со мной. — Морган пожал плечами. — Я и решил, что оскорбление — более сильный ход.

— Как она реагировала?

— Слёзы, потом угрозы. Впечатляющий спектакль. — В тёмных глазах Моргана затлели искры. — Ещё немного, и Фелан сломал бы ей шею.

— Что? Немного — это сколько?

— Достаточно, чтобы на Таркаде опять вошли в моду высокие воротники.

— Понимаю. Спасибо, — медленно кивнул Виктор.

— Действительно понимаешь, Виктор? — Морган нахмурился. — Я хотел дать Катрине понять, что мы её подозреваем, потому что ты этого хотел. Но ты вправду хотел именно этого?

— Боюсь, у меня нет выбора, Морган. Катерина — и я никогда не назову её бабкиным именем — весьма поглощена собой, и мне сейчас надо, чтобы это стало ещё сильнее. Если экспедиционный корпус выступит против кланов, и я отправлюсь с ним, то на троне Нового Авалона останется Ивонна. Я не хочу, чтобы жадные глаза Катерины следили за восстановлением Федеративного Содружества, пока меня не будет.

Виктор подёргал за пуговицы воротника своей фехтовальной куртки.

— Кроме того, она отлично поработала, заметая следы после убийства моей матери. Только она знает, какие ошибки сделала, где ещё надо связать торчащие концы. Если мы заставим её думать, будто у нас есть против неё улики, она предпримет шаги, чтобы их уничтожить.

— А ты, наблюдая за ней, сможешь выхватить эти улики у неё из-под носа?

— У меня есть очень хорошие люди, которые это умеют.

— Это опасная игра, Виктор.

— Это не игра.

— Но если твои люди провалятся, ты никогда не сможешь доказать, что она убила Мелиссу.

Виктор пожал плечами:

— И сейчас я не могу этого доказать. Честолюбие Катерины вредит усилиям Внутренней Сфера по уничтожению кланов. Всё, что может её от этого отвлечь и подготовить её падение в будущем, — всё хорошо. Я хотел бы, чтобы существовал другой способ, но я его не вижу.

— Хуже всего, что я тоже не вижу. — Морган потрепал Виктора по плечу живой рукой. — Келлы сделают в твою поддержку всё, что смогут. Ты это знаешь.

— Одна из причин, по которым я считаю, что мы можем пытаться действовать по порядку.

— Виктор широко улыбнулся Моргану. — Сначала будем стремиться к максимальному благу максимального числа людей, а потом, и только потом, те, кто заслужил особого обращения, получат, что им причитается.

*Заповедник Ледник Зигфрида
Окрестности города Таркад
Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
12 октября 3058 г.*

Виктор надел на лицо улыбку — приглашающую, но отнюдь не весёлую, и приветствовал Томаса Марика в роскошном шале у края заповедника Ледник Зигфрида.

— Я весьма рад, что вы сочли возможным посетить меня здесь, генерал-капитан.

Томас стоял посреди дубового пола холла, сцепив руки на спине, оглядывая фахверковое здание.

— Вы ведь не оставили мне выбора? Учитывая сельское обаяние этого места и всё, что Ивонна обещала Шеррил, соблазня её сюда приехать на выходные, а через неё воздействуя на меня, ну, этого мне следовало ожидать от вас, не так ли?

«Это, кажется, будет труднее, чем я думал». — Виктор кивнул и повёл Томаса по деревянным ступеням в большой зал шале. Вся южная стена от пола до потолка была стеклянной и открывала вид на ледник и горнолыжные склоны окружающих гор. На стенах висели головы убитой дичи, и решётка толстых, грубо обтёсанных брёвен отделяла нижнюю часть зала от крутых скатов крыши. У восточной стены в большом камине трещал огонь, а у северной располагалась лестница, ведущая в коридоры северных крыльев здания.

Виктор жестом пригласил Томаса сесть в мягкое кресло, а сам остановился перед чучелом рыкающего саблезубого снежного тигра.

— Я знаю, что сделал вам и вашей семье, — и я принимаю на себя полную ответственность за эти немыслимые действия. Для вас, для всех это просто омерзительно, и я с этим согласен — теперь, но я хочу вам объяснить, почему я это сделал.

Томас остановился перед креслом, но не сел.

— Вы очень во мне ошибаетесь, если думаете, что объяснения, которые вы мне хотите дать из тени этой хищной морды, будут приняты за чистую монету. Не думайте, что я из тех, кем можно вертеть за кулисами, как марионетками.

Виктор поднял глаза, поморщился и шагнул в сторону.

— Поверьте мне, здесь марионетка не вы, а я. Это уютное убежище было построено для фаворита Алессандро Штайнера. Вы, быть может, его помните, в отличие от меня, — он умер, когда я был ещё ребёнком. Он был архонтом, которого низложила моя бабка — настоящая Катрина Штайнер. Моя сестра Катерина предоставила это шале мне в пользование как напоминание, что я, как Алессандро, был смешён Катриной Штайнер.

Томас прищурился:

— Если вы это знали, зачем согласились?

— Потому что Катерина не знает, что в своё время в Нагельринге мы с друзьями активно использовали это шале — для занятий и для отдыха. Для меня это приятные воспоминания. Когда я впервые здесь оказался, я решил сделать этот дом своим, искупить вероломство, которым занимался Алессандро. Предоставив мне это шале, она отдала мне нечто, что я всегда считал своим.

— Как отдаст вам когда-нибудь Лиранский Альянс, вы на это надеетесь? — Генерал-капитан медленно наклонил голову. — Вы либо очень самоуверенны, либо очень глупы.

— И то и другое, наверное, — пожал плечами Виктор. — Или мне хочется, чтобы другие так думали обо мне. Садитесь, прошу вас. Я не надеюсь обелить себя в ваших глазах, но, быть может, вы лучше поймёте, кто я и что я.

— И зачем мне это может быть нужно?

— Поможет вам решить, насколько вы можете и хотите мне доверять.

Томас кивнул и сел.

Виктор охватил себя руками — ему вдруг стало холодно в толстом вязаном свитере.

— План создания двойника для вашего сына возник у моего отца по двум причинам. Первая — это факт, который может быть вам известен или неизвестен: более тридцати лет назад Максимилиан Ляо почти захватил Федеративные Солнца, создав двойника моего отца и посадив его на трон. Моего отца похитили — всё это дело будто выдрано из романа Дюма «Железная маска». Самое смешное, что именно «железная маска» спасла моего отца, поскольку только он мог включить последовательность запуска своего «Бэттлмастера» с помощью секретного кода, который не мог быть известен самозванцу.

— И это вдохновило вашего отца заменить моего сына своей марионеткой?

Виктор покачал головой:

— Совсем нет. Уловка Ляо показала моему отцу, как можно использовать двойника. Я в буквальном смысле обязан этому факту жизнью, потому что двойник моей матери находился в Лиранском Содружестве, а настоящая Мелисса с моим отцом — в Федеративных Солнцах. Дублёр моей матери даже спас жизнь первой Катрины Штайнер, помешав попытке её убийства. Если бы не этот двойник, я бы никогда не был зачат и политический пейзаж Внутренней Сфери был бы совсем другим.

— И это навело меня на мысль об использовании дублёра, играющего роль вашего сына. Вы видели в этом одно только зло, но мои намерения были просто попыткой выиграть время — год, возможно, два. Мне нужно было время, чтобы подавить восстание в Острове Скай. Ваш сын действительно умер естественной смертью. Если бы я попытался скрыть от вас этот факт, это не изменило бы истины: его жизнь нельзя было спасти.

Томас медленно кивнул:

— Вы хотите сказать, что не видите в своих поступках ничего плохого?

— Нет, генерал-капитан, я этого не говорю, но у меня не было намерений причинить кому-либо зло. Вы получили историю болезни вашего сына. Наверняка ваши специалисты-медики сказали вам, что мы сделали всё возможное.

— Я не думаю, что вы убили моего сына, принц.

— Хорошо. — Виктор минуту помолчал, вздохнул. — «Вот и оно». — Я знаю, что глупо было думать, будто лицо, подставленное вместо другого во время пребывания в больнице — в процессе выздоровления, когда человека никто не видел, — может заменить реальную личность и захватить её власть. Это не входило в мои намерения. Этого не могло случиться — просто не вышло бы, — и вам придётся поверить, что у меня хватило ума это понять.

Генерал-капитан хорошо владел собой и сумел почти полностью скрыть свою реакцию.

— Я никогда не считал вас полным глупцом, принц Виктор.

Чуть заметная дрожь в голосе да участившееся мигание — только по этим признакам Виктор понял, что его гамбит удался.

— Ценю вашу доброту, генерал-капитан. — Виктор говорил ровным голосом, хотя ему хотелось завопить от радости. Единственным хорошим результатом провала с сыном Томаса Джошуа была серия генетических тестов, убедительно доказавших, что Томас действительно отец Джошуа, но не имеет никакого отношения к Изиде Марик. Изида была рождена вне брака одной из любовниц Томаса Марика, когда все думали, что он погиб при покушении. Томас ошеломил всех, появившись после полуторагодичного отсутствия. Обезображеный шрамами, он всё же был готов принять на себя долг наследника генерал-капитанства Лиги Свободных Миров.

Насколько знал Виктор, только ему, горстке его советников, самому двойнику и персоналу Ком-Стара была известна правда о теперешнем Томасе Марике. Виктор полагал, что этого человека

подставила вместо настоящего Томаса Марика предыдущий примас КомСтара, Миндо Утерли, — так она пыталась организовать революцию, которая должна была поставить всю Внутреннюю Сферу под её власть. Этот план погиб вместе с ней, но власть Томаса над Лигой Свободных Миров означала, что он вполне может воскреснуть. Тот факт, что «Слово Блейка» — отколовшаяся группа реакционеров КомСтара, державшаяся мистицизма, который был ядром верований КомСтара, — захватило Терру, означал, что пассивная позиция Томаса может и измениться.

Виктору пришло в голову, что часть его предположений относительно Томаса может быть ошибочна. — «Что, если он не знает, что он не настоящий?» — Реально это значило мало — тонкие намёки Виктора на то, что знает он, пропадут зря, но если Томасу нужны такие напоминания, чтобы понять, что Виктор — очень неприятный враг, то ситуация ещё хуже, чем Виктор полагал. — «Придётся попросить Джерри Крэнстона рассчитать последствия того, что Томас — спящий агент. Если «Слово Блейка» ждёт, чтобы его активизировать, то может потребоваться радикальная смена политики, и эту возможность следует учесть».

Снова вернувшись мыслями к своему гостю, Виктор развел руками:

— Надеюсь, вы теперь чуть больше понимаете, почему я сделал то, что сделал. Я был воспитан и обучен как воин, а мне пришлось узнать о политике гораздо больше, чем мне когда-либо хотелось, но я понимаю: это необходимо, чтобы хорошо служить своему народу. Хоть я и воин, но хочу, чтобы вы знали: я не считаю войну первым средством в любой ситуации. Я предпочёл бы побеждать сотрудничеством, а не битвой.

— Весьма просвещённая позиция.

— Я хочу также убедиться, что мы все читаем из одного файла данных то, что относится к текущей ситуации. — Виктор поднял глаза и пристально, не мигая, всмотрелся в лицо Томаса. — Я знаю, что недавно вы встречались с моей сестрой.

— Вы имеете в виду Катрину?

— Да.

— А, конечно, встречался. — Томас слегка улыбнулся. — Я также встречался с Ивонной по некоторым конституционным вопросам, связанными с восстановлением Звёздной Лиги. Вы хорошо поступили, выпустив её представлять вас на этих заседаниях. Она очень умна и довольно свирепо не даёт нам отвлекаться в сторону.

— Да, её успехи впечатляют. — Виктор улыбнулся шире, чем собирался, но решил, что нет большого греха показать Томасу, как он гордится сестрой. — «Если Томас её уважает, больше шансов, что он не станет плести интриги, когда экспедиционный корпус отбудет на битву с кланами». — И всё же я хотел бы говорить с вами о Катерине. Я знаю, что вы друзья.

— Этот неофициальный союз порождён обстоятельствами, принц Виктор. Она не больше может позволить себе войну со мной, чем я с ней.

— Мне это понятно. — Виктор повернулся и поглядел на ледник. — Но есть некоторые вещи, которые вам о ней следует знать. Первое: она способна на убийство.

— Вы же не говорите о смерти вашей матери? У меня было впечатление, что там действовала рука покойного Райана Штайнера.

— У САФЕ появились хорошие источники.

— Большая часть информации поступила с Соляриса после смерти Райана. Если бы мой аппарат разведки был получше, я бы раньше узнал о своём сыне.

— Верно. Что же касается моей сестры, я говорил сейчас не о гибели матери, хотя её роль в этом событии определена не полностью.

— В самом деле?

— В самом деле. — Виктор повернулся к Томасу лицом. — Я говорил о той западне, которую она расставила мне на Ковентри. Она организовала утечку информации, приведшую к недооценке наполовину сил клана на Ковентри. Если бы я прибыл только с теми войсками, что были под моей командой; вашими Рыцарями Внутренней Сферы, «Рейдерами Харлока» и другими войсками, которые выделила мне Катерина, я бы оказался перед лицом подавляющего преимущества противника. И все шансы за то, что я погиб бы в этой битве.

Томас молча обдумывал слова Виктора.

— И вы разрушили её план, свернув в сторону за двумя полками «Гончих Келла».

— Да, и это было, главным образом, везение. Не получи мы помошь от Рагнара, не воспользуйся его догадками о способах действия кланов, войска на Ковентри были бы размолоты. Чтобы добраться до меня, она была готова пожертвовать тысячами.

— Вы так считаете и всё же даёте ей править Лиранским Альянсом?

— Разве у меня есть выбор? — Виктор понизил голос. — Вы и Сунь-Цзы нанесёте мне удар, если я попробую воссоединить моё государство. И всё равно я сейчас не могу этого сделать, потому что в центре внимания должны оставаться кланы. Пока Катерина даёт мне войска и снаряжение, я не могу позволить себе её низложить.

— Но она может оказаться для Внутренней Сферах большей опасностью, чем кланы.

Виктор наставил на Томаса палец:

— Поймите вот что: может быть, она угрожает Внутренней Сфере, и всё равно она — моя кровь. Её народ — мой народ. Попытка низвержения её извне встретит быстрое и страшное возмездие.

Томас нахмурился:

— Я не предлагал завоевание военной силой, Виктор, хотя понимаю, что вы именно так могли интерпретировать моё замечание. Но я не понимаю другого: если вы не предлагаете совместной операции против неё, зачем выкладываете мне информацию?

Виктор вздохнул, и медленно выдохнул.

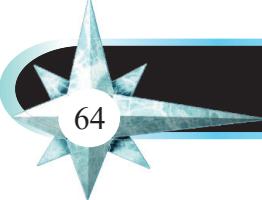
— Вы лучше многих других понимаете, что нам сейчас как воздух нужна стабильность, Томас. Вы — якорь здравого смысла в водовороте попытки восстановить Звёздную Лигу и начать атаку на кланы. Вы — достойный человек, который пытается верить людям до тех пор, пока ему не докажут, что им верить нельзя. Мне нужно сохранение вашего стабилизирующего влияния, но я не хочу, чтобы вы стали добычей Катерины. Вы будете с ней действовать, как сочтёте нужным, но я хочу, чтобы вы знали: под этой внешностью скрывается женщина, готовая пойти на убийство ради достижения своей цели.

— Понимаю, — кивнул Томас. — Это говорит человек, который скрыл от меня смерть моего сына, который вместо мальчика выставил самозванца, который, быть может, убил родную мать и наверняка организовал удачное покушение на Райана Штайнера.

— Я не стану отрицать, Томас, что не всегда поступал правильно, и у меня на руках есть кровь. Я не всем горжусь, что я сделал, но ответственность принимаю за всё. — Виктор сложил руки на груди. — Фокус был в том, чтобы моя кровь не оказалась на чьих-то руках. И это фокус, которым вам тоже стоит овладеть.

— Зачем давать мне уроки, Виктор?

— Потому что я считаю, что могу вам доверять. О Сунь-Цзы я такого не сказал бы. — Виктор мрачно улыбнулся. — Мне придётся отбыть с экспедиционным корпусом на войну с кланами. И когда я вернусь, я хочу, чтобы Внутреннюю Сферу можно было узнать. Если вы будете живы, шансов на это у меня будет больше половины. Если вы падёте — вопрос будет состоять в том, стоит ли вообще возвращаться.

*Заповедник Ледник Зигфрида
Окрестности города Таркаад
Таркаад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
13 октября 3058 г.*

Виктор, голый, если не считать толстого ворсистого полотенца вокруг бёдер, лежал на верхней полке сауны, подложив под голову вместо подушки свёрнутое полотенце. Закрыв глаза, он стал прислушиваться к проникающему в тело ощущению тепла, составляя каталог всех своих болей. — «Хронологически мне двадцать восемь лет, но, держу пари, ощущаю я себя старше, чем Александру когда-либо был».

Боли были двух видов. Острые кинжалные расходились от ушибов на всём теле и двух особенно сильно напрягшихся мышц подколенного сухожилия. Он думал, что достаточно размялся перед утренним фехтовальным сеансом с Танкредом Сандовалем, но мускулы теперь сообщали, что он ошибся. Синяки остались там, где противник Виктора выигрывал очко. Их обилие разозлило бы Виктора, если бы не то, что большинство очков выиграл сам Танкред. Кай и Хохиро тоже иногда могли его достать, но он доставал их чаще. — «Наконец-то нашёлся вид спорта, где я могу побеждать».

А ломота во всём теле — это от дневных лыж. Болело всё — колени, бёдра, бока, плечи, спина и вообще намного больше, чем помнилось по кадетским дням в Нагельринге. — «Конечно, я тогда был моложе, но ведь не намного». — Он атаковал склоны с той же юной бесшабашностью, но приходилось признать, что, кажется, сегодня склоны победили.

Съезжать было приятно, но подниматься в компании СМИ — не очень. Виктор не позволил своим телохранителям расчищать ему подъём, а потому стоял в очереди со всем прочим народом. У репортёров была возможность засыпать его вопросами со всех сторон. Когда он не отвечал, голожурналисты начинали задавать вопросы более мерзкие, надеясь спровоцировать ответ.

«В юные годы я бы ответил», — потребовалось всё его самообладание, чтобы не реагировать на вопросы и болтать с другими лыжниками, как ни в чём не бывало. Он понимал, что уединения ему не видать, но публичный спектакль тоже совсем не обязателен, Виктор держал себя в руках, был настороже, а досаду срывал на трассе.

«И даже сейчас, расслабившись, я настороже. — Было обидно на необходимость и в сауне ходить с полотенцем, но следует соблюдать осторожность: какой-нибудь голожурналист мог пробраться и оцифровать его голым. — Даже думать не хочется, какой к этой картинке приделают заголовок».

Виктор глубоко вдохнул, задержав в лёгких горячий воздух. Было достаточно жарко, чтобы выступил пот. Губы стали солоноватыми, глаза защипало. Положив полотенце одним концом между колен, Виктор другим концом смахнул пот с глаз, провёл по груди, собирая испарину, небрежно бросил конец полотенца вниз, как перёд набедренной повязки.

Были в этот день и положительные моменты. Ему с Оми удалось покататься вместе по самым простым трассам. Хотя Оми с семьёй остановилась в одном из гостевых домиков-шале, Виктор её почти не видел, и катание стало желанной возможностью побывать вместе. Оми, новичок, накинулась на горные лыжи с энтузиазмом и хорошим настроением. Виктор вспомнил, как она падала в снежную пыль, потом вставала с залепленным белым лицом. Она смахивала снег, смеясь, а Виктор не мог вспомнить, видел ли он её более красивой.

Когда он ждал в очереди у подъёмника, очередной репортёр задал колючий вопрос насчёт Оми и его с ней отношений. Виктор не успел обдумать ответ, как какой-то человек воткнул в снег лыжи и палки и подступил к репортёру.

— У вас стыда нет? — зло спросил он. — Достоинства ни капли? У этого человека самая тяжёлая работа во всей Внутренней Сфере, а вы к нему пристаёте насчёт его личной жизни? Разве вы не понимаете, что он делает в своё свободное время, не касается никого, у кого нейронов хватит хоть на один синапс? Мера человека — не с кем он встречается, и не что он говорит, а что он делает. А он выбил Соколов с Ковентри и спас брата леди Оми от кланов на Теньенте. Последнее — достаточный повод для дружбы, а первое — достаточная причина, чтобы вы его уважали.

Вдохновенная речь этого человека вызвала аплодисменты и свист одобрения у публики, а у Виктора — улыбку. Он пытался отблагодарить этого человека, предлагая заплатить за катание, предлагая обед, но тот отказался.

— Послушайте, ваше высочество, если бы не вы и не ваши отец и мать, мы бы все были теперь под кланами. За предложение бесплатного обеда я вам благодарен, но ещё больше благодарен за то, что свободен и сам могу заплатить за свой обед. Вступиться за вас — самое меньшее, что я для вас мог сделать.

Ответ этого человека был Виктору очень по сердцу, потому что подтвердил самую затаённую надежду. В Лиранском Альянсе у него есть поддержка, на которую он сможет опереться в будущем. — «Катерина может быть любимицей репортёров и головидения, но люди не всему верят, что говорит головизор. И это хорошо».

Послышался звук открываемой двери, пахнуло ветром. Дверь достаточно быстро закрылась, но холодок пощекотал вспотевшую кожу.

— Можете добавить чуть тепла, чтобы прогнать холод.

— Сумимасэн, Виктор-сама. Я не хотела вас морозить.

При звуке её голоса Виктор перевернулся на левый бок, правой рукой подхватив и удержав полотенце.

— Оми? Что вы тут...

Оми, с забранными назад чёрными волосами, с белым полотенцем, в которое завернулась от подмышек до середины бёдер, села напротив на нижнюю скамейку. Её движения были осторожны, точны и в то же время небрежны. Могло даже показаться, что она забыла, где она, будто она у себя, одна, и никто её не видит.

Оми подняла руки, и тонкие пальцы ослабили узел полотенца. Глядя, как оно медленно падает, Виктор впивал глазами все округлости и тени, появлявшиеся из-под струящейся на скамью ткани. Чёрный купальник, открывшийся под полотенцем, был высоко вырезан на бёдрах, и красный шнур охватывал грудь в нескольких сантиметрах под ключицами. Тонкая материя облегала тело как кожа, натянувшись на плоском животе, когда Оми легла на спину.

Виктор глядел на неё, широко раскрыв глаза и рот. Она всегда казалась ему красивой, чувствительной и чувственной, но раньше они встречались только официально и на отдалении. На лыжных трассах в куртке, шапке, перчатках — это был самый неформальный костюм, в котором Виктор её видел. И ни этот наряд, ни все, в которых он её раньше видел, даже не намекали на такую резкую, манящую сексуальность. Длинные ноги, мягкие округлости грудей, совершенные черты лица и первая золотистая испарина на теле — Виктор чувствовал, как в нём нарастает желание.

Он сел и поправил полотенце.

— Оми, что ты здесь делаешь?

— Греюсь в сауне. — Она сложила полотенце и сделала из него подушку. — Мне рекомендовали после лыж идти в сауну — кажется, герцогиня Ким Хасек-Дэвион. Поскольку сауна в нашем доме занята моим отцом, братом и их советниками, я пошла в главное здание. Если ты хочешь, чтобы я ушла...

— Нет-нет! — Виктор поднял руки. — Я просто... э-э... не подумает ли твой отец...

— Мой отец знает, что у меня встреча с тобой. Есть вещи, которые мы должны обсудить.

Виктор приподнял бровь:

— Твой отец знает, что ты со мной здесь, вот так?

— У моего отца очень много дел. Несущественные подробности для него не существенны.

— Оми открыла глаза, посмотрела на Виктора. — Расслабься, Виктор.

— При тебе это непросто, Оми. — Виктор потёр левой рукой грудь, сбивая белокурые волоски на груди вправо. — Я... гм... никогда не видел тебя в таком...

— И я тебя тоже, кроме как в мечтах. — Она вспыхнула. — Прости меня, Виктор, что я решила себе это позволить, не посчитавшись с твоими чувствами. Я эгоистка.

— Не надо, Оми, ты ничего плохого не делаешь.

— Я это знаю и в это верю. — Она закрыла глаза и сложила руки за головой. — После Арк-Рояля, где мы были вместе, я много путешествовала, как требует моя работа помощницы отца. Я обехала весь Синдикат, была на Нортунде и других мирах. Всегда и всюду я смотрела на других, как они распоряжаются чувствами, которые есть у нас с тобой. Разные обычай, разные способы проявления нежности, но где бы я ни была, пропасть, которая нас разделяет, относится к тому, что люди называют трагедией.

Несмотря на жар сауны, у Виктора по спине пробежал холодок. То, что они сейчас делали, — парились вдвоём в сауне — на подавляющем большинстве миров Внутренней Сфера сочли бы забавно-странным, но вполне достойным. Были и секты фундаменталистов, которые угядели бы в этом основу для вечного проклятия, но все остальные ничего бы примечательного в этой встрече не увидели. — «Только все остальные — не дочь координатора и не первый принц Федеративного Содружества».

Оми продолжала:

— Всё время с тех пор, как мы расстались, я помнила, как поцеловала тебя и что ощущала. Я помню, как танцевала с тобой, как твоя рука лежала у меня на спине. Как прижималось мое тело к твоему, как я ощущала твоё дыхание на своей шее, вдыхала твой аромат. Я не хотела расставаться с тобой, хотела быть с тобой вечно и готова была отдать часть своей души всего за несколько секунд с тобой.

Слыша её печальный тихий голос, Виктор хотел вскочить и броситься к ней. Он хотел сесть рядом, закрыть её губы поцелуями. Он бы так и сделал, если бы не знал, что на этом не остановится. Он хотел её страстно, но сдаться своим желаниям — это навеки изменит его отношения с Теодором Куритой, Хохиро и Оми, уничтожит дружбу и, быть может, расшатает основы новой Звёздной Лиги.

— Оми, прошу тебя, умоляю, остановись. — Виктор стиснул кулаки и ударил левым по скамье. Боль дёрнулась вверх по руке и чуть прояснила мысли. — Поверь мне, когда я говорю тебе, что у нас одни и те же мысли, одни сны и мечты. Я вспоминаю наше время, когда мы были вместе, и сплетаю его в бесчтные фантазии. Я хочу подойти к тебе, коснуться тебя, ощутить тебя рядом со мной, но мы не можем. Не здесь, не сейчас.

— Я знаю.

— Зачем же ты пришла?

Голубые глаза открылись и сверкнули.

— За новыми воспоминаниями для новых мечтаний.

Виктор прислонился к стене сауны и засмеялся.

— Ещё одна причина, по которой я люблю тебя, Оми Курита. Многие люди едва осмеливаются мечтать, а ты планируешь свои мечтания.

— Наши мечтания, Виктор. Если бы это было только для меня, я не была бы так смела.

— Домо аригато, Оми-сама. Я у тебя в долг — снова. — Виктор широко улыбнулся ей. — Вот о чём я подумал: если твой отец знает, что у нас с тобой сейчас встреча, что он думает о её цели?

Спокойствие исчезло с лица Оми.

— Наверное, ты знаешь, что несколько месяцев назад на моего отца было покушение?

Виктор помрачнел.

— Мои источники указывают, что Субхаш Индрахар исчез из виду, но до нас не доходили даже слухи о покушении на твоего отца.

Оми секунду помолчала.

— Субхаш Индрахар отдал жизнь, спасая моего отца.

Виктор встревоженно передёрнул плечами.

— Преданность Индрахара вашей семье была известна. Его самопожертвование не может быть неожиданностью — а с точки зрения ФедСода это не совсем трагедия. Мы знали о существовании реакционных элементов, сопротивляющихся новшествам, вводимым твоим отцом в Синдикате, и Индрахар наверняка знал, кто они. Только у них имелись мотивы покушаться на твоего отца, и они должны были быть очень сильны. Как бы там ни было, математика здесь очень проста, если посмотреть с такой точки зрения.

— Проста только для талантливого математика. — Оми села, скрестив ноги. — Мой отец больше чем уверен, что, когда будут обнародованы принятые здесь решения, пойдут слухи. Он подозревает, что выбор Синдиката как плацдарма для наступления превратится в попытку с твоей стороны сделать так, чтобы ответные меры кланов были направлены против Синдиката, а не твоей сестры.

— Идея новаторская, — вздохнул Виктор. — Я думаю, здешние СМИ ожидают, что я покину Лиранский Альянс, отобрав у него все войска. То же самое и прессы в Федеративном Содружестве. Они будут пинать меня за использование наших войск для отвоёвывания миров Синдиката или побуждать меня захватить эти миры от имени Федерального Содружества. Уверен, твоему отцу эта идея бы понравилась.

— Он верит, что ты сдержишь слово, Виктор.

— Тогда постараитесь, чтобы он снова не взял с меня слова никогда тебя больше не видеть.

— Я не думаю, что здесь будут проблемы, — легко улыбнулась Оми. — У отца есть планы, как дать бой реакционным элементам Синдиката, но они потребуют твоего участия.

— Подробности?

— Мне есть чем с тобой поделиться, но не здесь. — Оми потянулась, и сердце Виктора забилось в горле. — Может быть, я тебе объясню за обедом?

— Ты мои мысли прочла. — Виктор кивнул в сторону двери. — Можешь принять душ и переодеться в любой комнате для гостей северо-восточного крыла. Это даст мне время заканчить обед — и такой, из которого потом мы сплетём легион мечт.

Квартал воинов

Страна Мечты

Звёздное скопление Керенского, пространство кланов

27 октября 3058 г.

Опустошённый и слабый, как щенок, Владимир Уорд, хан Волков, поднялся в полусидячее положение и подоткнул подушку между собой и изголовьем кровати. Потянул простыню, подтащив её через правую ногу, чтобы вытереть струйки пота с лица и груди. Рука тяжело упала поперёк груди, глаза закрывались. Посткоитальный сон тянул в забытьё, но Влад не хотел поддаваться.

Тело, пресыщенное и измощдённое, отпустило ум странствовать, и Влад поймал себя на том, что размышляет о вещах, о которых никогда не думал. Поскольку размножение в воинской касте кланов происходит искусственно, связи между совокуплением и продолжением рода нет. Телесное удовольствие стало даром, которым де-лились между собой друзья, средством празднования и даже формой соревнования, где не было проигравших. Он знал, что у низших каст половые сношения обременены мириадами других значений и оттенков, но никогда много об этом не думал. Он жил, как подобало воину, и только это имело значение.

Совокупление среди товарищей — это одно, а любовь — это нечто другое. Любовь предназначалась для низших каст — и для заблудших обитателей Внутренней Сферы, и Влад знал, что они этим словом прикрывают самые различные склонности и привязанности. Воины же ценили дружбу и товарищество, но исключительность, которая, по-видимому, сопутствует любви, породила бы соперничество и ревность. Оба эти чувства разрушительны для военной дисциплины и порядка — качеств, особо чтимых воинами правящей касты.

Влад вспомнил случай, когда одна из его сибов, девушка, которую он знал с младенчества, покаялась, что в кого-то влюбилась. Это переживание страшно её смущило, и смущение только усилилось оттого, что влюбилась она в связанного — Фелана Келла. Ранна пришла просить совета у Влада, и её потребность в утешении привела их обоих в постель.

В тот раз он не понял, через что она проходит и почему она стала потом его избегать. — «Она стала думать, что изменила Фелану со мной». — Влад понял это потом, даже раньше, чем встретил женщину, которую — как он тогда думал — полюбил, но лишь когда совокупился с другой женщиной, не той, что любил, он до конца понял, что чувствовала Ранна. Он тогда списал её чувства на ментальную aberrацию, но теперь знал, что это было нечто большее.

В Катрине Штайнер он нашёл женщину, которую жаждал. Это оказалось куда больше физической тяги и вожделения, хотя эти компоненты тоже нельзя сбрасывать со счётов. Когда он говорил с ней, находился рядом с ней, то испытывал такое единение духа, какое раньше бывало только с воинами. Он знал, что должен бы её презирать, поскольку она не была никоим образом воином, но внутренняя сила горела в ней так же ярко, как и в нём. Как будто он нашёл какую-то часть самого себя, которой ему недоставало.

Струйка страха, бегущая у него внутри, удивила его. — «Боль измены — это страх потерять того, кому изменил. — Он мог выразить эмоцию словами, препарировать её и анализировать, но не мог почему-то избавиться от её силы. Он боялся потерять Катрину из-за инцидента, который в кланах даже не был бы замечен. — Но она воспримет это как измену, и потому я боюсь, что изменил ей. Очень интересно».

Влад посмотрел на вход в ванную. Шум воды в душе прекратился, дверь душевой щёлкнула. Послышалось тихое шуршание снимаемого со стойки полотенца, и свет в ванной погас.

Женщина, появившаяся в полумраке комнаты, вытирала полотенцем волосы. На коже длинных ног и цветущих грудей ещё поблескивали капельки. Под кожей чуть выступали рёбра, мышцы переливались с текучей грацией, пока женщина шла к кровати. Тело вспомнило, как двигалось в такт с ней, и на губах Влада выступила улыбка.

Марта Прайд перебросила полотенце через плечо, откинула назад чёрные волосы правой рукой и вытянулась рядом с ним на кровати. Она удовлетворённо вздохнула, положила подбородок на руки и поглядела на Влада.

— Когда ты пригласил меня обсудить наше положение, ты не этого ожидал, воот?

— От. Мне не на что жаловаться, но это не планировалось.

Марта хитро улыбнулась:

— И хорошо. Я думаю, будет лучше, если ты запомнишь: тебя можно захватить врасплох.

— Может, ты и поставила ловушку, Марта Прайд, но у меня создалось впечатление, что я дал не меньше, чем получил. — Влад перевернулся на правый бок и положил голову на руку. — Если бы все неожиданные нападения разрешались таким удовлетворением, я бы сам их искал.

— Разрешение — часть неожиданности. — Марта на миг закрыла глаза. — И эта была очень приятной. Вы, Волки, бываете очень изобретательны.

— А вы, Соколы, очень искусны в использовании традиционных методов. — Влад позволил себе слегка засмеяться. — Разумеется, новости о нашем союзе шокируют наших последователей.

— Не столько их, сколько наших коллег в Большом Совете. — Марта слегка нахмурилась. — Не могу поверить, что никто из них не решился, как полагается, умереть в испытании, чтобы снова считаться воином.

— Согласен. На меня особое впечатление произвело поведение ханов Нова Котов. Они стары, но оба одерживали сокрушительные победы над противниками.

— Как будто они уже знали, что другие собираются это сделать. Нова Коты давно уже несут чушь насчёт своего видения будущего. Я ничему из этого не верю, но предвидение объясняет, почему у них всё так хорошо получилось.

— Предвидение — или организация. — Влад наморщил лоб. — Подозреваю, что именно так Тэни из Ледовых Хелионов выиграл своё состязание. Либо он инсценировал бой, либо Тэни самый везучий из всех живущих.

— Я бы поставила на везение, а не на планирование, поскольку Тэни никогда не проявлял особой дальновидности. — Марта привстала на локтях. — Он верит в своё счастье и в удачу борьбы за место ильхана. Он не понял, что твоё замечание о необходимости иметь вождя, испытанного на Тукайиде, лишило его шансов. Если дело дойдёт до голосования, ты его легко победишь.

— Ты думаешь, я хочу стать ильханом?

— Я думаю, твоё избрание было бы преждевременным. — Марта мотнула стриженою головой. — Ты ещё недостаточно опытен, чтобы быть хорошим ильханом.

— Согласен.

— Правда?

— Полностью согласен. Я не боюсь взвалить на свои плечи ответственность, но боюсь провала.

Марта секунду подумала, кивнула.

— И ты чувствуешь, что потерпишь неудачу в завоевании Внутренней Сфера?

— Нет, тут даже призрака неудачи нет, — непринуждённо улыбнулся Влад. — Неудача, которой я боюсь, — это неудача в предводительстве кланами. Подумай, как организованы кланы сейчас, из четырёх фракций: крестоносцы и хранители, кланы вторжения и кланы, оставшиеся дома. Слабее всех — хранители оставшихся на родине, за ними — хранители вторжения. Истинная борьба за власть идёт между фракциями крестоносцев, и домашние крестоносцы решительно настроены выйти вперёд. Хотя твоя оценка моих замечаний в Большом Совете была мне приятна, она вряд ли абсолютно точна.

— Может быть, — пожала плечами Марта. — Я не вижу, как домашние крестоносцы и Тэни могли бы собрать достаточно сил, чтобы противостоять любому другому кандидату в ильханы.

— Тэни и домашние крестоносцы не совсем глупы. Они ведут агитацию среди молодых воинов в тыловых кланах, чтобы те поддерживали их движение во власть.

Марта серьёзно кивнула:

— Да, вот почему было столько задержек и упорства после всех испытаний и состязаний за родовые имена. Они хотят получить возможность забить советы кланов молодыми воинами, которые жаждут славы в возобновлённом вторжении.

Влад улыбнулся:

— Да. Тот же способ, который использовали мы с Мэриэлл Радик, чтобы ускорить кризис руководства в клане Волков. Призрак перемирия мы использовали для того, чтобы напугать людей, будто они никогда уже не смогут себя проявить. Домашние крестоносцы используют призрак отлучения от грядущего вторжения для той же цели.

Марта прищурилась:

— Это многое объясняет. Я, как и ты, много времени провела на Стране Мечты, наблюдая за состязаниями за родовые имена. Новые воины с именем изливали антиягуарские эмоции вёдрами. Тэни и другие боятся, что Ягуары возглавлят новое вторжение.

— Вполне уместно, воут, поскольку первым ильханом вторжения был Лео Шоуэрс из Дымчатых Ягуаров.

— Ут, особенно поскольку твои замечания в Большом Совете, кажется, уже короновали Линкольна Озиса как следующего возможного ильхана.

— Ты это заметила?

— Тебе трудно было бы выразиться более очевидно.

— Спасибо, — Влад провёл пальцем поперёк простины, рисуя узоры из складок. — Раскол кланов означает, что, кто бы ни стал ильханом — Озис, Тэни или кто-то ещё, — он возглавит разрозненные силы. Домашние крестоносцы ненавидят всех нас за успехи и боятся по той же причине. Хранители не любят крестоносцев и трижды подумают, прежде чем сделают что-нибудь, способствующее продолжению наших успехов. Дымчатые Ягуары, считая себя самыми сильными среди крестоносцев вторжения, будут давить на то, чтобы закончить с Синдикатом Дракона и ударить по Терре. Если даже Терру возьмёт другой клан, наличие такого вассала, как Синдикат, заставит считаться с Ягуарами.

— Твой анализ кажется безупречным. — Марта потянулась, зацепив рукой грудь Влада. Снова подперев рукой подбородок, она спросила: — Так какой же курс действий тебе кажется наиболее правильным во всей этой ситуации?

— Должно произойти несколько событий. — Влад поднял палец. — Сначала надо поставить на место Дымчатых Ягуаров. Это мы сделаем, организовав техническое избрание Линкольна Озиса ильханом. В этом положении он попытается протолкнуть вперёд Ягуаров, но ситуация для этого будет мало подходить. Призрачные Медведи — хранители, и потому не предложат ему базы в случае контрудара Внутренней Сферы. Если Нефритовые Соколы и Волки ничего не будут делать на своём фронте или будут делать очень мало, то Внутренняя Сфера сможет перебросить войска и разобраться с Ягуарами.

— А Нова Коты?

— Нам никак не узнать, что они станут делать, но у них с Дымчатыми Ягуарами была стычка, так что, я думаю, они не поддержат войну Озиса. Внутренняя Сфера должна отреагировать на возобновившиеся враждебные действия, а Дымчатые Ягуары достаточно примитивны по тактике, чтобы потерпеть поражение.

Марта улыбнулась:

— Если наступление Озиса приведёт к потере планет, он покажет, что лидер из него никакой.

— Верно. А важнее то, что домашние кланы почувствуют себя под угрозой. Это поможет соединить кланы — единство, которого Озис иметь не будет, потому что домашние кланы будут оттеснены от его возобновлённого вторжения.

— Как ты себе это представляешь?

— А где они могут вступить в дело? Ни ты, ни я ни одного своего мира им не отдадим. Призрачные Медведи их не пропустят, так что единственный выход для Озиса — предоставить им вектор атаки через свою оккупационную зону. Этого он не сделает и не позволит им атаковать вне пределов исходных векторов атаки, потому что так они пойдут против зон, которые не подготовлены для отбития атаки.

— Хотя это было бы самое умное.

— Согласен, но он рассматривает вторжение как состязание за приз, а не как военную операцию, имеющую целью уничтожение Внутренней Сферы. Недостаток дальновидности скрывается в том, что он, вместо того чтобы усиливать кланы объединением, старается выиграть это состязание, чтобы таким образом приобрести единство и лояльность, которые дополнитель но укрепят его.

Марта кивнула:

— Итак, дав Озису то, что он хочет, мы даём ему самому уничтожить себя и свой клан.

— Верно. И когда придёт время его заменить и выбрать кланам нового вождя, останутся только два кандидата, удовлетворяющие должностным требованиям.

— Ты и я.

Влад кивнул:

— Ты и я. Я знаю, кого выбрал бы каждый из нас, но, в конечном счёте, этот выбор не имеет значения.

— Да?

— Да. — Влад холодно улыбнулся. — Когда возобновится истинное завоевание Внутренней Сферы, славы там хватит на нас обоих, и власти тоже, чтобы удовлетворить наши даже самые жадные мечты.

16

*Культурный центр Капеллы, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
5 ноября 3058 г.*

Кабинет Сунь-Цзы, выделенный ему в капелланском культурном центре, показался Катрине Штайнер слишком тёмным. Тусклый свет подчёркивал тёмные тона тика и красного дерева. Хотя точечные прожекторы ярко освещали множество прелестных картин на рисовой бумаге, висящие на стенах, изящные нефритовые безделушки на подставках, но их свет падал только на драгоценности, которые они выхватывали из полумрака.

Катрина точно знала, какие эмоции должна была вызывать эта экспозиция. — «Человек чувствует некоторую подавленность в окружении такой древней красоты. Эти сокровища — нить,

связывающая с Террой, колыбелью всего человечества, и на меня они должны произвести впечатление. Нить, ведущая к Терре, намекает и на легитимность претензий семьи Ляо на лидерство и верховенство в бывшей Звёздной Лиге. — Катрина позволила себе улыбнуться. — Но я могу опустошить целые планеты одним росчерком пера, и поразить меня не так-то просто».

Сунь-Цзы встал с кресла. Рычащие тигры, вышитые на его куртке золотого шёлка, копировали резных тигров на спинке кресла. Кресло рядом с ним, предназначеннное, очевидно, для Катрины, было украшено столь же искусной резьбой, но не тиграми, а павлинами. Катрина подумала, то ли это некоторое презрение, то ли ей оказывают честь.

Сунь-Цзы навис над ней и протянул руку.

— Я весьма польщён вашим согласием принять моё приглашение.

Катрина коротко пожала его руку, потом сцепила руки на пояснице.

— А вы знаете причины, канцлер, по которым я могла бы его не принять?

Он улыбнулся и жестом пригласил её сесть в кресло с павлинами.

— Насколько я помню, вы были несколько раздражены моим завоеванием Нортунда.

— Завоеванием? — Катрина заставила себя улыбнуться, скрывая резкую вспышку гнева.

Сунь-Цзы предпринял шаги к захвату миров, которые она провозгласила частью своего Лиранского Альянса. Это провозглашение было сделано главным образом в пику её брату, хотя Нортунд — это был приз, который она хотела бы удержать. Знаменитые наёмники, «Нортундские горцы», сделали этот мир своей родиной, а возможность добавить их к своей армии — вещь очень неплохая.

— Насколько я помню, канцлер, вы отдали этот мир горцам — мир, который они могли взять и удержать и без вашей Конфедерации. Ваша власть над ними номинальна.

— Да, почти как ваша власть над полковником Келлом и его «Гончими Келла».

Катрина села, положила ногу на ногу. Светло-серая юбка чуть приподнялась, открыв серые кожаные сапоги до колен.

— Если бы в жизни не было разочарований, она была бы скучна. Ваше посягательство на Нортунд было мне не по душе, но едва ли я стала бы считать его достаточным оправданием вражды между нами. На самом деле я чувствую себя у вас в долгу.

Нефритовые глаза Сунь-Цзы расширились.

— У меня в долгУ? И как же я этого добился?

— Мне было приятно ваше нападение на Моргана Келла на первом заседании. В долгосрочной перспективе присутствие Моргана будет полезным, но в тот момент оно было для меня оскорблением, организованным моим братом.

Канцлер кивнул:

— Виктор похож на рыбью кость в горле: мелочь, которую невозможно не замечать, и иногда она бывает смертельной.

— Вижу, вы уже составили о нём мнение, — вздохнула Катрина. — Но от него тоже бывает польза. Фокус в том, чтобы горло, в котором он застрял, не оказалось вашим. Сейчас я думаю, что им подавятся кланы, — и на здоровье.

Сунь-Цзы нахмурился.

— Вы действительно думаете, что Виктор согласится возглавить оперативную группу?

— Согласится? Он в этом видит смысл своей жизни. Зачем бы иначе он привёз с собой Ивонну? Она здесь обучается в ходе работы, чтобы заменить правителя Федеративного Содружества, пока его не будет. — Катрина тихо засмеялась. — Трудной работой было бы удержать Виктора здесь. А если посмотреть в лицо фактам, то лучшей кандидатуры для командующего экспедиционным корпусом не найти.

— Вы так думаете?

— А кто? Вы? — Она засмеялась чуть сильнее. — Военный регент стар, Хохиро Курита — доблестный воин, но история его битв с кланами не в его пользу. Кай не имеет политического веса, а остальные либо слишком стары, либо не умеют воевать. Нет, командовать будет Виктор. И что бы мы с вами ни делали, этого не изменить.

— Хорошо. — Сунь-Цзы серьёзно кивнул, — Мне будет спокойней спать, если ваш брат будет где-то далеко биться с кланами, а Кай будет с ним.

Катрина откинулась на спинку и посмотрела на Сунь-Цзы сквозь ресницы. Тот Сунь-Цзы, с которым ей приходилось иметь дело раньше, был чуть более неуравновешен, чем сидящий напротив человек. Его ненависть к Виктору и Каю была легендарной и порождала десятиминутные гневные тирады посреди самых обыденных разговоров. — «Иrrациональность была его щитом. Зачем он его убрал со мной?»

— Канцлер, вы меня удивляете. Обычно упоминание моего брата или Кая вызывает у вас апоплексический приступ.

— Тигриные полосы, архонт. Защитная окраска. Моё государство мало, и многие не обращают на него внимания, считая, что я унаследовал фамильное безумие. — Сунь-Цзы пожал плечами. — Если из-за этого меня недооценивают, то у меня есть преимущество перед другими.

— А зачем тогда показывать мне, что вы нас всех дурачите?

— Это рассчитанный риск. Многие принимают вас за легковесную светскую бабочку, которая правит лишь за счёт личного обаяния, но я этому не верю.

— Да?

— Да. Будь это правдой, мой дядя ни за что не стал бы на вас работать. А поскольку вы не предприняли серьёзных усилий дестабилизировать моё государство, значит, у него нет на вас слишком сильного влияния, то есть у вас больше стали в хребте, чем я раньше думал. — Сунь-Цзы развёл руками. — Так что маски носим мы оба, и это делает нас своего рода союзниками.

— Союзниками? Зачем мне считать вас союзником?

— У нас общие враги, архонт. Скажем, ваш брат был бы рад отобрать и моё и ваше государства. Томас Марик тоже враг каждого из нас, и он стравливает нас друг с другом. Вам приходится волноваться, что его государство попадёт в руки Изиды и мои. Я должен волноваться, что он на вас женится и произведёт на свет наследника обоих ваших государств.

— Томас женится на мне? — Катрина рассмеялась коротким лающим смехом. — Боюсь, этого никогда не случится. Вас должен беспокоить не мой ребёнок, а ребёнок его супруги. Вы знаете, что рано или поздно он появится на свет.

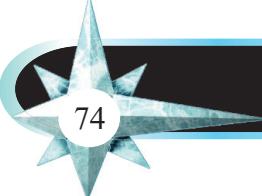
— Да, это будет проблема. — Сунь-Цзы поднял глаза на Катрину. — Конечно, мы могли бы заключить брак с вами, и тогда Томас оказался бы между двух огней.

Замечание Сунь-Цзы застало Катрину врасплох. Она было возмутилась, но подавила презрительный смех, которым ей хотелось ответить на это предложение. Катрина знала, что Сунь-Цзы её совершенно не привлекает из-за многих лет предубеждения. Отрыски Максимилиана Ляо — за исключением Кэндес — с детства были безмозглыми чудовищами. Максимилиан пытался отобрать Федеративные Солнца у её отца, и это уже достаточное основание для ненависти к нему и его потомству. Намекали даже, что Кэндес рождена женой Максимилиана, но всё её родство с Максимилианом этим и кончается. Этим пытались объяснить, почему её можно иметь в союзниках.

Альянс Катрины и Сунь-Цзы создал бы существенный блок власти во Внутренней Сфере. Он бы дал возможность тут же утихомирить марку Хаоса и усилить Лиранский Альянс, введя в него больше миров, чем было захвачено кланами. Томаса Марика этот брак поставил бы в трудное положение, но на войну с противниками у него не хватило бы сил, и пришлось бы к ним приспособиться. Три государства фактически сольются в одно, и можно будет чётко провести линию фронта между Катриной и её братом.

— Наш с вами брак, Сунь-Цзы, принёс бы некоторые преимущества, но я не убеждена, что сейчас для этого подходящее время. — Катрина улыбнулась. — В конце концов, вы же помолвлены с Изидой Марик.

— Конечно, и уже больше шести лет. — Сунь-Цзы прошипел этот срок, будто горьким ядом плёнул. — Томас изменил своему слову назначить дату, и помолвка оказалась фальшивой. Своё государство он держит передо мной морковкой, но отгоняет меня палкой. Да, его под-

держка моего удара в марку Сарна — это был вкус морковки, но на самом деле он никогда не собирался мне её отдавать.

— А что об этом думает сама морковка?

— Изида? — Сунь-Цзы прищурился. — Полагаю, она ещё одна из тех, кто прячется за маской. Я знаю, что Изида честолюбива, но к чему стремится это честолюбие, мне неизвестно. Не думаю, что она вертит отцом, как рука перчаткой, пытаясь устроить поглощение моего государства. Будь это так, мы бы давно женились, а я бы уже погиб при несчастном случае.

Катрина не пыталась даже скрыть удивления.

— Вы думаете, она бы организовала ваше убийство?

— Не забывайте, Томас взошёл на трон Лиги Свободных Миров благодаря убийству своего отца, Виктор вошёл в права наследства тем же способом. И даже вы обязаны вашим положением тому же убийце. Будь Изида моей женой, мои дни были бы сочтены. К счастью, у меня есть страховка: Кали.

— А, она устроит царство террора, чтобы отомстить за вас?

— Трудность с ней и её культистами-тугами — в том, чтобы их контролировать. Если спустить их с цепи, они действуют очень умело и неприятно. — Сунь-Цзы мимолётно улыбнулся.

— Но вам не стоит думать, что они вам угрожают.

— Нет, конечно, — улыбнулась в ответ Катрина. — Я только что запомнила, что, если бы мне захотелось вас убить, надо было бы только при этом подделать улики, указывающие на других моих врагов.

— Грубо, но эффективно. Может быть, мне стоит имитировать собственную смерть и воспользоваться тем же методом.

— Пожалуйста, лишь бы это меня не затрагивало. — Катрина щёлкнула ногтем указательного пальца по миниатюре с её изображением. — Так что же вы хотите от меня, Сунь-Цзы?

— Если не вашей руки, то вашей поддержки в политических советах. — Сунь-Цзы встал во весь рост. — Я хочу стать первым лордом Звёздной Лиги.

Бесстрастное выражение лица Катрины не изменилось.

— Насколько я помню по нашим прежним обсуждениям, мы согласились с ротацией верховного руководителя. Срок — три года. Ваша очередь придёт достаточно быстро.

— Я хотел бы быть первым в очереди, — нахмурился Сунь-Цзы. — Я знаю, что эта должность во многом церемониальная — так как мы её определили, но я ищу именно престижа. Это будет тонизирующим средством для моего народа — то, что мне нужно, чтобы снова сделать Капелланскую Конфедерацию сильной. Вы не знаете, как реагировал мой народ на завоевание миров в марке Хаоса. Они снова ощутили свою силу и возможности, перестали быть обломками, которые сломал ваш отец, и наказала за это моя мать.

— Когда вы говорите, что хотите снова сделать свою нацию сильной, как вы себе представляете, куда эта сила будет направлена? — Синие глаза Катрины сузились в щёлки. — Федеративное Содружество принадлежит мне, Сунь-Цзы. Если вы хоть подумаете о выходе за границу 3025 года, мне придётся вас уничтожить.

— Граница 3025 года? — Сунь-Цзы задумался и кивнул. — Это, кажется, оставляет Сент-Ивское Объединение за пределами вашего защитного зонтика.

— Внутренние политические проблемы Конфедерации меня не интересуют. Если вы сможете подавить бунтующую часть своего государства, так тому и быть. Это не моя забота.

— Так я могу рассчитывать на вашу поддержку?

Катрина на миг задумалась. — «Если я поддержу Сунь-Цзы, Виктор будет возражать против этого предложения всеми фибрами души. Теодор и Томас наверняка поддержат Виктора. Я могу произнести речь о том, что их действия вряд ли целесообразны, учитывая дух единения, который должно породить воссоздание Звёздной Лиги. Они все будут пристыжены, а единственным логичным кандидатом на место первого лорда останусь я».

— Определённо я могу голосовать за вас, Сунь-Цзы. Я даже могу вас выдвинуть.

— Ваша доброта не знает границ.

— Так и есть, Сунь-Цзы. И не забудьте этого. — Катрина улыбнулась. — Настанет время, когда я попрошу вас вернуть долг доброты, в противном случае маска с вас будет сорвана, глаза вырваны, а от государства вашего останется одно воспоминание.

17

*Королевский дворец, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
14 ноября 3058 г.*

Виктор Дэвион несколько волновался, что регент по военным вопросам ещё не прибыл на дневное обзорное заседание, где предстояло утвердить план наступления на Дымчатых Ягуаров. Конечно, каждого члена комитета стратегического планирования время от времени отвлекали по делам, но Виктор считал, что окончательное утверждение плана должно бы иметь приоритет перед любым другим вопросом. — «Мне лично трудно себе представить, что он мог счесть более важным».

В центре зала зажглась карта границы между Синдикатом и оккупационной зоной Дымчатых Ягуаров. Виктор встал.

— Нам предоставляется возможность в последний раз проверить наш план перед передачей политикам на ратификацию и убедиться, что в нём нет дыр. Если у кого-нибудь есть возражения, прошу высказать их здесь и сейчас, поскольку другого шанса скорректировать план не будет. Прошу всех это понять.

Собравшиеся в зале военные руководители кивнули.

— Хорошо. Я хочу также поблагодарить всех вас и ваших сотрудников за весьма усердную и хорошую работу. Внутренняя Сфера не видела наступления такого уровня сотрудничества с тех пор, как Александр Керенский вёл силы обороны Звёздной Лиги против Стефана Амариса на Терре. Эта операция должна удастся, и она удастся, но только благодаря силам, которые мы в неё вложили, — и силам, которые вложат в неё наши люди на поле битвы.

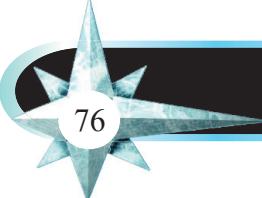
Виктор вышел из-за стола и подошёл к плавающей в воздухе голограмме.

— Как уже говорилось, наша операция состоит из пяти этапов наступления. Первый разворачивается боевыми единицами, отмеченными эмблемами СОЗЛ и Синдиката. Первоначальными целями будут пять миров Ягуаров: Хайнер, Порт-Артур, Асгард, Таразед и Киамба. Дополнительные войска будут переброшены на миры Нова Котов и подготовят плацдарм для второй волны. Да, полковник Ву? У вас есть вопрос?

By Kan Kuo показал на карту:

— Какие у нас гарантии, что войска, переброшенные на миры Нова Котов, не встретят сопротивления и не будут уничтожены?

Встал Хохиро:

— Нова Коты ешё ведут дискуссии с нашими людьми, но уже сделали предупредительные бэтчеллы с открытым указанием количества и качества войск, которые будут защищать эти миры. Это нельзя назвать сопротивлением, ни в каком смысле.

By нахмурился:

— Но сражение всё же будет?

Фелан наклонился над своим столом:

— В определённом смысле — да. В прошлом, когда между ханами обсуждался обмен технологиями или планетами, посыпался предварительный вызов. Он ведёт к сражению, во многом ритуальному — не подстроенному, но почти наверняка с предсказуемым исходом. Это способ сохранить честь и уважить традиции, избегая битвы из-за несущественных вопросов.

Маршал Брайан покачала головой:

— А если они решат нас предать?

— Ещё до высадки на планету мы будем знать, соблюдают ли они условия своего бэтчелла, — улыбнулся Фелан. — И можем решить, вступать нам в бой или звать подкрепление.

— А если они решат заманить нас в засаду? — Быстрый вопрос Моргана Хасека-Дэвиона не дал Брайан возможности отпарировать замечание Фелана. — Если они нас заманят и разгромят?

Фелан в ответ на вопрос серьёзно кивнул:

— Вы сами понимаете, я не могу дать гарантiiй, что Нова Коты нас не обманут. Но факт то, что, совершая вероломство подобного рода, они будут действовать полностью и абсолютно против своей психологии. Я скорее поверю, что мы выберем военными целями школы, больницы, церкви и сиротские приюты, чем в то, что Нова Коты ударят на нас из засады.

— Эти причины связаны с самой их сутью как единиц кланов. Ударить вот так, из засады, развернуть больше войск, чем предлагалось в бэтчелле, значит стать дезгра — опозоренными. Вероломство такого масштаба, о котором мы говорим, приведёт к санкциям против них и возможному поглощению их другим кланом. Нова Коты недостаточно сильны, чтобы отбить попытку захвата, и потому такое поведение для них контрпродуктивно.

By сел, но спросил:

— А вхождение в соглашение с Внутренней Сферой — это не ставит их в положение дезгра?

— Они не входят в соглашение, поскольку мы захватываем их миры путём завоевания. В этом смысле они честь не теряют и не становятся дезгра. И это хорошо, поскольку возможность бесчестья — одна из тех вещей, которые вызвали бы у них негативную реакцию. Всё, что нас попросят сделать для захвата этих миров, надо делать со всем уважением, иначе мы можем обернуть Нова Котов против себя. — Фелан повернулся руки ладонями наружу. — Как бы мы ни захватили эти планеты, ход кампании против Нова Котов не завоюет им любви остальных кланов. Может быть только одно: кто-то из них, кого они очень почитают, имел видение, которое подтолкнуло Котов к такому решению. Для меня это единственное логическое объяснение.

Морган кивнул:

— И вы им верите?

Хан клана Волков в ответ тоже кивнул:

— Можете направить на те миры мои войска, хотя я предпочёл бы схватку с Ягуарами.

Виктор оглядел собрание:

— Ещё вопросы?

Вопросов не было. Виктор кивнул Доку Тревене, и изображение поменялось.

— Второй этап состоит в волне прыжка наружу, на следующую логическую линию миров. Нам надо будет бить либо по мирам, которые Ягуары оставят незащищёнными, либо по тем планетам, где есть только части второй линии. Кластеры миров с войсками первой линии будут следующими логическими целями. Базироваться мы будем на некоторых мирах Нова Котов, а также на Уолкотте и в звёздном скоплении Броччи, так что у нас будет поддержка, и удар мы сможем нанести более глубокий, чем противник будет ожидать.

Виктор кивнул ещё раз, и изображение снова сменилось.

— Третий этап: более глубокий удар в оккупационную зону и ввод в действие резервов, атакующие планеты, которые были обойдены на предыдущем этапе. У вас вопрос, сэр Пол Мастерс?

Командир Рыцарей Внутренней Сфера показал на карту:

— Я понимаю, как в свете доктрины энтропийной войны этот план заставит кланы действовать, и аплодирую ему. Я лишь пока не понимаю, как мы заставим их двигаться туда, куда мы хотим. Будь я командующим Дымчатыми Ягуарами, я бы использовал стратегию Сципиона Африканского против Ганнибала, и ударил бы глубоко во Внутреннюю Сферу. Это заставило бы нас реагировать и сняло бы остроту нашего наступления.

— Согласен. Именно поэтому наш стратегический резерв будет готов высадиться там, где высадятся они, и атаковать их. Мы перережем их линии снабжения, а Синдикат предпринял усилия по укреплению своей обороны и сделал миры, которые могут быть захвачены, очень опасными при попытке их удержать. Вспомните, что у кланов не будет КомСтара для руководства их мирами, и им очень непросто будет удержать то, что они захватят.

Хохиро кивнул:

— Синдикат вполне понимает, какое бремя может лечь на наш народ, если против нас будет применена эта стратегия. Мы надеемся, что этого не будет, но если да, то долгом каждого гражданина станут сопротивление и стойкость. Люди это знают и согласны на это ради блага Синдиката и Внутренней Сферы.

— Им, быть может, придётся выдержать больше, чем мы думали. — Эти слова произнёс низкий и торжественный голос военного регента, вошедшего в зал. — Простите моё опоздание, но меня задержало дело колоссальной важности.

Он поправил повязку на правом глазу, подходя к столу Федеративного Содружества, и подал Доку Тревене голодиск.

— Пожалуйста, вызовите файл XR1.

Виктор повернулся к военному регенту:

— Что это такое?

— Наше спасение или наша гибель, в зависимости от того, чему мы поверим. — Регент по военным вопросам сделал жест рукой в сторону горящей в центре зала новой карты. — Дамы и господа, я представляю вам Дорогу Исхода.

Виктор поглядел на карту и узнал внизу тот край Внутренней Сферы, где кланы завоевали клин миров. Из него поднялась цепочка золотых звёзд, как бьющая молния выгнувшись к потолку. Она вела к далёкой звезде, ярко блестающей.

Принц Федеративного Содружества заморгал. — «Они пришли из невозможного далека, они так отличаются от нас поведением и культурой. Чтобы спастись от распада, они выработали собственные традиции и мифологию, вывели свои названия от животных на колонизованных планетах, а символику — от тех звёзд, от которых зависит их жизнь. Они превратили себя в абсолютных воинов, и теперь у нас марширут к одной из планет, которая дала им жизнь».

Сложив руки на пояснице, Анастасий Фохт поднял глаза на звёздную карту.

— Мои люди работают над поиском соответствия этих звёзд фактическим звёздам, наблюдаемым астрономами, чтобы можно было определить истинное местоположение путевых станций и пунктов назначения, но это — приблизительная карта маршрута к Хантресс — родной планете Дымчатых Ягуаров. Это колодец, откуда Ягуары черпают силу. И это наша конечная цель.

— Отлично! — Шэрон Брайан стукнула кулаком по столу. — Забудем о ерунде постепенного наступления и ударим по этой Хантресс.

— Невозможно, — покачал головой Виктор. — Слишком многое мы о ней не знаем. И не знаем, насколько надёжна эта информация.

Фохт кивнул:

— Я считаю её надёжной на девяносто девять процентов. Все ошибки я полагаю ненамеренными и легко исправимыми. Не знаю, известно вам или нет, но КомСтар некоторое время тому назад начал процесс инфильтрации в кланы и вот теперь получил эту информацию. По-

мимо Дороги Исхода, я также получил обновления диспозиции войск Дымчатых Ягуаров во Внутренней Сфере, в том числе таблицы организации и оснащения, схемы снабжения и тому подобное. Нам подали Дымчатых Ягуаров на серебряном блюде.

Виктор сложил руки на груди.

— Эту информацию нам дал один из ваших людей или кто-то другой?

— Источник данных — человек из клана, завербованный моим агентом.

— Почему он предаёт свой клан?

— Банальная фраза, что у каждого есть своя цена, но дело в том, что наш воин продвинулся в своём клане насколько мог. Ему тридцать, и скоро жизнь его по меркам кланов пойдёт под гору. — Фохт вздохнул. — Он решил, что руководство Дымчатых Ягуаров многое делает неверно и отступилось от истинных намерений Николая Керенского, основателя кланов. Он считает, что Дымчатые Ягуары — зло, которое должно быть уничтожено.

Виктор вздрогнул.

— Он для Дымчатых Ягуаров — то же самое, что «Слово Блейка» для КомСтара.

— Аналогия неудачная, но похожая.

By Kan Kuo поднял глаза на регента по военным вопросам:

— Какова же цена этого предателя?

— Он просил, чтобы ему дали людей, которых он поведёт в бой. Я предложил ему команду моих телохранителей.

— Это невозможно, — с отвращением сказала маршал Брайан, покачав головой. — Если мы хотим пойти по этой цепочке и уничтожить Дымчатых Ягуаров, нельзя иметь в своих рядах человека, который может передумать и нас предать. Удар должен быть совершенно внезапным.

— Я не спрашивал вашего совета, когда делал Тренту это предложение, — холодно ответил военный регент, — и я не жалею о нём. Предложение было сделано и принято. Это было условием получения информации.

Виктор нахмурился в сторону Брайан.

— И не думайте, будто мы собираемся нанести дальний нокаутирующий удар по Дымчатым Ягуарам. У нас есть план, и мы будем его держаться. Знать, где их логово, — полезно, но удар по Хантресс — совсем не та работа, которой нам надо заняться. Рейда не будет.

— Ошибаешься, Виктор, — произнёс, вставая, Морган Хасек-Дэвион.

— Что?

— Насчёт рейда ошибаешься. — Морган показал на голограмму. — Наш план не изменится в корне из-за этого, и задачи, уже поставленные, должны быть выполнены, но в этой операции был один аспект, который меня беспокоил. Он касается энтропийной модели войны и презентации, которую нам устроил доктор Пондсмит в первый день. Он отметил, что противника надо «ощеломить», чтобы он рассыпался.

— Мы это и сделаем. Мы собираемся ударить крепко, полными полковыми боевыми группами. — Виктор пытался не показать голосом чувства, что его предали, но преуспел лишь частично. — Мы ударим очень крепко.

— Но достаточно ли крепко? — Морган подался вперёд, положив руки на стол. — Если проанализировать военное искусство кланов на самом базовом уровне, то в основе окажется доктрина минимизации потерь.

— Ну ты и загнул, Морган! — громко рассмеялась маршал Брайан. — Как тебе такое в голову пришло?

— Пришло потому, что я смотрю, с чем мы имеем дело. За счёт процесса торговли кланы ограничивают потери. Они посылают лишь войска, которые хотят послать. Они играют по правилам, которые хорошо действуют против тех, кто играет по тем же правилам, но эти же правила изолируют кланы от истинного ужаса войны. Не то чтобы они не были свирепы и беспощадны в войне, но они нашли способ отделить её трагедию.

— Именно так! — Виктор с хлопком свёл ладони. — Вот почему мы переносим войну к ним и заставляем их обороняться.

— Согласен, Виктор, но если мы играем по их правилам, то всего лишь делаем эти правила легитимными. Мы поощряем их взгляд на войну как на игру или состязание. Пусть мы выиг्रаем раунд, но они всегда будут готовы начать следующий.

Фохт прищурил свой единственный глаз:

— Я полагал, маршал Хасек-Дэвион, что именно поэтому мы планировали уничтожение целого клана.

— Верно, военный регент, но я не думаю, что мы адекватно себе представляли, что такое это уничтожение. Мне это пришло в голову при напоминании Пола Мастерса о Пунических войнах и Ганнибale. Моя мысль в том, что следует нанести удар по Хантресс и не оставить камня на камне, как поступил Сципион Африканский с Карфагеном. Мы напомним кланам о дикости войны и дадим им понять, что не считаем её игрой. — Морган на миг устало опустил голову и тут же поднял. — Я вам скажу, что за последние тридцать лет я видел много войн и ненавидел каждый миг их, но бывают случаи, когда её надо спустить с цепи полностью, потому что это единственный способ убедить врага, что ты не собираешься ложиться и помирать. Я думаю, что именно такой урок и нужен кланам, и удар по Хантресс — прекрасный метод его преподать.

Фелан Келл согласно кивнул:

— Пока вы не сказали этого, Морган, я не до конца осознавал этот аспект военной доктрины кланов — зоны безопасности. Даже когда клан бывает поглощён, он сохраняет свою идентичность из-за евгенической программы. Наташа Керенская несла в себе струйку крови клана Вдоводелов — того клана, который давно поглотили Волки.

— Хорошо, Фелан, — свёл брови Виктор, — а что насчёт второго утверждения Моргана? Если мы действительно уничтожим Хантресс, потрясёт ли это Ягуаров?

Фелан беспокойно пожал плечами:

— Я думаю, можно полагать, что наше наступление их ошеломит и ускорит коллапс, но это будет касаться лишь отдельных миров, а не всего клана. Я знаю, что название уничтоженного клана, о котором я говорил, в кланах не произносится. Этот запрет — часть кары агрессору, который начал против них кампанию. Я считаю, что это связано ещё и с жестокостью преследования. Неназываемый клан был уничтожен до последнего человека — мужчины, женщины, ребёнка. Вряд ли кто-нибудь сохранил об этом приятные воспоминания.

— И поделом! — Пол Мастерс вскочил на ноги. — Я не хочу даже думать, что вы планируете истребление невинных.

Морган выпрямился.

— Я не думаю, что это необходимо, сэр Пол. Что я считаю необходимым — полностью уничтожить Хантресс в военном аспекте. Превратить её в аграрный мир, который кормит своё население, но даже следа касты воинов не оставить. Мы уничтожим военные базы — превратим их в дымящиеся кратеры. Единственным напоминанием о войне будут дымящиеся развалины всего, что там было военного.

— А военнопленные? Раненые?

Лицо Моргана стало бесстрастным.

— Если они откажутся от принадлежности к касте воинов, то останутся жить. Если нет, мы будем судить их за преступления против человечества и приведём приговоры в исполнение.

Мастерс побледнел:

— Как вы можете это говорить!

— Я могу это говорить, потому что это необходимо сделать. — Морган резко развёл руками. — Чего вы ожидали, когда мы согласились и наши правители согласились, что один из кланов должен погибнуть? Вы что, ожидали, что какой-нибудь законодательный орган клана изменит название Дымчатых Ягуаров на что-нибудь иное, освободив их от всякой ответственности за то, что они сделали? Вы забыли, что они сделали в Эдо на Тёртл-Бэй? Забыли битву за Лютьен? Забыли всех жителей Внутренней Сферы, погибших из-за кланов?

Мастерс упрямо покачал головой:

— Кровь за кровь — это зло.

— Речь идёт не о возмездии, а о сдерживании. — Морган запустил пальцы в длинные волосы. — Мы хотим положить конец вторжению. Мы должны показать кланам, что умеем драться лучше и эффективнее, чем они. Ошеломить их уничтожением целого клана. Теперь у нас есть средства это сделать — наступлением здесь и рейдом на Хантресс. Этими двумя действиями мы уничтожим один клан и дадим пример остальным.

Виктор поднял руку, предупреждая ответную реплику Пола Мастерса:

— Даже если мы согласимся с вами, где взять войска для такого рейда?

Морган улыбнулся.

— Вы поставили меня во главе стратегического резерва, куда входят многие элитные боевые единицы Внутренней Сферы. Я предлагаю взять половину из них и бросить на Хантресс. Точно по этому маршруту мы следовать не сможем, но я уверен, что люди регента по военным вопросам способны с помощью информации, которую добыл Исследовательский корпус и другие экспедиции, направить нас иным путём. Поскольку наши резервные части разворачиваются в Синдикате, можно воспользоваться их монополией СМИ и давать dezинформацию, которая убедит кланы, что мы всё ещё готовимся к бою, когда мы уже будем в пути к Хантресс.

Фохт внимательно посмотрел на Моргана:

— Какие части вы хотели бы взять?

— Свой 1-й Катильский уланский, «Эриданскую лёгкую кавалерию», «Нортундских горцев», часть ваших комгвардейцев, если вы ими поделитесь — предпочтительно «Галактику вторжения», — 11-й Лиранский гвардейский маршала Брайан, 2-й Мечей Света, один из полков «Бронекавалерии Маккэрона» и 2-й Сент-Ивский уланский полк. — Морган улыбнулся Каю Алларду-Ляо. — Я бы хотел иметь тебя в своих рядах, Кай, но 1-й полк улан должен быть на виду, чтобы Ягуары с него глаз не спускали.

— Понимаю, — кивнул Кай. — Если меня не будет с Виктором, кланы заподозрят обман.

Морган досмотрел на Пола Мастерса:

— Ещё я хотел бы взять ваших Рыцарей Внутренней Сферы.

— Зачем? Мы не те, кто нужны для поголовной бойни.

— Оперативной группе может понадобиться совесть. Есть черта, которую я не хочу переходить, и, если вы будете со мной, чтобы её указать, это будет полезно.

— Я могу согласиться на эту роль.

— Буду благодарен. — Морган посмотрел на Фелана, сидящего рядом с Виктором. — Я бы попросил вас дать своих людей, но мне кажется, что эта группа должна состоять из войск только Внутренней Сферы. Я не опасаюсь измены, но...

— Понимаю, — мрачно улыбнулся Фелан. — И мы тоже для Ягуаров вроде удара молнии, и, если мы здесь останемся, их внимание будет привлечено к Внутренней Сфере.

Медленно поднялся Хаакон Магнуссон:

— Из моих войск можете взять все, которые вам нужны, маршал Хасек-Дэвион.

— Благодарю вас, принц Хаакон, но я бы предпочёл, чтобы ваши войска участвовали в освобождении ваших миров. Оттеснить кланы за линию перемирия — это достаточно важная работа, и я не решаюсь отбирать у вас силы. Если вы можете выделить советников для связи с моим штабом, я был бы очень благодарен.

Виктор тёр лицо ладонями, не веря тому, что слышит. — «Всё наше тщательное планирование опрокинуто сообщением одного предателя из клана. Лучшие боевые единицы Внутренней Сферы будут отправлены далеко ради удара наудачу, который может оказаться промахом. Если он попадёт в цель, наша кампания будет наполовину выиграна. Если нет, то цвет вооружённых сил Внутренней Сферы погибнет за сотни световых лет от дома. Мы никогда не узнаем, что с ними случилось, не получим даже вести о том, что они совершили и как погибли».

Он поглядел на двоюродного брата:

— Морган, ты же понимаешь, что эта идея дальнего удара опрометчива.

— Не больше, чем твой план нападения на кланы на Твикроссе восемь лет назад.

Виктор ощущал пробежавший по спине холодок. — «Если бы не геройзм Кая, много бы нас там полегло».

— У тебя не будет Кая, если дело обернётся плохо.

— Значит, если дело обернётся плохо, мне остаётся надеяться, что вы с Каём явитесь с этого конца Дороги Исхода. — Лицо Моргана чуть разгладилось, но тень усталости осталась лежать в уголках глаз. — Это задача, на выполнение которой у нас есть средства, и выгода перевешивает риск. Мы должны это сделать, значит, сделаем.

Виктор огляделся, увидел уважительные и осторожные кивки. Глаза его сузились, но он кивнул вместе с остальными.

— Тогда, раз мы должны это сделать, мы это сделаем как следует. — Виктор засучил рукава.

— У нас есть двадцать четыре часа для расстановки всех точек над «i» до того, как план будет представлен политикам. Будем надеяться, что для кланов он окажется столь же неожиданным, как и для нас, — Сделав глубокий вдох, Виктор добавил более трезвым тоном: — Мы должны сделать всё, чтобы Дорога Исхода не оказалась дорогой в ад с односторонним движением.

18

Большой бальный зал, Королевский дворец

Триада

Город Таркад, Таркад

Округ Донегол, Лиранский Альянс

15 ноября 3058 г.

Регент по военным вопросам окончил выступление с изложением плана кампании против кланов, и Катрина Штайнер откинулась на спинку кресла. Дополнение плана дальним ударом по Хантресс создало молот, способный расплющить Дымчатых Ягуаров о наковальню медленного наступления. — «Если он удастся, кампания закончится за два или три года вместо семи или десяти или больше».

Глаза Катрины следили за строчками, возникающими перед ней на экране ноутбука, но она не вникала в вопросы и возражения Нонди Штайнер относительно операции. — «Я вижу здесь руку Виктора, значит, операция, к добру или к худу, осуществима. Уж что-что, а воевать малыш Виктор умеет. — Сама операция, как она была изложена, обещала эффективное достижение целей: уничтожение Дымчатых Ягуаров и окончание войны с кланами. — А все придирики тут могут быть только мелкими и в основном насчёт распределения частей и тактических целей».

План операции показался Катрине одновременно и увлекательным и пугающим. В нём заключались семена спасения её Лиранского Альянса. Когда Дымчатых Ягуаров вытеснят из Внутренней Сфера, следующей фазой должно быть вытеснение других кланов с завоёванных ими миров. Экспедиционный корпус обрушится на Призрачных Медведей, а она сможет соединиться с Волками и разгромить Нефритовых Соколов и Стальных Гадюк. Такой альянс обойдётся Свободной Расальхагской Республике в несколько миров, но Катрина от него станет сильнее, а за такую справедливую цену можно послушать хныканье Магнуссона.

А пугал этот план потому, что не было возможности предупредить Влада о целях операции или о её начале. Не зная, где он находится, она не могла передать сообщение с изложением плана. Она подозревала, что он сейчас на Стране Мечты, родном мире кланов, но без координат планеты передать гиперимпульсное сообщение нельзя. — «Разве что я могла бы как-то заставить КомСтар передать такое сообщение вслепую и забыть, что было сделано».

Забота о Владе заставила её насторожиться, но она поняла, что на самом деле эта операция мало чем грозит Волкам. Её цель — уничтожение Дымчатых Ягуаров — явно сыграет Владу на руку. — «Разве не потому мы встретились, что я появилась на планете Дымчатых Ягуаров, на которую Влад только что совершил налёт? Мой враг — его враг, и потому мы друзья». — Устранение Дымчатых Ягуаров как силы, с которой следует считаться, даст Владу подобрать упавшую власть, а от этого повышается вероятность успеха далёких планов Катрины.

«Влад может сам о себе позаботиться. Если он не видит, что начнётся в ближайшие годы, то слишком глуп, чтобы быть моим партнёром. — Катрина закрыла глаза и потёрла лоб. — У меня тут есть угрозы более близкие, с которыми надо разобраться».

Она подняла руку и улыбнулась, когда военный регент дал ей слово.

— Спасибо за подробный доклад, регент по военным вопросам. Всё выглядит очень продуманным, хотя вы не дали никаких рекомендаций на должность командующих обоими этапами наступления. Я полагаю, что главный удар возглавите вы, но кто будет во главе дальнего удара?

— Я думаю, что на этот вопрос должно ответить данное собрание. — Фохт положил ладони на трибуну. — Я рекомендую поставить во главе дальнего удара маршала Моргана Хасека-Дэвиона. У него большой опыт войны с кланами и организации подобных операций. Его первая операция, как помним мы, современники, включала дальний удар на мир, находящийся очень далеко от боевых порядков. Он выполнил его блестяще, имея меньше времени на планирование и учения, чем есть у нас сейчас.

Катрина медленно кивала головой, слушая характеристики Моргана, и про себя их дополнила. — «Если Морган поведёт эту оперативную группу, его не будет поблизости, чтобы поддержать Виктора. Одним сторонником Виктора меньше. И есть приличные шансы, что Морган погибнет при операции на Хантресс и команда Виктора ослабеет. Гибель нашего отца и матери, Галена Кокса, отставка Алекса Мэллори сильно разрушили сеть поддержки Виктора. Остаются только Хохиро, Кай и Оми, но никто из них не близок ему так, как Морган. Убрать его из картины — и Виктор затанцует на канате без страховки».

— А маршал Хасек-Дэвион выразил желание возглавить этот корпус?

Морган встал:

— Я готов, архонт, если не будет назван лучший кандидат.

Теодор Курита, сидевший напротив, улыбнулся Моргану через весь зал:

— Разве что Хэнс Дэвион или мой отец встали бы из гроба, а иначе я не вижу никого более подходящего.

Виктор кивнул:

— Чтобы эта работа была сделана как следует, никого лучше Моргана не найти.

Пол Мастерс нагнулся и что-то сказал Томасу Марику, тот кивнул и произнёс:

— Я считаю этот выбор приемлемым.

Сунь-Цзы широко развёл руками:

— Это слишком хорошо для меня, чтобы возражать против отсутствия правителя марки Капеллы. Устранение кинжала от моего горла я только приветствую.

Кэндес Ляо и принц Хаакон Магнуссон тоже согласились на назначение Моргана командиром оперативной группы. Последний голос принадлежал Катрине.

— Любое возражение или особое мнение с моей стороны уже ничего не значит. Я только думаю, не будет ли его отсутствие замечено кланами, и хочу спросить, не лучше ли использовать его опыт в главном ударе.

Фохт улыбнулся.

— У нас есть способы создать впечатление, что маршал Хасек-Дэвион активно присутствует во Внутренней Сфере, так что пусть это вас не беспокоит. А что до того, что мы лишимся его опыта и совета, — я об этом тоже сожалею. И всё же я считаю, что человек с его кругозором нужен именно там, где такой кругозор может быть максимально использован, чем здесь, где он будет использован не полностью.

— Совершенно верно, регент. Я согласна с этим выбором, — любезно улыбнулась Катрина.
— И я так поняла, что главные силы возглавите вы?

Фохт сцепил руки на пояснице.

— Это решение тоже должен принять данный совет. Я охотно взял бы на себя этот долг, но вы не должны забывать, что я уже стар. И хотя я думаю, что хорошо переношу процесс старения, я сам уже замедлен. Я буду полностью полагаться на своих подчинённых, как всегда делал. — Он поглядел на Виктора Дэвиона. — Вы должны знать, что я назначу своим заместителем принца Виктора Иэна Штайнера-Дэвиона.

Томас Марик подался вперёд:

— И принц Дэвион сможет оставить свои многочисленные обязанности? Он возглавляет Федеративное Содружество. И он, конечно же, не может оставить своё государство на всё то время, которое потребует кампания.

Виктор прокашлялся и подал голос:

— Я уже принял меры, чтобы организовать управление государством в моё отсутствие. Моя сестра Ивонна останется регентом. Я полностью ей доверяю, как и её советникам. Конечно, в случае серьёзной беды меня можно будет отозвать, но я не думаю, что кто-нибудь сочтёт разумным нападать на моё государство, пока я вдали от него буду занят уничтожением кланов.

Сунь-Цзы похлопал ладонью по экрану ноутбутика.

— Учитывая масштабы реквизиций техники и людей, которые вы проводите для этой войны, ни у кого из нас не будет сил атаковать ваше государство в ваше отсутствие.

— Приятно слышать, канцлер, но я считаю вас достаточно изобретательным, чтобы найти способ доставить мне неприятности, если у вас будет такое желание. — Виктор оглядел собрание. — Я более чем готов к обязанностям на посту заместителя регента по военным вопросам. Во многих отношениях я всем своим предыдущим опытом подготовлен для этой задачи, и, если мне в этой жизни удастся выполнить её, я умру счастливым.

Катрина оторвалась от рассматривания своих снежно-белых ногтей.

— Я должна лишь повторить слова моего брата. Хотя у нас были в прошлом расхождения, сейчас мы едины: он — тот человек, который лучше всех поможет регенту по военным вопросам перенести войну на территорию кланов. Я полностью поддерживаю это решение.

Катрина не стала обращать внимания ни на удивлённое лицо Виктора, ни на шипение Нонди. Соображения у неё были простые и верные: чем больше Виктор будет сражаться, тем больше у него шансов погибнуть. Она даже ожидала укола совести, но не удивилась, что его не было. — «Виктор считает, что играет в долгую игру — предвидит будущее и совершают действия, чтобы это будущее было лучшим из возможных. Его проблема в том, что он предвидит лишь гибель Дымчатых Ягуаров. Я же смотрю дальше».

Сунь-Цзы Ляо был счастлив, как собака, которую только что спустили с поводка.

— Да поведёт тебя Господь, Виктор. Я голосую за регента по военным вопросам и его помощника во главе экспедиционного корпуса.

Теодор Курита кивнул:

— Регент по военным вопросам и принц Виктор пользуются нашим полным доверием.

Кэндес Ляо улыбнулась:

— Я готова вверить им жизни своих воинов.

Томас Марик и Хаакон Магнуссон также согласились с кандидатурой военного регента. Фохт склонил голову:

— Я благодарю вас за выражение доверия. Война будет свирепой, кровавой и долгой, но я считаю, что у нас есть возможность победить. Теперь следующий шаг — ратификация плана.

Катрина встала:

— Учитывая, что мы пришли к согласию относительно командования, я бы предложила принять представленный план без голосования.

— Поддерживаю, — сказал Хаакон Магнуссон.

Военный регент кивнул:

— Поскольку никто не возражает, план операции против кланов считается принятым. Так как мы согласились на проект конституции Звёздной Лиги, нам остаётся только составить окончательные экземпляры конституции для подписи.

Катрина нахмурилась:

— Я думала, что мы должны выбрать первого лорда Звёздной Лиги?

Принц Хаакон Магнуссон встал с места.

— Конституция требует, чтобы каждый член Совета лордов служил первым лордом в течение трёх лет, а очерёдность определяется жребием.

— Это я знаю, я её тоже читала, — улыбнулась Катрина. — В конституции также сказано, что квалифицированным большинством Совета лордов в две трети жеребьёвка может быть отменена, и первым лордом назначен другой кандидат. Мне кажется, что раз мы восстанавливаем Звёздную Лигу специально как основу борьбы с кланами, то должны проявить достаточную озабоченность в выборе её предводителя. Выбор лидера по жребию, несомненно, покажется кланам достаточно небрежным и легкомысленным.

— Архонт Катрина очень верно заметила. — Томас Марик постучал по столу пальцем. — При всей моей надежде, что Звёздная Лига окажется не только витриной или средством осуществления военной операции, необходимо соблюдать декорум. Мы согласились восстановить Звёздную Лигу ради того, чтобы дать нашим войскам легитимное основание для войны против кланов.

Катрина села и постаралась сдержать улыбку. — «Мы согласились, чтобы мой брат возглавил оперативную группу, и теперь мне нужна гарантия, что каждый видит, чем хорошо его отсутствие. Мне надо дать Виктору показать себя бунтарём и раскольником, и это должно помочь».

— Возможно, регент по военным вопросам, поскольку КомСтар не имеет в Совете лордов решающего голоса, вы согласитесь председательствовать при выборе первого лорда.

— Хорошо. Есть кандидатуры?

Катрина кивнула:

— Я выдвигаю кандидатуру Сунь-Цзы Ляо.

— Что? — Челюсть Виктора отвисла чуть не до пола. — Ты выдвигаешь Сунь-Цзы?

— Да, мой милый брат. — Катрина бросила на него ледяной взгляд, чтобы как следует разозлить. — Он умён и деятелен, он правитель своего государства, как и мы все. Поскольку государство его невелико, оно не будет играть в наступлении столь активной роли, как моё, или твоё, или как Синдикат, и вручение ему полномочий первого лорда подчеркнёт его участие в общих усилиях. Его помолвка с Изидой и связи с Лигой Свободных Миров тоже говорят в пользу его избрания.

Томас Марик медленно кивнул:

— Я поддерживаю это выдвижение. За время знакомства с Сунь-Цзы я успел убедиться, что он вполне обладает умением и способностями, требующимися для его должности.

«Тем более, что эти требования в основном церемониальные. — Катрина удерживала на лице бесстрастное выражение. — Как бы ни была мала власть его должности, она может быть умножена на её престиж, и титул первого лорда может стать весьма эффективным средством влияния на политику Внутренней Сфера, но лишь в руках того человека, который сможет им воспользоваться».

Оглядывая круг собравшихся, Катрина знала, что выдвижение Сунь-Цзы обречено на провал. Оно должно было собрать большинство в две трети голосов, то есть пять из семи. Виктор, Теодор и Кэндес никогда за Сунь-Цзы не проголосуют. Она сама, Томас и Сунь-Цзы не станут

голосовать за Виктора, так что и ему не выиграть. — «Из всех нас есть только один кандидат с шансами на выигрыш. Это я».

Поглядев на Виктора, Катрина увидела, как побелели от злости костяшки его сжатых кулаков. Сунь-Цзы улыбнулся.

— Должен сказать, что считаю себя превосходным кандидатом на эту должность и приложу все усилия, чтобы править мудро и справедливо.

Кэндес прищурилась:

— Твоя мать уже давала такую клятву. Но не сдержала её.

— Я — не моя мать.

— Жаль. Потому что она мертва.

— Постойте! — Виктор встал с места, подняв руки. — Это ни к чему не приведёт.

Катрина улыбнулась, ожидая, что Виктор разразится тирадой. — «У него просыпается дар подрывать репутацию, когда его заносит. Это хорошо».

Виктор медленно разжал кулаки.

— Что касается меня, то, если Сунь-Цзы устраивает мою сестру, меня он тоже устраивает. Я отдаю ему свой голос.

У Катрины кровь отхлынула от лица. — «Что такое? Как это может быть?»

Виктор продолжал:

— Сунь-Цзы Ляо, я доверяю тебе только в тех пределах, до которых могу дбросить боевого меха, но у меня, по сути, нет выбора. Либо ты поймёшь, какую ответственность налагает на тебя этот пост, и будешь выполнять свой долг на благо Внутренней Сфера, либо ты покинешь его в таких развалинах, что кланы пройдутся по нас сапогом. Я вырос в ненависти к тебе, и это ничего хорошего не принесло. Думаю, что и тебе тоже ничего не принесла доброго чужая ненависть. Может быть, будет добро от того, что тебя возведут на этот пост. Всё, что я знаю, — это то, что тем, кто будет проливать кровь за Внутреннюю Сферу, придётся рассчитывать на тебя — что ты дашь нам оружие и припасы. Если ты нас подведёшь, мы погибнем первыми, но далеко не последними.

Катрина чуть не задохнулась от ужаса, когда Виктор сел и подмигнул ей. — «Он мне подмигнул! У него хватило наглости подмигнуть! — У неё сжались кулаки, ногти впились в ладони. — Он не мог предвидеть этого моего хода, и теперь я должна поддержать Сунь-Цзы, и его выберут первым лордом. И пока Виктор будет биться с кланами, мне придётся терпеть Сунь-Цзы!»

Катрина хотела закричать, но вместо этого вежливо кивнула, когда военный регент попросил отдать свои голоса. Сунь-Цзы сиял, только что выбранный. Он встал с места, победно подняв руки выше головы и, перед тем как сесть, повернулся к Катрине и уважительно поклонился, а потом расцвёл гордой улыбкой.

«Будто эта победа вообще что-то значит! — Катрина сузила глаза. — Ты не получила что хотела, потому бери что дают и поищи другой путь к цели. Есть ли способ каким-то образом навредить Виктору избранием Сунь-Цзы?»

Катрина повернулась к брату и улыбнулась. — «Первая кровь за тобой, брат мой, но победит тот, кто останется стоять последним, и я не хочу, чтобы это был ты».

*Заповедник Ледник Зигфрида
Окрестности города Таркад
Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
16 ноября 3058 г.*

Виктор Штайнер-Дэвион повернулся, и снежок попал точно ему в лоб, разлетелся по лицу, холодная нежность снега облила ледяным огнём. Виктор рефлекторно отдернулся от удара, голова дёрнулась, он не удержал равновесия и качнулся вправо. Он попытался устоять на ногах, но они застряли в покрытом коркой снегу высотой по колено, и он свалился на бок, ломая наст и вздымая снежную пыль.

Наст захрустел по куртке, послышался счастливый детский смех, и возникло неприятное ощущение лезущего за шиворот снега.

Раздался скрип тяжёлых шагов.

— Виктор, ты не ушибся?

Принц проморгался правым глазом и поглядел на Кая Алларда-Ляо и мальчишку, выглядывающего из-за ноги Кая.

— Ты не мог бы попросить своего сына выбрать кого-нибудь подходящего ему по росту?

— Он так и сделал.

— Ну спасибо!

Кай нагнулся и помог Виктору встать.

— Он запустил снежком во внука Моргана, а ты оказался на дороге.

Виктор посмотрел туда, где Морган Хасек-Дэвион играл со своим внуком, Джорджем Хасеком-младшим. Отец Моргана Майкл изменил фамилию на Хасек-Дэвион после женитьбы на тётке Виктора Мари. Когда Майкл оказался предателем и был убит отцом Кая, Морган объявил, что линия Хасек-Дэвион на нём кончается. Теперь у его сына тоже был сын, и род Хасеков получил наследника, чтобы продолжать своё правление в марке Капеллы Федеративного Содружества.

Сын Кая, Дэвид Лир, протянул Виктору снежок.

— Прошу вас, сэр, можете им в меня бросить.

Он подождал, когда Виктор возьмёт снежок у него из рукавицы, и побежал по насту. Синий лыжный костюм так его связывал, что мальчик еле передвигался, но, судя по счастливому смеху, он это вряд ли замечал.

Виктор пустил снежок над головой Дэвида. Мальчик, поворачиваясь, попытался следить за его полётом, потерял равновесие и свалился, заливаясь счастливым смехом.

Принц посмотрел на Кая:

— Были ли мы когда-нибудь так беззаботны?

— Быть может, в те времена, когда пылевые облака сгущались в планеты. — Кай вздрогнул, когда Дэвид попытался встать и смешно свалился снова. — И так грациозны.

— Сколько ему? — улыбнулся Виктор.

— Пять с половиной, как Джорджу-младшему.

— Тебя не беспокоит, что после нашего отлёта ты его не увидишь? Когда мы вернёмся, он будет вдвое старше. — Виктор вздохнул, пустив клуб пары. — Я хочу сказать, что мне легко улетать, потому что у меня нет той ответственности, что у тебя.

Кай покачал головой.

— Да, у тебя нет. Я отвечаю за свою семью, а ты — за миллиарды людей, но я понимаю, что ты не об этом.

— Так что?

— Ничего. — Кай показал в сторону замка, где за стеклянными стенами большого зала виделись люди. — Ивонна в твоё отсутствие будет заботиться о твоих людях и править мудро. Тебя волнует другое.

Виктор кивнул:

— Ага. Например, Катерина.

Кай засмеялся:

— Приятно было видеть её реакцию, когда ты согласился поддержать Сунь-Цзы. Ей это и в голову не могло прийти.

Принц улыбнулся:

— Да, этого она не ожидала. И самое странное, Кай: когда она его назвала, у меня тут же глаза налились от злости. Я знал, что она использует его, чтобы спровоцировать мою реакцию, и у неё уже начало получаться. И тут я подумал: что же она, собственно, получит, если сделает Сунь-Цзы первым лордом?

— Насколько я могу судить, ничего.

— Верно, и потому я решил, что единственный её мотив — спровоцировать меня на бурную реакцию. — Виктор сунул руку за голову и вытащил ком снега из-за шиворота. — И тут у меня в мозгу всё стало становиться по местам. Единственный человек, которому стало бы хуже от моей бурной реакции, — это я сам. Я понял, что Катрина провоцирует меня начать ссору, а потом она снимет свою номинацию и, как миротворец, окажется самым логичным кандидатом на этот пост. И помешать ей я могу, только согласившись на выбор Сунь-Цзы.

— Ты мог бы помешать её избранию — координатор и моя мать голосовали бы согласно с тобой, — и предложить вернуться к жребию.

— Конечно, но при этом я мог бы и выиграть.

Кай пристально посмотрел на Виктора.

— Ты хочешь сказать, что тебе не нужен пост первого лорда Звёздной Лиги?

Виктор ответил сразу:

— Я знаю, что это являлось целью моего отца и целью каждого лидера Внутренней Сфера после распада Звёздной Лиги, но я, кажется, никогда этой болезнью не был заражён. Я всегда полагал, что этот пост достанется моему отцу. Потом появились кланы, и приоритеты изменились. Если выбирать между славой первого лорда Звёздной Лиги и человека, который победил кланы, я бы предпочёл войти в историю как второй. Всё равно пост первого лорда во многом церемониальный, а ты знаешь, что от церемоний я не в восторге.

— Знаю. Но не верю, что это причина, почему ты отказался быть сегодня в городе Таркад на торжествах по случаю дня рождения Катерины.

— Я послал подарок, — пожал плечами Виктор. — Одну планету.

— Всё это хорошо, но на этом торжестве будут праздновать то, что было достигнуто здесь. Ещё через пять дней будет подписана конституция, и возродится Звёздная Лига. — Кай положил руку на плечо Виктора. — А ты заработал право на праздник.

— Ты так думаешь? Через полгода, если всё пойдёт по плану, мы начнём наступление, в котором погибнут сотни тысяч, если не миллионы людей. Будет такая бойня, которая не приснится хоть сколько-нибудь нормальному человеку. — Виктор фыркнул, пустив пар из ноздрей. — И я, предвидя это, буду сегодня праздновать, нарядный?

— Можешь и будешь, поскольку, присутствуя на празднике, ты усилишь связи, благодаря которым вся операция пройдёт более легко и гладко. Сделанные тобой замечания, положительные замечания, разойдутся по разговорам. Они просочатся вниз, и каждый солдат, послыаемый в бой, будет знать, что ты настолько уверен в победе, что позволяешь себе заранее радоваться. Такое поведение, быть может, не поднимет твой дух, но поднимет дух у других.

— Не хочу я туда идти, Кай, — нахмурился Виктор. — Слушай, родителям ведь трудно найти, кто присмотрит за детьми в их отсутствие? Так вот, я останусь присмотреть за Дэвидом, Джорджем и твоей Мелиссой, пока вы будете развлекаться.

Кай слегка кашлянул:

— Виктор, мне обидно тебе это говорить, но у всех этих детей есть няни и достаточная охрана, и ничего с ними не случится. Осмелюсь также напомнить, что вряд ли ты умеешь менять пелёнки. Слишком храбро берёшься за незнакомое дело.

— Верно. Я и забыл, насколько велик в этой работе биологический риск. — Виктор покосился на Кая. — Ты ведь не всерьёз насчёт подъёма боевого духа?

— Если ты там будешь, это поднимет боевой дух у меня.

— Как так?

— Моя жена указала мне, что некая дама будет весьма разочарована, если ты не появишься.

— И ты получил задание гарантировать, чтобы я был?

Кай кивнул.

— Да, чёрт побери, ты всегда брался за опасные дела, — улыбнулся Виктор. — Что ж, я далёк от мысли разочаровывать доктора Лир.

— Спасибо, — улыбнулся Кай. — Так что за планету ты подарил Катерине? Газовый гигант?

— Хорошо бы. Может быть, на следующий год. — Виктор покачал головой. — Нет, маленький безжизненный шарик: холодный, твёрдый и противный до самого ядра. Как она сама. Надеюсь, ей понравится.

* * *

Виктор так внимательно смотрел на Оми, вальсирующую с отцом, что не заметил приближения женщины, пока не ощутил руку у себя на плече. Повернувшись, он приятственно улыбнулся:

— Герцогиня Марик! Надеюсь, вы сегодня хорошо веселитесь.

— Называйте меня Изида, — сердечно улыбнулась она. — А можно мне называть вас Виктором?

— Сделайте одолжение.

— Я не хотела заставлять вас врасплох. — Она стояла перед Виктором в серебристом платье без рукавов, подчёркивающем стройность фигуры; каштановые волосы собраны в причёску наверху головы. — Может быть, вы бы избавились от меня, если бы увидели, как я к вам иду, но такая мелочность скорее свойственна вашей сестре Катерине.

Виктор кашлянул в ладонь, чтобы скрыть удивление.

— Прошу прощения, я заметил ваше приближение, но не думал, что вы идёте беседовать со мной. Я не заслужил такой любезности от вашей семьи.

Она понимающе кивнула:

— Смерть Джошуа была для нас ударом, но я очень благодарна за всё, что вы сделали, чтобы сохранить ему жизнь. Я знаю, что лечение его начал ваш отец, но вы могли прекратить его после перемирия с кланами. Джошуа уже не был нужен как заложник.

— Это было бы бесчеловечно. Хотя такие слова могут смешно звучать, когда исходят от меня, учитывая, что было потом. — Виктор нахмурился. — Я не испытывал к нему недоброжелательства — как и ко всей вашей семье и нашему народу.

— Я никогда не знала Джошуа близко, и потому у меня не было с ним эмоциональной связи. Кажется, я считала его стеной между собой и любым видом безумия.

— Простите?

Какая-то печаль заволокла её лицо.

— Вы знаете, что я была рождена вне свадебного союза, когда Томас — вряд ли я могу думать о нём как об отце — отсутствовал. Обо мне с матерью как следует заботились, но держали в стороне. Меня узаконили лишь после того, как Джошуа поставили диагноз лейкемии, и я ока-

залась в ситуации, к которой никак не стремилась. Подумайте только: меня сделали ближайшей наследницей трона в стране, где политическое убийство — всего лишь альтернативный способ смены структур власти. Потом меня, как кость, бросили Сунь-Цзы, чтобы дразнить его мечтами о власти, несбыточными мечтами.

Виктор поскрёб подбородок, оттянул воротник, ослабляя его.

— Вы меня удивляете, Изида. Впечатление, которое у меня о вас создалось...

— То, которое я произвела, когда стала кокетничать с Каём и Сунь-Цзы и вызвала тот спор?

— Она покраснела. — Я тогда была молода, обожала военную форму и знаменитостей, а вы все, юные особы королевской крови, держались вместе, были знакомы друг с другом, и я почувствовала, что должна произвести на вас впечатление. И произвела, но не то, что хотела. — Она сжала левую руку Виктора. — И я не хочу, чтобы вы думали, будто я сейчас разыгрываю для вас спектакль. Вполне очевидно, кого вы здесь ждёте. Она прекрасна и обаятельна.

Виктор поглядел туда, где танцевала Оми со своим отцом. У неё было платье того же покроя, что у Изиды, с такой же линией спины и шеи, но чёрное, с красной оторочкой по подолу, талии, вороту и спине. — «Точно как её купальный костюм тогда».

— Оми чудесна.

— И я считаю, что вы оба достойны всего этого счастья, которое можете обрести вместе, — улыбнулась Изида. — А хотела я только поблагодарить вас за поддержку Сунь-Цзы, и что вы сделали его первым лордом Звёздной Лиги.

Виктор кивнул.

— Но было бы нечестно вам не сказать одну вещь: я голосовал за него, чтобы разочаровать мою сестру.

— Я это знаю. Её мысли нелегко прочесть, но нельзя сказать, что невозможно. — Изида выпустила руку Виктора. — Но то, что вы ему сказали, — об ответственности и ненависти — думаю, это до него дошло. Я думаю — нет, знаю, — что он большую часть своей жизни провёл, ожидая кого-то, кто его уничтожит. Он думал, что это будет Кай, или вы, или Томас, и отошёл со своего пути, чтобы спровоцировать вас, — надеясь пережить ваше нападение и расстроить ваши планы. Он никогда не чувствовал вашего уважения, и, думаю, его возмущало, что кланы занимают вас больше, чем он.

Виктор сожурился:

— Вы его действительно любите?

Она замолчала, сложив руки на поясе, опустила глаза.

— Надеюсь, что вы не будете из-за этого думать обо мне хуже.

— Совсем нет. На самом деле я вам завидую.

Она подняла голову:

— Вы мне — что?

— Завидую. — Виктор потрепал её по руке. — У вас, по крайней мере, есть шанс оказаться когда-нибудь вместе с тем, кого вы любите. У меня этого нет.

Она качнула головой:

— У вас не меньше шансов на счастье, чем у меня.

— Значит, мы оба обречены, потому что у меня нет шансов когда-нибудь быть вместе с Оми и жениться на ней.

— Как вы можете такое говорить?

Виктор пожал плечами:

— К сожалению, мне это сказать просто. Если бы я собрался жениться на Оми, люди марки Дракона решили бы, что я их предал. Мой выбор будет взят под сомнение, в результате вспыхнут открытые бунты. Катерина сделала бы всё возможное, чтобы подогреть возмущение. Она бы указала, что Лионский выступ — оккупированный Синдикатом по просьбе КомСтара и с моего разрешения — служит доказательством, что я собираюсь соединить Синдикат и Федеративное Содружество. Меня бы выставили прихвостнем в этом союзе. Женись я на Оми, это был бы полный крах.

— Полный крах — для кого, Виктор? — Карие глаза чуть прищурились, когда Изида показала ими на танцующих. — Когда вы на них смотрите, видите ли вы то же, что и я? Поглядите на Кая с женой, на вашего Моргана Хасека-Дэвиона и его жену, даже на Томаса и Шеррил. Они все счастливы, потому что им есть с кем разделить свою жизнь. Никто не пытается оспорить их выбор, и ни у кого нет права оспаривать этот выбор. Единственный симптом безумия, который вас может постигнуть, — это упустить Оми.

Виктор слышал эти слова, находящие отклик у него в душе. — «Как получается, что миллиарды людей пойдут вслед за мной на войну, но восстанут, если я женюсь на той, которую люблю? Если они не доверяют моему суждению в вопросах, касающихся моей личной жизни, если не доверяют мне в осуществлении моей собственной мечты, как они могут доверять мне править собой?»

Он поднял глаза и улыбнулся:

— Спасибо.

— За что?

— За указание границы между безумием и здравым рассудком.

— Виктор, я видела, как глубоко несчастна моя мать, потому что не могла быть с тем, кого любила. Я живу в страхе, что Томас или сам Сунь-Цзы разделят меня с ним. То, чего я хочу для себя, я не могу не想要 для вас и для всех остальных. — Она осторожно улыбнулась. — Боль в сердце, которую вы испытываете, — через неё проходят все люди. И она уравнивает нас всех. Не допустите, чтобы ожидания народа лишили вас человечности.

— Вы правы, я этого не допущу. — Виктор улыбнулся, когда музыка смолкла и подошла Оми с отцом. — С Изидой вы, конечно, знакомы.

— Рада снова видеть вас, герцогиня.

Изида широко улыбнулась.

— Вы были великолепны, так грациозны. Я бы тоже хотела танцевать, но Сунь-Цзы не любит танцев.

Оми нахмурилась, глядя на Виктора:

— Вы должны были её пригласить.

Виктор заморгал:

— Я бы так и сделал, но...

— Но он бы думал о вас, Оми, танцуя со мной. — Изида покачала головой. — Он слишком вежлив, чтобы это сказать, но я вижу по глазам. Так что идите и танцуйте вдвоём. А я мысленно буду с вами.

Виктор предложил Оми руку:

— Не окажете ли мне честь?

Оми посмотрела на Изиду:

— Это же неучтиво — оставить вас здесь.

— Нет, это с моей стороны неучтиво мешать вам радоваться. Прошу вас, забудьте обо мне.

Оми кивнула и пошла за Виктором на паркет танцпола.

— Умница эта Изида. — Виктор поглядел в глаза Оми. — Она выросла с тех пор, как мы виделись на Аутриче.

— Действительно. — Оми улыбнулась ему. — О чём вы говорили?

— О том и о сём. — Виктор медленно наклонил голову. — Она навела меня на интересные мысли. Интересные для нас обоих.

Зал ханов, квартал воинов

Страна Мечты

Звёздное скопление Керенского, пространство кланов

19 ноября 3058 г.

В задних рядах зала для заседаний Большого Совета Влад Уорд, хан Волков, откинувшись в кресле и сплетя пальцы, позволил себе намёк на улыбку — в основном потому, что знал, что это взбесит хана Эйсу Тэни из клана Ледовых Хеллионов. Влад даже поставил шлем на стол так, чтобы Тэни было его хорошо видно. — «Он знает, кто загнал нож ему в спину, а теперь пусть посмотрит, кто его поворачивает в ране».

Недели, предшествующие выборам нового ильхана, Тэни усердно сколачивал коалицию домашних кланов. Он продолжал побуждать новых и младших воинов давить на своих командиров, чтобы те его поддержали. Влад давал этому движению развиваться, пока оно не набрало инерцию, и тут выступил вперёд, чтобы выпустить ему кишки.

Все отлично понимали — благодаря доводам Тэни, — что домашние кланы и их воины не смогут вступить в битву против Внутренней Сферы, если Тэни не победит. Влад, которому требовались испытанные в боях воины, чтобы обновить клан Волков, позволил ему затевать бесчисленные «войны жатвы», в которых он вызывал на битву различные единицы кланов, в качестве приза требуя себе эту единицу, если его силы выигрывали.

Многие воины поняли, что война с Внутренней Сферой станет реальной, если они соединятся с Волками. Даже если выиграет Тэни, поддерживающие его кланы всё равно должны биться за право участвовать в возобновлённом вторжении, и шансы каждого конкретного воина участвовать в бою против Внутренней Сферы заметно уменьшаются.

Как только слух о «войнах жатвы» начал расходиться среди домашних кланов, предупреждающие бэтчеллы потоком хлынули в командный центр Волков. Влад отвечал на них, что ничего не может сделать до выборов нового ильхана, и недвусмысленно намекал, что изменение статус-кво ставит под серьёзное сомнение участие Волков в новом вторжении. И очень скоро жар движения Тэни выдохся.

Влад поглядел влево и слегка кивнул своему сахану Мэриэлл Радик. — «Пора повернуть ещё поглубже».

Невысокая Мэриэлл встала и сняла шлем, открыв светло-русые волосы цвета мёда.

— Хранитель закона, я хочу выдвинуть кандидата на пост ильхана.

Каэль Першо поднял глаза и произнёс:

— Твоё право, хан Радик.

— Дабы избавить хана Тэни от неловкости поражения, я предлагаю на пост ильхана Линкольна Озиса. — Мэриэлл вытянула руку в сторону темнокожего элементала. — Он был на переднем крае вторжения, он был возведён Дымчатыми Ягуарами в звание хана за беззаветную храбрость и усердие в боях. Мы считаем, что для элементала редкая удача выиграть родовое имя, а Линкольн Озис стал ханом. Если кто-то и достиг большего среди кланов вторжения, мне это неизвестно.

Поднялся Северен Леру из Нова Котов и поддержал выдвижение, отчего по телу Влада пробежал холодок любопытства. — «Леру поддержал и выдвижение Элиаса Кричелла на место ильхана. Несомненно, его избрание является для них важным кирпичом в фундамент будущего, предвидимого ими для кланов. Мне не нравятся их прозрения, но если то, что они видят, мне на руку, нет смысла выступать против».

Хранитель закона кивнул Линкольну Озису.

— Хан Озис, тебя выдвинули на пост ильхана. Известна ли тебе какая-либо причина, по которой нельзя допустить твоё избрание на этот пост?

Влад улыбнулся шире. — «Кому-то не хочется, чтобы повторилась история с ранним низложением Элиаса Кричелла, вот почему к процедуре добавилась эта реплика».

Линкольн Озис медленно встал.

— Мне неизвестны причины, по которым меня нельзя допустить к служению, если я буду избран. — Он, сжав кулаки, повернулся и поглядел на Влада ледяными глазами. — Если есть здесь кто-либо, выступающий против меня, прошу таких людей изложить свои возражения незамедлительно.

Влад ничего не сказал.

Получеловек-полумашина, хранитель закона нажал на ноутпьютере несколько кнопок.

— Имя Линкольна Озиса внесено в номинацию. По этому вопросу каждый из вас проголосует — «да» или «нет». Буде хан Озис наберёт пятьдесят процентов плюс один голос, он победит. Опрашиваю каждого индивидуально.

Першо начал с первых рядов, продвигаясь назад. Озису нужно было набрать больше половины голосов ханов. Поскольку от каждого из семнадцати кланов присутствовало два хана, он станет ильханом, если наберёт восемнадцать голосов — даже меньше, если кто-нибудь из ханов воздержится. Имея поддержку Дымчатых Ягуаров, Нефритовых Соколов, Нова Котов, Стальных Гадюк и Призрачных Медведей, Озис уже был на полпути к цели — даже если голоса разделятся, он получит нужное большинство, и с самого начала стало ясно, что коалиция Тэни развалилась.

Мэриэлл Радик отдала свой голос за Озиса, но Влад и Марта Прайд голосовали против. Они обменялись короткими улыбками, потом встали и зааплодировали, когда объявили результат, Озис победил двадцатью двумя голосами против двенадцати — победа внушительная.

«Он кажется выше, когда выходит вперёд». — Элементал подошёл к хранителю закона, пожал ему руку, следом повернулся к собранию ханов:

— Выбрав меня, вы поступили мудро. Я — воин, которому знакома победа, и я не забыл, что для неё нужно. Я поведу нас к победе над варварами Внутренней Сферы.

Встал Эйса Тэни:

— Когда ты говоришь, что поведёшь к победе нас, имеешь ли ты в виду перетасовку кланов вторжения, чтобы мы все смогли принять участие?

Озис помрачнел:

— А что вы сделали, чтобы заслужить это право?

Тэни фыркнул:

— В твоих глазах я читаю ответ: «ничего», воут?

— Тогда зачем ты просишь того, что вы не заслужили?

Влад поднял руку:

— Я полагаю, ильхан, хан Тэни на самом деле просит, чтобы его Ледовым Хеллионам дали время вызвать один из кланов вторжения и заработать себе право участия в операции.

— Это возможно, если они поторопятся. — Тёмные глаза Озиса сверкнули. — Я намереваюсь начать наступательную операцию немедленно.

Встала Марта Прайд:

— Ильхан, я понимаю, что твоё право предлагать этому собранию, чтобы мы начали операцию немедленно, но приказ возобновить войну — это не твоя прерогатива.

— Разве Нефритовые Соколы устали от войны, Марта Прайд?

— Ха! — Марта засмеялась, зловеще сверкнув белыми зубами. — Мы так давно воюем с Внутренней Сферой, что надоело воевать со слабосильными войсками. Мне не противна мысль поточить наши когти о любой клан, желающий отбить какие-нибудь из оккупированных нами миров. Не вижу, почему бы вам не дать таких возможностей другим кланам, разве что вы боитесь, что Дымчатые Ягуары останутся без плацдармов в возобновлённом вторжении.

«Отлично сыграно, Марта». — Влад кивнул:

— Я тоже приветствую испытание своего клана в битве с теми, кто оставался дома. — «Чем больше мы будем поощрять битвы среди кланов, тем труднее будет работа Озиса и тем больше времени будет у Внутренней Сфера, чтобы подготовиться к нападению Дымчатых Ягуаров».

Горечь и гнев скривили губы ильхана, натянули кожу вокруг глаз.

— И сколько времени хотите вы играть в войну? Полгода? Год?

Марта махнула рукой в сторону Тэни:

— На этот вопрос, разумеется, должны отвечать бросающие вызов, но ни один достойный чести клан не потребует на решение подобного вопроса более девяти месяцев.

Тэни кивнул:

— Девять месяцев — это нам более чем достаточно, чтобы доказать своё право быть среди кланов вторжения.

Влад улыбнулся.

— Наверное, ильхан, ты предпочёл бы сам огласить такое решение, чтобы не было чувства, будто тебя к нему вынудили.

Озис потёр левый кулак правой рукой.

— Итак, моя рекомендация как ильхана: ближайшие шесть месяцев каждый клан использует для планирования и подготовки новой кампании против Внутренней Сферы. Все вызовы, направленные кланам вторжения, все испытания владения за обладание коридорами вторжения должны быть произведены в течение трёх месяцев от сегодняшнего дня и должны закончиться в течение девяноста дней с момента вызова. Все остальные споры должны быть разобраны Большим Советом, и у кланов остаётся три месяца на подготовку к возобновлению вторжения.

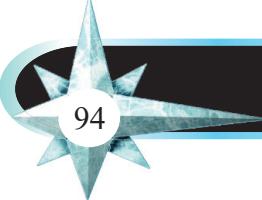
— Слова Озиса падали тяжёлыми холодными звуками, полные недовольства и злобы. — Это приемлемо?

— Сейла, — кивнул Влад.

Остальные ханы эхом повторили древнюю клятву, единодушно принимая предложение. Озис склонил голову.

— И да будет так, пока все мы не падём.

«Это уж точно. — Влад склонил голову, краем глаза заметив кивок Марты Прайд. — Падение Линкольна Озиса началось только что».

Большой бальный зал, Королевский дворец

Триада

Город Таркад, Таркад

Округ Донегол, Лиранский Альянс

21 ноября 3058 г.

Хотя обычно Виктор не любил помпы и пышной обстановки важных государственных актов, но церемонию подписания конституции Звёздной Лиги счёл приемлемой, она ему даже понравилась. Почему-то казалось правильным, что воссоздание Звёздной Лиги через три столетия после её распада сопровождается цветастыми знамёнами и медными звуками гимна Звёздной Лиги. И даже почётный караул при флагах стран-учредительниц нарядили в архаичные, но величественные мундиры ушедшей эпохи.

Виктор смотрел, как его сестра идёт к высокому стеклянному столу, где ждали её подписи восемь экземпляров конституции. Она была одета в жакет-болеро поверх длинного платья, и то и другое — из сверкающей белой парчи. Ярко сверкала тиара на её волосах, вспыхивая всеми цветами радуги. — «Крылья ещё добавить, и получится ангел. — Виктор покачал головой. — Ангел смерти».

Катерина подписала документы по очереди, меняя ручки. Подписав один экземпляр, она откладывала ручку в сторону и брала новую. Потом ручки раздадут помощникам и сторонникам как подлежащие вечному хранению исторические реликвии. Виктор с иронией относился к подобным жестам, но сегодня хотел каждую букву своего имени вывести отдельной ручкой. — «Хотел бы я, чтобы памятных реликвий хватило бы каждому воину, сражающемуся за нас».

Подписав все экземпляры, Катерина взошла на прозрачную трибуну справа и улыбнулась, несмотря на окружившее её море слепящего света.

— Сегодня мы пришли сюда, объединив наши усилия, чтобы возродить наивысшее и благороднейшее достижение человечества: Звёздную Лигу. Веками велись войны ради этой цели, но возродилась Звёздная Лига не в битве, а в мире. Сколько бы я ещё ни прожила, что бы ещё я ни сделала, вершиной моей жизни будет мой вклад в эту великую работу. Возрождение Звёздной Лиги станет памятником тем, кто подписал своё имя на ратификационных грамотах, и тем, ради кого они подписаны. Сегодня воссоздана единая Внутренняя Сфера, и да вселит это страх в сердца наших врагов, где бы они ни были.

Катерина сошла с трибуны и сдвинулась вправо, встав рядом с руководителями государств, уже подписавших конституцию. Они по очереди пожали ей руку: регент, Томас Марик, Кэндес Ляо, Теодор Курита и принц Магнуссон. Она, сияя во всё лицо, заняла место в конце шеренги и раскланялась под громовые аплодисменты, наполнившие бальный зал.

За ней подписывать конституцию вышел Сунь-Цзы Ляо. Порядок подписей решил жребий, и Виктору выпало счастье быть последним. — «А значит, я могу сказать что захочу, не боясь, что кто-нибудь обидится и откажется подписывать». — Пока что всё, сказанное подписавшими конституцию лидерами, было положительным и духоподъёмным, хотя решительно банальным, по мнению Виктора. Только регент по военным вопросам сделал замечание, что это всего лишь первый шаг к объединению Внутренней Сферы, — но он мог позволить себе такую вольность, поскольку был победителем при Тукайиде, и его подпись имела ключевое значение, чтобы кланы приняли конституцию всерьёз. Виктор в собственном выступлении хотел довести до людей серьёзность положения, пусть даже это несколько собьёт праздничный настрой.

«И к тому же моя бомбочка очень оживит репортёров. — Виктор подавил улыбку, поймав на себе взгляд сестры. — Избрание Сунь-Цзы и угроза Моргана Келла дезориентировали её. Отлично. Даст бог, взаимодействие с Сунь-Цзы в течение ближайших трёх лет эту тенденцию усилит».

Место на трибуне занял Сунь-Цзы.

— Величайшая радость и осознание собственной недостойности — вот что испытал я, подписывая конституцию Звёздной Лиги. Пока не распался этот союз, он показал нам, что значит быть истинно цивилизованным и истинно человечным. Эти качества были утрачены после падения Звёздной Лиги, и мы стали чем-то намного меньшим, чем надлежит нам быть. Её гибель была нашей гибелью, её возрождение станет нашим возрождением. Нет слов, чтобы выразить глубочайшую благодарность моим коллегам — лидерам государств Внутренней Сферы, выразить гордость, которую испытываю я, будучи избран первым лордом Звёздной Лиги. Срок моего руководства три года, и моё твёрдое намерение — дать образец правления, которого будут придерживаться мои наследники. Моя должность для меня — не церемониальная, она — символ священного доверия, которое я постараюсь оправдать, отдавая этому все силы. Звёздная Лига станет, как я надеюсь, ещё лучше к концу моего правления, а с нею — и всё человечество.

Виктор ожидал услышать в словах Сунь-Цзы обман или бахвальство. Впрочем, не услышав их, он не удивился. — «Сунь-Цзы с молоком матери впитал умение скрывать свои намерения и чувства. В нём есть нечто, чего я себе даже не представлял. Может быть, права Изида, может быть, возложенная на него ответственность переменит его. Не знаю. Могу лишь надеяться, что он не станет чинить препоны нашей кампании».

Виктор подождал, пока Сунь-Цзы займёт место в шеренге рядом с Катериной, потом шагнул вперёд и подошёл к столу, где его ждали экземпляры трактата. Крышка стола пришлась Виктору под самую грудь, но ему было безразлично, что высота стола подчёркивает недостаток его роста. — «Если кто-то будет судить о нас, подписавших конституцию, по росту, то этот «кто-то» будет дураком».

Сняв колпачок с первой ручки, Виктор вывел свой титул. Его радовал скрип пера по пергаменту, нравилось смотреть, как светлеют синие чернила, впитываясь в подложку. Другой ручкой он вписал своё имя, третьей — второе имя. Ещё два пера — и на трактат легла его фамилия, после чего Виктор взялся за следующий экземпляр.

Он обратил внимание, что Сунь-Цзы и Теодор написали свои имена азбукой кандзи, а подпись Катерины была похожа на волнистую змею, прерывающуюся каждый раз, когда менялось перо. Почерк у Виктора никогда не был каллиграфическим, но он постарался хотя бы, чтобы имя можно было прочесть, и даже добавил широкий росчерк в конце, подчеркнув своё имя.

Подписав последний экземпляр, Виктор закрыл последнюю ручку и пронёс её на трибуну. Его окатило потоком света — такого яркого, что он просто обжигал, пульсируя жаром от софитов. Виктор поднял руку и опустил микрофоны пониже, чтобы можно было в них говорить и — что важнее — смотреть поверх них. Дав себе секунду, чтобы собраться с мыслями, он проглотил слюну и заговорил.

— То, что вы до сих пор слышали, — справедливые суждения о необходимости Звёздной Лиги и о том, каким успехом завершилась наша напряжённая работа последних шести недель. Конечно, в фундамент нашей работы легли труды основателей первой конституции Звёздной Лиги, но адаптировать документ так, чтобы он действовал и в наши смутные времена, было очень трудно. Все мы и наши помощники, советники и сотрудники, неустанно работали над тем, чтобы создаваемая нами конституция отвечала современности. Подписание, свидетелями которого вы только что были, — победа каждого жителя Внутренней Сферы, каждого человека в ней и вне её.

Виктор изо всех сил старался разглядеть за слепящими светильниками лица людей за галереей прессы.

— И точно так же, как мы построили своё здание на фундаменте, заложенном другими, мы должны строить его и дальше, для будущего. Пусть не удивит никого из вас, если я скажу, что

Внутренней Сфере грозит враг извне и междуусобица изнутри. Воссоздание Звёздной Лиги кладёт конец этой междуусобице, той чуме, что терзала нас столетиями. Ныне, в единстве разума и духа, мы обернёмся к кланам и положим конец угрозе, которую они представляют для всех нас.

— Но не будем обманывать себя: противостояние кланам не будет простым и лёгким. Оно потребует колоссальных усилий от нашего народа — и от тех, кто выйдет на поле боя, и от тех, кто поддержит их. Мы должны слить все свои силы воедино, ибо, если мы не отбросим захватчиков прочь, никогда нам не избавиться от страха, пронизывающего всю нашу жизнь. — Тут Виктор улыбнулся: — Я знаю, что вы сейчас подумали. Многие полагают так: «Пусть мы достигли соглашения, но по-настоящему это ничего не меняет». Многие думают, что, даже если мы сможем скоординировать наши действия против кланов, вне этого настоящего единства среди нас не будет. Я понимаю эти сомнения — мы много видели разных видов лицемерия и имеем право на цинизм. И будь я на вашем месте, я бы думал точно так же.

— Но я не на вашем месте, и не только по капризу судьбы. Я был здесь, на Уайтингской конференции, я видел перемену настроения, видел слияние духа. Мы действительно едины, и нас ждёт новое, светлое будущее. И мы заставим его прийти.

Виктор помолчал секунду, дав своей улыбке почти погаснуть.

— Но вы с полным правом попросите доказательств такого изменения — доказательств, проявляющихся в делах. Я обещаю вам: вы увидите их, и обещание моё — не пустые слова. И вот первое доказательство — первое из многих, которые вы ещё увидите. Отсюда, с Таркада, я улечу по приглашению координатора Синдиката Дракона на Лютьен. Там я встречу новый год, друзья мои и союзники, и буду приветствовать новую эру человечества.

Ошеломлённый ропот и возмущение растворились в океане аплодисментов. Виктор поднял голову, сохраняя приятное выражение лица, но не давая ему перейти в торжествующее. — «Катерина, ты здесь хвасталась, что построила пусковую площадку. И вот я использую её для взлёта».

Он поднял руки, и толпа снова затихла.

— Среди вас есть такие, которые думают, что Дэвион, ступивший на Лютьен, — это признак апокалипсиса, предвестник конца света, то есть Вселенной, как мы её знаем. Так позвольте вас заверить, что последнее верно. Старая вселенная, то чрево, где созрели наследные войны, более не существует. Мы решаем сегодня создать для себя — и для вас — новую вселенную. С вашей поддержкой, при вашем согласии мы разрушим разделяющие нас барьеры и взмοем в светлое будущее, которого ещё не знало человечество.

*Заповедник Ледник Зигфрида
Окрестности города Таркад
Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
22 ноября 3058 г.*

Виктор Штайнер-Дэвион присел на край массивного дубового стола, за которым когда-то плёл нити своего предательства Алессандро Штайнер, и улыбнулся Моргану Хасеку-Дэвиону.

— Давай, открывай подарок. Формально он на Рождество — в основном чтобы быстрее подтолкнуть тебя к твоему приключению.

Морган сел на коричневый кожаный диван и снял ленту с прямоугольной коробки. Он начал разворачивать бумагу, и улыбнулся, прочитав этикетку.

— «Гленгаррская Чёрная Метка, специального резерва»! Виктор, у тебя хороший вкус на виски.

Виктор невинно улыбнулся:

— Нет, на самом деле это безопасники Крэнстона знают твой вкус. У них на тебя полное досье, и они знают, что ты полюбил принимать на ночь. Они мне и сказали, что это твоя любимая отрава.

Морган негромко засмеялся:

— Ты ничего в этом не понимаешь, если называешь такое виски отравой. Да, я его люблю принимать, но только один стаканчик перед сном.

— И хорошо. Я отправил с тобой ящик этого пойла. Не думаю, что его хватит, но если тебя им перегрузить...

— ...Люди начнут гадать, куда это я собираюсь, где его не достать. Я буду расходовать его бережно. — Морган посмотрел на коробку, потом опять на Виктора. — Удивительно, что тебе удалось вытащить из Гленгарри целый ящик.

— Это не я. — Принц улыбнулся. — Джерри сказал, что его оперативные работники ржавеют отостоя, и потому для тренировки втихую залезли в погреб Катерины во время вечеринки по случаю её дня рождения. Его люди умеют работать.

— Да уж. — Морган поставил коробку на диван возле себя. — Так, а что ещё есть в моём досье?

— Ничего особенного — записи служебного списка и результаты медосмотров. Кстати, поздравляю — ты в отличной форме. Во всём, что интересует докторов, у тебя вполне нормальные показатели даже для человека лет на двадцать моложе. — Виктор кивнул с торжественным видом. — Кампания не будет для тебя лёгкой, но врачи говорят, что ты к ней более чем готов.

— Надеюсь, что они правы.

— Ты о чём? — нахмурился Виктор. — Ты единственная подходящая кандидатура для этой операции. У тебя есть опыт, репутация и разум, необходимые для её проведения.

— Хочется верить, что в этом ты прав, но знаешь, что меня беспокоит? Природа сил коалиции. Мы-то согласились сотрудничать, но я не уверен, что это дошло до всех войск.

— Для того у тебя будет время на учения, Морган, — чтобы они сработались. — Виктор встал со стола и отошёл к встроенному бару в углу. — Выпьешь чего-нибудь?

— Воды, пожалуйста. — Морган наклонился вперёд, растягивая в руках алую ленту, бывшую обёрнутой вокруг подарка. — Период обучения — это поможет, конечно, но наш переход

к Хантресс займёт много времени. И будет достаточно возможностей для трений, от которых ничего хорошего.

Виктор вернулся и подал ему стакан с водой.

— Пока руководство выступает единым фронтом, такие вещи будет нетрудно погасить.

— Верно, но есть возможность раскола и в руководстве, если мы не решим некоторые вопросы с самого начала.

— А именно?

— Секретность операций, — скривился Морган. — У нас не хватит сил и средств держать людей кланов в плену, а освобождать их — значит дать противнику знать, что через его зоны оккупации движутся не обнаруженные ранее крупные силы.

Виктор глотнул минералки из своего стакана и задумался. Необходимость соблюдать секретность означает, что оперативная группа Моргана должна действовать при полном коммуникационном молчании. Ни сам Морган не сможет ничего передать, ни центр не сможет послать ему сообщение. Такие обмены могут быть перехвачены кланами, и даже если противник не сможет расшифровать коды, он начнёт искать, кому сообщения адресованы. Преждевременное обнаружение группы приведёт к битве на пути к Хантресс, либо, что ещё хуже, Морган и его войска прибудут к укреплённой планете с усиленным гарнизоном.

Поскольку пленных держать невозможно, от них надо избавляться. Одно решение — высаживать их на планеты без средств связи, но если повезёт найти пригодную для обитания и до сих пор не колонизированную планету, более вероятным было то, что планеты будут попадаться безжизненные и негостеприимные. Отправлять их на кораблях обратно — это значит рисковать обнаружением кораблей различными средствами, а кроме того значительно уменьшать ресурсы оперативной группы.

Другая альтернатива — убивать пленников. — «Но, кроме случаев, когда поведение противника не даёт оснований для военного суда и смертного приговора, убийство пленных трудно оправдать. Пусть смерть одного человека может гарантировать безопасность оперативной группы и победу ради свободы Внутренней Сферы, даже этим невозможно оправдать убийство».

Виктор встретил взгляд зелёных глаз Моргана.

— И ты думаешь, что сможешь отдать приказ о смерти пленников?

— Мне этого не хочется, разумеется, но если это будет единственной возможностью, то... ну, я не знаю. Конечно, годных к строевой бойцов, которые дрались против нас, убивать легче, чем калек и детей, но я просто не знаю. Думаю, что решать буду в зависимости от каждого случая, и я надеюсь, что мне не придётся убивать тех, кто не воюет. — Морган покачал головой.

— Как, разумно?

— Кажется, единственное разумное, что здесь может быть, — вздохнул Виктор. — Это будет трудное решение, но я знаю, что ты выберешь наилучший вариант из возможных. Вопрос сведётся к тому, насколько большому риску ты захочешь подвергнуть своих людей. Если твоя операция провалится, Внутренней Сфере придётся куда большей кровью заплатить за то, что ты мог бы сделать, как мы надеемся, с меньшим числом жертв.

— Ставки мне ясны, я только не знаю, нравится ли мне игра, в которую мы втягиваемся.

— Морган, осушив стакан, поставил его на подлокотник дивана. — Я думаю, мне чертовски сильно помогут в принятии такого решения.

Виктор улыбнулся:

— Ага, и мне хочется координировать силы коалиции не больше, чем хотелось бы сгонять в стадо пьяных котов. Отсюда я лечу на Тукайд, где у нас запланированы совещания по подготовке операции, оттуда на Лютьен для выработки окончательных решений. Отчасти я завидую тебе, что ты будешь далеко от этого хаоса Внутренней Сферы.

— Но я ещё буду здесь и увижу реакцию на твой прилёт на Лютьен. — Морган покачал головой. — Дэвион прилетает на Чёрный Лютьен почётным гостем. Не думал, что доживу до такого дня.

— Я тоже. — Виктор чуть нервно рассмеялся. — Легче драться с кланами, чем ступить на Лютьен.

— Не согласна, — возразила от двери Ивонна. — Простите моё вторжение, но я услышала, что Морган улетает, и зашла попрощаться.

Она подошла к Моргану и обняла его.

— Береги себя, Морган, и отплати им сполна за все несчастья, которые они нам принесли.

Виктор не услышал, что ответил Морган, но Ивонна отпустила его и вытерла с лица слезу.

— Как бы мне хотелось, чтобы вам туда не нужно было лететь — обоим.

Страх в её голосе удивил Виктора.

— Мы должны, Ивонна, как и ты должна занять моё место на Новом Авалоне. Я верю в тебя полностью.

— И я, — улыбнулся Морган. — Мы, рыжие, от природы умнее и выносливее прочих.

— Тогда я поседею, как и ты, — Ивонна изо всех сил старалась сохранить на лице бодрое выражение, но у Виктора сердце защемило от осознания, как же она на самом деле молода. — Я к этому не готова, Виктор.

Виктор не успел ответить. Морган положил ей руки на плечи и повернул лицом к себе.

— Никто из нас не готов к тому, что должен делать, Ивонна. А знаешь почему? Потому что единственное, что помогает действовать в таких ситуациях, это опыт. А опыт приобретаешь, решая задачи, которые ставит перед тобой судьба. Мы делаем, что можем, видим, какие допускаем ошибки, и учимся на этих ошибках. Ты достаточно умна, чтобы не допускать тех мелких ошибок, которые на твоём месте сделал бы любой другой.

Ивонна глянула на брата:

— А если то, что Виктор мне доверился, — мелкая ошибка с его стороны?

Морган улыбнулся:

— Виктор один из тех, кто делает очень мало ошибок, — я даже думаю, что на самом деле он рыжий и только красится, чтобы сбить нас с толку.

Виктор погладил Ивонну по руке:

— Ты справишься, Ивонна. В твоём возрасте я тоже не был готов к такой работе, но только потому, что считал: быть воином — уже достаточно для всего. На собственном разочаровывающем опыте я потом понял, что это не так. Ты умна, ты образованна, у тебя есть советники, которые тебе помогут. Слушай Танкреда, прислушивайся к жене Моргана — Ким. Они помогут тебе править государством стablyно.

Она покачала головой:

— Я ничего в этом не понимаю.

Виктор улыбнулся:

— А ты подумай, насколько хорошо будет в твоём резюме смотреться должность правительницы Федеративного Содружества! Тебя возьмут в любую юридическую школу, в какую захочешь. А я дам тебе хорошую рекомендацию.

— И я тоже.

Ивонна прищурила серые глаза.

— А если я решу, что не хочу отдавать тебе трон, когда ты вернёшься?

В голове Виктора мелькнул образ Оми.

— Если так случится, я предложу другой вариант, который устроит нас обоих.

— Меня устроит твоё быстрое возвращение живым и здоровым, Виктор. И твоё, Морган. Маршал вооружённых сил Федеративного Содружества сделал шаг назад и поклонился.

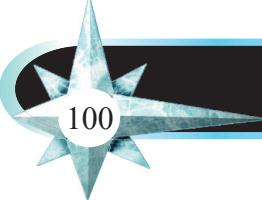
— Твоё желание для меня приказ.

У Ивонны дрогнули губы.

— Виктор, а что мне делать с Катериной?

В животе у Виктора свернулся ледяной ком, пустив шипы во все стороны.

— Я думаю, Катерина будет продолжительное время по уши занята своими делами. Если же нет, обратись к агенту Курайтису из секретариата разведки. Он скажет, что делать.

Морган убедительно улыбнулся:

— Да не волнуйся ты насчёт своей сестры. Она будет строить планы, как присвоить себе славу побед твоего брата. Такой работе необходимо отдаваться целиком.

Виктор хлопнул их обоих по плечам.

— Что ж, да будет так. В конце концов, если я завоюю Лютъен, то с кланами вообще будет делать нечего!

23

*Королевский дворец, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
23 ноября 3058 г.*

Катрина поняла, что должна несколько больше считаться с братом, как бы ни было ей это неприятно. — «Было время, когда Виктор совершенно не разбирался в политике, но он учится — умение учиться всегда было его величайшим достоинством. Теперь, когда начинается военная кампания, он снова станет солдатом, а это заставит его временно прекратить изучение политики. Учиться политике в такой момент было бы затруднительно даже для него».

Катрина тщательно изучила поведение Виктора во время Уайттингской конференции и вынуждена была заключить, что постоянно недооценивала брата. С момента, когда его ногаступила на Таркад, он стремился к единственной цели — обрушить войну на кланы, — никому и ничему не позволяя отвлечь себя от неё.

Такая целеустремлённость Катрину не удивила — она всю жизнь знала за ним это качество. Именно его целеустремлённость позволяла ей обходить Виктора и ставить брата в ситуации, когда желательные ему решения достигались лишь путём её вмешательства. Именно так Виктору пришлось посадить её на трон Лиранского Альянса после смерти матери. Впоследствии государство распалось, но бескровно, и Лиранский Альянс остался под её управлением.

Но Катрину невероятно удивили два поступка Виктора. Первый — поддержка избрания Сунь-Цзы первым лордом. Этим ходом Сунь-Цзы получил легитимность и встал на один уровень с другими крупными игроками Внутренней Сфера. Его позиция усилилась, и это вполне могло сказаться на балансе сил в марке Хаоса, где Сунь-Цзы пытался вернуть себе больше миров, чем когда-то принадлежало капелланцам. Катрина не могла себе представить, что Виктор может согласиться на что бы то ни было, что будет стоить ему планет, завоёванных когда-то отцом. — «Виктор всегда был первым адептом культа Хэнса Дэвиона. И то, что он по собственной воле согласился превратить какие-то победы Хэнса в поражения, — невероятно. Если, конечно, не верить трепотне Виктора насчёт того, что он долг перед Внутренней Сферой ставит выше интересов своей страны».

Катрина с самого начала знала, что это ложь. Стремление Виктора провести объединённую кампанию для уничтожения кланов было такой дерзкой заявкой на захват власти, какой Катри-

на в жизни не видела. Регент по военным вопросам заявил, что он стар и будет полагаться на Виктора, — то есть, по сути, отдал ему славу за все победы. А брат явно намеревается, разгромив кланы, вернуться во Внутреннюю Сферу новым воплощением Александра Керенского и занять место во главе Звёздной Лиги — единственное достойное вернувшегося героя.

В этом свете поддержка Сунь-Цзы была вполне осмысленной. Сунь-Цзы может с одинаковой вероятностью и справиться с ролью, и провалить её. Учитывая его характер, он наверняка замахнётся на большее, чем может, и потерпит крах — как его дядя Тормано когда-то. И тут появляется Виктор, как лучший и самый блестящий возможный глава Звёздной Лиги, и мантия достаётся ему.

«А он уж её никогда не отдаст», — благодарные офицеры и солдаты гарантируют его положение и никогда не допустят его свержения. Попытка отколоться от него будет считаться предательством, и Звёздная Лига станет большим, чем объединение равных государств. Власть Виктора будет крепнуть, и катастрофа, к которой он вёл Федеративное Содружество, станет судьбой всей Внутренней Сферы.

Второй сюрприз, который Виктор поднёс Катрине, — то, что он выбрал регентом Ивонну. Она бы на его месте выбрали их брата Питера, — но он после авантюры на Солярисе исчез. Вряд ли Виктор велел его ликвидировать — к убийствам он прибегал лишь под очень сильным давлением со стороны. — «Он никогда бы не устранил Райана Штайнера, если бы я не настояла, что этот человек должен ответить жизнью за смерть Галена Кокса».

Другой их брат, Артур, ещё учился в Боевой академии на Робинсоне и в регенты не годился. Артур совершенно не умел скрывать своих чувств и предпочтений и обычно плыл по течению. На Робинсоне он наберётся антикуритских эмоций, а потому меньше всего Виктор хотел бы, чтобы Артур остался править вместо него, особенно пока он будет на Лютьене. — «К тому же Артур всегда больше слушается сердца, чем головы, — для человека, исполняющего церемониальную должность, это хорошо, но для имеющего настоящую власть — плохо».

Ивонна — интересный выбор и единственно логичный, поскольку оперативную группу возглавит Морган Хасек-Дэвион. За то время, что они с Катриной не виделись, Ивонна переменилась, но в разговоре с Катриной она придерживалась прежнего тона младшей сестры по отношению к старшей. — «Она настолько в себе не уверена, что ею можно будет попытаться вертеть. Её главенство на Новом Авалоне даст мне больше, чем думает Виктор. Даст мне время разобраться с Келлом до того, как я начну разбираться с ней».

Медленный подъём Катрины от раздражения до гнева был прерван быстрым стуком в дверь, которая тут же открылась, даже раньше, чем Катрина успела ответить. Немедленно остирём взлетела злость, и Катрина тут же дала бы ей выход, будь вошедший Тормано Ляо один.

— В чём дело, мандарин?

— Покорнейше прошу прощения, архонт, но я был уверен, вы не допустите, чтобы этой женщине пришлось иметь дело с чиновниками. Ей можете помочь только вы, а время имеет первостепенную важность, с чем и связана моя торопливость. — Тормано отступил в сторону, открывая взгляду Катрины миниатюрную черноволосую женщину, которая тут же густо покраснела и стала прятать глаза. — Это Фрэнсис Йешке.

Тормано произнёс это так, будто представлял Катрине очередное воплощение далай-ламы. Катрина любезно улыбнулась и протянула руку.

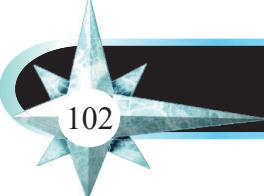
— Добро пожаловать, мисс Йешке. Чем я могу вам помочь?

Женщина пожала руку Катрины своей дрожащей рукой.

— Миссис Йешке, ваше высочество. — Тут же на её симпатичном лице мелькнул ужас, и она быстро добавила: — То есть это не важно — я могу быть и мисс Йешке, потому что его уже нет.

— Вы вдова?

— Я надеюсь, ваше высочество. — У Йешке задрожала нижняя губа. — Я не знаю — он работал на Ковентри, и у меня нет от него вестей. Это не важно, потому что он оставил меня и нашего ребёнка, и я его понимаю.

Тормано обнял Йешке за плечи и отвёл к креслу.

— Фрэнсис пришла к вам по двум причинам, ваше высочество. Первая — она знает, как вы заботитесь о детях с серьёзными болезнями. У её сына Томми неходжкинская лимфома, недифференцированная.

— Ему нужна пересадка костного мозга или он умрёт. — Фрэнсис стиснула руки перед грудью. — Отца его нет, а я в доноры не гожусь.

Катрина села рядом с ней на диван и погладила женщину по волосам.

— Мы сделаем всё, что сможем. — Поверх головы посетительницы Катрина бросила на Тормано взгляд, который мог бы расплавить феррокерамическую броню боевого меха. — Мандарин, есть ли здесь какие-то обстоятельства, которые требуют моего личного внимания?

— Конечно есть, архонт. — Тормано улыбнулся так самоуверенно и маслянисто, что Катрина решила выдать ему как следует, если он переоценил значение Йешке. — Миссис Йешке по своей инициативе провела некоторое расследование и нашла подходящего донора. Это Джерард Крэнстон, помощник вашего брата.

Катрина нахмурилась. Как ни мало было ей известно о детских болезнях, она знала, что найти подходящего донора костного мозга не среди родственников — вешь редчайшая.

— Крэнстона проверили, и в его досье есть такие данные?

— Да. — Фрэнсис подняла глаза. — Я надеялась, что вы попросите его стать донором. Я...

Тормано улыбнулся:

— В поисках донора Фрэнсис выяснила, что она — приёмная дочь. Разыскивая родителей, она установила, что её отец — Андерсон Кокс. У него был роман с её матерью, и на свет появилась она.

Катрина ощутила пробежавший по спине холодок.

— Я знаю это имя.

Фрэнсис кивнула:

— Андерсон Кокс — отец Галена Кокса. — Она вцепилась в руку Катрины. — Я не знаю, правду ли говорят по головизору и вообще, но я надеялась, что для вас ценна память моего сводного брата, ценна настолько, чтобы вы попытались дать его племяннику шанс выжить.

Катрина пожала руку женщины в ответ, потом подняла глаза на Тормано:

— Я не знала, что у Галена была сводная сестра.

— Очевидно, Гален не знал о похождениях Андерсона. Я посмотрел досье Галена, и выяснилось, что, если бы он не был убит, он был бы идеальным донором для Томми. Таким же идеальным, как Джерард Крэнстон.

Мысль ударила Катрину как молния. — «Если Гален Кокс не погиб на Солярисе, если он и есть Джерард Крэнстон... — Мысли побежали наперегонки. Виктор не настолько жесток, чтобы утаить от неё весть о том, что Гален жив, когда она оплакивала его смерть. — Единственный вариант, когда Виктор поступил бы так, — это если бы он знал, что убившая Галена бомба была презентом от Райана Штайнера. Райан пытался послать мне сообщение о моей собственной уязвимости, Виктор наверняка считает, что знает о заговоре с целью убийства нашей матери, но, если у него есть доказательство моего соучастия, почему он его до сих пор не обнародовал?»

Катрина вздрогнула. — «Ясно, что доказательства у него нет. У него есть лишь собственные умозаключения и настоятельное утверждение Моргана Келла, что я убила Мелиссу, и он думает, что добить доказательства, изобличающие меня, — это лишь дело времени. Если бы не появилась эта женщина, я бы не знала позиции Виктора в этом деле, знала бы лишь позицию Моргана Келла. Я только что получила предупреждение, которое Виктор не захотел бы мне дать».

Катрина мысленно попыталась совместить лица Галена и Джерарда Крэнстона, но поняла, что почти не видела лица Крэнстона во время конференции. — «Виктор понимал, что я могла бы его узнать, но Крэнстон настолько ему нужен, что Виктор не мог оставить его на Новом Авалоне, и я должна была понять раньше, куда раньше».

Улыбкой прикрыв потрясение, Катрина приподняла лицо Йешке за подбородок, заставляя женщину глядеть себе в глаза.

— Я с радостью сделаю всё, что в моих силах, чтобы ваш сын получил столько костного мозга Джерарда Крэнстона, сколько ему нужно. Ничто меня не остановит, ибо ваш ребёнок — это ворота в будущее для этой страны. Мой священный долг — сделать так, чтобы он и Лиранский Альянс жили, и этот долг я выполню любой ценой.

* * *

Когда Фрэнсис Йешке села в такси на воздушной подушке и захлопнула дверцу, маска несчастной матери больного ребёнка испарилась с её лица. Она глянула в ледяные глаза водителя в зеркале.

— Задание выполнено. Если бы вы хотели смерти Катрины и Тормано Ляо, они уже были бы мертвые. Тормано был так захвачен моим рассказом, что потащил меня в кабинет Катрины, даже не обыскав.

Агент Курайтис за рулём хмыкнул.

— Конференция закончилась, прошла она без сучка и задоринки, так что все расслабились. Жаль, что нам пришлось упустить такую возможность, но так хотел принц.

Франческа Дженкинс запахнула жакет поплотнее.

— Я знаю, что вы не можете комментировать, но мне надо кому-то это сказать. Судя по реакции архонта на мою легенду, Джерри Крэнстон и Гален Кокс — одно и то же лицо, или вы хотите, чтобы она так считала. Кокс погиб на Солярисе при взрыве бомбы, предназначенней Катерине. Убийство Райана Штайнера должно было навести всех на мысль, что это возмездие за смерть Кокса. Попытки Райана захватить власть на Острове Скай постоянно отражались Катериной, а до того — Мелиссой, значит, бомбы были предназначены для них обеих. Отсюда очевидное следствие — Мелиссе убил Райан.

— Но ведь действительно очевидное?

— Несомненно. Итак, Катерина теперь думает, что Кокс жив, а это значит, ей придётся догадываться, почему брат не сообщил ей, что Кокс уцелел. Отсюда логически следует, что Виктор ей почему-то не доверяет. Конечно, захват Катериной Лиранского Альянса показывает, что доверять ей не следует, хотя это доказательство появилось позже события, которое мы рассматриваем. Но всё равно Катерине не удалось бы отколоться, будь Мелисса жива, и отсюда Виктор делает явный вывод, что Катерина замешана в убийстве матери.

Ледяные глаза смотрели на неё из зеркала.

У Франчески отвалилась челюсть.

— Архонт убила собственную мать?

— Только что твой допуск был повышен до уровня «альфа-один». Теперь выше только те, кто имеют право читать мысли принца.

Франческе вдруг стало очень холодно.

— Моё задание не сводилось только к тому, чтобы просветить Катерину?

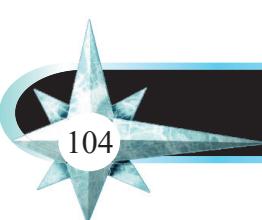
Курайтис кивнул:

— Когда ты исчезнешь, бросив эту маленькую бомбочку, Катерине придётся задуматься, почему Виктор предупреждает её, что ему известно о её делах. Мы полагаем, что это заставит её что-то предпринять, чтобы замести следы...

— ...И она покажет нам уязвимые места, о которых мы не знали. Она сама наведёт нас на доказательства своего соучастия в убийстве Мелиссы Штайнер.

— На это мы и надеемся. У нас есть кое-какие основные следы, и мы их проверим, но будем при этом смотреть, не наведёт ли нас Катерина ещё на что-нибудь. — Курайтис, притормозив у светофора, повернулся назад и посмотрел на Франческу. — Принц улетает спасать Внутреннюю Сферу от кланов. А на нас он возложил работу по спасению Лиранского Альянса от его сестры.

Франческа физически почувствовала, как вдавливает её в сиденье груз ответственности.

— И до его возвращения мы должны сделать то, что должно?

— Если нам повезёт. — Ледяные глаза Курайтиса прищурились. — Катерина не дура. Откравившиеся перед нами возможности могут легко закрыться, если Катерина доберётся до своих целей раньше нас. Если мы не справимся, Лиранским Альянсом будет по-прежнему править убийца, и все шансы за то, что её жажда власти не утолится, пока она не получит власть над всем.

Книга вторая Суровые крестоносцы

24

Тукайид

Округ гарнизона КомСтара

Свободная Расальхагская Республика

15 декабря 3058 г.

Виктор увидел идущие вниз руки Кая и поднырнул под боковой удар ноги в голову раньше, чем она успела пройти половину пути. Припав на правую ногу, принц пропустил удар над собой и сам выбросил левую ногу вперёд. Круговым движением он подцепил Кая под левое колено, дёрнул — и Кай свалился на спину, на зелёный тренировочный мат.

Тот рухнул с громким стуком, но Виктор этого не видел. Он уже отпрыгнул и принял боевую стойку в добрых трёх метрах от упавшего. Поверх перчаток он видел лежащего Кая, грудь поверженного бойца ходила вверх-вниз, покрытая потом. Затем Кай поднял голову, улыбнулся и дважды хлопнул по мату, показывая, что сдаётся.

Виктор медленно опустил руки и впервые заметил, насколько они отяжелели. Болело всё тело — ссадины от матов, множественные ушибы, а хуже всего — пульсирующая боль в мизинце левой ноги. Несмотря на забинтовку к соседнему пальцу ноги, состояние ухудшилось. Вчера он ещё не был сломан, но сегодня — вполне возможно.

Кай выплюнул изо рта защитную капу и принялся стаскивать с головы шлем.

— То ли я стал медленнее, то ли ты быстрее. Этим ударом я должен был тебя свалить.

Виктор улыбнулся, на миг подумав, что, может, не стоит указывать Каю на его слабости.

— Когда ты устаёшь, то перед высоким ударом опускаешь руки для равновесия.

— Вернулась плохая привычка, — передёрнулся Кай. — Мой отец заметил у меня такую вещь много лет назад и вроде бы вылечил меня от неё.

— Да ладно, вряд ли в настоящем бою кто-нибудь продержится достаточно долго, чтобы видеть твою усталость. — Виктор плюхнулся на маты и стал стаскивать перчатки, потом вынул изо рта капу. — Если бы ты дрался в полную силу, я был бы сейчас лиловый, как герб Марики.

— Ещё пару месяцев назад — быть может, но не сейчас. — Кай сел, опёршись, потом опустился на локти. — Ты не самый великий в мире боец, но ты быстро двигаешься и соображаешь, то есть предвидишь удар и избегаешь его. Мне уже трудно тебя осилить.

Виктор снял шлем, встряхнул головой, рассыпав пот с волос.

— А если серьёзно, мне никогда бы тебя не победить?

Кай пожал плечами:

— Меня? Наверное, нет, потому что я знаю, насколько ты опасен. Мой рост даёт мне преимущество над тобой, которым я не собираюсь разбрасываться. А другие, которые ещё больше, могут тебя недооценить и дать тебе шанс преподнести себе сюрприз.

— Самый большой сюрприз — это что на них посыплется моя охрана.

— Это точно поможет, — улыбнулся Кай. — Ты вот что запомни: если когда-нибудь случится настоящая драка, она будет без правил. Бей противника изо всех сил самым большим предметом, который под руку попадётся, и бей, пока он не свалится.

— Наверное, эта стратегия поможет и против кланов. — Виктор поднял глаза и кивнул военному регенту, который только что появился в дверях зала. — Мы бы поздоровались как положено, но мы только что избили друг друга.

Фохт улыбнулся, засунув большие пальцы за пояс, стягивающий зелёный комбинезон.

— Завидую вашей молодости и энергии. Не хотелось вас прерывать, но есть пара дел, о которых вам следует знать. Морган Хасек-Дэвион согласился использовать планету Дефианс как плацдарм для подготовки и обучения. Его войска уже в пути. Он сообщает, что выступить они смогут не раньше апреля, а вероятнее всего — в июне или в июле.

Принц Федеративного Содружества прищурился:

— Морган всегда очень осторожен в оценках. Если не возникнет серьёзных проблем, я думаю, его войска будут готовы в мае или в начале июня. Если рассчитывать на такие сроки, мы можем оказаться способны выступить против Ягуаров, когда Морган начнёт свой обходной манёвр.

Регент кивнул:

— Я согласен с вашей оценкой. Несомненно, между различными группами будут трения, но я надеюсь, что мы их удержим на минимальном уровне. Как бы там ни было, я считаю, что шансы кланов обнаружить наши действия пренебрежимо малы. Мы выдаём войска Моргана за резерв, и это объясняет, почему они остаются вне учений, а когда они начнут продвижение к Синдикату, это будет вполне естественно счесть выходом на позиции для наступления.

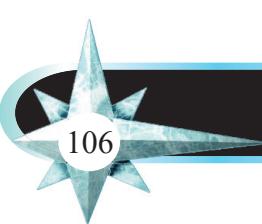
Кай улыбнулся:

— Морган и его люди — это новости второго плана. Всё внимание будет привлечено к поездке Виктора на Лютьен.

Виктор почувствовал, как завязывается узел под ложечкой.

— Это будет очень интересно.

Регент и Кай улыбнулись, и Виктор понял, что делает шаг в западню. Он заставил себя встать.

— Ладно, выкладывайте, что у вас там.

Фохт состроил недоумённую гримасу:

— Виктор, что выкладывать?

— То, о чём вы думаете.

Кай лениво положил ногу на ногу.

— Ну, я думаю, что у тебя меньше энтузиазма, чем должно быть у человека, которому будет показывать свою планету Оми Курита. Я думал, ты её любишь.

— Так и есть.

— И что? — склонил голову Кай.

Виктор, начав что-то говорить, остановился. — «Слишком много мыслей путается в голове».

— Всё, что я скажу, будет звучать глупо.

— Слова влюблённого, — улыбнулся Фохт.

— Да что вы знаете... — Виктор замолчал и сложил руки на груди. — Прошу прощения. Мы много времени провели вместе, решая серьёзные проблемы, и я потому думал, что вас знаю, но сейчас понял, что это не так. Я собирался спросить, что вы знаете о любви, и сообразил, что ничего почти о вас не знаю. Судя по тому, что мне известно...

Регент по военным вопросам положил руки на плечи Виктору:

— Судя по тому, что тебе известно, у меня могло быть много женщин, много романов, и я мог бы отрицать их все. Я прошу прощения, если из-за этого кажется, будто я тебе не доверяю, потому что это не так. В моей жизни мало что было ценного до того, как я стал Анастасием Фохтом. Почти всё предыдущее существование я растратил зря, потому что не обращал внимания на важное. Возвращаясь к теме: я горячо любил одну женщину, но своё честолюбие поставил выше. Я потерял её и потерял многое.

— Я не собирался лезть вам в душу.

— Я знаю, — доброжелательно улыбнулся Фохт. — Как я уже сказал, завидую твоей молодости. Случись мне начать всё сначала, я бы некоторых ошибок постарался избежать. Но это невозможно, а если я поделюсь своим опытом с тобой, может быть, это удержит тебя от моих ошибочных путей.

Виктор кивнул, поглядел в единственный глаз Фохта.

— Хорошо, тогда скажите, что бы вы чувствовали на моём месте, отправляясь на Лютьен?

— Не мне об этом говорить. — Фохт отступил на шаг и сцепил руки на пояснице. — Я думаю, что я прежде всего разобрался бы в собственных приоритетах. Например: откуда ты знаешь, что любишь благородную Оми?

Вопрос был для Виктора неожиданным.

— Знаю, потому что... ну, просто знаю. Она совсем не такая, как я, и всё же она меня понимает. Она может предсказывать мои поступки, а я — её. И она не только красива, она ещё и умна.

— По-моему, это слова влюблённого, — рассмеялся Кай.

Фохт кивнул и улыбнулся:

— Именно так. С семьёй её ты тоже знаком, так что тут особых проблем быть не должно.

— Да, не должно. — Виктор нахмурился. — Сначала была враждебность. Её отец запретил Оми общаться со мной во время войны с кланами, но дед отменил его запрет. Хохиро сперва очень насторожённо смотрел на наши отношения, но потом потеплел. Теодор не то чтобы тепло к нам относится, но он и не враждебен. С её матерью и младшим братом Минору я пока незнаком.

Когда Виктор вспомнил правящую семью Синдиката, ему стал яснее источник собственного беспокойства.

— Чего я на самом деле боюсь, друзья мои, — это как меня встретит народ Лютьена. Я боюсь сконфузить Оми и её отца. Их культура содержит сотни ограничений, и каждое из них я могу нарушить неверным взглядом, неудачным словом, автоматическим поступком, о котором дома даже не задумываешься.

Кай приподнял бровь:

— Если ты больше волнуешься за неё, чем за себя, то всё будет хорошо. Если же ты боишься за себя, то допустишь какую-нибудь ошибку и всё испортишь начисто.

— Спасибо, что веришь в меня.

Регент поднял руку:

— Виктор, то, что сказал Кай, — очень важно, и следует к нему прислушаться. Тебе надо обдумать две вещи. Первая: в чём цель твоего визита на Лютьен?

— Целей несколько. Одна — отвлечь внимание от Моргана и его обходного удара. Вторая — показать народам Внутренней Сфера, что мы действительно объединились в новую Звёздную Лигу. Но есть и третья — показать народу Синдиката, что мы действительно собираемся освободить его угнетённую часть от кланов.

— Очень хорошо, — серьёзно кивнул Фохт. — Эти цели будут достигнуты самим твоим присутствием на Лютьене. Сомневаться не приходится: каждый, кто увидит тебя на Лютьене, поймёт, что старая вражда отброшена прочь, если вообще не похоронена. С твоего прилёта туда начнётся новая эра.

Виктор это понимал, хотя только на абстрактном уровне.

— Отлично, а второе, над чем я должен подумать?

— Какие чувства вызовет этот визит у населения Синдиката. Тебя этот визит волнует, Виктор, но их он должен взволновать куда больше. Ты приходишь к ним, посетить и увидеть их. Ты — предводитель страны, которая далеко не так сильно пострадала от кланов, как они. Сын Теодора был бы мёртв, если бы не твои усилия. Ты будешь для них подобен какому-то богу, который пришёл посмотреть, стоят ли они того, чтобы ты им помогал.

Виктор поморщился.

— При всём моём уважении, регент, вы здесь несколько перегибаете.

Кай возразил:

— Регент прав куда больше, чем ты думаешь. До недавнего времени Синдикат держал свой народ в неведении о многом. В результате контроля над прессой население намного меньше знает о Внутренней Сфере, чем в твоей стране, но на Новом Авалоне или на Таркаде к тебе относятся с огромным уважением, как бы ни поливала тебя жёлтая пресса. В Синдикате сила славы куда больше, Теодор это знает, и, несомненно, именно потому пригласил тебя прибыть с визитом.

Принц задумался. — «Оми рассказывала мне о последнем покушении на Теодора, а это значит, что в Синдикате есть внутренние трения. Может быть, показав своему народу существование более высокой цели, Теодор надеется сгладить эти противоречия. И тогда регент не так уж сильно ошибается».

— Значит, ты думаешь, что жители Лютьена и вообще Синдиката будут больше озабочены тем, чтобы не обидеть меня, чем тем, чтобы я не оскорбил их обычая?

— Я бы не стал слишком на это полагаться. Им будет приятно, что ты пытаешься соблюдать их традиции, и на некоторые ошибки они посмотрят сквозь пальцы — если, конечно, ты не покажешь себя полным варваром. — Фохт кивнул на Кая. — К счастью, с тобой будет Кай, который не даст тебе зарываться и урегулирует конфликт. Но главное в том, что они действительно захотят произвести на тебя хорошее впечатление.

Виктор кивнул, освобождая сложенные на груди руки.

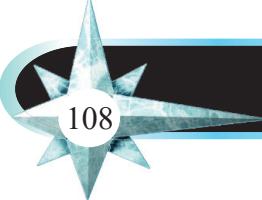
— Итак, каковы шансы, что мне будет грозить опасность?

— Опасность? В каком смысле? — Кай перекатился на колени, встал. — Если окажешься с Оми наедине — да, тогда ты, возможно, пропал.

— Брат, не говори, чего не знаешь. — Виктор вздохнул, вспомнив сауну. — Я имею в виду опасность физическую. На Лютьене есть реакционеры.

Лицо Фохта превратилось в маску серьёзности.

— Совсем недавно произошёл инцидент, в результате которого экстремистов удалось нейтрализовать. Эта группа опасности не представляет. Вызовут ли протест твоих отношений с высокородной Оми — сказать трудно. О них почти никто в Синдикате не знает.

— Какова реакция тех, кто знает?

— Смешанная и осторожная. Некоторые считают, что лучше всего отдать тебе Оми — тем самым обеспечив твою поддержку Синдиката в войне с кланами. — Фохт поправил повязку на глазу. — Другие полагают, что это стыд и позор; они готовы верить, что ты оказываешь на Теодора давление, чтобы он отдал тебе дочь в обмен на помощь. Есть небольшая, но влиятельная группа женщин, считающая историю вашей любви весьма романтической и желающая высокородной Оми счастья.

Виктор вздохнул.

— Знаешь, Кай, я вот думаю, что правильно поступил ты. Ты нашёл ту женщину, которая была нужна тебе, и не допустил, чтобы что-нибудь могло стоять между тобой и ею.

Кай посмотрел на Виктора странным взглядом.

— Это, Виктор, история, приглаженная для общественности. На самом деле она ненавидела меня всей душой, и лишь после многих месяцев, когда за нами на Алийне охотились Нефритовые Соколы, она увидела истинного меня. Но и тогда она меня отвергла. Лишь после того, как мой дядя организовал на неё покушение, мы снова соединились.

— Это всё мелкие подробности. — Виктор закрыл лицо ладонями, потирая глаза. — Суть в том, что ты мог сосредоточиться на действительно важном, каковы бы ни были обстоятельства. Ты любил её, она тебя, и теперь вы вместе.

— Но я же не глава правительства.

— Ты наследник трона Сент-Ивского Объединения.

— Это не то же самое, Виктор, — покачал головой Кай. — И вообще я собираюсь отречься в пользу моей сестры, Куан Инь. У неё подходящий для этой работы характер и склад ума. Ты же не можешь поступить так, как сделал я.

— А почему нет?

Вопрос ошеломил собеседников Виктора. Кай несколько раз моргнул.

— Ты серьёзно?

— Я же принц Федеративного Содружества — кто посмеет мне помешать? — Виктор пожал плечами. — Ты знаешь, я не умру от горя, если перестану быть принцем.

Фохт поглядел на Виктора в упор.

— Человек, который не даст тебе этого сделать, — ты сам, Виктор. Ты — сын Лиса, и ты — человек, которому предназначено разгромить кланы. В твоей власти не только гарантировать будущее Внутренней Сферы, но и преобразовать её. Дело не в том, что ты — принц, дело в том, что ты обязан быть принцем. На тебе лежит величайшая ответственность и долг перед Внутренней Сферой. Отречься от этого долга было бы злодеянием, по масштабу равным злодеянию Стефана Амариса, разрушившего изначальную Звёздную Лигу.

Виктора поразил зловещий тон Фохта. Кай уставился на регента по военным вопросам:

— А не слишком ли это круто сказано?

— Отнюдь. — Фохт перевёл взгляд с одного на другого. — Для вас всегда величайшим злом были кланы. Да, вы можете помнить войну 3039 года, но вы тогда были детьми и не могли оценить весь ужас положения, когда одна нация ополчается на другую. А я помню, и знаю, что если у руля Федеративного Содружества не будет стоять такой сильный человек, как ты, Виктор, Внутренняя Сфера снова развалится. Ты можешь себе представить, чтобы твоя сестра Катерина не рвалась к месту первого лорда Звёздной Лиги? Не думаешь ли ты, что Сунь-Цзы успокоится, пока хоть над одним миром, принадлежавшим когда-то Капелланской Конфедерации, будет развеваться флаг ФедСода? А ты, Кай, не льстишь ли себя надеждой, что Сунь-Цзы не хочет вернуть Сент-Ивское Объединение в Капелланскую Конфедерацию? Томас Марик не будет ли разорван на части группировками собственной страны и внешними силами или будет вынужден последовать за Сунь-Цзы или твоей сестрой? Я — старый человек; я видел почти целый век конфликтов по вине руководителей, которым не хватало моральных принципов или силы духа, чтобы противостоять соблазну и жадности. В нашей истории, в истории человечества, полно было таких мерзавцев, и в удачных случаях их удавалось не подпускать к власти.

Те, кто не пустили их к власти, — сильные и прозорливые лидеры, похожие на вас, а ещё больше — на таких, какими вы должны быть. Я от всей души желаю тебе счастья, Виктор, но не ценой сложения полномочий твоей должности. Это было бы гибелью для тебя и для Оми.

Виктор уставился в пол, затем поднял глаза.

— Но невозможно мне, принцу Федеративного Содружества, взять в жёны высокородную Оми. Народы наших стран взбунтовались бы.

— Наверное, ты прав, Виктор. Действительно, принц Федеративного Содружества на высокородной Оми жениться не может. — Фохт сощурил глаз. — С другой стороны, не могу себе представить, чтобы спасителю Внутренней Сфера было отказано в том, что даст счастье ему и его возлюбленной. Завоевав будущее для Внутренней Сферы, ты завоюешь будущее для самого себя. И первым шагом к этой победе будет тот, которым ты ступишь на Чёрный Лютьен.

25

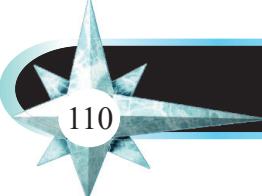
*Терминал Зецуентай
Космопорт имени Такаси Куриты
Город Империал, Лютьен
Пештский военный округ, Синдикат Дракона
29 декабря 3058 г.*

С колотящимся у самого горла сердцем принц Виктор Иэн Штайнер-Дэвион в проёме люка межпланетника типа «Леопард» ждал сигнала выйти в терминал зала прилёта космопорта города Империал. Хотя чиновники Куриты полетели навстречу прибывающему кораблю и провели два дня, инструктируя Виктора и Кая, принц чувствовал себя катастрофически неподготовленным. — «Наверное, даже в броне меха я бы не чувствовал себя готовым».

Всё было организовано так, чтобы прилёт Виктора произвёл максимальное впечатление. Виктора и Кая учили правильному поведению, обеспечили соответствующим гардеробом и даже помогли разобраться, как эти вещи надевать и носить. — «Что было вполне уместно».

Виктор посмотрел на стоящего у входа в терминал Кая. Кимоно, складчатые просторные штаны, называемые хакама, куртка хаори с широкими рукавами, длинными фалдами и надставленными плечами сидели на нём так, будто он родился в этой одежде. Наряд Кая был выполнен из чёрного шёлка с золотой отделкой подола, ворота и пояса — цвета конюшни, за которую он сражался на Солярисе. На спине, на груди и на рукавах кимоно и хаори красовались вышитые гербы. Гербом Кая был чёрный механический кулак, хватающий сверхновую. Диск звезды был заменён красно-синим символом «инь-ян» — гербом конюшни «Кенотаф». Знаменитый герб бывшего чемпиона Соляриса, и его часто изображали на шапках, рубашках и куртках по всей Внутренней Сфере.

Одежда Виктора была скроена из тёмно-зелёного шёлка и отделана чёрным, под стать мундирам «Когтей Дракона» — личной гвардии координатора. Однако гербы на одежде не были

ни гербами «Когтей Дракона», ни бронированным кулаком с солнечными лучами — символом Федеративного Содружества. Вместо них одежду Виктора украшала эмблема, состоящая из призрачной фигуры в белом, окружённая двумя красными драконами, сцепившимися в кольцо. — «Эмблема «Ревенантов», соединения, которое я создал для борьбы с кланами и спасения из их рук Хохиро Куриты там, на Тенъенте».

Драконов к гербу добавил Синдикат, отмечая важную роль, которую «Ревенанты» сыграли в его истории.

Кто-то дал сигнал, и процесия тронулась туннелем в сторону космопорта. Виктору не терпелось его рассмотреть, потому что впервые предоставлялась возможность сделать это подробно с земли. Спуск межпланетника в атмосферу отложили до наступления темноты в Империале, а когда Виктор спросил зачем, ему ответили, что в целях безопасности, хотя Виктор был убеждён, что эта причина — не основная. Кай в разговоре наедине высказал мысль, что ещё не все шрамы от нападения кланов на Лютьен залечены за семь лет, и семью Курита смущает состояние их планеты.

Виктор был уверен, что Кай попал почти в яблочко, но долгий опыт общения с Катериной убедил его, что всегда есть ещё один уровень. — «Темнота, ведущий к свету туннель, будто мы рождаемся на Лютьене. Первое впечатление у нас будет такое, как захочет Теодор Курита. Мы увидим то, что он решит нам показать, услышим то, что он даст нам услышать, почувствуем то, что он захочет, чтобы мы почувствовали. Должны быть преодолены века недоверия с обеих сторон, и, быть может, поражающего нас зрелища будет для этого достаточно».

А зрелище действительно было поразительным. Протянутый к межпланетнику ковёр, устилающий трап, сменился серым в крапинку узором — тем, которым покрыта броня мехов и элементалов Дымчатых Ягуаров. В ковёр были вплетены птички, причудливые, разных форм и размеров, но все канареечно-жёлтые. Виктор подумал, что для узора ковра элемент довольно причудливый, потом вспомнил кое-что из мифологии Курит, которую ему излагали. — «Жёлтая птица — единственный опасный враг Дракона. Этот образ привязан к Дымчатым Ягуарам, а мы с Каём попираем его ногами, топчем — и всем станет ясно, что мы пришли уничтожить эту угрозу Дракону».

То, что такая символика действительно производит впечатление на людей, интриговало Виктора и пугало. Его разум воспринимал это как манипуляцию суеверным народом, но он знал, что его собственный народ в той же степени поддаётся внушению. — «Полно будет паникёров, которые попытаются представить мою поездку как капитуляцию перед Теодором, и многие настолько им поверят, что придётся с этим считаться».

Впереди между Каём и эскортом уже можно было разглядеть зал прилёта. Он поднимался на высоту трёх этажей, потолок держали тиковые колонны. С потолочных балок свисали, чередуясь, огромные шёлковые знамёна — зелёные, золотые, чёрные. Легчайший ветерок колыхал их, внося движение и жизнь в статичную и мёртвую декорацию. А отсутствие на знамёнах символики означало, что главное здесь — люди, встречающие делегацию.

Шагнув из туннеля, Виктор поравнялся с Каём и поклонился ожидающим хозяевам. И он, и Кай поклонились глубоко и уважительно и держали головы склонёнными на удар сердца-другой дольше, чем им было сказано. Стоящие напротив Теодор Курита, Хохиро, Оми и ещё двое подождали, потом поклонились в ответ. Теодор не стал склоняться так глубоко, как Виктор, и длился поклон меньше, но Виктор не счёл себя оскорблённым. — «Планета Теодора, и правила Теодора».

Двух остальных членов семьи Курита Виктор узнал почти сразу. Женщина рядом с Оми явно была её матерью. О Томоэ Курите Виктор мало что знал — досье, переданное ему из секретариата разведки, было полно ошибок и составлено, очевидно, в основном по сплетням. Твёрдо было известно лишь, что Теодор познакомился с Томоэ и женился на ней за десять лет до того, как их союз был обнародован, и что все трое их детей родились до этого события. Такаси Курита, предыдущий координатор, не был в восторге от выбора своего сына, но смягчился по отношению к его подруге, когда через много лет выяснилось, что все её дети оказались верными и разумными.

«А второй — это наверняка Минору. — И на него досье разведки до раздражения неполно. Хрупкого сложения, в очках, выглядящих великоватыми для его лица, Минору казался слишком юным для своих двадцати восьми лет, хотя был всего на два года моложе Оми. В досье предполагалось, что Минору ударился в мистику, уйдя в оккультные ритуалы, которые должны были укрепить его дух. Аналитики разведки предполагали, что таким образом молодой человек выпал из политической жизни Синдиката, но Виктор знал, что это предположение во многом связано с их верой в то, что подобные штудии не могут давать положительного результата. Хотя сам Виктор вполне приветствовал бы научные попытки доказать существование энергии «ки», опыт занятий боевыми искусствами и кэндзюцу привёл его к мнению, что не всё в человеческой натуре может быть измерено наукой. — И пока не наградят Нобелевской премией формулу, описывающую творческие способности, я останусь при своём мнении».

Сопровождаемые с боков своими гидами, Виктор и Кай сделали десять шагов вперёд и опустились на колени в центре зала приёма, при этом оба попирали коленями голову жёлтой птицы. Виктор сел на пятки и положил руки на бёдра ладонями вверх. Подавив искушение обтереть руки, он последовал примеру Кая и сосредоточился на дыхании.

Вначале Теодор Курита подошёл к Каю. Хохиро приблизился вслед за отцом и опустился на колени у его ног. В руках у него были два меча. Тот, что подлиннее, — катана в чёрных лакированных ножнах, с золотой крестовиной и гардой у рукояти. Рукоять обёрнута чёрным шнуром, петлёй свисавшим с гарды. Вакидзаси имел длину почти пятьдесят сантиметров — примерно две трети длины катана.

Теодор взял катану у сына и преподнёс Каю. Тот, не говоря ни слова и не поднимая глаз от пола, надел меч под оби на левое бедро. Потом ему был передан вакидзаси, и Кай глубоко поклонился Теодору. Координатор, всё ещё стоя, уважительно вернулся поклон и сдвинулся на шаг влево, когда Кай выпрямился.

Оми, семеня, подошла к отцу, оранжевое с коричневым кимоно шелестело, как осенние листья на ветру. Встав на колени, она подала отцу следующие два меча. Оба лезвия были в зелёных лакированных ножнах. Рукояти обёрнуты зелёным шнуром, крестовина и гарда выполнены из воронёной стали. Они были примерно того же размера, что и вручённые Каю, но Виктор решил, что его катана на сантиметр или два длиннее.

Виктор принял катану из рук Теодора и ощутил, как тает время. Тяжесть оружия, гладкость ножен, даже гипнотическое покачивание кисточек на рукояти перенесли Виктора во времена более примитивные. В дуэлях, на которых бились таким оружием, не было удалённости и отстранённости схваток тридцать первого столетия. — «Мы можем стилизовать себя под рыцарей в сверкающих доспехах или воинов-самураев, сражающихся за своих сюзеренов, но предки наши знали конфликты куда более дикие и первобытные. То, что боевые мехи часто делают гуманоидными, заставляет нас верить в иллюзию боя, подобного той войне, что знали древние на Терре, но это не так. Таким клинком я бы дрался с врагом, который смотрит мне в глаза, чью дыхание ощущается кожей и чья кровь хлынет на меня».

Хохиро часто говорил Виктору, что воин и его оружие должны стать единым целым, и даже Танкред Сандоваль говорил о мече как о продолжении руки бойца, но впервые Виктор ощущал намёк на то, что является собой такое единство. — «Воин и его оружие не могут добиться успеха, если они разделены. Оружие становится орудием воли воина, а воин — механизмом, который помогает оружию выполнить его назначение. С этими мечами я вижу, что такое это единство, я понимаю и почитаю его. Целое больше, чем сумма его частей».

Но точно так же Виктор ощущал опасность распространения этой философии на воинов и их мехов. — «Поскольку мы отдалены от того, что делаем, отдалены от тех, кого убиваем, единение не делает нас лучше. Чтобы стать единым со своей машиной, воин должен частично пожертвовать своей человечностью. Куском души своей платит он за возможность нести погибель врагам».

И ему стало ясно, что эта потеря — часть того, что изуродовало людей кланов. — «Мы не должны допустить, чтобы та же западня подстерегла нас, когда мы победим кланы, потому что из этой западни нет освобождения».

Виктор продел катану через оби, потом сделал то же с вакидзаси. Глубоко поклонившись — до самого ковра, — он выпрямился. Взгляд его метнулся к Оми, но та не подняла глаз. Так и не поглядев на Виктора, она встала и мелкими шагами вернулась к своему месту рядом с матерью.

Координатор отвернулся от них и прошёл туда, где лежал ковёр с рычащим свернувшимся драконом. На мгновение сведя ладони, он поглядел вверх и наружу, в просвет между двумя знамёнами, обозначавшими границы зала приёма. До этого момента Виктор не замечал, что нигде нет голокамер.

«Всё это записывается и передаётся, но камеры скрыты, чтобы не испортить церемонию». — Виктор внутренне сжался, представив себе, какое вульгарное зрелище сделают СМИ из этой церемонии у него на родине. Полностью поддерживая идею свободной и беспрепятственной работы прессы, он всё же вынужден был признать, что бывают моменты, когда некоторый контроль совсем не помешал бы.

Теодор протянул руки к просвету, как отец, приветствующий вернувшийся домой выводок детей.

— Комбанва, граждане Синдиката Дракона. Приношу вам свои искренние извинения за то, что вы были вынуждены смотреть эту церемонию полностью, но она настолько важна, что я пожелал полного участия в ней вас всех. Сегодня член семьи Дэвионов прибыл на Лютьен, безоружный и босой, попирая ногами наших врагов. Как все вы сейчас видели, ему было дано дайсё. Эти два меча даны ему как воину величайшей славы и умения, и таким да будем считать его все мы, пока длится его служба здесь, пока длится жизнь его, пока жива память о нём.

Теодор сделал паузу, и Кай успел закончить свой перевод шёпотом.

— Он в самом деле это сказал?

Кай кивнул почти незаметно для глаза.

— Некоторые хонорифики не поддаются переводу, но если я и допустил неточности, то он восхваляет тебя сильнее, чем я сказал.

Координатор заговорил снова:

— С ним прибыл спутник величайшего искусства и ещё более великой храбрости. Кай Аллард-Ляо — сын воинов и потомок благородных семейств. Он разбил Нефритовых Соколов на Твикроссе, спас жизнь Виктора Дэвиона на Алийне и преследовал Нефритовых Соколов до тех пор, пока они не объединились с ним и не победили бесчестного врага, ненавидимого ими обоими. Далее в честь памяти своего отца Кай отправился на Солярис, и вновь Аллард стал чемпионом Мира Игр. Этот воин заслужил дайсё и будет чтим среди нас до конца времён.

— Эти два человека — авангард сил, которые прибывают к нам в Синдикат. Вы увидите их в ближайшие дни. Вы увидите их войска на своих планетах, на совместных учениях с нашими силами как братьев по оружию. Вы увидите их единение под знамёнами Звёздной Лиги. Мы едины с ними целью и духом.

Координатор на миг склонил голову перед голокамерами и снова поднял глаза.

— Семь лет назад Дымчатые Ягуары обрушились на Лютьен и хотели сокрушить сердце Дракона. И потерпели неудачу, потому что у отцов тех, что сейчас стоят на коленях у меня за спиной, хватило храбрости послать свои войска нам на помощь. Воины, которые сражались от их имени, снова будут здесь, и будет их намного больше. Их цель, наша цель — повернуть вспять колесо истории. Семь лет назад Дымчатые Ягуары принесли войну на Лютьен, а сегодня, через семь лет, мы вернём войну кланам.

— Среди вас могут быть такие, кто сочтёт наше согласие на помощь бесчестием, но я говорю вам — это не так. Воин, который отказывается от помощи, предложенной бесплатно, тогда, когда он нуждается в ней, — глупец. На войне глупцы погибают, а с ними погибают их народы. Синдикат Дракона — не народ глупцов. Мы — народ воинов и народ победителей. Настала пора нам вспомнить самим и напомнить нашим врагам, кто мы.

*Королевский дворец, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол, Лиранский Альянс
3 января 3059 г.*

Наблюдая на экране головизора, как принимают её брата на Лютьене, Катрина Штайнер решила, что Виктор её навек разочаровал, хотя её ожидания и были нереалистичны. Когда Теодор Курита вручил Виктору меч, она надеялась, что брат покажет искусство выхватывания меча и свалит координатора на месте. Она понимала, что этого не будет, но на какой-то миг подумала, что Виктор вдруг вспомнит о своих корнях и устранит угрозу Федеративному Со-дружеству и Лиранскому Альянсу со стороны Синдиката.

Следующие передачи, показывающие его первые два дня на Лютьене, равным образом вызывали у неё разочарование за разочарованием. Виктор, казалось, вёл себя идеально. Он stoически переносил традиционный японский театр и концерты музыки, написанной по системе, которую Катрина сочла пригодной только для записи кошачьих воплей. Показывали, как Виктор пробует различные деликатесы, в том числе рыбу фугу, но повар приготовил её хорошо, и брата не постигла мучительная смерть.

Всё это вполне можно было выдержать, но Виктор держал себя так, будто всё это доставляет ему удовольствие. Он много улыбался, даже когда Оми не было рядом, и Катрина знала, что это не улыбка типа «надоели вы мне все до смерти». Возможно, полагала она, он действительно установил некоторую психологическую связь с народом Синдиката — а в основу этой связи вполне могли лечь уважение и почтение этого народа к воинам. Загнанный в смертельную западню Виктор не только выжил, но и процветал.

Катрина махнула рукой Тормано Ляю, которого позвала к себе в кабинет для просмотра.

— Пожалуйста, выключите это, мандарин. Ещё немного — и у меня кровь начнёт выпадать в осадок. Наверняка редакторы Синдиката часы угробили, чтобы смонтировать это позорище.

Тормано направил пульт на головизор и вдавил кнопку. Экран потемнел, и Ляо обернулся к Катрине.

— Хоть я и скажу неприятную вещь, архонт, но наш народ верит, что всё это — живая запись реальных событий, а не театральная постановка.

— А мне в это трудно поверить. Виктор не мог бы вести себя так естественно без многих репетиций, — фыркнула Катрина, нервным шагом обошла стол и села, отчего Тормано пришлось неудобно повернуться на диване, чтобы не сидеть к ней спиной. — Это всё передано нашим головизионщикам государственной пресс-службой Синдиката?

— Частично. На самом деле они дали всем СМИ Внутренней Сфера беспрецедентный доступ к своим головидео записям. Кроме совещаний и встреч, на которых даже у нас были бы запрещены камеры, мы получили всё. — Тормано пожал плечами. — У нас достаточно материала, чтобы изучить почти всё времяпрепровождение Виктора. Если какие-то из этих событий отредактированы, значит, они спят не больше двух часов в сутки.

— Мне всё равно, сколько он там спит. — Голубые глаза Катрины прищурились. — А есть сведения, с кем он спит?

Тормано покачал головой:

— Нет, но сомневаюсь, что здесь от нас что-то скрывают. Диктум гонориум Синдиката особо подчёркивает ценность чистоты и гармонии по сравнению со всем остальным. Оми Курита назначена хранителем чести дома, и её возвышение на этот пост считается в Синдикате весьма

благоприятным признаком. Первым хранителем чести, назначенным в 2333 году, также была женщина по имени Оми Курита.

— Да уж, наверняка драков это всё очень занимает.

— Прошу вашего прощения, архонт, поскольку мои слова сейчас коснутся сексуальной жизни вашего брата. — Тормано переплёт пальцы, положив руки на спинку дивана. — Первая Оми Курита стала составлять кодекс по делам чести после того, как её сестра была казнена отцом за нарушение заповедей чистоты и гармонии. Кажется, юная Шада Курита выбрала себе в любовники простолюдина и забеременела, отступив тем самым от идеала чистоты. Отец приказал ей избавиться от плода, но она отказалась, нарушив этим идеал гармонии. За что и поплатилась жизнью.

— Есть сведения, что стало с её любовником?

— Нет, но не думаю, что он пережил дочь координатора.

— Что ж, тут есть какая-то надежда, если мой братец начнёт развиться. — Катрина возвела глаза к небу. — Насколько широко транслировались эти передачи?

Капелланец улыбнулся:

— Что-то показывали в новостях, но короткими фрагментами. Я попросил сначала весь материал посыпать сюда, обещая создать документальную подборку. У нас есть предварительный сценарий, и по нему мы изготовим отредактированные версии для разных районов вашей страны. Кое-какие фразы слегка изменим так, чтобы они напоминали о прошлых зверствах Синдиката, а таким образом будем проталкивать мысль, что Виктор вступает в торговлю с врагом.

— Отлично! — На лице Катрины появилась хитрая улыбка. — И будут версии, подходящие для распространения в марке Дракона Федеративного Содружества, да?

Тормано помедлил с ответом, и на его лице легко было прочесть смущение.

— Архонт, я не включил в наши планы страну вашего брата.

— Я могу понять такое упущение, мандарин Ляо, но ожидаю, что в будущем подобные ошибки не повторятся. — Катрина указала на головизор. — Мой брат отправился завоёвывать себе союзников, чтобы вести их против кланов. На трон Авалона он посадил мою юную сестру, но мы с вами оба знаем, что у неё нет достаточного опыта для надёжного управления целой нацией. Подобно тому, как мой брат по-прежнему чувствует ответственность за моё государство, так и я не могу не заботиться о благе его страны. Создание соответствующих документальных фильмов проинформирует его народ. Информированное население может принять правильное решение относительно своего будущего.

— И вы думаете, что он не усмотрит в этом вмешательства?

— Ещё как усмотрит, если сможет поймать меня за руку. Однако я думала, мандарин, что продажа документальных голофильмов о моём брате может принести приличную прибыль. Поскольку непосредственную финансовую поддержку вашего движения «Свободная Капелла» с моей стороны сочли бы подстрекательством войны, я подумала, что ваш народ может взяться за производство и распространение такой документальной продукции, а прибыль использовать к нашей общей выгоде.

На лице Тормано медленно расплылась улыбка — он проглотил наживку.

— Как вам, быть может, известно, архонт, мой народ уже действует по аналогичной схеме и распространяет головиды, в которых Сунь-Цзы выставлен самой большой опасностью для марки Хаоса.

— Именно успех этого предприятия, мандарин, навёл меня на такую мысль. Ещё я думаю, что сокращённая версия вашего головида о Сунь-Цзы, где будет подчёркнуто содействие Виктора его избранию, будет интересно смотреться в марке Капеллы Федеративного Содружества.

— Когда?

— У нас есть шесть месяцев. К тому времени Виктор будет погружён в войну. Если действовать правильно, мы сможем дестабилизировать Федеративное Содружество. Оно нам нужно, чтобы финансировать и поддерживать войну против кланов, а потому пусть пока функциони-

рут. Но когда Виктор вернётся домой, тут ему и найдётся чем заняться. — Катрина откинулась на спинку кресла и положила ноги на стол. — К тому же после изгнания кланов на веки вечные Внутренняя Сфера наверняка покажется ему скучной. Мы же не хотим, чтобы вернувшемуся герою оказалось нечего делать?

Прыжковый корабль «Кинг оф Монкиз»⁴

Зенитная зарядная станция, Марик

Содружество Марик, Лига Свободных Миров

Сунь-Цзы обдумывал то, что увидел в голопередаче из Синдиката Дракона. Прежде всего он отметил, что церемония прибытия была организована безупречно, с огромным вниманием ко всем мелочам. Он знал, что для людей, выросших в культуре, корнями уходящей в Азию и основанной на письменности, где знаки выражают целые слова, а не отдельные звуки, символика не менее важна, чем истинное содержание. Знамения и символы оказывают сильнейшее влияние, и форма окрашивает восприятие чего угодно. Если бы Кай или Виктор хотя бы чихнули во время приветствия, если бы иллюзия, которую пытался создать Теодор, хоть чем-то была бы нарушена, над всеми последующими событиями нависла бы тень катастрофы.

Но приветствие прошло невероятно успешно, и это оказало совсем другое влияние. Куда бы ни направлялись Виктор и Кай, их встречали с энтузиазмом — невероятным, учитывая убогие и оглушающие условия жизни на Лютьене. — «До сих пор я мог бы думать, что обитатели фабрик Лютьена даже не знают о существовании Федеративного Содружества — в школьных учебниках Синдиката никогда не признавалось объединение Лиранского Содружества и Федеративных Солнц».

То, что Виктора принимают с восторгом, Сунь-Цзы не тревожило, главным образом потому, что Виктору надо воодушевить людей, если он хочет повести их в битву против кланов. Регент по военным вопросам будет руководить операцией в целом, но главным боевым генералом будет Виктор. Войска сплотятся вокруг него и бросятся на врага, лишь чтобы заслужить его похвалу. Виктор всегда знает, что делает, и бережёт свои войска изо всех сил, что тоже не подорвёт боевой дух.

А вот то, как на Лютьене принимают Кая, Сунь-Цзы беспокоило, поскольку ставило под сомнение ту презумпцию, которой, как понял Сунь-Цзы, он придерживается, сколько себя помнит. В те времена, когда Хэнс Дэвион и другая Катрина Штайнер заключили союз, Максимилиан Ляо, дед Сунь-Цзы, вошёл в соглашение с Яношем Мариком и Такаси Куривой, главами Лиги Свободных Миров и Синдиката Дракона. Каптейнское соглашение было пактом о взаимной обороне и действовало до сих пор. Сунь-Цзы всегда полагал, что если он выступит против Сент-Ивского Объединения, то угроза Федеративному Содружеству со стороны Синдиката будет достаточной, чтобы такое выступление не вызвало вмешательства.

Показанное по головидению подвергало это предположение серьёзному сомнению. Пока Сунь-Цзы знал, что у Кая есть сторонники в Синдикате, потому что он чемпион Соляриса, он даже не задумывался над истинным значением этого факта. Но если Кай действительно популярен, то любое выступление против его родины может встретить в Синдикате отрицательную реакцию. — «Хуже того, если роль Кая в будущем разгроме кланов и спасении Синдиката будет считаться ключевой, драки могут встретить мою попытку захвата открытой враждебностью».

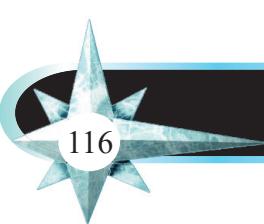
В дверях каюты появилась Изида Марик.

— Можно войти?

— Конечно, любимая. — Сунь-Цзы щёлкнул кнопкой пульта, и головизор погас. — В чём дело?

— Я видела, что ты смотришь трансляцию визита на Лютьен.

⁴ «Царь обезьян» («King of Monkeys»)

— Смотрел.

— И ты увидел в этом какие-то возможные проблемы?

Сунь-Цзы кивнул, но тут же спохватился. Изида не была дурой — отнюдь не была, — но её интересовали совсем не те вещи, которые тревожили его.

— Самые разные. А что увидела ты?

Изида заложила за ухо прядь каштановых волос.

— Принц Виктор пользуется потрясающим успехом. Эти люди его полюбили.

— Как и следовало ожидать, когда Теодор одел его в мундир «Когтей Дракона», возвёл его в самураи, и теперь все считают, что спасение Лютьена — в руках его и Кая. — Сунь-Цзы пожал плечами. — Конечно, всё это к лучшему, поскольку Виктор будет на переднем крае войны с кланами. Теодор всё это устроил, чтобы его войска приняли Виктора с восторгом.

— Именно так, — серьёзно кивнула Изида. — И это ключ ко всей проблеме.

— Какой проблеме?

Изида нахмурилась, глядя на него.

— Ты не хуже меня знаешь, что от двадцати пяти до тридцати процентов миров Виктора находятся в регионе марка Дракона. Семья Сандовалей давно опасается Синдиката и резко протестует против любого союза с ним, поскольку считает, что Синдикату верить нельзя. Виктор назначил Танкреда Сандовала одним из советников Ивонны Дэвион, то есть дал огромную власть у себя в правительстве человеку, который будет очень недоволен его действиями.

— Но это очень глупо со стороны Виктора, не так ли?

— Особенно в свете того, что наверняка сделает Катерина с гигабайтами головидов, которые ты сейчас смотрел.

— Разумеется. — Сунь-Цзы обвёл взглядом спартански обставленную каюту и улыбнулся, вообразив реакцию Катрины на приём, оказанный Виктору. — Она попытается любой его успех использовать для того, чтобы настроить против него марку Дракона. Если ей удастся, она сильно повысит напряжение у границ Синдиката. — «Марка Дракона станет хорошим барьером против любых действий Синдиката в Сент-Иве, может быть, даже потребует такого внимания, что Федеративное Содружество будет вынуждено убрать войска из Сент-Ивского Объединения, оставляя его мне».

Изида кивнула:

— И что ты собираешься с этим делать?

Сунь-Цзы пожал плечами:

— Если Катрина дестабилизирует Федеративное Содружество, мы, я думаю, сумеем воспользоваться ситуацией к своей выгоде.

— Что?

Он посмотрел на неё недоумённо:

— Я не понял твоего вопроса.

— Я вижу. — Она положила руки ему на плечи и едва заметно, хотя и сердито, встряхнула.

— Ты — первый лорд Звёздной Лиги. Тебе даётся возможность закрепить за собой это место на будущее, а также место в истории. Не можешь ты думать о мелких завоеваниях и интригах, обрекающих на страдания миллионы людей. На тебе такая ответственность, какой никогда раньше не было. То, что сделаешь ты за эти три года, определит будущее Звёздной Лиги, а также то, будет ли у тебя шанс снова стать первым лордом.

Сунь-Цзы помрачнел:

— Ты предлагаешь, чтобы я упустил шанс выиграть от падения Дэвиона? После всего, что они сделали с моим государством?

— Я не предлагаю ничего подобного. — Она убрала руки, но голос остался резким. — Я предлагаю тебе посмотреть в глаза реальности. Капелланская Конфедерация — самый слабый из пяти великих домов Внутренней Сферы, но ты получил политическое равенство с лидерами куда больших народов. Почему? Потому что Капелланская Конфедерация может серьёзно уще-

мить любой другой дом. При этом твоё государство исчезнет, но удар, нанесённый другому дому, ослабит его настолько, что тот не сможет сопротивляться внешнему врагу.

— Понимаю, — медленно кивнул Сунь-Цзы.

— Милый, смотри дальше вперёд. Если — или когда — Виктор вернётся с войны против кланов, он вернётся во главе такой армии, какой никогда ещё не видела Внутренняя Сфера. Это будут обученные, умелые войска, неимоверно гордые тем, что они совершили. Они будут верить, что возвращаются во Внутреннюю Сферу, которая не изменилась — по крайней мере, не изменилась к худшему, — пока их не было. Любая авантюра, совершённая в их отсутствие, будет немедленно наказана, и я не думаю, что ты хочешь стать объектом этого наказания.

— В твоих словах есть определённая мудрость.

— Тогда подумай ещё вот о чём. Катерина Штайнер за три года и девять месяцев поднялась от светской львицы до владелицы трона одного из пяти великих домов Внутренней Сферы. Она явно хотела, чтобы ты проиграл выборы на пост первого лорда, вероятно, думая, что сама сможет занять этот пост, утихомирив скандал после твоей номинации. Ты выиграл лишь потому, что Виктор тебя поддержал, чтобы её разозлить.

— Ты мне хочешь сказать, что ей нельзя доверять.

— Да.

Сунь-Цзы погладил Изиду по щеке.

— Это я и так знаю, любимая. Она полагается на моего дядю и потому ведёт себя столь же глупо, сколь вероломно. Но я принимаю к сердцу твои слова. Будучи первым лордом, я должен пользоваться властью ради построения будущего, а не извлекать личную сиюминутную выгоду.

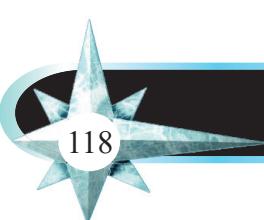
Она улыбнулась ему, одновременно гордо и нежно.

— Именно так. Звёздная Лига — это самое лучшее, что может быть для Внутренней Сферы.

— Изида поцеловала его в ладонь. — Направь свою энергию на её укрепление, и награда твоя будет больше, чем ты можешь себе вообразить.

*Дворец Святилище Безмятежности
Город Империал, Лютьен
Пештский военный округ
Синдикат Дракона
5 января 3059 г.*

Виктор понимал, что должен был устать до изнеможения от этой сумасшедшей недели на Лютьене, но был настолько возбуждён, что продолжал действовать на чистой нервной энергии. В перерывах между заседаниями, где составлялись планы и вырабатывалась стратегия, он мотался со своей свитой по всему Империалу, был на экскурсии на заводах и полях сражений, посетил кладбища и помолился в храмах. Все мероприятия организовывались так, чтобы дать

ему понятие об образе жизни Синдиката и его народа, а людям Синдиката помочь узнать его самого.

До нападения кланов возможность таких экскурсий даже не рассматривалась бы. В «Лютьен Армор Уоркс» Виктору дали беспрецедентный допуск в цеха, выпускающие боевых мехов, ему даже позволили пилотировать «Гранд Дрэгона» на испытательном полигоне. «Гранд Дрэгон» всегда считался пугалом среди мехов для войск Федеративного Содружества, и Виктор, сидя в его кокпите, мог понять почему. Установка ракет дальнего действия и повышенной дальности пушка-излучатель частиц давали этому меху невероятный радиус поражения, а три средних лазера и тяжёлая бронешкура позволяли машине эффективно громить противника в кипении ближнего боя.

Кроме того, Син Ёдама и Хохиро Курита провели Виктора по полям боя, окружавшим город Империал. Они показали, где прошли кланы через равнины Тайракана и где погибли в холмах долины Кадогути. В интонациях гидов Виктора сквозило напряжение, царившее в тот день семь лет назад. Синдикат и наёмные войска Федеративного Содружества сломали хребет объединённому вторжению Дымчатых Ягуаров и Нова Котов. Хотя из Нова Котов некоторые и прорвались к Лютьену, они успели нанести лишь незначительные повреждения, пока не были уничтожены ударом с воздуха «Волчьих драгун». Один из боевых мехов Нова Котов остался на поле боя, и его взорванные остатки напоминали об одном из немногих случаев, когда Внутренняя Сфера нанесла кланам сокрушительное поражение.

Самой же необычной поездкой оказался визит на могилу Такаси Куриты. Хотя вся декорация соответствовала идеям Куриты о простоте и осмотрительности, она казалась Виктору неправильной. В центре плиты из серого гранита находилась метровая коралловая панель, на которой было вырезано изображение Такаси в традиционных доспехах самурая. У ног его свернулся дракон, и подобно ореолу висела над головой Такаси одна из лун Лютьена. Виктору он слишком напоминал святого.

При взгляде на скромный каменный памятник Виктора наполнили смешанные чувства. Для Дэвионов Такаси Курита всегда был воплощением дьявола. Хэнс Дэвион обвинял Такаси в смерти своего старшего брата Иэна. Такаси олицетворял собой угрозу, которой был Синдикат для Федеративного Содружества. Он оставался непреклонен и глух к доводам разума, хотя его сын, Теодор, был готов провести изменения, которые позволили бы нанести поражение кланам.

Хотя Виктор и понимал, что должен был быть оскорблённым предложением посетить могилу Такаси, он чувствовал себя в долгу у того, кто здесь похоронен. Теодор Курита был против любой дружбы между Оми и Виктором. Когда Оми попросила Виктора взять «Ревенантов» и спасти брата с Теньенте, ценой за разрешение обратиться с этой просьбой было обещание порвать все отношения с Виктором. Она согласилась, чтобы спасти брата.

Виктор был готов никогда более не видеть Оми и ничего о ней не слышать, но вмешался Такаси Курита. Как Оми была связана традицией, повелевающей ей повиноваться запрету отца ради гармонии, так и Теодор был обязан повиноваться своему отцу, когда Такаси снял этот запрет. Виктор понимал, что должен ненавидеть Такаси, человека, всю жизнь бывшего врагом Дэвионов, но этот же человек в конце вознаградил Дэвиона, наградив свою внучку за принесённую ею жертву.

Виктор произнёс короткую благодарственную молитву над могилой Такаси, а потом дал увести себя во дворец Святилище Безмятежности. Этот дворец был очередным контрастом Лютьена. Планету покрывали огромные заводские комплексы, от них расходились протяжённые города, дающие жильё рабочим и функционирование фабрикам. Так велико было загрязнение среды, что планету прозвали Чёрный Лютьен. Несмотря на все меры по восстановлению экологии, прозвище прилипло, хотя враги, произнося его, имели в виду, что чёрен не столько Лютьен, сколько души его правителей.

Город Империал мало походил на остальную планету. Вся его архитектура тяготела к более ранним, феодальным временам на Терре. Некоторые строения были разобраны по камешку и

перевезены на Лютьен, но рядом с ними выросли другие, как грибы возле ствола дерева. Дворец Единства целиком построили из тикового дерева — это было скорее произведение искусства.

Дворец Святилище Безмятежности, расположенный в полудюжине километров от дворца Единства, оказался не менее величественным. Камень, дерево и черепица сложились в здание, будто взятое прямо из тринадцатого столетия Терры. Его окружала высокая стена, сдерживающая наступление города, будто охраняющая заповедник более спокойной, менее горячечной эпохи. Входя во внешние ворота, Виктор испытал такое чувство, будто погружается в прошлое.

За входом его встретила Оми. На ней было белое кимоно, украшенное вышитыми розовым лепестками вишни, и это напомнило Виктору наряд, в который она была одета на Арк-Рояле почти четыре года назад. Он вспомнил прогулку в саду, тот вечер, когда поцеловал её. — «Я так хотел схватить её, унести прочь, чтобы мы могли разделить нашу любовь, но мы оба знали, что это невозможно».

Она поклонилась:

— Комбанва, Дэвион Виктор-сама.

— Комбанва, Курита Оми-сама. — Виктор выпрямился из ответного поклона и улыбнулся, глядя на неё. — Ты мне напоминаешь тот вечер на Арк-Рояле.

— И ты мне. — Она улыбнулась в ответ. — На тебе то же кимоно, что было тогда. Отличие только в мечах, но это хорошее отличие.

Виктор начал было вынимать катану и вакидзаси из-за оби, но Оми прижала его руки к бокам.

— Эти мечи — символ твоего звания, Виктор. Оставить их будет с твоей стороны негармонично, а в подобную ночь это было бы плохо.

Он взял её за руки и кивнул.

— Что бы ты ни пожелала от меня, Оми, я это выполню.

— Ты оказываешь мне честь таким доверием, Виктор. — Она высвободила левую руку и круговым жестом показала на дворец. — Я буду рада показать тебе мой дом.

Виктор наконец оторвал от неё взгляд и внезапно поразился тому, что окружало его. Весь интерьер дворца был выполнен из дуба, сохранившего свой естественный цвет. Пол покрыт тщательно пригнанными дубовыми плашками, а колонны и потолочные балки незаметно переходили друг в друга в едва различимых на глаз соединениях. Более того, художники, отделывавшие и подгонявшие детали, с величайшей тщательностью следили, чтобы узор волокон сходился и расходился, придавая неподвижному дереву ощущение движения. В этом интерьере была жизнь, был мир.

Оми повела Виктора по зданию.

— Семь лет назад на Лютьен напали кланы. Пятого января случилась битва, продолжавшаяся от самого рассвета до заката и не угасшая даже после темноты. Сражение было страшным и жестоким; оно сохранилось в памяти тех, кто участвовал в нём. В этот день, пятого января, люди по всему Лютьену возвращаются туда, где были в момент нападения кланов, чтобы вспомнить, что в этой жизни действительно важно. Мы оплакиваем погибших и благодарим тех, кто остался в живых.

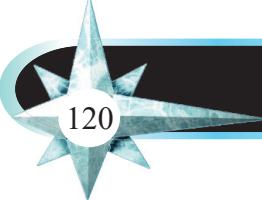
По спине Виктора пробежал холодок.

— Семь лет назад я был на Алийне, дрался с Нефритовыми Соколами. Они знали, что я там, и охотились специально за мной. Меня поймали в ловушку, и тут откуда ни возьмись появился Кай. Он разгромил часть сил противника, и я тогда думал, что он при этом погиб.

Виктор поднял руку и вытащил из-под кимоно фигурку нефритовой обезьянки.

— Кай подарил мне это на Рождество. Это Сунь Укун, царь обезьян. Кай сказал, что фигурка принесёт мне удачу и будет напоминать, чтобы я оставался самим собой. Покидая Алийну, я думал, будто это всё, что осталось у меня от Кая, всё, что мне напомнит о нём. И я понимаю, зачем вы приходите в этот день сюда для оплакивания и жертвоприношения.

— Я знаю, где ты тогда был, Виктор. — Оми провела его через две двери в сад, где густо росла тёмная трава, подстриженные кусты и деревья в ароматном цвету. — И здесь, со мной, ты тоже был в тот день и в начале той ночи.

— Здесь? — нахмурился Виктор. — Ты не могла здесь быть, когда кланы атаковали Империал. Наверняка твой отец должен был эвакуировать тебя в безопасное место.

— Он пытался, но я осталась здесь. — Она поглядела на выложенный у двери каменный полукруг. — Мой брат сказал, что ты понимаешь принципы гири и ниндзё — долга и сочувствия. Мой отец, хотя желал, чтобы я покинула город, не приказал мне эвакуироваться. Я знала, что мой долг — остаться здесь, как и его долг, долг моего брата и деда — защищать Империал на поле битвы. Люди, сражавшиеся с кланами, знали, что боятся за свой народ и за своё будущее, но то, что я была здесь, дало им ещё что-то конкретное, что надо было защищать. Умереть, защищая народ, — это абстракция, которая не утешает.

Виктор медленно кивнул:

— То же самое говорил мне Гален Кокс, когда мы улетали с Алийны. Он сказал, что Кай пожертвовал собой, спасая меня. И сказал, что у меня перед Каём долг сделать так, чтобы его жертва не была напрасной.

— И такой же был у меня долг перед моим народом — чтобы люди видели, за что они жертвуют собой. — Оми отступив от Виктора, подняла руки и повернулась вокруг себя. — И потому я была здесь, когда там бушевала битва. Я слышала, как приближается грохот разрывов, когда кланы теснили наши войска. — Она показала пальцем в ночное небо. — Я видела, как погибали лётчики. Я видела, как прорезали воздух шальные вспышки лазеров, и всё это время ждала, что одна такая найдёт меня. — Она обняла себя за плечи, — Никогда за всю мою жизнь мне не было так страшно. И я нашла убежище от страха в мыслях о тебе, Виктор. Я вспомнила наш поцелуй на Аутриче, чувство безопасности, которое я испытала в твоих руках. Вспомнила время, проведённое с тобой, вспомнила, как мы делили смех и печаль. И решила, что ужас — это неправильная реакция, если я хочу быть достойна тебя и твоей любви.

Виктор протянул к ней руку, притянул Оми к себе и обнял.

— Как жаль, что меня здесь не было, чтобы унять твой страх.

— Но ты был здесь. — Она погладила его по щеке правой рукой. — А если бы ты был здесь на самом деле, ты бы сидел в мехе, воюя с кланами. Как бы ни хотелось тебе утешить меня, чувство долга пересилило бы. Тише, не надо, не надо это отрицать, потому что это не вина и не порок. И я понимаю это противоречие.

Оми, нежно поцеловав его в губы, выскоцила из объятий и отступила в тень вишни.

— Знаешь ли ты, что я — хранительница чести дома?

Виктор кивнул.

— Ты арбитр в вопросах того, что правильно и что неправильно. — Он прижал руки к груди, пытаясь сохранить на своей коже её тепло.

— И ты знаешь о двух идеалах, которые здесь, в Синдикате, правят всем? — В её глазах поблескивали отсветы огней, проникающих сквозь шевелящуюся листву, и она казалась похожей на духа, не на земную женщину. — Всем правят гармония и чистота. Этим двум идеалам внимаем мы.

— Я знаю это.

— Правда? — Она внимательно поглядела на него. — Сегодня — день памяти и траура, но завтра, в день после великой победы, будет большое празднество, но и это празднество содержит гармонию и чистоту. Завтра с утра люди будут делать то, что делали семь лет назад. Они выйдут на улицы и вместе будут собирать мусор, чинить сломанные изгороди, подстригать кусты и полоть сорняки; будут делать то, что в их силах, чтобы убрать шрамы дисгармонии и нечистоты, нанесённые кланами и неназываемыми из нас. Лишь после этого они предадутся веселью.

Виктор поёжился. Он знал много людей, которые в праздники занимались домашней работой или уходом за садом, но представить себе такое обязательное общественное действие, как описала Оми, у себя дома... — «Хотя наши люди, несомненно, любят Содружество ничуть не меньше, чем эти люди любят свой Синдикат, мы — нация индивидуалистов, а не монолитное общество, объединённое великой философией».

— Хотя мой народ живёт не так, как твой, я, побывав здесь, думаю, что многое понимаю из твоих слов. Мне кажется, что содержание важнее формы.

— Так и есть, но у нас имеются собственные способы обращать форму в содержание и наоборот. Милый мой, в Диктум Гонориум полно историй, правил и афоризмов, показывающих, как много у этих вещей оттенков. Например, когда твой отец послал сюда «Гончих Келла» и «Волчьих драгун» для противостояния кланам, этот акт имел вид дисгармонии. У твоего отца с моим отцом было соглашение о взаимном уважении границ. Твой отец знал, что нам нужна помочь, но он сказал, что не разрешит войскам Федеративного Содружества переступить границу, пока кланы не будут разбиты.

Оми медленно улыбнулась и отступила в поток света, лившийся в сад из дверей дворца.

— Решением твоего отца было приказать наёмникам лететь на Лютьен нам на помощь. Они не были по сути войсками Федеративного Содружества, таким образом, он не нарушил гармонию, при этом достигнув цели. Точно так же часто считают, что девственность или воздержание служат чистоте, но и это не так. — Оми раскрыла ладони и подошла ближе. — Если бы это было правдой, в Синдикате не было бы детей. Чистота по смыслу своему связана с верностью и скромностью, выбором должного партнёра и сохранением между ними всего, что между ними происходит. — Оми прижалась к Виктору, положив руки ему на плечи. — Виктор, в эту ночь ты будешь моим, как мечтала я семь лет назад. Я дам тебе утешение, которое желала дать тогда, и ты утешишь меня, как мог бы тогда утешить.

Виктор обхватил её руками за талию и крепко прижал к себе.

— Я хочу этого так, как ты и понять не можешь, Оми, но я не стану причиной дисгармонии, не заставлю тебя ослушаться твоего отца.

— Тише, любовь моя. — Она взяла его лицо в ладони. — Я не могу ослушаться его, сделав то, что не запрещено.

«Не запрещено? Но координатор должен был знать, что такое могло случиться».

— А твой отец знает...

— Он знает то, что хочет знать. — Оми поцеловала Виктора в лоб, в губы. — Это место — мой мир, наш мир. Мы бы породили дисгармонию, отвергнув чистоту чувств, которые разделяем друг с другом. Моё святилище станет сегодня вечером нашим святилищем.

Виктор наклонился поцеловать её в шею, впивая аромат её тела, смешанный с ароматом цветущей вишни в один пьянящий запах. Под шёлком кимоно было мягкое и тёплое, стройное и сильное тело. Оми развязала длинные тёмные волосы, и они упали в руки Виктору.

Подняв голову, он поцеловал её.

— Оми, я люблю тебя.

— И я тебя, Виктор.

— Ииэ!

Рык, отрицающий их любовь, хлестнул как плеть и оторвал их друг от друга. Виктор обернулся и увидел три фигуры, одетые в чёрное с головы до ног. Свет отражался от очков ночного видения, бывших у этих людей вместо глаз. У всех трёх на спине были катаны, и передний выхватил её с отработанной плавностью. Свет заиграл на бритвенно-остром клинке, и у Виктора пересошло в горле.

В голосе Оми прозвучала резкость, которой Виктор никогда не слышал.

— Что значит это вторжение?

— Мы пришли спасти вас от осквернения этим варваром. — Говоривший указал мечом на грудь Виктора. Их разделяло четыре метра, но Виктор знал, что сейчас его жизнь в руках этого человека. — Вы не станете шлюхой Дэвиона.

Виктор ткнул пальцем в сторону говорившего:

— Как смеете вы её бесчестить?

— Ха! Я не могу обесчестить — она уже обесчестила себя тем, как вела себя с тобой! — Мужчина качнул головой, — Я убью тебя и прослежу, чтобы высокородная Оми совершила самоубийство. Только так может она вернуть себе честь.

— Нет, — твёрдо покачал головой Виктор. — Она не сделала ничего плохого. Я клянусь в этом своей честью, как самурай.

— Что знаешь ты о чести самурая?

— Я знаю гармонию, и я знаю чистоту. — Виктор оглянулся на Оми. — Я знаю, что она чиста и не осквернена. И я знаю, что её смерть нарушит гармонию Синдиката. А о чести я знаю, что самурай исполняет свой долг как можно лучше, и тогда другие могут выказать ему сочувствие.

Слова «долг» и «сочувствие» Виктор подчеркнул голосом, потом рванул левой рукой ворот кимоно.

— Тебе нужен я, а не она. И я исполню свой долг. Я умру, как должен умирать самурай, если ты исполнишь свой долг и нанесёшь единственный чистый удар. Ты скажешь, что услышал её крики о помощи, когда я пытался учинить над ней насилие. Пусть вас сделают героями, но она пусть останется жива.

— Нет, Виктор, нет! — Оми вцепилась ему в левую руку. — Я не допущу.

— Ииэ, Омико-сама, я должен так поступить. — Виктор поднял голову, обнажая горло. — Ты согласен?

— Хай! — Предводитель оглянулся на своих людей, обменялся с ними кивками и сделал крадущийся шаг вперёд. — Я дам тебе почётную смерть, которой ты не стоишь.

— Я её заслужу.

Виктор высвободил руку из хватки Оми, шагнул вперёд и припал на левое колено. Левую руку он протянул поперёк груди, взялся за правый трицепс и склонил голову. — «Это лучшая возможность».

Под ногами убийцы захрустел гравий. Человек остановился перед Виктором. Когда он поднял меч, Виктор уронил правую руку на рукоять катаны и, вставая, выхватил меч. Удар при выхватывании был не силён, но полоснул по лицу, сбив очки набок. Человек попытался уйти от атаки поворотом, но Виктор движением кисти заставил остриё меча описать дугу в сто двадцать градусов. Держа теперь рукоять обеими руками, он ударили катаной сверху и справа, чисто перерубив противнику хребет.

Клинок вышел из тела, плеснув чёрной струйкой крови на белые камни.

— Беги, Оми, беги! — крикнул Виктор, становясь между Оми и двумя оставшимися убийцами и угрожающе выставив меч. — Беги, Оми.

— Ииэ, Виктор, я не стану убегать.

В её голосе слышались страх и решимость, но второй убийца уже прыгнул вперёд, и времени убеждать Оми не осталось. Атака убийцы была быстрой и яростной, и Виктору пришлось спешно отступать. Он нырял влево и вправо, стараясь заставить убийцу повторить ошибку своего сообщника. — «Очки ночного видения резко ограничивают поле зрения. Когда я припал на колено, я в буквальном смысле слова скрылся из глаз противника на несколько секунд. Этот, кажется, поумнее своего мёртвого напарника».

Виктор видел, как за спиной убийцы Оми опустилась на колени возле тела первого нападавшего. Третий убийца склонился на одно колено рядом и рукой трогал шею упавшего, очевидно нашупывая пульс. Больше Виктор ничего не видел, потому что его противник оттеснил его к двери дворца и дальше, в дубовый зал с высоким потолком.

Виктор парировал удар сверху в голову, попытался высвободить клинок и полоснуть противника по животу, но убийца отрыгнулся назад. Хуже того, он левой рукой сорвал с лица очки и бросил их в Виктора, а когда Виктор, уходя, пригнулся, сократил дистанцию.

Виктор блокировал косой удар, ушёл от удара сверху и отступил. Клинки звенели, соударяясь, и вибрация лезвия ощущалась в руке. Принц уклонился от выпада, ощутил жгучий режущий удар по ребрам, перепрыгнул дубовые перила, оказавшись в узком коридоре. Удар противника срезал вьющуюся стружку с перил, затем убийца перескочил через перила и стал ещё сильнее теснить Виктора.

Принца едва не охватила паника, но Виктор усилием воли отогнал её прочь. Он сосредоточился на середине корпуса противника, не глядя на руки и ноги, только на сердце и живот.

Всё остальное он видел лишь боковым зрением, но, глядя на середину тела, он предвидел атаки противника и предугадывал его финты. Виктор сузил свой конус обороны, блокируя выпады, но не позволяя клинку уйти в финте слишком далеко в сторону.

Парировав рубящий удар в левое плечо, Виктор быстро перевёл оружие вверх и вокруг, в подобии кругового фехтовального парирования, которое показал ему Танкред Сандоваль. Когда остриё катаны снова оказалось на одной линии с грудью убийцы, Виктор сделал выпад. Клинок прорезал рубашку убийцы слева, и тот зашипел сквозь зубы. Виктор задел его, хотя всего лишь поцарапал кожу на рёбрах.

Внезапно убийца хватил принца боковым ударом левого кулака. У Виктора посыпалась искры из глаз, и он попятился. Мир померк на одно мгновение, но через удар сердца в глазах прояснилось, и Виктор понял, что падает. Левый локоть врезался в твёрдое дерево пола на секунду раньше, чем руку пронзила острыя боль. Ещё через полсекунды он приземлился на спину, как-то сумев не удариться головой, но выпустил из руки меч.

Катана прозвенела по полу, и убийца навис как тень самой Смерти. Подняв катану как кинжал в жертвоприношении, он с силой опустил её вниз, но Виктор извернулся влево и правой ногой въехал убийце в пах.

Через мгновение после того, как ударили серебряные молнии боли, Виктор почувствовал давление клинка, ломающего ребро справа. Меч прошёл насквозь и вонзился в дубовый пол. Из глотки Виктора вырвался крик, и на миг он заглушил даже пылающую боль. Она отступила, и в эту секунду ясности мысли Виктор понял, что ранен серьёзно, как никогда.

Полыхнувшая злость на себя скомандовала прекратить хныкать. — «Я не буду встречать смерть мяуканьем, как выпоротый котёнок!» — Только стиснув зубы, чтобы подавить звук, Виктор понял, что уже не издаёт его. Приподняв голову, он глянул в сторону, мимо торчащего из груди клинка, и увидел скрюченный силуэт нападавшего. Человек катался по земле, зажав руками раздавленные половые органы.

«Я не буду подыхать такой смертью. — Не разжимая зубов, Виктор поднял руку, схватился за рукоять катаны, пригвоздившей его к полу, и потянул влево, насколько хватало сил, но клинок еле шелохнулся. Тут Виктор заметил, что левая рука почти ничего не чувствует, а локоть не хочет работать. — Не важно. Я это сделаю. Я всё равно не останусь приколотым, как жук на булавке!»

Он снова потянул меч, потом ударил в гарду рукояти основанием правой ладони. Меч выскочил из досок пола и сдвинулся в груди. Послышался хруст стали о разломанную кость. Каждая подвижка, любая чуть заметная вибрация вызывали в теле мучительную дрожь. Хотелось остановиться, дать себе хоть секундную передышку, но Виктор знал, что временно поверженный враг ни за что не даст ему такого шанса, и продолжал толкать меч.

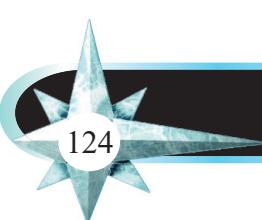
Лезвие высвободилось с шипением и бульканьем. — «Задето лёгкое. Очень плохо». — На Виктора чёрной стеной накатило отчаяние. Он стал подтягивать колени к груди, желая свернуться в шар, остановить боль.

«Нет! Меня освободит лишь смерть, а умереть здесь и сейчас я не имею права. Я ещё нужен Оми». — Виктор перекатился направо, выровнялся, чтобы подобрать колени под себя. Отбросив меч убийцы, он схватил тот, который уронил. По сантиметру подползая вперёд, волоча за собой колени, он подобрался к убийце и приставил клинок к его горлу.

— Ты! Глупец! Грязь! — Виктору отчаянно не хватало японских слов, чтобы обругать противника как следует. — Дэвиона убить очень трудно.

Ему хотелось поднять меч и обезглавить убийцу одним ударом, но он знал, что на это у него нет сил. Положив левую руку на обратную сторону клинка возле острия, он наклонился и, давя всем весом, стал пилить. Первый пропил разрезал сонную артерию, и Виктора окатило кровью, залив лицо и грудь. Второй оборвал приглушённые стоны, а третий перерезал хребет. Булькнув, убийца умер в луже собственной крови.

«Да и моей к ней немало примешалось», — опираясь на меч, Виктор поднялся на ноги, но поскользнулся в крови и распостёрся поверх своей жертвы. Он пытался остановить паде-

ние, упёршись левой рукой в пол, но она подломилась, и её передёрнуло острой болью. Правое плечо ударилось об пол, но не сильно, и Виктор не выпустил катаны.

«Надо идти. Оми по-прежнему в опасности. — Соскользнув с трупа, Виктор пополз вперёд, пробиваясь к стене. — Вставай, Виктор. Тебе надо увеличить мобильность».

И снова он поднялся на ноги и даже улыбнулся слегка, несмотря на рвущую всё тело боль. Шатаясь, он сделал шаг вперёд, потом другой, и каждый шаг сопровождался неглубоким вдохом, вызывавшим влажный кашель. Голова стала кружиться, и Виктор прислонился к стене, чтобы обрести равновесие. — «Иди».

Шипящий звук из груди и огонь в лёгком не давали забыть, насколько серьёзно он ранен. — «Слишком много крови теряю. — Виктор прижал локоть к груди, закрывая рану, но из выходного отверстия на спине продолжали вырываться кровавые пузыри. — Времени мало. Ты должен спасти Оми. Времени мало. Иди, иди!»

Ещё шаг — и Виктор свалился на пол. Самого падения он не заметил, но ощутил жжение в лице, ободранном о дубовый паркет. В зеркальной поверхности пола Виктор увидел своё призрачное отражение и попытался улыбнуться ему. — «Всегда мечтал оставить после себя красивый труп».

Края поля зрения начала заливать темнота, но Виктор что-то услышал и заставил себя посмотреть в ту сторону. В дымке дали он увидел силуэт, женщину, которая шла к нему по золотому туннелю света. Он узнал белое кимоно, вышитый цвет вишни, но не мог понять, почему у неё рукава другие. Они от локтя до запястья были смочены тёмной, густой краснотой, но почему — Виктор не мог понять.

От внезапной ясности он пошатнулся, как от удара. — «Этот гад заставил её взрезать себе вены. Она тоже мертва».

Из последних сил Виктор попытался улыбнуться ей. — «Не бойся, Оми. Мы наконец-то будем вместе. Нашу гармонию найдём мы в смерти».

Он искал на её лице ответную улыбку, знак, что она поняла его, согласилась, но темнота закрыла его раньше, чем он мог хоть что-нибудь разглядеть.

синдикатский обед с Теодором и Хохиро Куритой. Всё началось очень обыкновенно, но до Кая быстро дошло, что он встал на колени за одним столом с координатором Синдиката Дракона и Анастасием Фохтом, человеком, который разгромил кланы при Тукайиде.

«В какой-то момент они меня заметят и выгонят, как щенка», — от Кая не ускользнуло особое значение этой встречи. Он легко мог себе представить, как поколения будущих историков спорят до хрипоты о содержании и важности этого собрания. Действительно, казалось, что в отношениях Теодора и Фохта есть глубинные слои, о которых ему, Каю, ничего не известно, и он хорошо понимал, что события происходят на многих уровнях — даже на таких, существование которых ему и не приснится никогда.

Теодор Курита наклонил голову в направлении военного регента.

— Создаётся впечатление, что достигнут прорыв в переговорах с Нова Котами. Наши офицеры связи подарили им голозапись церемонии подписания конституции Звёздной Лиги, а также факсимильную копию самого документа. На гологиске имелась также запись прибытия Виктора на Лютьен.

Фохт улыбнулся:

— И это произвело впечатление на Нова Котов?

— Насколько мы можем судить, образы обеих презентаций совпали с элементами видений, очевидно посетивших ханов Нова Котов. Мы начали говорить с ними два года назад и видели уже серьёзные подвижки в сторону разрешения нашей проблемы, когда — и если — у кого-нибудь из их ханов или прославленных воинов случится видение, относящееся к нашей ситуации. — Теодор просиял улыбкой. — Очевидно, увидев Виктора Дэвиона в образе самурая, они поняли, насколько мы искренни в нашем желании создать действенную Звёздную Лигу. Как и было предсказано, это вызвало у них что-то вроде кризиса совести. К тому времени, как начнётся наше вторжение, мы, согласно моим ожиданиям, настолько привлечём их на свою сторону, что можно будет гарантировать их нейтралитет.

Хохиро улыбнулся:

— А если представить себе, что они выступят на нашей стороне...

Кай кивнул:

— Волки Фелана — это уже серьёзно, но если к нам присоединится ещё один клан, это будет для Дымчатых Ягуаров тяжёлым ударом.

Координатор не успел ничего на это ответить, как быстро вошёл чем-то потрясённый слуга и зашептал ему на ухо. У координатора расширились глаза, и он резко что-то скомандовал слуге, потом Хохиро, настолько быстро, что Кай ничего не разобрал. Теодор тут же поднялся и быстро вышел.

— В чём дело? — нахмурился Кай. — «Кланы, что ли, вернулись на Лютьен в годовщину своего поражения?»

Хохиро встал:

— Что-то случилось. Отец просил меня доставить вас во дворец моей сестры.

«Виктор должен был провести этот вечер с Оми», — подумал Кай и спросил:

— Хохиро, что там стряслось?

— Знаю только в общих чертах. Когда приедем, узнаем подробнее.

Фохт и Кай последовали за Хохиро в автомобиль на воздушной подушке и понеслись по затмённым улицам во дворец, который Оми звала своим домом. Когда они подъехали ближе, Кай заметил несущуюся навстречу машину скорой помощи с мелькающими огнями мигалок и воющей сиреной. Под ложечкой у Кая свернулся холодный ком. — «С Виктором наверное, что-то случилось. Плохо, очень плохо».

Дворец Святилище Безмятежности окружали чины полиции Лютьена. Они махали руками, пытаясь отогнать ховеравтомобиль, но водитель высунулся, резко что-то сказал, и офицеры пропустили машину. Ховер остановился за машинами полиции, дверцы открылись, все трое выпрыгнули и бросились к входу во дворец.

Сразу за порогом сердце Кая будто стиснула ледяная рука. Он увидел кровь, много крови, не каплями, но красными ручьями текущую по полу. Потом он увидел яркий свет голокамер,

снимающих место происшествия. Вслед за Хохиро Кай вошёл в дом, потом в сад и тут увидел Теодора, который говорил с кем-то — Кай решил, что это инспектор полиции.

Координатор и полицейский стояли над двумя телами, и Кай заметил, что у одного трупа голова отделена от тела.

Теодор поднял глаза, кивнул инспектору и подошёл к Каю.

— Примите мои глубочайшие извинения за этот инцидент. Полной картины я пока не знаю и буду знать, лишь когда поговорю с дочерью. Как мне сказали, она сильно потрясена, но физически невредима. Сейчас её вместе с Виктором везут в военный госпиталь Дзихен.

— А как Виктор?

— Наши люди делают всё, что могут. — Руки Теодора сжались в кулаки. — Насколько сейчас можно заключить, произошло следующее: в этот сад через стену проникли три человека и напали на Виктора и на мою дочь. Они угрожали убить обоих, и Виктор предложил свою жизнь за жизнь моей дочери. Когда первый убийца к нему приблизился, Виктор припал на одно колено и убил нападавшего ударом иай с выхватыванием меча. У этого убийцы резаная рана на лице и разрублен позвоночник.

Координатор указал на второе тело:

— Пока второй убийца атаковал Виктора, этот вот, третий, остановился посмотреть, что с его сообщником. Моя дочь отрубила ему голову мечом его друга.

Кай вздрогнул. Он хорошо знал Оми и понимал, что у неё хватит силы духа — и физической силы, — чтобы сделать почти всё, что ей пришлось бы сделать. И всё равно: одним ударом отрубить голову врагу — это задача, перед которой может спасовать даже очень сильная личность. В минуту смертельной опасности человек способен на выдающиеся действия, но редко эти действия связаны с лишением жизни другого человека. — «Но если она чувствовала, что смерть угрожает и ей, и Виктору, она могла не колебаться ни секунды».

Регент по военным вопросам поглядел на дверь, ведущую во дворец.

— Второй убийца преследовал Виктора внутри дворца?

— Хай. — Теодор замялся. — То, что вы сейчас увидите, не слишком красиво. Виктор былся с этим вторым до самого коридора.

Кай молча пошёл за Теодором и остановился у входа в коридор. Впереди, вокруг, где сутились эксперты-криминалисты, повсюду была кровь. И как остров в её океане, посередине лежало тело. От него уходили кровавые следы, и отпечатки окровавленной руки виднелись на одной стене. Даже на потолке засохли мелкие капельки крови, будто кто-то плывал в этом океане и сильно плескался.

— И здесь мы тоже не знаем точно, что произошло, но Виктор был сбит с ног и получил сквозное ранение в грудь в дальнем конце коридора. Осталось отверстие в полу, где вошёл клинок, который его пригвоздил. Предположительно в момент ранения Виктор каким-то образом вывел противника из строя. После этого он освободился, убил нападавшего и попытался вернуться в сад. — Теодор показал на ближайшее к нему размазанное пятно. — Он сумел добраться досюда, когда Оми его нашла.

Пока координатор рассказывал, Кай увидел схватку мысленным взором. Он видел, как Виктор, пригвождённый к полу спиной, вытаскивает меч сантиметр за сантиметром, потом убивает своего неудавшегося убийцу. Он слышал отрывистое дыхание Виктора, оскользнувшегося в собственной крови и упрямо встающего снова. Из кровавой маски лица глядели на него пылающие серые глаза Виктора, потом его друг рухнул снова, уже окончательно.

Кай опустился на колени — в горле застрял душивший ком. Виктор всегда верил в него, помогал, продвигал. Виктор был другом, который от своих друзей требовал много, но никогда не жалел наград за их усилия. — «Если бы не Виктор и его поддержка, я бы ни за что не был тем, кем я стал. Никогда ни у кого не было друга лучше, но, когда я был ему нужен, меня рядом не оказалось».

Чьи-то руки легли Каю на плечи. Он поднял глаза и увидел стоящего над собой регента.

— Ты ничего не мог сделать, и здесь ты никак не мог оказаться.

— Вы правы, регент, но всё равно я чувствую свою вину.

— Вина здесь моя, — прозвучал тяжёлый, насыщенный чувством голос Теодора. — Моей дочери не могло прийти в голову, что кто-нибудь захочет причинить вред Виктору или ей. Она была права, поскольку любима моим народом; это мои враги хотели использовать её и Виктора против меня. Когда она попросила разрешения провести здесь вечер с Виктором, как проводила вечера во время битвы на Лютьене, я позволил ей.

Фохт нахмурился:

— И сегодня здесь не было охраны?

Теодор вскинул голову:

— Я не оставил её без защиты. Она желала уединения, и с этим желанием я посчитался, но вся местность вокруг патрулировалась. Очевидно, патрули оказались... скомпрометированы.

«Он позволил Виктору и Оми провести вечер наедине?» — Кай поднялся на ноги.

— Вы доверили безопасность своей дочери Виктору.

Теодор кивнул.

— Мне жаль, что таким образом я убедился в правильности своего выбора. Но я и не сомневался.

Кай с Фохтом обменялись понимающими взглядами, потом снова повернулись к Теодору и подходившему инспектору полиции. Инспектор что-то зашептал на ухо координатору, и Теодор побелел. Он кивнул полицейскому, и тот поспешил к выходу, выкрикивая приказы своим подчинённым.

Теодор махнул рукой, приглашая за собой:

— Пойдемте. Мы едем в госпиталь.

Горло Каю передавил холодный ужас.

— Это Виктор?

— Хай. — Голос координатора упал до шёпота. — Там... осложнения.

* * *

Виктор оказался где-то, и невозможность понять, где именно, испугала его. Он был будто в прозрачной сфере, окружённой белым туманом, который светился, не давая тепла. Вверху, вовне, вдали виднелся яркий диск, свет, похожий на солнце, когда смотришь на него через облака.

Он отметил, что было очень тихо, и ничто не шевелилось в тумане.

Виктор посмотрел себе на грудь и увидел под правым соском тремя сантиметрами ниже неровную рану. Какая-то очень маленькая, чтобы вызвать такую огромную боль. Вспомнилось, что куда больнее было при выходе меча, чем когда он вошёл. И сильнее собственной наготы Виктора удивило смолкнувшее шипение воздуха из проколотого лёгкого. — «Что-то здесь явно неправильно».

— Это вряд ли точно сказано.

Без усилия, даже не подумав об этом, Виктор повернулся на голос и оказался лицом к лицу с человеком в белой одежде. Лицо он узнал только потому, что видел его на монетах да в старых голозаписях.

— Вы похожи на моего отца.

— Я и есть твой отец, — улыбнулся Хэнс Дэвион. — В загробной жизни теряешь малость седины, жирок с талии уходит — и становишься таким, как был в своём зените.

— В загробной жизни?

Хэнс чуть нахмурился:

— Сын, ты умер. Я пришёл забрать тебя с собой.

— Ииэ! — ворвался в сферу другой голос, грубее и настойчивее, и материализовался ещё один человек, одетый в доспехи самурая — красные с головы до ног. Он был чуть пониже отца Виктора, но держался столь же величественно. Вновь прибывший кивнул на Виктора: — Ему предназначено пойти со мной.

— О чём ты говоришь? — с иронией ответил пришельцу Хэнс. — Это мой сын, которым я горжусь безмерно. Он мой, Такаси. Неудивительно, что ты хочешь его, потому что ты всегда хотел того, что принадлежит мне.

— Ха! Я лишь хотел спасти принадлежащее тебе от твоего неумелого правления, — хитро улыбнулся дед Оми. — Твой сын погиб, защищая жизнь моей внучки. Он бился за её честь как самурай и смерть встретил тоже как самурай. И ему предназначено быть самураем до конца вечности.

Голубые глаза Хэнса прищурились.

— Я не хотел вспоминать, как он погиб, но этого никогда не случилось бы, не будь твой народ настолько задавлен, что убийство — единственный оставленный ему способ выразить своё мнение.

У Виктора отвисла челюсть. Он отказывался верить, что мёртв. Он знал, как называется то, что с ним сейчас происходит: «предсмертные видения»; но знал также, что учёные считают такие вещи полётом воображения. Свет в пустоте — это отказ органов чувств, отчего остаётся лишь точечное окошко в мир. — «Всё это у меня в голове».

Такаси серьёзно посмотрел на него в упор.

— Нет, Виктор, это всё на самом деле. Будь это не так, не будь ты мёртв, мы бы не знали, о чём ты думаешь.

Виктор нахмурился.

— Раз это всё — мое воображение, то вы вполне можете знать, о чём я думаю, — это я вообразил вашу способность читать мои мысли.

Хэнс улыбнулся:

— Я всегда говорил, что он умный мальчик.

— И это ещё одна причина, почему он решит пойти со мной. — Такаси протянул руку к Виктору. — Ты показал себя настоящим воином. Ты знал великие победы и великие поражения, но всегда стремился к новым высотам, через новые барьеры. И это то, что делает тебя самураем.

— Чушь, Такаси, — это делает его Дэвионом! — Хэнс тоже протянул руку к Виктору. — Идём со мной, сын. Доверься мне, я знаю, что для тебя лучше. Следуй за мной — и увидишь сам.

— Нет.

— Нет? — поразился Хэнс.

— Он идёт со мной! — просиял Такаси.

— Нет! — тряхнул головой Виктор. — Ни с кем из вас я не пойду.

Хэнс сложил руки на груди:

— Одному тебе здесь не пройти.

Такаси согласно кивнул:

— Это не разрешено, никак не разрешено.

— Тогда я вернусь туда, где сам могу прокладывать себе путь.

Оба его собеседника рассмеялись, Хэнс ласково улыбнулся.

— Сын, у тебя очень небольшой выбор путей. Ты всю жизнь шёл путём Дэвиона, теперь немножко позаигрывал с путём Куриты. Другого выбора у тебя нет.

— Этого не может быть.

— Хай, так и есть, — улыбнулся Такаси.

Виктор, поражённый их согласием, прижал правую руку к горлу. Хотя он был наг, рука ощущала прохладную гладкость нефритовой подвески, которую подарил ему Кай. — «Сунь Укун. Кай подарил его мне как напоминание: всегда быть самим собой. — Виктор улыбнулся, увидев недовольную гримасу отца. — И я всегда должен быть самим собой».

Он откинул голову назад и засмеялся.

— Всю мою жизнь я держался установленных тобой правил, отец. Много раз говорил я людям, что превзошёл бы тебя, если бы они только мне дали, но не люди держали меня. Ты меня держал, отец.

Глаза Хэнса сверкнули гневом.

— Я никогда не держал тебя!

— Не ты, но твой образ. — Виктор молящим жестом вытянул руки к отцу. — Ты был мне хорошим отцом, лучше я и желать не мог, но ты страшил меня и подавлял, сильно подавлял. Я в сравнении с тобой — ничто, но лишь потому, что время моё другое, и задачи у меня другие. И каждый раз, когда я собирался сделать что-нибудь, что превзойдёт твои деяния, затмит их, я колебался, потому что превзойти тебя — значит принизить твой образ. Когда я вырастал, когда отодвигался от тебя всё дальше по времени, по опыту пережитого, всё меньше и меньше становилось тебя в моей жизни, а я никогда не хотел тебя терять.

Виктор повернулся к Такаси Курите;

— И то же было с тобой. Ты был непримиримым, неодолимым врагом. Ты был проклятием моего отца, но я не успел испытать себя в борьбе с тобой, потому что ты умер! Твоя смерть ограбила меня, лишила возможности доказать, что я равен тебе и даже превосхожу тебя. Теперь, узнав своего сына и внука, узнав твою внучку, я стал сильнее и лучше, но ты остался присутствовать, твой призрак выступает из всех стен. Всегда остаётся вопрос, одобрил бы ты или нет то, что я сделал, что сделал твой сын и твои внуки, и ответа на этот вопрос не будет никогда.

Такаси высокомерно отмахнулся от этих слов.

— Твой страх потери, твоё желание знать, что мы могли бы подумать, — вот что держит тебя. Трудность не в нас, она в тебе.

— О, с этим я соглашусь, ибо я знаю, почему вижу вас такими, как сейчас. — Виктор показал на отца. — Ты — Хэнс Дэвион из легенд, человек, который отхватил половину Капелланской Конфедерации как свадебный подарок для своей невесты. А ты, Такаси Курита, ты — образ на своём надгробье. Ты в том возрасте, когда наследовал своему убитому отцу и начал реформы, чтобы облегчить бремя страданий, которые он наложил на свой народ. Вы оба здесь в виде тех легенд, которыми вы стали. И я тоже на этом пути. Да, теперь я понял, дело не во мне и не в том, кто я есть. Я — это я, и так оно останется до моей смерти. Через пять, десять, пятнадцать или пятьдесят лет никто не будет знать истинного меня, или тебя, или тебя. Забудется, какие мы были, и будут помнить и судить лишь то, что мы сделали. Оттого, что я жил, — лучше или хуже стала Внутренняя Сфера? Мне хочется думать, что она станет лучше, но для этого я ещё многое должен сделать. — Виктор сжал кулаки: — Вот почему я не пойду ни с кем из вас. Я возвращаюсь. Я не собираюсь умирать.

Хэнс коротко рассмеялся:

— Это ты хорошо сказал, но ты не знаешь пути обратно.

Виктор снова коснулся нефритового божка.

— Я — нет, но он знает.

Тут рассмеялся Такаси:

— Эта штука тебе не поможет.

— Ещё как поможет. — Виктор потёр божка и ощутил, что от камня исходит тепло. Нефритовая обезьянка выросла, отпустила кожаный ремешок, на котором висела у Виктора на шее. — Понимаете, раз всё это — в моём воображении, я могу вообразить, что Сунь Укун меня отсюда выведет. А если я действительно в царстве сверхъестественного и стою у врат смерти — что ж, он обманул Яньло-вана и освободил свой народ от власти Царя Мёртвых. Так что я и здесь не прогадываю.

Такаси угрюмо кивнул Хэнсу:

— А он и в самом деле умён.

— Ему это пригодится.

Виктор улыбнулся и взял нефритовую обезьянку за руку.

— Я не могу и не буду беспокоиться о том, что вы подумаете или что скажут другие о моих делах. Я должен оставаться верен себе и верен тому, что считаю правильным. Поступить иначе — значит отступиться от самого себя, а это я решительно отказываюсь делать.

* * *

Кай Аллард-Ляо поднял глаза на Виктора. Шея затекла от сна на стуле, но от более удобного ложа он отказался. Он не хотел покидать Виктора.

Сидевшая по другую сторону кровати Оми поглядела на него и улыбнулась:

— Ты слышал?

Кай кивнул и встал. У Виктора задрожали веки, потом открылись глаза.

— Спокойней, Виктор, времени у тебя много.

Оми взяла Виктора за правую руку и крепко сжала. У неё по лицу текли слёзы, а у Кая у самого застрял ком в горле.

Виктор кашлянул и вздрогнул от боли, но заставил себя улыбнуться. Грудь его несколько раз поднялась и опустилась, кожа натянулась под бинтами, и принц попытался что-то сказать, но мешала кислородная маска.

— Что? — Кай наклонился поближе.

— Любовь. Ранит.

Кай стал смеяться.

— Виктор, не надо. Ты был у порога смерти.

— За. — Виктор медленно облизнул потрескавшиеся губы. — Вернулся.

— Верно, ты с нами. — Кай поглядел на Оми. — Он поправится.

— Хай, — тихо шепнула она. Протянув левую руку, Оми погладила Виктора по щеке. —

Доктора говорят, что скоро ты уже встанешь.

— Отлично. — Голос Виктора стал чуть громче. — Смерть победили. — Взгляд стал острее.

— На очереди... Дымчатые Ягуары.

*Дворец Святилище Безмятежности
Город Империал, Лютьен
Пештский военный округ
Синдикат Дракона
7 января 3059 г.*

«Господи Боже, дай мне силы это вынести». — Виктор Дэвион закрыл глаза, открыл снова и заставил своё тело не так качаться. Прошло двое суток после боя, и он снова оказался в саду, одетый в ту же одежду, опоясанный тем же мечом. Это не было дежавю, в основном потому, что растворы и обезболивающие, которыми его накачали, вызывали какое-то чувство отстранённости, зато он почему-то чувствовал себя преступником, вернувшимся на место преступления.

Голос Кая прозвучал прямо в правом ухе — у Виктора был миниатюрный наушник и микрофон.

— Виктор, ты здесь?

Принц приоткрыл рот, чтобы ответить без голоса. Микрофон воспримет звук прямо из евстахиевой трубы, и это очень хорошо, поскольку Виктор был совсем не уверен, что у него хватит дыхания даже на шёпот.

— Я здесь, Кай.

— Как ты себя чувствуешь? Не холодно?

На эти два вопроса Виктор сразу ответить не мог. Он был завёрнут в окровавленное кимоно так, что правый бок вместе с правой рукой были голыми. Раны были покрыты очень маленькими повязками и окрашены в белый цвет, чтобы крови не было видно. Кимоно скрывало распухший левый локоть. Снимки показали волосяной перелом локтевой кости. Во дворце осталась повязка, которую Виктору полагалось носить — она не подходила к пьесе, что разыгрывалась сейчас в саду.

— Всё нормально, Кай. Сколько ещё?

— Шестьдесят секунд. Отсчёт уже пошёл.

— И мы всё ещё «в запрете Синдиката на вещание»?

— Здесь стоит военный регент. Через КомСтар ничего не пройдёт, если ты не дашь зелёный свет. — Голос Кая стал спокойнее. — Он говорит, что, когда «Слово Блейка» начнёт передавать информацию, у нас будет столько голозаписей твоих действий, что все их материалы можно будет выставить стопроцентной подделкой.

— Отлично. — Виктор кашлянул, и тело пронизала ниточка боли.

Главной заботой было, чтобы весть о его ранении не просочилась в Федеративное Содружество. Вся марка Дракона озвернёт и может даже начать военную операцию против Синдиката, чтобы отомстить за принца. — «Несколько горячих слепцов могут лишить нас лучшего в истории шанса уничтожить кланы».

Он также опасался того, как такой вестью может воспользоваться Катерина. Любая слабость с его стороны может дать ей повод заварить кашу. Трудно сказать, как именно она использует его неудачу, но всё равно возникнет новая проблема. — «Ещё одна задача, отвлекающая меня от главной цели». — Этого Виктор допустить не мог, и потому запрет вещания за границы Синдиката был единственным реальным решением. Как ни любил Виктор свободную и открытую прессу, бывают случаи, когда и авторитическое устройство Синдиката полезно.

Он тяжело сглотнул, когда в сад вошла Оми. Слева от Виктора огни голокамер осветили её появление, и от их яркого света её кимоноказалось светящимся. Что-то неземное появилось в её красоте, и у Виктора мелькнуло неприятное воспоминание о месте, где он беседовал со своим отцом и её дедом. — «Будто она парит в дверях между нашим миром и потусторонним».

Оми прошла мимо, ничем не показав, что видит его присутствие. Гравий дорожки слегка скрипнул под её шагами, и кимоно чуть слышно зашелестело, когда она опустилась на колени на татами у ног Виктора. Перед ней стоял низенький лаковый столик чуть больше подноса, — а на нём бутылка сакэ, чашка, клочок рисовой бумаги и острый как бритва танто. Рукоять ножа была обёрнута белым шнуром, а гарда и крестовина были из литой платины.

Левой рукой Оми взяла бутылку, дважды чуть плеснула в чашку и поставила бутылку на столик. Капля скатилась по стенке бутылки слезой, и у Виктора сжалось сердце. Он хотел остановить её, отбросить прочь столик и нож, но знал, что это пьесой не предусмотрено.

Оми подняла чашку к губам и, осушив её двумя большими глотками, поставила на стол. Положив руки на бёдра, она обернулась к голокамерам.

— Комбанва. Я — Курита Оми. — Она остановилась, сделав глубокий вдох. — Я обращаюсь к вам из дворца Святилище Безмятежности. Здесь ждала я семь лет назад, пока мой брат, отец и дед бились с Дымчатыми Ягуарами, сокрушая попытку кланов отобрать у нас Лютьен.

Синхронный перевод Кая давал Виктору смысл слов Оми, но спокойная настойчивость её голоса не отвечала важности их значения. Она подчеркнула, где была во время нападения кла-

нов, чтобы установить связь между собой и аудиторией и напомнить, что она была с ними в тот день. Её интонация говорила людям, что она тоже страшилась и сомневалась, но одолела свои страхи и готова была разделить судьбу с воинами, защищавшими планету.

— И здесь, два дня назад, когда я с моим другом, принцем Виктором Дэвионом, вспоминала этот скорбный и торжественный день, три человека сделали то, что не смогли сделать кланы. Они прокрались безмолвными улицами Лютьена и через стену проникли в моё святилище. Они вошли в этот самый сад. — Оми показала на голокамеры, но подняла руку повыше, чтобы зрители не подумали, что она указывает на них. — Они пришли, чтобы убить меня. — Голос Оми упал до почти беззвучного шёпота. — Эти люди заявили, будто я нарушила предписания чистоты и гармонии. Они назвали меня шлюхой Дэвиона. Они пришли убить меня, и убили бы, ибо в тот вечер здесь я была без защиты. Я бы погибла, не будь здесь Виктора. Он был сильно ранен в этой битве, но сразил убийц, сразил той самой катаной, которую преподнёс ему мой отец в день прибытия на Лютьен.

Когда до Виктора дошёл перевод лжи Оми, он сумел сохранить бесстрастное лицо. Он знал, что убил лишь двух из троих нападавших. Оми своей рукой подобрала катану первого убийцы и обезглавила его товарища, склонившегося над трупом. Хотя предания самураев полны рассказами о женщинах-воинах и Оми не менее искусна, чем героини этих преданий, её образ в Синдикате как хранителя чести дома был слишком мягок и утончён для такого деяния. Никто не усомнился бы в её способности убить нападавшего, но эта реальность противоречила вымыслу, представленному её народу. — «Ради неё и ради меня эта ложь должна стать правдой».

— Виктор, который был моим защитником в эту ночь, стоит здесь как мой кайсяку. Мечом, которым он спас меня от убийц, он сейчас спасёт меня от бесчестья. — Оми подняла со стола клочок рисовой бумаги. — Он сделает так, что я почувствую боль лишь сердцем, но не телом. — Оми глядела прямо в голокамеры. — Убийцы сказали, что я нарушила заповеди чистоты и гармонии, и я не могу не предположить, что именно так подумали и вы. Я не могу вынести такое бесчестье, ибо это неправда. Мне больно — так, что не описать словами, — думать, что вы решите, будто я так мало считаюсь с вами, с нашим народом, с нашими традициями, чтобы нарушить заповеди по личным причинам. Я жила ради нашего Синдиката и продолжать жизнь могла бы лишь ради него. Если я не слуга вам — то я никто и ничто.

— Я не стану отрицать, что люблю Виктора Дэвиона. Много лет он был моим другом. Он рискнул подвергнуться гневу народа своего, чтобы по моей просьбе спасти моего брата Хохиро из рук кланов на Теньенте. И всегда Виктор был человеком чести. То, что делили мы сердцем и умом, мы не позволили себе разделить телом. Наша любовь не нарушила чистоту, она определила чистоту.

Оми подняла подбородок, обнажая горло, чтобы зрители видели белую кожу, которую сейчас вспорет tanto.

— Не была наша любовь и дисгармоничной. Я целиком и полностью подчинялась велениям отца моего. Ценой, которой потребовал от меня отец за право просить Виктора о спасении Хохиро, был мой полный отказ от общения и переписки с Виктором. Я повиновалась, хотя каждый день этого запрета уносил частичку моей души. Я пошла на то, чтобы это выдержать, дабы Синдикат не лишился моего брата, чтобы у Дракона остался наследник. Таково было мое место, таково было мое назначение, и я повиновалась ему.

— Это мой дед, Такаси-сама, снял запрет. Этим он одобрил и поощрил чувства, которые я питала к Виктору. Никто и никогда не сможет сказать, что мой дед позволил бы своей внучке опозорить себя или свой народ. Он знал меня. Он знал, как я поступлю, он знал, что может мне довериться, и я никогда не совершу ничего, что покрыло бы мой дом позором. Мой отец понял мудрость своего отца и не восстановил запрет, унаследовав трон Дракона.

Оми опустила правую руку и взяла tanto, обернув рукоять рисовой бумагой. Три сантиметра лезвия остались свободными. Продолжая говорить, она медленно подняла сталь к горлу.

— Стыд, который я испытываю, позор, который я не могу пережить, — в том, что я каким-то образом позволила вам поверить, будто поставила себя выше своего народа. То, что вы можете

так подумать, указывает на какой-то недостаток в моём характере. Я не могу его исправить, ибо, если бы могла, зачем было подсыпать ко мне убийц? Я всегда старалась представлять ваши надежды, мечты, желания и честь — и не смогла этого. Искупить такой провал можно лишь одним способом.

Виктор заметил едва уловимую дрожь руки Оми, когда она поднесла лезвие к шее. Она приставила остриё, и Виктор выхватил катану из ножен. Сомкнув левую руку на рукоять, правой он поднял лезвие. Ему предстояло ударить быстро, обезглавив Оми одним ударом ещё до того, как боль от разрезанного горла отразится на лице.

Миллиметр за миллиметром приближалось остриё танто. Виктор ждал, левая рука была как свинцовая, боль в груди стала распространяться, подобно року. Дрожи в руке Оми, прижавшей остриё к коже и чуть вдавившей его, вторили собственный трепет Виктора, отчего лезвие чуть колебалось в воздухе.

В какой-то миг лезвие в руке Оми перестало дрожать, и Виктор понял, что Оми набралась решимости довести сэппуку до конца. Какой-то голос в душе кричал, что это безумие, но клинок в руке Виктора застыл, и принц был готов исполнить свой долг. — «Мой долг — выразить ей сочувствие». — Несмотря на раны и слабость, он знал, что ударит чисто, быстро и сильно. Пусть у него сердце разорвётся, но Оми он не подведёт.

— Ииэ!

Крик Теодора от дверей дворца прояснил разум Виктора. Хотя вмешательство координатора ожидалось, было записано в сценарии, Виктор думал, что оно случится раньше. И только когда Теодор вышел в сад, и камень захрустел под его твёрдыми шагами похоронным маршем, Виктор понял, что и его и Оми увлекла эта драма. Они были готовы сыграть роль до конца. — «Мы уже не играли роли, мы проживали их. Теодор мог прервать нас в любой момент, но ждал до тех пор, пока даже у нас не осталось сомнений в нашей искренности и решимости».

Подняв левую руку, Теодор опустил меч Виктора. Потом повернулся и вынул танто из руки Оми, оставив её сжимать чистый лист белой бумаги. Оглядев лезвие, координатор с отвращением швырнул его вниз. Танто воткнулся в лаковую поверхность стола, бутылка сакэ опрокинулась, чашка, вертаясь, упала на землю.

— Я — Дракон, и я запрещаю тебе сэппуку на двадцать четыре часа. — Он взмахнул правой рукой, призывая Оми к молчанию. — Тот стыд, который ты возложила на себя, — не твой. Этот стыд, это желание думать худшее о тебе и о Викторе-сама, должен пасть на узколобых людышек, которые привязали себя к безвозвратному прошлому. — Теодор развёл руками. — Доказательство их глупости — день, в который они на вас напали. Кто из нас может забыть, что в этот день здесь были кланы? В этот день по Лютьену текли реки крови преданных сынов и дочерей Синдиката. В этот день наёмники, присланные Хэнсом Дэвионом, проливали свою кровь вместе с нами, защищая Лютьен. Этот день был переломным днём вторжения кланов. Это был день, когда мы доказали, что кланы можно победить, но считать этот день окончательным поражением кланов — значит жить в мире фантазии.

— Эти люди могут сказать, что это я, мой отец, мои сыновья и дочь живём в мире фантазии, потому что доверились Дэвионам. Давайте рассмотрим эту мысль. Мы с Хэнсом Дэвионом договорились, что войска Дэвиона не войдут в Синдикат, пока нам грозят кланы. Хэнс Дэвион соблюдал это соглашение и прислал наёмников — единственные имевшиеся в его распоряжении силы, которые могли прилететь на Лютьен без нарушения договора, — чтобы они бились с нами против кланов. Потом войска ФедСода действительно вошли в Синдикат, но по просьбе моей дочери и с моего разрешения, чтобы спасти её брата из рук кланов. У нас не было войск, которые мы могли выделить для этой задачи, но Хэнс Дэвион, хотя и сам был осаждён, просил своего сына это сделать. Он рискнул своим сыном, чтобы спасти моего.

— И теперь Дэвион, здесь, на Лютьене, в этом святилище, которое хранило мою дочь, когда нашу планету разоряли кланы, на этом самом месте, в этом саду — Дэвион сразил трёх убийц, посланных моим собственным народом убить мою дочь. Дэвион рискнул своей жизнью, пролил свою кровь, чтобы спасти её, и чуть не погиб сам. Убийце, пронзившему его грудь катаной,

Виктор сказал: «Дэвиона убить очень трудно». Истинный воин, не уклоняющийся от долга, который может стоить ему жизни, Виктор Дэвион больше сделал, чтобы сохранить жизнь моей дочери, чем все мы вместе. — Разведённые руки Теодора сжались в кулаки. — Значит, нет доказательств вероломства Дэвионов. С тех пор как напали кланы, Дэвионы всегда были щитом семьи Курита. Они спасли Хохиро, они спасли Лютьен, и теперь они спасли мою дочь. Они хранили наш Синдикат и вместе с нами противостояли общему врагу.

— Эти люди ещё скажут, что я чем-то опозорил свою дочь, свою семью и весь Синдикат Дракона, позволив Оми связаться с Виктором Дэвионом. О том, какова была их любовь, вы слышали сейчас из её уст. Если же её заявление — недостаточное доказательство чистоты и силы их любви, посмотрите мне за спину. Посмотрите на раны на груди Виктора Дэвиона, на кровь на его кимоно. В его народе говорят, что нет любви выше, чем желание человека положить свою жизнь за другого. У нас доказательство любви — исполнение своего долга, чего бы это человеку ни стоило. Своими действиями Виктор Дэвион показал по обоим критериям, что он любит мою дочь. Он оказал честь Омико, и она ответила ему тем же, но их чувство долга, их уважение к чистоте и гармонии заставило их отказать себе в единении, без которого не могут их сердца и умы.

Теодор нагнулся и погладил Оми по левой щеке.

— Боль в их сердцах — наша вина. Они выполняют свой долг и живут в разлуке, но мы не показали им сочувствия. Легче ли было бы, если бы они не любили друг друга? Конечно, для нас, для всех нас — остальных, было бы легче, потому что мы тогда не были бы вынуждены заглядывать дальше природы того мира, в котором мы выросли. Их чувство было бы немыслимо всего десяток лет назад, но сейчас оно — предвестник будущего и отражение прошлого, когда мы все были едины, как едины сейчас, в составе Звёздной Лиги. Я сказал ранее, что прошлое не может вернуться; но оно может быть обновлено. Традиции, которые делают нас сильными, продолжат давать нам силу. Они дадут силу другим, как они дали Виктору силу, чтобы преодолеть убийц. Эти традиции дают нам основу, на которой может быть построено наше будущее.

Координатор свёл руки на пояснице.

— И те, кто напали на мою дочь, хотели нанести удар по этой основе. Думая, что охраняют наши традиции, они разрушали их. Если у них есть хоть какое-то уважение к нашим путям, к нашей истории, к нашей чести, они должны были сами нести свою ношу, не возлагая её на женщину, как бы сильна эта женщина ни была.

— И пусть не останется несказанным: единственная дисгармония, связанная с Виктором и Оми, — то, что они разлучены. Единственное пятно на чистоте — наш самообман, когда мы отрицаем глубину и красоту их чувств. Больше, чем капель крови он здесь пролил, дал Виктор доказательств, что он достоин моей дочери. Омико доказала, что достойна такой партии, как Виктор. Те, кто будут отрицать истинность моих слов, — беглецы из того времени, которого больше нет. У них один выбор: измениться и работать на новое будущее или умереть вместе с эпохой, которая их породила.

Теодор нагнулся и помог Оми встать. Он смахнул слёзы с её лица и помог ей вернуться во дворец, и тут же погасли огни голокамер. Пройдя мимо Виктора, Теодор и Оми даже не глянули в его сторону. Он понял, насколько они погружены в себя, и не пытался вмешаться. Вложив лезвие в ножны, он смотрел им вслед.

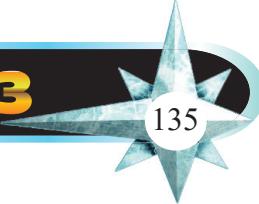
Только когда Кай слегка тронул его за плечо и вручил повязку для сломанной руки, Виктор понял, что уже не один.

— Спасибо, Кай. И спасибо тебе за перевод.

— Он не слишком удачен. Теодор сочетал очень вежливые термины с весьма вульгарными. Трудно было переключаться.

— И всё равно, ты отлично справился. — Виктор мельком посмотрел на белый гравий, тщетно высматривая следы крови от схватки. — Однако думаю, какие-то нюансы я упустил.

— Не сомневаюсь — ты же накачан болеутоляющими. Я тоже не уверен, что уловил всё, но в речи Теодора были кое-какие сильные намёки. — Кай почесал левую ладонь. — Он, в сущности,

сти, призвал Синдикат к новому национализму. И тебя с Оми он выставил символами этого национализма — гордого и самодостаточного, и в то же время воспринимающего помошь и союзников. Он не просил своих соотечественников отказаться от чувства превосходства, но намекнул, что использовать его для оправдания ксенофобии и мании преследования — неправильно.

— Выставил нас «символами»?

— По сути говоря, он воспользовался тобой и твоими чувствами, чтобы показать то лучшее, что несёт с собой это новое будущее. Твоё счастье будет счастьем нации, и твоя целеустремлённость в реализации этого будущего станет целеустремлённостью народа. — Кай замялся.

— Твоё и Оми будущее он использовал как инструмент, чтобы объединить для будущего свой народ.

Виктор заморгал, осознав последствия и неотъемлемый риск того, что сделал Теодор.

— И это получится, как ты думаешь?

— Только время покажет.

Виктор кивнул:

— А для этого «покажет» Теодор отвёл лишь двадцать четыре часа.

Через двенадцать часов на ступенях дворца Единства Теодора Куриты лежали головы трёх консервативных политиков. Никто не знал, как они туда попали, но все знали, почему это случилось, и этого было более чем достаточно.

30

*Дворец Единства
Город Империал, Лютьен
Пештский военный округ
Синдикат Дракона
13 мая 3059 г.*

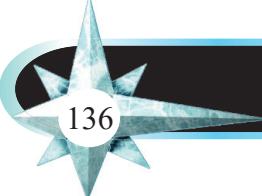
Виктор Иэн Штайнер-Дэвион поглядел на голограммическое изображение, медленно вращавшееся над центром стола для заседаний.

— Что ж, кажется, всё. Мы готовы выступить. — Он оглядел своих советников. — Осталось что-нибудь на последнюю минуту?

Поднял руку полковник Дэниел Аллард из «Гончих Келла», сидевший у дальнего конца стола.

— Я только хочу ещё раз уточнить приоритеты для частей, остающихся в резерве второй волны или усиления первой, если её силы встретятся с более сильным сопротивлением, чем ожидается. В операции «Бёрд Дог»⁵ у нас участвуют довольно малые силы, атакующие планеты для беспокойства Дымчатых Ягуаров до нашего прибытия. Почти все они на мирах первой волны, но роту Раймонда из Когделла вы посыпаете на Ямаровку, а туда мы сможем попасть

⁵ Операция «Охотничья собака» (Прим. ред.)

не раньше шести недель после них. Что делать, если придёт доклад, что их истребляют? Спасать или нет?

Виктор сощурился.

— Я не стану бросать их на гибель, если будет хоть малейшая возможность их поддержать или выручить, но и кидать войска в мясорубку тоже не собираюсь. «Гончие» и некоторые другие части первой волны остаются в резерве на случай, если Нова Коты передумают и надо будет предпринимать меры. Будут они выступать против нас или нет, станет ясно очень скоро. Если они не станут, то у нас будут ресурсы, которые можно будет бросить на Ямаровку или аналогичные цели.

— Пусть никто из вас не питает иллюзий: мы будем нести людские потери. Моя цель — минимизировать их, и наша операция «Бёрд Дог» свяжет какие-то силы ягов. Эти войска не будут стрелять в нас на других мирах, и тогда мы достигнем своих целей и пойдём дальше. Надо бить сильно, бить быстро и двигаться дальше — как поступали кланы, когда нападали на нас. Мы хотим, чтобы они отвечали на наши действия, а не мы на них. Такую войну мы однажды уже проиграли, и повторять её не следует.

Регент по военным вопросам встал с места, которое занимал Виктор в начале брифинга, и заменил его во главе стола. Он улыбнулся Виктору, и принц почувствовал такое удовольствие от выполненной работы, которое со смерти отца не испытывал. — «Я был рождён для этой работы, и сейчас посвятил себя ей».

— Благодарю тебя, Виктор, за обзор нашей доктрины и задач. Я не в силах достаточно подчеркнуть, что ключ к нашему успеху — это единство цели и побуждений. Все наши операции — многонациональны, но войска наши все пойдут под знаменем Звёздной Лиги. — Регент улыбнулся. — Силы маршала Хасека-Дэвиона уже тронулись в свой долгий путь к Хантресс, так что мы во многих смыслах как собака, охотимся для них на птичек. Координатор Курита, вы хотите что-то сказать?

Теодор Курита встал со своего места в середине стола.

— Синдикат Дракона — нация, посвятившая много трудов соблюдению кодекса поведения и чести, который мы называем бусидо, или путь воина. Для тех из вас, кто воевал против нас, бусидо — это то, что превращало наших воинов в неумолимых врагов. Пощады не просят и не дают, но деяния героизма, доблести, самопожертвования и храбрости ценятся выше той степени, которую вы сочли бы нормальной.

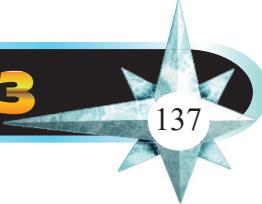
Координатор посмотрел на Дэна Алларда.

— Полковник Аллард и «Гончие Келла» имеют большой опыт конфликтов с Синдикатом, но они были в составе тех сил, что пришли нам на помощь, когда кланы вторглись на Лютьен. Такой ответ дружбой на вражду нам достаточно чужд, и даже сейчас мой народ с трудом может это понять, но совместные усилия этой большой оперативной группы для изгнания кланов с миров Синдиката — за это они весьма благодарны. Короче говоря, пусть они и не поймут, почему вы здесь, но ваши усилия встретят уважение, благодарность и поддержку.

— Я лично понимаю ту жертву, которую приносите все вы. Эта жертва приносится ради блага всего человечества, но непосредственную выгоду получит Синдикат. Хоть этого и недостаточно, я предлагаю вам и вашему народу мою благодарность и клянусь, что с этого момента ваши труды и жертвы на благо нашего Синдиката никогда не будут забыты.

Присутствующие лидеры по примеру регента по военным вопросам встали и зааплодировали словам координатора. Виктор тоже присоединился, искренне аплодируя как из-за сказанных слов, так и потому, что уже видел, как начал меняться Синдикат. — «Мой отец никогда бы не поверил, что это может случиться».

За четыре с половиной месяца после ранения Виктор погрузился в культуру Синдиката. Сначала это погружение было связано с тем, что ему не имелось альтернативы. Его выздоровление считалось для Синдиката делом чести. Принцу выделили покой во дворце Святилище Безмятежности, приставили круглосуточный уход. Он резко улучшил своё владение японским, поскольку большинство приставленных слуг не говорили ни по-немецки, ни по-английски. Вик-

тору выдали одежду воина Синдиката, кормили его кухней Синдиката, выбирая блюда, которые должны были восстановить гармонию его организма и вылечить раны, нанесённые убийцами.

Даже восстановление физической формы проводилось согласно принятой в Синдикате практике. Виктора обучал личный учитель Хохиро боя на мечах. Инструкторы спецназа ЭУКД заставляли его выполнять восстановительные упражнения, и даже Минору, младший брат Оми, учил его упражнениям, где движения тайцзицюань сочетались с распевами и сложным переплетением пальцев для укрепления духа. Виктор отказался бы от вклада Минору в своё восстановление, если бы не настойчивость в глазах юноши, и ещё Минору сказал, что знает о разговоре Виктора с Такаси Куритой, хотя сам Виктор никому об этом не рассказывал.

Через месяц интенсивного лечения Виктор вернулся к своим обычным обязанностям. В основном они состояли в поездках с Лютьена на различные планеты, которые намечались в качестве плацдармов для наступления. Войска Синдиката были на острие каждого удара, а силы ФедСода, КомСтара и других государств Внутренней Сфера пред назначались для подкрепления — и для того, чтобы вся кампания выглядела операцией Звёздной Лиги. Такие войска, как Волки Фелана и различные наёмники, участвующие в наступлении, все были в первой волне назначены на роль резерва. Им предоставлялась возможность отличиться во второй волне.

Виктор нашёл, что командиры частей и соединений — достаточно прямо указавшие, что прибыли воевать и хотят в бой, — понимали необходимость предоставить Синдикату право идти впереди, если эта необходимость объяснялась в терминах сложной общественной структуры Синдиката.

Сам Виктор всё лучше и лучше понимал Синдикат, и потому с военачальниками Синдиката ему стало куда легче общаться. Там, где раньше он отдавал приказ и ждал его выполнения независимо от того, чего там желал местный командир, теперь он понимал возможные трудности и умел сгладить их раньше, чем они могли превратиться в проблемы. Он смог объяснить командирам, что важно дать задачу в каждой операции и войскам не из Синдиката, потому что они тоже заботятся о своей чести. Не один синдикатский военачальник понял, что так поступать мудрее, чем ставить свои войска в положение, когда их надо будет спасать. «Лучше поделиться славой войны, чем жить с позором поражения», — научился говорить Виктор, и эти слова пользовались успехом.

Перемены в умонастроении самого Виктора происходили не без помощи Оми. Она следила за всеми мелочами при его выздоровлении, спокойно настаивая на том, чтобы всё делалось так, как надо. Если бы не она, Минору никогда не был бы допущен к Виктору, и медики ФедСода взяли бы лечение полностью на себя, а не ограничились бы ролью консультантов. Скорее всего, слуги у Виктора были бы двуязычными — во всяком случае, они говорили бы с ним на языке, отличном от японского.

Но Виктор сознавал, что его врастание в культуру Синдиката — вопрос выживания не только его, но и Оми. Теодор сказал своему народу, что Виктор достоин его дочери, но эти слова должны быть подтверждены приёмом, который окажет Виктору народ Синдиката. Если он не сумеет добиться их симпатии, его отвергнут, и Оми действительно будет считаться осквернённой и опозоренной. Чтобы этого не случилось, и чтобы увеличить шансы операции на успех, Виктор погрузился в жизнь Синдиката.

Когда он ещё был слаб, Оми следила за уходом за ним. Она помогала на перевязках, следила, чтобы он вовремя принимал лекарства. Ещё она следила, чтобы он не пропускал занятий лечебной физкультурой, выбирала для него одежду и руководила приготовлениями к поездкам. Часто Виктору казалось, что Оми находит решение проблемы раньше, чем он сам вообще видит проблему.

Когда он выздоровел, когда срослись кости и зажили раны, барьер, который поставил между ними его ранение, рухнул. Виктор как сейчас помнил ту первую ночь, когда она пришла к нему, скользнув в темноте под одеяло.

Казалось, будто тело её охвачено огнём, и, когда Оми прижалась к Виктору, тепло стало переливаться в него. Он помнил, как гладил её тело, кожу, такую гладкую, что ему как-то стыдно

стало за свои рубцы шрамов на груди и на спине. Поцелуями и лаской Оми показала ему, что они её не смущают, что её интересует не кожа, а человек, находящийся внутри неё.

В ту ночь их любовь была тороплива, будто они боялись, что вернутся убийцы, чуть не лишившие их счастья. Неловкости — стиснутые зубы, не туда попавший локоть, неуклюжее колено — вызывали нервный смех и извиняющийся шёпот. От таких неловкостей переживание было не таким совершенным, но почему-то более интимным. Совершенство подобало соединению принца Федеративного Содружества и хранительницы чести дома Курита. Неуклюжая, игравая и страстная — такова была любовь двоих людей, и той ночью они и были всего лишь людьми, хотели быть. Титулы не обогащают ощущений и потому были отброшены вместе с простынями в горячке мгновения.

После этого они старались всегда ночевать вместе, как только оказывались в одной звёздной системе. Они полностью наслаждались обществом друг друга, и тяга быть вместе связывалась у них не только с желанием испытывать физическую сторону любви. Простые прикосновения, полуночные поцелуи, шёпотом рассказанные сны, даже шутливое перетягивание одеяла раскрывали каждому из них истинную душу другого. И так бывало и тогда, когда они бывали вместе за пределами спальни.

Не раз Виктор ловил себя на том, что говорит или делает что-то такое, что бывало между его родителями в семейном кругу. Он удивлялся, как много живёт в нём от отца и матери, и в то же время видел, насколько стал самостоятельной личностью. Он понял, какого поведения хочет от себя добиться, и сделал многое, чтобы изменить себя к лучшему — ради Оми и ради дела своей жизни.

Кто-то хлопнул его по спине. Виктор моргнул и очнулся от мечтаний.

— Прости, Кай, ты что-то сказал?

Друг улыбнулся:

— Я должен был сам понять. Мне знаком этот остекленевший взгляд.

Принц покраснел, радуясь, что в зале совещаний никого не было, кроме него и Кая.

— Я в таком плохом состоянии?

— Я видел и похуже.

Виктор прищурился:

— Кажется, я вспоминаю, как ты страдал по одной женщине в Новоавалонской военной академии, когда я туда перевёлся.

— Верно. Венди Сильвестр. — Кай медленно кивнул. — Она сейчас в Дэвионской Тяжёлой гвардии.

Виктор задумался, потом тоже кивнул:

— Командант Венди Карнер. Несколько лет назад она вышла замуж.

Кай улыбнулся:

— Да, и можешь себе представить — за поэта.

— Тебе это кажется забавным?

— Да нет, я думаю, это отражает перемены в её мышлении. Ломает семейную традицию, как и твой выбор возлюбленной. — Кай пожал плечами, но улыбаться не перестал. — Я за неё рад так же, как за тебя.

— Отлично. — Виктор нахмурился и опустил глаза. — Тогда, может быть, ты согласишься сделать мне одолжение?

— Скажи только какое.

Виктор пожевал нижнюю губу и вновь поднял глаза.

— Ты, Морган и вообще почти все в оперативной группе расстались с любимыми. Мне никогда этого делать не приходилось. Не было никого, кого я любил бы по-настоящему, и теперь я не знаю, что сказать.

— Понимаю. Штампы вроде «завтра я могу погибнуть» верны, но им недостаёт искренности. Всё остальное преуменьшает опасность, а это фальшиво и опошляет страх, который будет испытывать остающийся дома.

— Ты явно это обдумывал.

— Дейрдра большая реалистка, так что, общаясь с ней, лучше всего смотреть правде в глаза. — Кай положил руки Виктору на плечи и поглядел прямо в глаза. — Важно одно: поделись с нею тем, что у тебя на сердце. Помни, что у тебя может не быть другой возможности сказать ей, что ты чувствуешь, а то, что ты сейчас скажешь, — может быть, последнее, что она о тебе запомнит. И ещё важнее: твои слова будут поддерживать её в те долгие ночи, когда она будет гадать, жив ли ты или погибаешь на каком-нибудь безвоздушном планетоиде.

— Ты мудрый человек, Кай Аллард-Ляо.

— Знаешь, Виктор, на самом деле нет. — Кай улыбнулся. — Будь я мудр по-настоящему, я бы давно уже придумал способ решить вопрос с кланами, чтобы нам никогда не надо было расставаться с любимыми.

* * *

В этот вечер Оми ждала Виктора в саду дворца, и вся сцена была залита живым светом сотен свечей. Виктор удивился, увидев её в саду, поскольку это место было связано с мучительными воспоминаниями. — «Счастье, которое мы узнали, родилось в других местах этого дворца».

Она повернулась к нему, услышав хруст его шагов по гравию, и так небрежно смахнула слезу, что Виктор еле заметил это движение.

— Комбанва, Виктор-сама.

Он наклонил голову и протянул ей безупречную голубую розу, которую нашёл в Империале.

— Эта роза должна плакать, ибо её красота бледнеет рядом с твоей.

Оми улыбнулась, грациозно принимая цветок.

— Ты бесконечно добр.

— Мне стыдно, насколько я отстаю в этом от тебя. — Виктор протянул руку, предупреждая её ответ. — Я должен кое-что тебе сказать и боюсь, что никогда не смогу этого сделать, если ты не дашь мне говорить, так что, прошу тебя, выслушай мои слова.

Оми кивнула и села на побелённую каменную скамью.

Виктор стал расхаживать по саду, но остановился, потому что хруст камешков под ногами напомнил ему лязг разбитой брони мехов во время перехода войск.

— Оми Курита, я люблю тебя так, как полагал невозможным вообще кого-нибудь любить. Я хотел бы быть поэтом, чтобы писать сонеты для тебя, или художником, чтобы писать для тебя картины. Я воин, я этим горжусь, но покляться ради тебя сражать врагов — кажется, это неподходящий знак любви, хотя это именно то, что я буду делать. Я буду биться с кланами, потому что они желают уничтожить тебя и всё, что тебе дорого. Этого я не допущу.

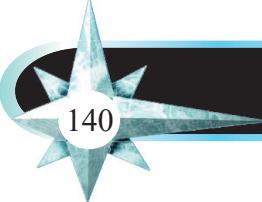
— В этом саду, в ту ночь, я был готов умереть, чтобы спасти тебя. Когда я лежал там, на полу, и увидел тебя в окровавленном кимоно, я подумал, что ты убита, и обрадовался, что мы будем вместе в смерти. Теперь я знаю, что ты значишь для меня больше, чем сама жизнь, и я никогда бы не хотел разлучаться с тобой. Это не то чтобы мы с тобой были половинами единого целого, потому что каждый из нас больше любой половины, а то, что мы составляем с тобой вместе, — это почти невероятно. Я не могу представить себе более совершенной жизни, чем жизнь с тобой. — Виктор глотнул, пытаясь убрать ком из горла. — И насколько я не хочу покидать тебя, настолько я должен это сделать. Я принесу эту жертву, потому что это единственный способ сделать так, чтобы мы никогда не разлучались снова. Прости меня. Не забывай меня, не страшись за меня, и я вернусь.

И снова Оми медленно кивнула, подняла глаза от орошённой слезами розы и одарила его улыбкой.

— Я верю тебе, Виктор, потому что знаю, что ты не солгал бы мне. И я лишь потому могу отпустить тебя, что знаю: ты вернёшься.

Она показала розой в сторону дворца.

— Когда я увидела, как ты лежишь там в собственной крови, я почувствовала, как уходит из меня жизнь. У меня оставалась только одна причина жить дальше — проследить, чтобы жил

ты. Если бы ты умер, я бы умерла вместе с тобой, и мы были бы едины в смерти. — Оми встала и развела руки в стороны. — В ту ночь я пригласила тебя в этот сад, ибо здесь было моё убежище. Здесь ты сохранил мне жизнь и рассудок во время вторжения кланов на Лютьен. Здесь, в ту ночь, ты снова спас меня от сил, желавших моей гибели. С тех пор мы оба избегали этого места, потому что оно приобрело оттенок зла. Сегодня, в канун твоего отъезда на величайшую войну за всю историю человечества, я попрошу тебя о маленьком одолжении.

— Всё, что ты попросишь, я сделаю.

Оми, перебирая пальцами, медленно развязывала пояс своего кимоно.

— Раньше, чем ты освободишь наши миры от кланов, помоги мне освободить это место от зловещих воспоминаний, которые не хотят покидать его. Когда ты уедешь, а я буду приходить сюда, я хочу помнить этот сад как место любви и жизни, а не ненависти и смерти. Люби меня здесь, Виктор Дэвион, стань здесь моим убежищем, и я сохраню память об этом до твоего возвращения.

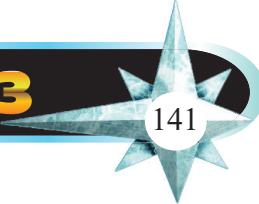
31

*Равнины Рагнарёка, Асгард
Зона оккупации Дымчатых Ягуаров
27 мая 3059 г.*

Командант Венди Карнер хоть и сидела в бронированном корпусе «Девастейтора», остро чувствовала свою уязвимость. Странно, но это чувство не было связано с открытой позицией её батальона в предгорьях Убежища Одина, переходящих в равнины Рагнарёка. Батальон боевых мехов Дэвионской Тяжёлой гвардейской ПБГ занял эту позицию по вполне конкретным причинам, когда наступила ночь, и Венди знала, что мудрость или безумие этого решения будет проверена ещё до рассвета.

Чувство уязвимости, как понимала Венди, порождалось тем, что от меха исходил запах нового. Она даже припомнить не могла, чтобы когда-либо была в мехе, где пахло новизной. Начинала обучение она на семейном агромехе, и во всех последующих мехах, от машин Новоавалонской военной академии и даже в войне с кланами, ей приходилось воевать в машинах куда старше её самой. А до того, как ей приписали «Девастейтор», она воевала на том самом мехе, который pilotировала её мать, а до того дедушка во времена службы в Тяжёлой гвардии. Венди понимала, что новый — не значит «плохой» и конструкция у этого меха удачная, и всё равно не могла привыкнуть к своему «Девастейтору».

Впрочем, несмотря на все предчувствия, Венди нравился этот десятиметровый широкоплечий боевой мех. Ей несколько мешало отсутствие у него кистей рук, но, поскольку обе руки кончались дулами гаусс-пушек, с этим дефектом можно было мириться. По обе стороны груди под средними лазерами у меха были установлены пушки-излучатели частиц. Ещё два средних лазера монтировались на голове и точно над хребтом машины, что позволяло стрелять по находящим-

ся сзади целям. Ещё мех гуманоидной формы обладал мощной бронёй, то есть не только был способен поражать цели на дальнем расстоянии, но и сам мог выдержать интенсивный обстрел.

Венди была более чем уверена, что предстоящая перестрелка не будет продолжительной. — «Но недостаток длительности будет искупаться избытком интенсивности», — предположила она.

Вторжение на Асгард удалось произвести с неожиданной лёгкостью. 4-й драгунский Ягуаров состоял из единственного кластера фронтовых боевых мехов кланов. Все силы его состояли из шестидесяти боевых мехов, что было примерно половиной от числа мехов Тяжелогвардейской ПБГ. По всем признанным критериям это означало приблизительное равенство сил.

Правила военной науки требуют, чтобы атакующие силы не менее чем втройне превосходили силы обороны — тогда можно достичнуть победы с приемлемыми потерями. По этой причине в силы Звёздной Лиги, развернутые на Асгарде, входили боевые единицы масштаба полка из Синдиката и из КомСтара. 3-й Прозерпинский гусарский полк находился на острие атакующих сил Синдиката, и его усилили два батальона 3-го Бенджаминского регулярного. Их включили в состав сил атаки, поскольку именно этот полк сдал планету Ягуарам и отчаянно рвался отвоевать обратно планету и свою честь. КомСтар дал 278-ю дивизию, элитную часть, расквартированную в Расальхаге.

В момент прибытия сил Звёздной Лиги в систему Асгарда 4-й драгунский кластер Ягуаров стоял в Вернане, самом крупном городе южного континента Асгарда. Тай-са Ангус Мактиг хотел связать их боем именно там, поскольку 3-й регулярный был в 3052 году вытеснен из Вернана в Убежище Одина и потом на равнины. Ягуары предупредили этот шаг, оттянувшись из города в скалистые горы Убежища. Тогда Мактиг развернул силы комгвардии к югу от горных цепей, и пустил за ними Дэвионскую Тяжёлую гвардию, чтобы она заняла южный путь отхода с гор, а силы Синдиката ударили на Ягуаров с западных предгорий, по тем самым дорогам, по которым яги гнали 3-й регулярный семь лет тому назад.

— Молот-один, вызывает Даниэль-семь.

Венди включила свой микрофон:

— Говорите, Даниэль-семь.

— Пассивные детекторы обнаружили движение на пути вниз. — Дозорный пехотинец на миг замолчал. — Противник перемещается в сектор двадцать три — тридцать шесть.

— Двадцать три — тридцать шесть, поняла вас, Даниэль-семь. Вы отлично справились. Теперь убирайте своих людей с дороги Ягуаров.

— Есть, командант! — Нескрываемое облегчение слышалось в этом ответе. — Отходим.

— Поняла вас, седьмой. И поживее, там сейчас будет горячо. — Венди переключилась на тактическую частоту батальона. — Молот-один — батальону. Приближение противника. Численность и вооружение неизвестны, но враг идёт через сектор два-три-три-шесть. Огонь без команды не открывать.

Нажав несколько кнопок на пульте коммуникатора, Венди вызвала полковую артиллерию.

— Говорит Молот-один. Прошу заградительный огонь на сектор двадцать три — тридцать шесть, «два-три-три-шесть», через минуту. Повторяю, через минуту. Второй залп — через тридцать секунд после первого.

— Понял вас, Молот-один. Будете в очереди первой.

Венди снова переключилась на тактическую частоту батальона.

— Ну, молотки, сейчас мы их поджарим.

Она глянула на голографический экран датчика, висящий в воздухе у неё перед лицом. На этом экране круговой обзор в триста шестьдесят градусов сжимался в дугу сто шестьдесят. Золотистые полоски по обе стороны изображения обозначали дугу обстрела для направленного вперёд оружия. Венди быстро ввела коэффициент увеличения и переключила прибор в режим ночного освещения, чтобы максимально воспользоваться светом заходящего солнца.

Вдали, далеко за пределами досягаемости её оружия, появилась группа из восемнадцати боевых мехов. Они несли на себе пятнистую окраску, излюбленную Дымчатыми Ягуарами,

но она почти вся уже облезла с брони мехов. Эти машины явно побывали в адской битве, и, если верить полыхавшим у вершин Убежища Одина вспышкам, бой и сейчас яростно там кипел.

Хотя первый батальон не пытался скрывать своё присутствие, даже вызывающее выстроился на холмах на фоне неба, но, когда он привёл в готовность свои датчики, Ягуары получили неоднозначное сообщение, что гвардейцы не собираются торчать здесь простыми наблюдателями. Включить датчики — это вызов, подобный тому, который делали древние рыцари Терры, бросая перчатку.

Но здесь была одна проблема: боевые мехи кланов могли стрелять на таком расстоянии. Удар их не будет сильным, но кое-какой вред принесёт, и главное — останется безнаказанным, поскольку отстреливаться гвардейцы не смогут. Может быть, такое поведение и неспортивно, но Венди давно знала, что насчёт честной игры на войне беспокоятся лишь те, кто никогда не видел боя, и таких бедолаг прихлопывают, когда они не могут отстреливаться.

Она включила микрофон.

— Спокойно, ребята. Они до нас доберутся там, где хотим мы.

Используя дальновидность своего оружия, яги рассыпались цепью и открыли огонь по гвардейцам. Зелёные полосы когерентного света из больших лазеров прорезали тьму и ударили в корпуса мехов гвардии. С турелей клановских мехов взлетели РДД, воздух наполнился дымом и огнём. Две группы ракет попали в «Девастейтор» Венди и разлетелись на броне на груди и на левой лодыжке меха. Боемех содрогнулся, но повреждений практически не получил.

По радио послышались доклады о повреждениях, но никто серьёзно не пострадал. Дэвионская Тяжёлая гвардия воевала на не самых больших из существующих, но впечатляющих боевых мехах, и, чтобы свалить такого, нужно куда больше одного разрозненного залпа. — «Похоже, что Дымчатые Ягуары держатся своих традиций чести и бьют по отдельным целям, вместо того чтобы соединить всю свою огневую мощь и подбить кого-нибудь одного из нас». — Венди даже могла бы счесть такой образ действий благородным, если бы он не был ещё и глупым и не вызывал у неё скорее жалость, чем восхищение.

Она поймала в перекрестье прицела коренастого меха, у которого из массивных рук торчали металлические когти. Компьютер нацеливания не показал захват цели, но сообщил, что взятый в перекрестье мех — «Кадьяк». Венди улыбнулась. — «Отлично, значит, яги воюют на «Кадьяках». У нас будет опыт борьбы с ними, когда мы пойдём на охоту за Призрачными Медведями».

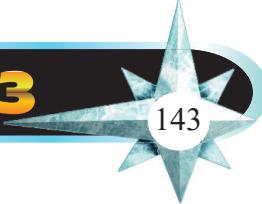
Первый залп заградительного огня артиллерии обрушился на Ягуаров, когда они готовились ко второму дальнему залпу по гвардейцам. Сначала хлопнуло несколько слабеньких взрывов, и потом весь сектор залило красно-золотой пеленой. Казалось, что взорвался сам воздух. Через миг рокочущий рёв удара достиг гвардейцев, и Венди нахмурилась. — «Нельзя так уничтожать людей. Но пусть лучше они погибнут так, чем придут сюда и будут убивать моих солдат. Такой вариант мне почему-то кажется неприемлемым».

Из кипящего дыма вынырнули уцелевшие мехи кланов. Удар артиллерии проредил их на треть, выведя из строя более мелкие и уязвимые машины, но тяжёлые пёрли, лязгая, в бой. И они шли по пологому подъёму туда, где ждали их гвардейцы. Полыхали в сумерках выстрелы их оружия, и кошмарные силуэты мехов вспыхивали на миг и вновь проваливались во тьму.

— Гвардейцы, огонь!

Венди опустила прицел на контур «Кадьяка». Она не знала, тот ли это, который она уже видела, но ей это было совершенно безразлично. Секунду в середине экрана пульсировала золотая точка, потом Венди дала залп из спаренных пушек Гаусса «Девастейтора».

Из дул вырвались два серебристых шара и ударили в «Кадьяка». Оба сверхзвуковых снаряда поразили меха в левый бок. Один стряхнул тонну брони с левой руки, а другой превратил броню левой голени в крошево хлопьев. Поражённый мех крутнулся влево от двойного удара, и Венди на миг показалось, что он сейчас свалится, но пилот оказался искусным и удержал свою машину на ногах.

«Кадьяк» ответил выстрелом большого лазера, смонтированного на груди. Зелёный луч зашипел, ударив в правую ногу «Девастейтора». Килоджоули энергии выжгли кипящую полосу на броне бедра, но всё равно нога осталась достаточно защищена, чтобы выдержать ещё несколько таких ударов. — «Много возможностей их нанести у тебя не будет», — пообещала Венди.

«Фэлконер» Фреда Мурэйна навёл оружие на «Кадьяка». «Фэлконер» с виду был как сломанный, потому что его тулowiще от бёдер клонилось вперёд, в отличие от прямой стойки «Кадьяка» или «Девастейтора». Мурэн говорил, что это затрудняет противнику попадание. Венди же знала, что выживание этого меха в гораздо большей степени обеспечивала огневая мощь, чем низкий профиль.

Пушка-излучатель частиц, встроенная в левую руку меха, плонула по «Кадьяку» зубчатой струёй голубой энергии. Энергокнут ПИЧ сбил броневые плиты с левой руки «Кадьяка», от полурасплавленных пластин ферроволоконной брони загорелась трава вокруг, а пушка Гаусса из правой руки «Фэлконера» ударила шаром прямо «Кадьяку» в грудь. Попав туда, где у человека была бы грудина, шар превратил броню меха в щебёнку, струёй потёкшую на землю.

«Кадьяк», подошедший уже на расстояние, где можно было задействовать всё его оружие, переключился на «Фэлконера». Венди сочла это бессмысленным, поскольку у «Фэлконера» не было повреждений, а главное — он с такого расстояния не мог нанести «Кадьяку» такого ущерба, как её «Девастейтор». — «Будто пилот оскорбился, что Тед вмешался в наш бой. Если так, то сейчас он вообще озвеет от обиды».

«Кадьяк» открыл огонь по «Фэлконеру» из всего, что могло действовать на такой дистанции, и это была весьма впечатляющая демонстрация огневой мощи. Мех вонзил оба кулака, пуская в ход смонтированные в руках средние лазеры. Из четырёх стволов в правой лапе три ударили в цель. Трио лучей прожгло полосы на броне тулowiща «Фэлконера» от бока до бока. Лучи, пущенные из левой руки, тоже набрали точность семьдесят пять процентов и смогли испарить броню «Фэлконера» на левой стороне груди, на руке и на ноге. Ни одно из этих попаданий не пробило брони и не повредило меха всерьёз, но потеря стольких броневых плит серьёзно нарушила его равновесие. «Фэлконер» закачался и рухнул на левый бок.

— Тед, вставай и убирайся из боя. Гвардейцы, после этого огневого обмена отходим!

Венди начала отводить «Девастейтора» назад, но не сводила перекрестья с «Кадьяком». Серебряный шар правой пушки Гаусса отскочил от груди «Кадьяка», усилив повреждения, нанесённые «Фэлконером». Второй серебристый снаряд ударил прямо в правую медвежью лапу противника, разметав броню серебристой вышкой керамики. Но пилот-клановец, несмотря на такие разрушения, держал машину на ногах и двигался вперёд.

Батальон Венди отступал в полном порядке. Быстро пробежал назад «Фэлконер» Теда, и «Девастейтор» Венди перевалил через гребень на противоположный склон холма. «Фэлконер» на её глазах развернулся и навёл оружие вверх, используя гребень холма как прикрытие. — «Они не могут не знать, что мы ждём их в засаде, но есть ли у них иной выбор, кроме атаки?»

Клановцы всей массой пёрли вверх по холму и через гребень. Инерция их была такова, что останавливаться было уже поздно. Если даже они и собирались это сделать, то никак подобного намерения не проявили и просто бросились вперёд, несмотря на то, что ждало их за гребнем.

В отличие от войск Синдиката, с которыми Дымчатые Ягуары схватились возле Убежища Одина, силы Федеративного Содружества придерживались доктрины использования всех видов оружия. Полковая боевая группа представляла собой не просто полк мехов и служб поддержки; это была боевая единица, действующая в соединении с бронетехникой, пехотой, воздушными силами и артиллерией. Артиллерия уже сильно проредила ряды боевых мехов кланов, а авиация очистила небо от штурмовиков противника. Сейчас отход боевых мехов заманивал кланы в долину, которую развёрнутая бронетехника ФедСода была готова превратить в долину смерти.

Хотя боевые мехи действительно являлись самой мощной системой оружия за всю историю человечества, бронетехника оставалось небесполезной. Сейчас полк бронемашин Тяжелогвардейской ПБГ окопался на обратной стороне холма и был готов открыть огонь. Когда собственные боевые мехи отойдут за их линию, им откроется обстрел почти в упор.

Первыми открыли огонь полдюжины тяжёлых танков «Алакорн», модель VII. На каждом были установлены строенные гауссовые пушки в башне, и два танка открыли огонь по подбитому «Кадьяку». Первый попал двумя выстрелами, одним разнеся в клочья броню на правой стороне груди меха, а другим распылив её на правой ноге. Второй «Алакорн» подбил мех ещё серьёзнее, поскольку его два снаряда попали в правый бок «Кадьяка». Остатки брони разбились, и второй снаряд пробил грудь машины. Из бока меха вырвался сноп металлических осколков, дым вторичного взрыва показался из дула автоматической пушки на груди «Кадьяка».

И всё же «Кадьяк» остался на ногах и в строю.

Венди навела на него пушки Гаусса и выстрелила снова. В «Кадьяка» попал лишь один серебряный шар, но он сорвал остаток брони с правой руки клановского меха, и тут тройка средних лазеров ударила как кинжалы. Один расплавил броню на левом боку, второй выжег часть броневых плит на левой руке, и последний попал в воронку, образовавшуюся на груди меха. Оттуда вырвался клуб перегретого пара, и «Кадьяк» содрогнулся.

«Попадание в гироскоп!» — Венди смотрела, как неуклюжая машина пытается устоять. Как бы ни был хорош пилот, он ничего не мог сделать без гироскопа, сохраняющего вертикальную стабилизацию меха. «Кадьяк» зашатался, размахивая руками, и свалился. Пилот попытался выставить правую руку, но напряжение переломило поддерживающие структуры, вырвав её из плеча, и отвалившаяся конечность покатилась вниз по склону, к ждущим гвардейцам, а «Кадьяк» рухнул в облаке пыли и жирного чёрного дыма.

Остальным клановским мехам повезло ещё меньше. Два штурмовых танка «Брут» спаренными большими лазерами превратили грудь небольшого меха «Ханкю» в клуб огня. Было невероятно, что такой лёгкий боевой мех так долго продержался. Когда зелёные лучи проплавили себе путь через его броню, зелёная же энергия хлынула из всех суставов, за ней повалил дым, и мех остановился, застыв на вершине холма с окутанным дымом туловищем.

Ещё один «Кадьяк» столкнулся с разбегу с двумя приземистыми «Пенетрейторами». Мехи Внутренней Сфера имели полдюжины средних импульсных лазеров каждый, и весь гигантский мех кланов оказался истыкан их смертоносными стрелами. Его броня превратилась в оплавленные куски металла, лазерная пробоина в центре огромного меха испустила чёрный дым, и клановский мех опрокинулся назад.

Венди подала свой «Девастейтор» вперёд и оглядела поле битвы. Мехи кланов были поврежены, одни дымились, другие горели, третьи лежали покорёженные, порой до неузнаваемости. Поднявшись чуть по холму, Венди нацелила перекрестье на «Кадьяка», который помогла свалить, и выпустила снаряд в его левый локоть. Выстрел разрушил сустав, отделив предплечье и положив конец безуспешным попыткам пилота поставить машину на ноги.

— Копья, слушаю ваши доклады.

По докладам выходило, что все мехи противника выведены из строя. Собственные потери батальона были незначительны. Почти все машины лишились только части брони, хотя три из них потеряли конечности, а один пилот погиб — в кокпит угодил снаряд клановской гауссовой пушки. Командир бронетехники сообщил, что его часть сохранила боеспособность, потери составили два танка, раздавленные упавшими мехами.

Венди переключилась на частоту полка:

— Молот-один вызывает базу.

— Докладывайте, Молот-один, — донёсся спокойный голос маршала Анны Адельмаро.

— Вошли в соприкосновение с противником и остановили его продвижение. Из Убежища вышли восемнадцать — один-восемь — мехов противника. Все они выведены из строя. Наши потери незначительны.

— Очень хорошо, Карнер, превосходно. Вы верны семейным традициям службы. Драки сейчас зачищаются Убежище, так что не исключены попытки прорыва отдельных групп. Оставайтесь на месте. Второй батальон направляется для перекрытия отступления наших друзей. Трофейные команды вскоре прибудут.

— Есть, маршал. Молот-один, конец связи. — Венди, заметив, что неудержимо улыбается, переключилась на тактическую частоту батальона. — Внимание, ребята! Занять позицию, выставить дозоры. Приготовиться пропустить наши силы, направляющиеся на преследование противника. Не расслабляться, но гордиться можно. Впервые после Тукайида Внутренняя Сфера показала кланам, что пусть они воюют хорошо — мы умеем воевать лучше.

32

Уолкомм

Свободная зона Синдиката Дракона

Зона оккупации Дымчатых Ягуаров

30 мая 3059 г.

Виктор протёр воспалённые глаза и снова посмотрел на голограммическое отображение данных, парящее над серединой чёрного стола в затемнённой комнате для совещаний. Красные и зелёные значки, буквы и цифры играли рождественскими огнями на комбинезоне цвета хаки регента по военным вопросам, и Виктор на секунду подумал, что в этом году для Внутренней Сферы Рождество действительно наступило раньше. — «Да, мы сосредоточили большие силы всего на пяти мирах, но всё равно исход почти невероятный».

Он наклонился над столом, опираясь на руки.

— Если бы мы в имитациях получили такой результат, то сочли бы, что работаем с ложными данными.

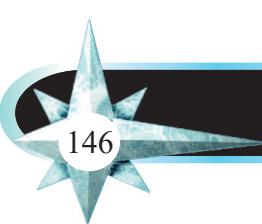
Фелан Келл, единственный присутствовавший, кроме Виктора и военного регента, кивнул.

— Имея подавляющее превосходство, можно справиться с противником быстро — это показал ещё твой отец. И мы не учли тот фактор, что драки изо всех сил рвались надавать Ягуарам по зубам. — Фелан показал на значок, изображавший планету Киамба. — Здесь Хохиро использовал Первый Кестрельский гренадерский и Третий полк Дракёнов, чтобы удержать хребет Коллинза, а потом его Первый «Гэнъёся» и 11-я дивизия комгвардии загнали 362-й штурмовой кластер в болота Гекаты. Ягуары слишком хорошо помнили фокус, который драки провернули, когда первый раз отбивали планету у Синдиката. Лезть в ловушку они не хотели, а потому ушли быстрее, чем надо было, и нарушили строй. Выбить с перевала гренадеров или Дракёнов они не могли и потому оказались на открытом месте, где «Гэнъёся» разорвали их в клочья.

Регент по военным вопросам согласно кивнул.

— На Таразеде 7-й драгунский Ягуаров попытался прорваться в заповедник Мозаичного каньона, надеясь заставить нас растянуть силы в лабиринте ущелий. Второй «Гэнъёся» оказался намного быстрее, чем драгуны считали возможным, и сильно потрепал их обозы. Третья Донеголская гвардейская ПБГ заняла позиции, отрезая драгун от заповедника, а тогда Кай со своим 1-м Сент-Ивским уланским полком соединился с гэнъёсцами и сожрал Ягуаров живьём.

Виктор улыбнулся:

— Ещё Кай заставил сдаться звезду боевых мехов, бросив вызов звёздному капитану соединения и победив в единоборстве. Похоже, он привязался к тому «Пенетрейтору», который начал пилотировать на Солярисе, и это пошло ему на пользу.

— Неудивительно, что Кай победил, — сказал Фелан. — И неудивительно, что яги поставили на кон звезду за возможность отличиться в бою.

Регент по военным вопросам нахмурился:

— Не улавливаю ход твоих мыслей, хан Келл.

— Это просто. На Асгарде мы загнали 4-й драгунский кластер, сперва заставив отступать по тому же пути, по которому отступали Бенджаминские регуляры семь лет назад. На Хайнере Второй полк Мечей Света разгромил Третий кавалерийский Ягуаров, оставив Первому Регуланскому гусарскому и вашей Девятой дивизии подчищать остатки. — Фелан показал на значок в дисплее, изображавший Порт-Артур. — Части Синдиката, направлявшиеся к Порт-Артуру, сопротивления не ожидали, но напоролись на 168-й гарнизонный кластер, который, судя по докладам, должен был быть на Лабре. Хотя Пятый Меч Света считается неопытным, он удержался в долине Зуавов, пока Семнадцатый Бенджаминский и Второй легион Веги прибыли с Дешлера и вышибли Ягуарам мозги.

Виктор приподнял бровь и поглядел на двоюродного брата сквозь голограмму.

— И ты хочешь сказать?..

— Я хочу сказать, что мы застали Дымчатых Ягуаров полностью врасплох. Предварительная информация, которая сейчас к нам поступает, показывает, что они даже не думали об обороне, вообще о возможности нападения на них. На вооружении омнимехов слишком много пусковых установок ракет и автоматических пушек, это для обороны не годится. Если бы меня спросили, я бы предположил, что они готовились к расширению — быть может, даже возобновлению своего вторжения.

Виктор выпрямился и сложил руки на груди.

— Для этого им был бы нужен новый ильхан.

— Вполне возможно. — Фелан небрежно улыбнулся. — Я думаю, они его уже выбрали, и полагаю, что он — Дымчатый Ягуар.

Фохт прищурил единственный серый глаз:

— Это догадки или у тебя есть информация от кланов?

— Вы хотите спросить, не скрываю ли я её от вас?

Виктор резанул руками воздух:

— Фелан, вопрос так не стоит. И регент, и я слишком хорошо тебя для этого знаем. Мы понимаем, что у тебя остались лазутчики среди Волков, и если эта информация пришла от них — тогда она достовернее, чем если ты просто прикидываешь для нас шансы кандидатов. Но к твоим догадкам на эту тему мы тоже отнесёмся очень внимательно.

Хан Волков кивнул, будто смягчился, но Виктор чувствовал, что за говорчивость ещё будет назначена своя цена.

— Что мне достоверно известно — это то, что ханы вернулись на Страну Мечты, чтобы избрать нового ильхана. В то время было всего три реальных кандидата на избрание, и то, что ни один из невторгавшихся кланов не стал просачиваться во Внутреннюю Сферу, заставляет предположить, что избрание произошло без сюрпризов.

— Эти три кандидата — Марта Прайд из Нефритовых Соколов, Влад Уорд из Волков и Линкольн Озис из Дымчатых Ягуаров. Я думаю, что избран Озис.

Виктор ненадолго задумался.

— Ты считаешь, что Волки и Соколы пока ещё недостаточно сильны, чтобы их ханы могли подняться до поста ильхана?

— Частично дело в этом. Вторжение началось при правлении Лео Шоуэрса из Дымчатых Ягуаров. После него ильханом стал Ульрик, но он согласился на Тукайдское перемирие и заставил кланы его соблюдать. Из-за этого кланы вряд ли выбрали бы ильханом Волка, и за спиной Влада ещё недостаточно опыта, чтобы ему поверили. То, что он убил временного ильхана

из Нефритовых Соколов, тоже не прибавляет ему надёжности в глазах других ханов, чтобы чувствовать себя спокойно.

— Он убил ильхана? — Виктор был потрясён. — Может, стоит познакомить его с моей сестрой.

— Я не знаю, — улыбнулся Фелан, покачав головой, — кого пришлось бы пожалеть в случае подобного союза. Но Влад действительно убил Элиаса Кричелла, сначала убив другого хана Нефритовых Соколов — Вандервана Чисту. Сейчас старший хан клана Нефритовых Соколов Марта Прайд. У неё прекрасная репутация, но она пострадала от компромисса при Ковентри. Она осмотрительна, разумна и потому захотела бы дать своим Соколам больше времени на восстановление после войны с Волками, прежде чем кинуться в бой.

Регент по военным вопросам потёр подбородок.

— Значит, остаётся Линкольн Озис. Кажется, я с ним незнаком.

— Вряд ли вы его знаете. Он не входил в свиту Лео Шоуэрса. Озис — элементал и стал истинным ханом после Тукайида, хотя и до того его называли ханом.

— Как это может быть? — нахмурился Фохт.

Фелан почесал затылок.

— Дымчатые Ягуары куда легче обращаются со словом «хан», чем другие кланы. Часто на время какой-нибудь операции ханом называют воина, проявившего себя отличным командиром в боевой ситуации. Но Озис, скорее всего, заслужил и этой чести, и своего избрания. Его возвышение — результат большой усердной работы и некоторой достаточно оригинальной тактики. — Хан Волков пожал плечами. — По моей оценке он что-то вроде гения тактики.

— Это не слишком хорошо. — Виктор снова стал разглядывать значки. — Наши планы строились с учётом предположения, что Ягуары более традиционны, чем, скажем, Волки, то есть мы против них сможем действовать гибко. Если командует Озис, это может вызвать серьёзные для нас осложнения.

— Виктор, постарайся в следующий раз слушать, что я говорю.

Принц нахмурился:

— Тогда повтори, пожалуйста, помедленнее.

— Я сказал, что Озис — гений тактики. Против нас это не принесёт ему особой пользы.

— Фелан показал пальцем на Виктора: — Ты разрабатывал стратегию и оперативные детали, но тактические решения оставил для полевых командиров. Почему?

— Потому что пытаться командовать каждым ударом на микроуровне — быстрый и верный путь к поражению. — Виктор вздрогнул. — Ладно, я понял твою мысль. В этой ситуации он вряд ли будет действовать удачно.

Регент по военным вопросам улыбнулся.

— И его трудности только возрастут, когда мы запустим нашу вторую волну.

— Согласен, — кивнул Фелан. — Учитывая, как удачно пока проходят наши атаки, вы не хотели бы сдвинуть график вперёд?

Виктор медленно покачал головой.

— Я бы с радостью, но сейчас этого делать нельзя. Наши операции по подготовке плацдармов и организации снабжения еле успевают, но мы не ожидали, что всё пойдёт так быстро. Поскольку речь идёт о переброске людей и техники за десятки — иногда сотни — световых лет, ускорить операции очень непросто.

— Но я думал... ведь цифры сбора и восстановления трофеев показывают, что мы захватили много техники и боеприпасов Ягуаров. — Фелан свёл брови, изучая плавающие в воздухе цифры. — Мы могли бы приставить их к делу.

— Согласен, и мы это делаем. Наши передовые части будут на сто процентов боеспособны, когда начнут выполнять следующие свои задачи, а оставленные гарнизоны будут укреплены оставшимися трофеями. Это значит, что я смогу начать снабжать третью волну раньше, и мы, вероятно, сможем запустить её прежде намеченного, но это будет, только если вторая волна добьётся такого же успеха, как и первая.

Виктор услышал нотку сомнения в собственных словах и пожалел о ней, но знал, что следует умерить свой восторг от успехов первой волны, иначе он станет ожидать нереальных результатов в будущем. Его работа требует рассчитывать на худшее и надеяться на лучшее. Организуя первую волну, он так и поступал; так он будет поступать и дальше, с каждой из последующих четырёх волн.

Взгляд Фелана затвердел.

— Я понимаю смысл твоих слов, но ты не можешь позволить себе такую зашоренность. Первая волна накрыла пять миров, вторая ударит на восемь — хотя я добавил бы к ним Никварн, Тёртл-Бэй и Лабрею. Результаты будут различными, но ты должен оценить набранную инерцию. Ты говоришь о том, чтобы ошеломить войска кланов на тактическом уровне, — но такое ошеломление будет как раз задачей для Озиса. Если же мы продолжим давить и во второй волне захватим миров вдвое больше — вот тут Озис будет в полной растерянности.

Принц сделал длинный вдох сквозь зубы.

— На Никварне в распоряжении противника — только кластер временного гарнизона.

— Полк Рюкэн-го готов выступить. — Фелан ткнул большим пальцем на дверь. — Им не терпится пострелять в ягов. 6-й легион Ань Тина здесь, на Уолкотте, опыта не приобретёт, и полк Красных улан Сунь-Цзы вполне может их поддержать ракетами дальнего действия, как и любую другую цель. Я знаю, что все они — часть твоего резерва, но они возьмут Никварн и более того — удержат его при контратаках.

— Могу согласиться. — Виктор прищурился. — Твой анализ не хуже, чем у дока Тревены.

— Док, Рагнар и я кое-какими идеями обменялись. — Хан Волков пожал плечами. — Когда я хочу продать тебе идею, я её могу красиво упаковать.

— Ладно, а кто берёт Тёртл-Бэй?

— Все три легиона Веги — 2-й, 11-й и 16-й.

— Легионы Веги? — нахмурился Виктор.

— Интересно получается, — с увлечением кивнул регент по военным вопросам. — На Тёртл-Бэй Дымчатые Ягуары уничтожили 14-й легион Веги — Хохиро Курита и Син Ёдама оказались среди немногих уцелевших. Им удалось спастись, вырвавшись из тюрьмы и подняв восстание. Дымчатые Ягуары ответили бомбардировкой планеты, чтобы сровнять с землёй её столицу Эдо. Отбирая Тёртл-Бэй обратно, легионы вернут и утерянную честь. Их победа также поднимет акции координатора, поскольку когда-то он командовал 11-ым легионом Веги.

Виктор на своём конце стола ввёл в компьютер запрос данных. В воздухе стало вращаться изображение Тёртл-Бэй, поплыли слова и цифры, но ничего в них не указывало на наличие любых войск кланов.

— Похоже, что здесь чисто, но так мы думали и о Порт-Артуре.

— На Порт-Артуре войска находились по другим причинам, — возразил Фелан. — Подозреваю, что яги не оставили гарнизона на Тёртл-Бэй, поскольку эту планету невозможно было утихомирить. Её население знало судьбу Эдо. Они знали, что будут мертвые, если Ягуарам этого захочется, так что ничего не теряли, сопротивляясь захватчикам. Чтобы подавить сопротивление, Дымчатым Ягуарам надо было бы перебить там всех до одного, так что они объявили планету усмирённой и отправились дальше. — Фелан почесал шею. — Мы её возьмём без боя, и не думаю, что Ягуары вообще попытаются её у нас отбить.

Виктор кивнул.

— Я могу проследить, чтобы её включили в список целей. Поскольку она была одной из первых захваченных кланами планет, такое быстрое её освобождение усилит потрясение противника. Но почему Лабрея? Ты считаешь, что она оставлена без защиты, потому что 168-й гарнизонный кластер, встреченный нами на Порт-Артуре, базируется на Лабре?

Фелан покачал головой:

— Войска на Лабре есть. И очень хорошие.

— Ты это знаешь или просто логически выводишь? — Регент по военным вопросам поднял руки. — Спрашиваю с полным уважением.

— Назовём это осведомлённой догадкой. — Фелан сложил руки на груди. — Единицы Дымчатых Ягуаров связаны системой взаимоотношений. Несколько похоже на то, как спортивные клубы держат сельские команды, снабжающие их новыми игроками, хотя у Ягуаров всё наоборот. 168-й гарнизонный кластер — это подшефная единица 6-го драгунского Ягуаров. 6-й посыпает тудаувечных воинов, изношенное оборудование и прочее в этом роде. Ещё они используют 168-й для вспомогательных услуг: он прибирает за ними или готовит место для их прибытия. На Порт-Артур он прибыл, чтобы приготовить место 6-му драгунскому для вторжения в Синдикат.

— Так ты полагаешь, что на Лабреे находится Шестой драгунский? — Виктор вызвал изображение Лабреи и открыл окно данных. — Что тебе о нём известно?

— Прославленная часть, неоднократно клавшая конец конфликту с Волками, — хотя это было задолго до меня. — Фелан мечтательно улыбнулся. — В период вторжения участвовала в завоевании Тарнби, Байесвилла и Ямаровки. Битвы они выигрывали походя — слишком быстро, чтобы заработать на этом славу. В октябре 3050-го бинарий элементалов — это пятьдесят человек — отобрал у ополчения планету Байесвилл, сделав меньше десятка выстрелов.

Виктор медленно улыбнулся:

— И командовал элементалами Линкольн Озис?

— Верно. 6-й драгунский былся и на Тукайде, в горах Динжу. 299-я и 323-я дивизии КомСтара их изрядно потрепали, но те, кто уцелел, — уцелел лишь потому, что Озису удалось организовать отход. Поражение было для Ягуаров горькой пиллюлей, но они сумели её проглотить, и Озис за свои действия был избран ханом. С тех пор он много средств тратил на восстановление подразделения. Я уверен, что для него это гвоздь программы — лучшее, что есть у Ягуаров. Уничтожение этой боевой части важнее захвата Лабреи.

— Хорошая мысль. — Виктор посмотрел на регента по военным вопросам. — Если направим туда 1-й «Гэнъёся», 1-й Сент-Ивский уланский, мой 10-й Лиранский гвардейский и вашу 79-ю дивизию, этого должно хватить.

— Нет, Виктор, так не выйдет.

Виктор наступил, глядя на Фелана:

— То есть как? Хохиро, Кай и я вместе отрабатывали именно такие операции, а 79-я — из лучших боевых единиц КомСтара. Это просто команда мечты, а не оперативное соединение.

— Да, но мечта нам там не нужна — это должен быть кошмар. — Голос Фелана стал резче.
— Кошмар для Линкольна Озиса.

Регент поднял голову:

— Что ты предлагаешь, хан Келл?

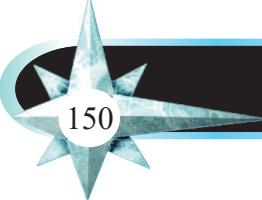
— Отдайте Лабрею мне.

— Что? — уставился Виктор на двоюродного брата. — Все наши операции — комбинированные. Мы выступаем под флагом Звёздной Лиги — это доказательство нашей легитимности и нашего права существовать.

— Я знаю и пойду под знамёнами Звёздной Лиги, но сначала послушайте меня, — Фелан тяжело облокотился на стол. — Первое: репутация Озиса связана с Шестым драгунским. Если его разгромят части Внутренней Сферы, Озис будет обязан отомстить за них и восстановить свою честь. Если его раздавлю я — а я это сделаю, — он будет зол на меня, на Ульрика, на Влада и вообще на всех, кого только сможет обвинить в том, что я напал на его кластер. Второе: если я пойду под стягами Звёздной Лиги, это по-настоящему замутит воду. Ударив достаточно сильно, мы наверняка захватим пленных. Потом мы их отпустим и направим в гарнизоны других планет, по крайней мере, дадим связаться с этими мирами. Тогда там возникнут вопросы насчёт законности оккупации.

— Причины весомые, но всё это достигается и выступлением соединения с другими единицами.

— Тогда позвольте мне выложить вам последнюю причину. — Лицо Фелана стало маской гнева. — 6-й драгунский Дымчатых Ягуаров будет одной из самых упорных боевых частей,

с которыми придётся драться по эту сторону Хантресс. Разгромить их, не проливая крови, я не могу. Мои люди будут погибать. Мне это надо, чтобы всем доказать: мои воины — часть народа Внутренней Сферы. Если с нами будут другие войска и они пострадают, скажут, что я использовал их как живой щит. Если же они останутся в стороне от боя, Волков назовут жадными за то, что хотят всей славы для себя, или глупыми за то, что не приняли помощи в тяжёлом бою. Мне этого не надо. Это мой шанс сойтись нос к носу с клановцами и сказать им, что мы здесь, а их здесь не будет. И я не хочу, чтобы кто-то при этом стоял у меня поперёк дороги. Эту битву мы выиграем для вас, а потом будем сражаться с вами бок о бок — когда кровью докажем, что достойны доверия.

Виктор бесстрастно посмотрел на своего кузена:

— Какие войска ты против них возьмёшь?

— Три кластера: 4-й Волчий штурмовой, 1-й Волчий легионерский и 1-й Волчий ударный гренадерский. Из них только первый носит то имя, которое было при уходе, — остальные созданы при переформировании моих сил на Арк-Ройяле. У тебя в резерве останутся 2-й легионерский и 2-й ударный гренадерский — они сейчас приданы «Гончим Келла».

— Хорошие войска, — кивнул Виктор. — Ладно, Лабрея твоя.

— Правда?

Удивление в голосе Фелана вызвало у Виктора улыбку.

— Ты думал, что я откажу?

— Ну, в общем, да. — Фелан выпрямился. — Когда ты стал планировать нападение совместными силами с твоим полком, я решил было...

— Ты решил, что я хочу присвоить себе всю славу.

— Слишком в тебе много от леопарда, Виктор, чтобы сейчас менять пятна.

— Думаю, ты ещё поймёшь, Фелан, что у меня голова не так легко кружится. — Виктор потёр шрам на груди. — Моя работа — добиться как можно большего результата с как можно меньшими потерями. Ты прав насчёт доверия твоим войскам, я это упустил из виду. Больше не упущу. Ударь на Лабрею, разнеси Шестой Ягуарский драгунский и возвращайся. Здесь для тебя и твоих войск работы хватит.

Долина реки Колодни

Город Колодни, Лабрея

Зона оккупации Дымчатых Ягуаров

29 июня 3059 г.

«Они вышли не как Дымчатые Ягуары на войну, а как ягнята на бойню», — с горного гребня Фелану была видна вся долина, до самого устья, где река Колодни вливалась в Северное море и раскинулся город Колодни. При вторжении 5-й регулярный кластер Ягуаров выбрал эти по-

логие равнины местом уничтожения 3-го Королевского полка обороны Лабреи — два батальона бронетехники, отчаянно вставшие между тринацием кланов и своим родным городом. Зелень планеты начисто заличила шрамы, оставшиеся от той битвы, хотя датчики показывали, что покрытые лозами холмы на самом деле — искорежённые металлические корпуса, бывшие когда-то танками.

«И теперь яги вернулись сюда погибать». — 6-й драгунский кластер Ягуаров полностью вошёл в долину. Они построились тринациями — три звезды по пять мехов каждая, — будто Фелан направит каждый из своих кластеров против одного из них. Такая трата личного состава и огневой мощи имела бы смысл, если бы драгуны остались в оборонительной позиции, окопавшись, но они вышли вперёд из пологих холмов долины и заняли позицию, подходящую лишь для бравады, но никак не объясняемую никакими нормами военной науки.

Фелан переключил радио на частоту противника, установленную ранее, когда его войска вломились в систему.

— Говорит хан Фелан Келл, командующий экспедиционным войском Звёздной Лиги. Звёздный полковник Логан Мун, твоё построение совершенно бессмысленно. Зачем ты так облегчаешь нам работу?

В треске помех донёсся ответ.

— Командиром этой части меня поставил ильхан Линкольн Озис. — Голос Логана Муна звучал твёрдо, но Фелан слышал в его словах деланную уверенность. — Нам предстоит продолжить славную историю Шестого драгунского.

— Так и выйдет. Эта бойня повторит безумие битвы в горах Динжу.

— Говори, что хочешь, хан-самозванец, но, пока не началась стрельба, твои слова — пустое хвастовство.

— Я не могу поверить, что ты своей волей стремишься к смерти, Мун.

— Я не могу поверить, чтобы ты придумал для меня обманный путь пережить эту битву, Келл.

У Келла по спине пробежал холодок.

— Ты чего-нибудь хочешь от меня, Логан Мун? Ты хочешь зеллбригена? Если мы выйдем на поединок, то я возьму твоих драгун как изорлу. Ты же станешь моим связанным.

— Я могу говорить лишь от имени своего тринария Альфа, но для меня это приемлемо.

— А другие тринарии готовы заключить такое же соглашение, если будут побеждены, воут?

— Ут.

— И ты знаешь, что не получишь от нас уступок, если победишь, воут?

В голосе Дымчатого Ягуара прозвучало удивление:

— Вы не дадите нам эвакуироваться с этой планеты?

— Этую планету вы можете покинуть лишь победителями, Волками или трупами. Тебя это не должно удивить. Когда я ворвался в систему, то бросил всё, что у меня есть, чтобы захватить этот мир, а ты — всё, что у тебя есть, чтобы защитить его. Неужто у Ягуара задрожали коленки?

В голосе Муна прозвучала тяжёлая покорность судьбе.

— Я только хотел иметь возможность вернуться на Хантресс, чтобы доложить о твоей смерти.

— Если такова твоя цель, тебе долго придётся ждать. — Фелан двинул своего человекоподобного «Экзекутора»-А вниз, к дну долины. — Разве что ты сможешь укоротить ожидание.

— Очень постараюсь.

Фелан переключился на командную частоту.

— Ранна Керенская, твоя цель — командир тринария Бета. Дерёшься за владение тринацием. — Глянув на данные датчика, Фелан определил, что третий тринарий Ягуаров сформирован из мехов средней величины. — Рагнар, дерёшься за тринарий Гамма.

Три боя были примерно равны по силам, с некоторым преимуществом в бронировании у Ягуаров. Фелану предстояла схватка с «Дайр Вульфом», который проглотит его живьём, если

он позволит Муну подобраться к себе. Ранна, победительница за родовое имя Натальи Керенской, выводила свой «Уорхок»-С на птичьих ножках против «Туркины»-В. Если эти два меха сойдутся на короткой дистанции, Ранне придётся очень несладко. Рагнар вполне готов был к бою с ягуарским «Шэдоукэтом»-А и получит решающее преимущество, если быстро сблизится с противником.

Тройка Волков шеренгой сошла с гребня, но на дне долины разошлась в стороны. Командиры Ягуаров подали свои машины вперёд, а их солдаты отошли назад. Хотя шестёрка машин будет биться друг с другом, любой другой мех, находящийся поблизости, сильно рискует. Случайность попадания лазерного луча не снижает его способности расплавить броню или убить пилота.

Фелан включил радио на частоте противника.

— Во имя Звёздной Лиги я сражаюсь с тобой, звёздный полковник Логан Мун, за обладание твоим тринацием и планетой Лабрея.

— Я, звёздный полковник Логан Мун, Дымчатый Ягуар, принимаю этот вызов. Да будут все свидетели этой дуэли связаны её исходом, пока звёзды не выгорят дотла и не исчезнет память о людях.

Фелан, крепко привязанный ремнями к пилотскому креслу боевого меха, склонил голову. — «У тебя душа поэта, Логан Мун. Я убью тебя, только если ты меня к этому вынудишь».

Мысль эта самому Фелану показалась странной, но не было времени её додумывать — он уже целился в низкий, на птичьих ногах, силуэт «Дайр Вульфа», который тысячелетие назад появился в развлекательных доголографических передачах, где гладиатор-человек бился с приземистыми ящерами из рода велоцирапторов. — «В фантастике такой бой может быть очень занимателен, но сейчас он очень опасен. Преимущество у него, но преимущество — ещё не победа». — Точка прицеливания запульсировала, и Фелан спустил курки.

Строенные большие импульсные лазеры в левой руке «Экзекутора» наполнили воздух вьюгой стрел зелёной энергии. Броня возле сердца «Дайр Вульфа» вздулась волдырями, на левой руке и ноге меха броня просто лопнула. «Дайр Вульф» покачнулся, но Мун удержал машину на ногах и продолжал идти на сближение с Феланом.

Мун выстрелил в ответ из всех видов оружия, которые были на такое расстояние. По левому боку «Экзекутора» скользнули зелёные иглы энергии из большого импульсного лазера «Дайр Вульфа», срезав половину брони. Ещё один импульсный лазер сделал то же с бронёй на середине корпуса «Экзекутора». Третий импульсный лазер и левая пушка Гаусса промахнулись, и меху Фелана досталась лишь часть яростного огня «Дайр Вульфа».

Фелан немедленно бросил меха вправо, защищая бок и получая чуть лучший шанс ударить в левую сторону «Дайр Вульфа». При этом манёvre ему были отлично видны последствия первого столкновения Ранны с «Туркиной». Приземистый, с птичьими ногами мех Дымчатых Ягуаров тяжело рухнул на правый бок, хотя чёрный дым поднимался из середины его корпуса. Повреждений на «Уорхоке» Ранны Фелан не видел — либо пилот «Туркины» промахнулся, либо они все пришли на левую сторону.

Дальше за ней Рагнар сошёлся с противником на средней дистанции. Это подставляло его под дальнобойные лазеры «Шэдоукэта» — факт, подтверждённый тем, что оба эти лазера глубоко прорезали броню на правых руке и ноге «Айс Феррета». Но повреждения вряд ли замедлили продвижение Рагнара, поскольку четвёрка его ответных выстрелов попала в цель полностью. Средние импульсные лазеры содрали броню с обеих рук «Шэдоукэта» и начали выжигать их внутренние конструкции. Один из теплоотводов взорвался облаком жёлто-зелёного пара. Несмотря на повреждения, оба пилота средних мехов сохраняли равновесие и боеспособность своих машин.

Фелан, маневрируя, пока что сохранял дистанцию между собой и «Дайр Вульфом», но знал, что это ненадолго. Если двигаться по кругу, он напорется на какую-нибудь кручу, и придётся замедлить ход, а это даст «Дайр Вульфу» возможность приблизиться. — «А как только он подберётся на дистанцию полёта ракет ближнего действия, мне конец». — Подав туловище своего меха вправо, Фелан нацелил в «Дайр Вульфа» всё своё оружие и выстрелил.

Два больших импульсных лазера осыпали огнём грудь «Дайр Вульфа», испарив ещё часть брони на груди. Второй дождь зелёных стрел сорвал броню на правой ноге ягуарского меха. Четвёрка средних лазеров повышенной дальности в правой руке «Экзекутора» полыхнула в «Дайр Вульфа» рубиновыми лучами. Три этих луча расплавили почти всю броню на левой руке меха, а последний разъел остаток брони с груди «Дайр Вульфа».

— Страваг! — выругался Фелан, когда волна жара хлынула в кокпит. Выстрел из всего вооружения меха перегрузил систему теплообмена, загнав индикатор в красную зону. Реакция «Экзекутора» на управление замедлилась, и это позволило «Дайр Вульфу» частично сократить дистанцию. — «Я же знал, что так и будет, когда давал полный залп. И чего бы ему не сидеть в мехе, которого легче убить, в «Кадьяке», например? Почему этому Муну не хватает вежливости свалиться? Потому что он воин, вот почему».

Фелан собрался, ожидая ответного удара «Дайр Вульфа». И снова снаряд гаусс-пушки со свистом пролетел мимо, не нанеся повреждений, за что Фелан был ему глубоко благодарен. Будто чтобы исправить эту ошибку, большой импульсный лазер Муна снова влепил заряд в правый бок «Экзекутора». Луч выжег остатки брони в этом месте. — «Если он ещё раз сюда попадёт, я свалюсь. Проблема».

Два других импульсных лазера тоже попали в цель, и хотя они не углубили повреждений справа, «Экзекутору» всё равно досталось. Второй удар лучевых дротиков содрал броню с правой руки меха. Что более существенно, последний луч пробил дыру в центре туловища меха и пронзил реактор. Почти весь жар тут же хлынул в кокпит Фелана, и на миг вид на поле боя ему закрыл клуб чёрного дыма.

Борясь с силой гравитации, Фелан сумел сохранить вертикальное положение меха. Этот бегемот постепенно возвращался под его контроль и продолжал увеличивать расстояние между собой и «Дайр Вульфом». Фелан сначала неуверенно, потом во весь рот улыбнулся. Дым рассеялся, и стало видно, что «Дайр Вульф» упал. У него на глазах Мун пытался поднять машину на ноги, но с первой попытки у него это не вышло. Мех снова свалился наземь, рассыпая клочья брони с груди и кокпита. Со второй попытки машину удалось поднять на ноги, но повреждения явно сказалась и на уверенности пилота.

Лучше того, за спиной «Дайр Вульфа» Фелан увидел, что его соратники отлично ведут бой. «Туркина», с которой дралась Ранна, сумела подняться на ноги, но атака Ранны снова повергла её на траву. Огонь противника разъел участок брони на правой руке «Уорхока», но это никак не сказалось на боеспособности меха.

«Шэдоукэт» дал два выстрела зелёными лучами по «Айс Феррету» Рагнара, но один ушёл выше. Тот, который попал в цель, расплавил остатки брони на правой ноге «Айс Феррета», оставив её без защиты, и несколько повредил опорные конструкции и миомерные мышцы. Рагнар ответил огнём четырёх импульсных лазеров. Три луча попали в цель и нанесли противнику значительный урон. Один испарил почти всю броню на выдвинутом вперёд кокпите «Шэдоукэта», второй полностью оторвал правую руку меха, при этом взорвался ещё один теплопротив и сгорел встроенный в оторванную конечность лазер. Последний алый штурм лучевых дротиков сжёг броню на правом боку меха, превратив половину его груди в горелые руины.

«Пора завалить Муна и его меха», — поскольку Фелану приходилось терпеть перегрев, он мог стрелять лишь из двух импульсных лазеров. В групповом бою это было бы катастрофой, но на дуэли вполне смертоносно, если эти два выстрела сделать точно. Наведя перекрестье на рваные глубокие проломы брони над «сердцем» меха, Фелан ещё чуть помедлил для верности и дал залп.

Обе иглы энергии ударили сквозь нагрудную броню ягуарского меха, заполнив грудь зелёным огнём. Оттуда повалил дым. Большой мех качнулся, и Фелан предположил, что вывел из строя гироскоп, стабилизирующий «Дайр Вульфа». Боевой мех закачался и явно начал падать, но это не помешало Муну выстрелить из пушки Гаусса.

На этот раз выстрел Ягуара попал в цель. Серебряный шар ударил в левую руку «Экзекутора», разметав броню тонкими осколками керамики. Было повреждено примерно две трети

брони на конечности, но Фелана это не слишком беспокоило, поскольку «Дайр Вульф» снова упал. При падении отлетела последняя броня с его левой руки, что было хорошо, но вряд ли могло оказаться смертельным. — «Он свалился, но этот мех опасен, независимо от того, насколько серьёзно повреждён».

«Туркина», с которой дралась Ранна, снова поднялась с земли, но Ранна не дала ей возможности вернуться в бой. Проблеск импульсного лазера Ранны ушёл далеко в сторону, но двойные молнии из пушек-излучателей частиц прожгли броню над сердцем меха и взорвались как сверхновая. В струях пара вылетели из дыры элементы структуры, поджигая траву там, где упали на землю. Повалили клубы чёрного дыма, пронизанные язычками пламени. Полыхнул серебристым огнём ещё один взрыв, означающий гибель прыжкового двигателя.

Но «Туркина» ответила залпом пары больших импульсных лазеров из левой руки. Дождь зелёных стрел вгрызся в броню середины и правого бока «Уорхока», но нигде не пробил её и омнимеха остановить не смог.

«Шэдоукэт» удариł лазером в левую руку «Айс Феррета» Рагнара, но взял слишком низко. Тут же вспыхнули кусты, поставив дымовую завесу между дерущимися мехами, но красные стрелы импульсного лазера Рагнара пробили её и как бритвой срезали броню с обеих ног и середины туловища «Шэдоукета». Боевой мех Ягуара остался стоять и повернулся вправо, представляя выстрелам Рагнара неповреждённый бок.

«Для человека, не сомневающегося в своей гибели, Мун очень здорово дерётся». — Фелан восхитился, как мастерски Ягуар поставил на ноги свой погибающий «Дайр Вульф» и с грохотом устремился к нему. К счастью для Фелана, тот самый бугор, который помешал ему маневрировать, теперь на секунду остановил продвижение Муна. Взметнулись большие импульсные лазеры «Дайр Вульфа», послав в «Экзекутора» заряд зелёного огня.

Задымилась вокруг расплавленная броня — это буря лучей обожгла «Экзекутора». Второй лазер сорвал всю броню с правой руки меха. Серебристый снаряд пушки Гаусса ударил в левую ногу «Экзекутора», сдирая броневые плиты.

Фелан не дал «Экзекутору» остановиться и сумел удержать его вертикально, несмотря на тяжесть полученных ударов. Жар ещё бушевал в кокпите, но всё равно левая рука меха уставилась на «Дайр Вульфа». — «Только два лазера могут стрелять. Надо попадать».

Сдвоенный вихрь лазерного огня пропахал грудь «Дайр Вульфа». Первый луч разодрал неповреждённую броню справа, но второй ударил в зияющую дыру посередине. Будто рвотным фонтаном ударили поток раскалённых металлических прутков и капель, повалил чёрный дым, пронизанный зелёными вспышками. Голова «Дайр Вульфа» мотнулась вниз — испарились все несущие конструкции грудного отдела, — и глазам пилота представился огненный водоворот там, где были когда-то реактор, гироскоп и центральный скелет меха. Потеряв равновесие, машина осела вправо и свалилась грудой угловатых конечностей.

«Айс Феррет» Рагнара снова дал залп из всех четырёх импульсных лазеров. Летящий поток алой энергии поглотил всю левую руку «Шэдоукета», уничтожив второй большой лазер. Ещё один залп лазерного огня расплавил броню на груди и левой ноге меха, следующий испарил броневую защиту правого бока.

Но под этой атакой Рагнара, полностью разрушившей «Шэдоукэт», Ягуар сумел ответить выстрелом из большого лазера. Зелёный луч слизнул броню с левой ноги «Айс Феррета». Стрелок целил выше, но плавящаяся рука стала опадать, и выстрел пришёлся туда, где оказался почти безвредным. Будто устыдившись своей нездачи, виновная рука рухнула в облаке расплавленных капель, забрызгавших землю.

Безрукий, неспособный нанести удар «Шэдоукэт» бросился на своего мучителя. Столкновение могло повредить «Айс Феррет», хотя, как решил Фелан, вряд ли вывело бы его из строя. Не желая рисковать даже в столь малой степени, Рагнар подал мех влево и выстрелил в зияющую пробоину, где когда-то была броня правого бока «Шэдоукета». Тайфун красных стрел пронёсся навылет, расплавив всё, что было внутри. Струи пара ударили из правой стороны груди, унеся с собой гироскоп меха.

«Шэдоукэт» рухнул ниц, пропахав коричневую борозду в зелёной растительности долины. Из пробоин в руках пошёл чёрный дым, сливаясь с дымом от сгоревшего реактора «Туркины» и застилая небо.

Фелан повёл «Экзекутора» туда, где лежал «Дайр Вульф». Он включил внешние громкоговорители, не зная, жив ли Мун и работает ли рация у него в кокпите. Он перенаправил сигнал на динамики:

— Всё кончено, Логан Мун. Твой кластер и твоя планета принадлежат мне. Ты побеждён во имя Звёздной Лиги, но ты хорошо бился, и я окажу тебе честь по традициям кланов. Все вы станете связанными, и я позволю вам снова стать воинами при первом же удобном случае.

Слабым голосом, в котором звучала боль, Мун ответил по радио:

— Объясни мне одну вещь, Келл.

— Если это в моих силах.

— Зачем эта фальшивка — Звёздная Лига?

— Фальшивка? — Фелан секунду подождал, зная, что остальные Ягуары постараются не пропустить ни одного его слова. — Вторжение во Внутреннюю Сферу, которым предводительствовал Лео Шоэрс, имело целью восстановление Звёздной Лиги. Что ж, эта цель достигнута — не так, как ожидал кто-либо из нас, потому что ни один клан не завоевал Терру и не добился права владеть Внутренней Сферой. И всё же Звёздная Лига возникла вновь, согласно хартии, в точности такой же, как исходная хартия её создания, и её подписали многие из тех же государств.

— Но эта Звёздная Лига, эта новая Звёздная Лига, — это же фарс!

— Ты так думаешь? Если бы Звёздная Лига была восстановлена через пять лет после узурпации Амариса, ильхан Лео Шоэрс мог бы оправдать своё вторжение, воот?

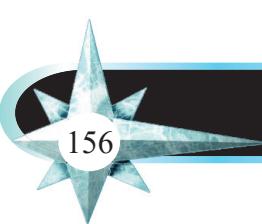
— От, — ответил Мун после паузы.

— Значит, мы согласны, что воссоздание Звёздной Лиги — достаточная причина, чтобы вторжение было ненужным, мы только спорим, сколько лет должно пройти. Я лично считаю, что это не важно, важен лишь факт воссоздания. — Фелан пожал плечами. — Можно обсуждать число лет, но доказать преимущества одной цифры перед другой нельзя. Я могу настаивать на пяти минутах, а ты — на пяти столетиях. Ты проиграл в битве, вторжение не оправдано, и продолжать его — преступление не только против законов, но и против всего того, что свято кланам.

Голос Муна был наполнен душевной мукой.

— Я не знаю, что мне сказать.

— Признай, что ошибался, и пойди навстречу возможности исправить ошибку. — Голос Фелана был намеренно холоден и остёр как бритва. — Тебе и твоим людям позволят обратиться к своим сибгруппам и известить о перемене вашего статуса. Потом мы покинем эту планету, и вы отадите ваши силы и умения той цели, которую преследовал Николай Керенский, создавая кланы. Вы станете защищать Внутреннюю Сферу от хищных врагов, и это будет величайший долг, какого вы не знали никогда в жизни.

Бъярред

Зона оккупации клана Нова Котов

1 июля 3059 г.

Светло-серый шёлк кимоно тай-са Катерины Олтион пропускал лёгкий ветерок вечерней прохлады Бъярреда к коже хозяйствки, но Катерина знала, что ветерок найдёт там гусиную кожу, а не породит её. Полностью доверяя вышестоящим — и даже уважая регента по военным вопросам и Виктора Дэвиона, — она всё же серьёзно сомневалась насчёт заявления, которое ей было приказано сделать, когда Нова Коты спросили о силах, которыми она собирается взять Бъярред. — «Если бы требовалось моё самоубийство, координатор просто пригласил бы меня вперёд, а не приказал заявлять, что я возьму эту планету в одиночку. Зачем нужно участие в моей гибели Нова Котов?»

Командир первого батальона 6-го Призрачного полка Синдиката медленно спускалась по трапу с межпланетника типа «Леопард» к ожидающей группе Нова Котов. Этот корабль был самым маленьким из тех, где могли разместиться её войска, и у него хватило бы огневой мощи разметать в пыль всю комиссию по встрече. Катерина особенно чувствовала свою уязвимость потому, что ей не позволили взять на борт межпланетника приписанный боевой мех. Приказы не запрещали ей носить мечи — как символ того, что она воин, — но любое оружие более позднего происхождения было запрещено.

Нова Коты оказались представителями различных групп касты воинов. Огромные и массивные элементалы нависали над миниатюрными и большеголовыми пилотами. Во главе группы стояла мехвоин, женщина более обыкновенного вида и размера. Судя по её положению во главе группы, она была здесь старшей. Прядь седины в чёрных волосах Катерина могла бы принять за признак возраста женщины, но, зная обычай кланов, она сомневалась, что дело в этом. Скорее, белая прядь была генетическим признаком, почётным среди Нова Котов, потому что волосы женщины очень хорошо сочетались по цвету с кожаной одеждой клана с белой, как сияние сверхновой, полосой через левое плечо и грудь.

Остановившись неподалёку от воинов клана, Катерина поклонилась. Выпрямившись, она представилась согласно точной форме, заданной ей в приказе:

— Я — тай-са Шестого Призрачного полка Катерина Олтион, в настоящий момент приданного оперативной группе Звёздной Лиги. Я прибыла оспаривать право владения этим миром.

Мехвоин Нова Котов ответила поклоном на поклон. Когда она выпрямилась, в её глазах нельзя было прочесть ни интереса, ни злости, ни страха — хотя всё это ожидала увидеть Катерина. Женщина-воин была почтительна, будто этот ритуал был для неё священным.

— Я звёздный полковник Оливия Драммонд из 189-го ударного кластера Нова Котов. Мы предвидели твоё прибытие, и я пришла ответить на твой вызов. Твоё заявление о завоевании этого мира в одиночку произвело на нас впечатление.

— Приказывая мне сделать такое заявление, мои начальники просили меня заверить вас, что в нём нет никакого неуважения.

— Мы не видим признаков неуважения. — Карие глаза Драммонд открыто смотрели на Катерину, которая чувствовала себя как на иголках под этим взглядом в упор. — По твоему вызову мы заключили, что ты — искусный воин. Я предлагаю себя тебе в противники и верю, что ты найдёшь во мне равного себе.

«Она точно следует написанному сценарию. К сожалению, он скоро кончится», — отметила тай-са.

— У меня нет сомнений, что ты равна мне или превосходишь меня. Но мы должны оговорить между собой равенство, воут?

— Ут.

У Катерины пересохло во рту.

— Такой воин, как ты, знает, что в бою есть только две вещи: умение и случай. Воут?

— Ут.

Голос женщины не дрогнул, в глазах нельзя было прочесть нежелание играть эту роль.
«Теперь мы входим в неизвестное».

— Раз мы исключаем умение, остаётся только случай. — Катерина из кармашка, пришитого к подолу кимоно, достала большую золотую монету. На аверсе у неё был профиль Сунь-Цзы Ляо, нынешнего первого лорда Звёздной Лиги, а на реверсе — эмблема сил обороны Звёздной Лиги. Римскими цифрами шла по краю надпись с датой Уайттингской конференции. Катерина подняла монету и медленно повернула обеими сторонами, чтобы Нова Коты убедились в их различии. — Я предлагаю бросить эту монету, чтобы решить, кому владеть этим миром. Я брошу, ты назовёшь сторону, когда монета будет в воздухе. И пусть случай выберет победителя.

Катерина пыталась скрыть дрожь в голосе, но ей это не удалось. — «Мне сказали, что бояться нечего, но трудно в это поверить, стоя в одиночку на поверхности планеты, завоёванной кланом».

Если звёздный полковник Драммонд и заметила дрожь в голосе Катерины, она никак этого не проявила.

— Это приемлемо. Продолжай.

Катерина положила монету на согнутый большой палец, опустила руку и резко подняла, щёлкнув вверх. Монета быстро взлетела в вечернем воздухе, сверкая в лучах огней космопорта. Мелодичный звон диска быстро стих, когда монета взлетела в верхнюю точку своей траектории, пошла вниз, и звон стал нарастать снова.

Нова Кошка с улыбкой сказала:

— Ребро.

У Катерины отвисла челюсть. Монета упала на землю, отскочила от феррокрита, завертелась, упала снова, несколько раз подпрыгнула, быстро закрутилась на ребре и упала кверху эмблемой сил обороны Звёздной Лиги.

Сумев закрыть рот, Катерина произнесла:

— Спор разрешён.

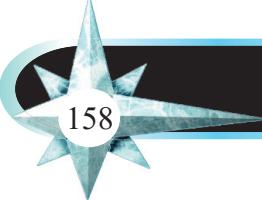
Драммонд кивнула и протянула Катерине правую руку.

— Мы побеждены и подчиняемся твоим приказам. Мы надеемся, что ты примешь нас как связанных тобой и дашь нам возможность снова стать воинами, показав себя достойными этого.

Катерина развязала оби своего кимоно и накинула серый шёлк на правую руку Нова Кошки. Вынув из ножен вакидзаси, она разрезала импровизированный бондкорд пополам. Половинки упали на феррокрит и чуть зашевелились на поднявшемся ветерке.

— Вы снова воины — все вы, со всеми правами, привилегиями и обязанностями класса воинов. — Катерина улыбнулась по очереди всем собравшимся и поклонилась. — В создавшемся положении я не могу выделить войска для гарнизона этой планеты. На вас возлагается обязанность её охраны во имя Звёздной Лиги. Как вам, быть может, известно, другие миры Нова Котов также отошли к Звёздной Лиге. Вы можете свободно общаться с этими мирами и расквартированными на них войсками, чтобы принять решение о своём будущем. Мой приятный долг — сказать вам: «Добро пожаловать в Звёздную Лигу».

— Большое спасибо тебе, тай-са Олтион, — широко улыбнулась звёздный полковник Оливия Драммонд. — Очень приятно наконец вернуться домой.

— Так что вопрос на самом деле один, ильхан Озис: сколько ещё ты намереваешься хранить от нас в тайне наступление Внутренней Сферы? — Влад, стоя в заднем ряду Зала ханов, развел руками, показывая на всех ханов, собравшихся на Большой Совет. — Согласно довольно скучным сведениям, которые мне удалось собрать, по различным целям в твоей зоне оккупации нанесены удары, и твои войска наголову разбиты в нескольких битвах. Есть также свидетельства о начале второй волны нападений.

Лицо Озиса свело в маску ярости.

— Я скрывал информацию от этого совета не ради обмана!

— Какова же была твоя цель, ильхан? — спросил Влад без нажима, но достаточно насмешливым тоном, чтобы эти слова разозлили Озиса ещё сильнее.

Информация Влада исходила от разведчиков, заброшенных во Внутреннюю Сферу. Небольшие межпланетники и прыгуны через зону оккупации Нефритовых Соколов проникали в обитаемые системы Лиранского Альянса, перехватывали как можно больше вещания популярных передач средств массовой информации с планеты и уходили раньше, чем гарнизон планеты успевал среагировать. Иногда они привозили более двенадцати часов записи новостей, в том числе отличные голосъемки битв против Дымчатых Ягуаров.

— Я не хотел поднимать напрасную тревогу и считал, что сначала необходимо определить истинный масштаб и природу этих действий. — Будь у Озиса лазеры вместо глаз, от Влада уже и пепла бы не осталось. — Ситуация сложная, и она, среди прочего, указывает на предательство среди членов этого совета.

Зал наполнился приглушённым гулом голосов, но встала хан Марта Прайд и перекрыла этот шум.

— Может быть, ильхан, ты всё же расскажешь нам, что происходит?

Злость в голосе ильхана на миг сменилась страданием.

— В конце мая — начале июня силы Внутренней Сферы — главным образом Синдиката, но усиленные войсками других её государств, — захватили пять оккупированных нами планет. На Киамбе, Асгарде, Порт-Артуре, Таразеде и Хайнере наши кластеры встретились с шестикратным превосходством противника по числу боевых мехов и были вынуждены уступить владение планетами. Рапорты приходили отрывочные, но стало ясно, что против нас выступили элитные части Внутренней Сферы, во многом используя захваченную у нас или разработанную за последние семь лет технологию.

Влад улыбнулся:

— Прости, что перебиваю тебя, ильхан, но напрашивается один вопрос: твои люди могли отойти или были уничтожены?

Озис задрожал, голос его стал резче.

— Потери были значительны. Я должен признать, что боеготовность войск оказалась недостаточно высокой, но это были гарнизонные войска.

— И снова прошу прощения, ильхан. Четыре из этих пяти планет имели гарнизон из боевых частей, в том числе ваши Четвёртый драгунский и Седьмой драгунский. — Влад озабоченно сдвинул брови. — Если они уничтожены, то угроза весьма серьёзна.

— Если ты сдержишь нетерпение и перестанешь перебивать меня, хан Уорд, я смогу более детально сообщить об этих нападениях. — Озис стёр капельки слюны в уголках рта. — Помимо этих атак, Внутренняя Сфера послала партизанские отряды на другие миры, чтобы беспокоить и отвлекать наши силы и вводить нас в заблуждение относительно картины их нападения. Вторая волна атак началась через неделю, и мы всё ещё разбираемся в полученной информации, но ясно одно: в ней участвуют Нова Коты!

Северен Леру встал с места, и остальные ханы повернулись посмотреть на него и на второго хана Кошек, Люсьена Карнза. Леру спокойно снял эмалированный шлем и положил перед собой на стол.

— Я так и думал, что ты попытаешься обвинить нас в твоих бедствиях, Линкольн Озис. Обвинение, разумеется, ложно. — Он повернулся к Марте Прайд. — Скажи мне, хан Нефритовых Соколов, ильхан спрашивал тебя, подвергались ли нападению твои гарнизоны, воот?

— От.

Леру перевёл внимательный взгляд на Перигарда Залмана.

— А тебя, хан Стальных Гадюк, он опрашивал, подвергались ли твои миры атаке, воот?

— От.

Леру кивнул:

— И Нова Котов он тоже не спрашивал, нападали ли на нас. Если бы он спросил — проводя расследование дела, как положено ильхану, — он узнал бы, что в то время как он потерял пять планет, мы потеряли полностью или частично девять миров от нападений Внутренней Сферы. Когда это случилось, а от ильхана не последовало запросов, я был вынужден заключить одно из двух: либо ильхан не знает об этих нападениях, либо считает их нашим внутренним делом, с которым мой клан должен справляться самостоятельно.

— Поскольку на двух потерянных нами планетах, Эйвоне и Карипари, стояли совместные гарнизоны — наши и Дымчатых Ягуаров, — я понял, что первое моё заключение ошибочно. Нишим образом не могло быть, чтобы Дымчатые Ягуары на этих планетах не доложили ильхану о нападении. Таким образом, пришлось предположить, что нам предоставлено разбираться с нападающими собственными силами. — Взгляд Леру стал остree. — Кроме того, ильхан не станет отрицать, что я представил ему рапорт о наших потерях, но он не соблаговолил на него ответить.

— Рапорт был неточен!

— Действительно? — Голос Леру заскрипел, выдавая возраст говорящего. — Ты просил уточнений, воот? Ты считал, что я должен иметь более подробную информацию с утраченных нами планет, чем ты получил, воот?

— Твой рапорт подразумевал то, что было неправдой. — Озис так прищурился, что мог видеть только силуэты — по крайней мере, Влад так подумал. — На Эйвоне и Карипари твои войска соединились с войсками Внутренней Сферы для нападения на силы Дымчатых Ягуаров.

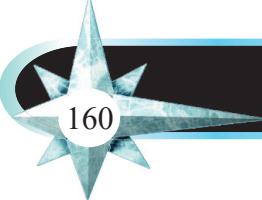
Леру покачал головой:

— Даже дошедшие до тебя фрагментарные доклады не могли не сообщить, ильхан, что Первый гвардейский Нова Котов, а также наши Первый и Третий гарнизонные кластеры теперь называются Первый Звёздной Лиги гвардейский Нова Котов и Первый и Третий Звёздной Лиги гарнизонные кластеры. Они были завоёваны Звёздной Лигой, когда та захватила нашу часть этих миров.

Когда Леру упомянул Звёздную Лигу, среди ханов снова поднялся говор, и Влад неспешно улыбнулся ещё шире. В перехваченных новостях Внутренней Сферы говорилось о восстановлении Звёздной Лиги, но Влад считал это демагогическим трюком Внутренней Сферы, направленным на политическое сдерживание кланов. Ведь кланы считали, что созданы для единственной цели — возродить Звёздную Лигу. Быть может, у предводителей Внутренней Сферы хватает глупости считать, что таким образом можно укротить кланы. Влад знал, что никто из ханов не признаёт лидерство Внутренней Сферы — особенно такого человека, как невоин Сунь-Цзы Ляо, — но этот шаг показывал, что Внутренняя Сфера теперь знает кланы куда лучше.

Переход Нова Котов на сторону противника можно было бы предвидеть — но лишь после начала нападений. Они отличались от всех остальных кланов своими мистическими представлениями о природе человека и вселенной. Влад мог уважать их приверженность древним традициям воинов и почтение к доблести и храбрости, но весь этот спиритический налёт его раздражал. — «Они верят, что существует высшая власть, перед которой они в ответе, а правда в том, что судят нас кланы, а не какие-то невидимые духи или безмолвное божество». — Очевидно, их духи, или призраки, или кто там ещё, велели им принять эту фальшивую Звёздную Лигу.

Но, судя по реакции ханов, этот фокус со Звёздной Лигой, сопровождаемый сильным наступлением, имел какой-то вес. Секунду или две Влад этому удивлялся, а потом заметил задумчивое лицо Марты Прайд и её взгляд, направленный мимо него. То, что она хоть на миг

задумалась прежде, чем отвергнуть этот фарс, удивило его ещё сильнее, и он заставил себя задуматься над последствиями восстановления Звёздной Лиги, которая тут же нанесла кланам серию поражений.

«Конечно, я должен был это предвидеть», — фракция крестоносцев среди кланов начала наступление на Внутреннюю Сферу. Это крестоносцы заявили, что государства Внутренней Сферы — нелегитимные и варварские. Они ставили себе целью завоевать Терру и самим восстановить Звёздную Лигу. Доказательством их правоты, истинности их целей и справедливости их дела была лёгкость побед над войсками Внутренней Сферы.

Это убеждение, основанное на результатах битв, выигранных у слабых войск, несло в себе семена обмана и сомнения. Поражение на Тукайде было достаточно легко оправдать, потому что КомСтар — организация весьма отличная от государств Внутренней Сферы. Можно даже сказать, что из-за влияния, которое КомСтар имел по всей Внутренней Сфере, он напоминал прежнюю Звёздную Лигу. Воины КомСтара могли считаться чистыми и не затронутыми порчей, поразившей более старые, коррумпированные государства. — «И вообще, некоторые кланы выиграли схватки на Тукайде, так что это нельзя назвать полным поражением».

Поражения на других мирах, вроде Твикrossа или Уолкотта, могли быть отнесены к обману и невезению. Поражение Дымчатых Ягуаров и Нова Котов на Лютьене тоже можно объяснить просто присутствием ренегатов из кланов — «Волчьих драгун», а также тем, что Лютьен всегда было нелегко взять. Ягуары схватили кусок себе не по зубам, и сделали это в основном из-за того, что Волки взяли Расальхаг, столицу Свободной Расальхагской Республики. Такие поражения серьёзных последствий не имели — просто исключения, объясняемые либо тем, что у войск Внутренней Сферы нет понятия о чести, либо тем, что им тоже может иногда повезти.

Проблема с нападением Звёздной Лиги на зоны оккупации Дымчатых Ягуаров и Нова Котов в том, что операция была спланирована и выполнялась с точностью, присущей самим кланам. Это не что иное, как вторжение Внутренней Сферы на территорию кланов, и Влад теперь мог понять смятение и чувство обречённости, которые ощутили когда-то жители Внутренней Сферы.

Лёгкость ранних побед подтвердила праведность миссии крестоносцев, теперешние поражения поставили её под сомнение. Влад почти чувствовал за выбором целей изящную руку Катрины. — «Они выступают против Дымчатых Ягуаров, моего врага». — Вторжение приносило Владу гораздо больше пользы, чем вреда.

Он поглядел на Марту Прайд:

— Тебе обидно, Марта, что для атаки они выбрали не тебя, воут?

Глаза Марты блеснули, и Влад понял, что попал если не в яблочко, то близко, но Марта постаралась это скрыть, качнув головой:

— Я думаю, после Ковентри они стараются держаться подальше от Нефритовых Соколов.

— Это несомненно.

Марте тихо буркнула в его сторону и посмотрела на Озиса.

— Это правда, ильхан? Войска Внутренней Сферы называют себя силами Звёздной Лиги?

— Да, но это переплетение лжи. — Озис наклонился вперёд, опираясь на кулаки. — У меня уже есть план, как отбить это нападение. Военачальники Внутренней Сферы многому научились в тактике, но стратегическое и оперативное планирование у них оставляют желать лучшего. Их удары направлены на планеты, где им не противостоит никто либо одни тыловые кластеры. Они не нападали на мои лучшие войска, и я не дам им такой возможности. Мы ударим по Синдикату, расширяя коридор вторжения. — Озис поднял руки и развел их в стороны. — Вот возможность, которой все вы ждали. Я готов принимать заявки на задачи вашим войскам, чтобы вы могли совместно со мной уничтожить эту угрозу кланам.

Влад громко рассмеялся:

— Ты теперь щедр на возможности, как до сих пор был скончен на информацию. Ты ждал полтора месяца, пока не началась вторая волна и тебя не потребовали к ответу на этом совете. И ты так и не сказал нам всей правды о том, с кем ты схватился.

Озис пожал плечами:

— Я думал, что ты в любом случае не пошлешь войска мне на помощь, хан Уорд, и твои протесты для меня не сюрприз.

— Они не для того, чтобы удивлять тебя, ильхан, потому что с тебя хватит сюрприза, который преподнесла тебе Звёздная Лига. — Влад оглядел остальных ханов. — Линкольн Озис, наш ильхан, решил сохранить эти атаки в тайне и рассматривать их как внутреннее дело Дымчатых Ягуаров. Он не стал привлекать к ним наше внимание даже тогда, когда Нова Коты сообщили, что тоже подверглись нападению. А теперь у него есть план, и нас приглашают принять участие. — Влад скривился в гримасе отвращения и позволил себе перейти на рычание: — Я не наёмник, которого можно купить. Что предлагает нам ильхан? Возможность пролить кровь наших солдат, завоёвывая миры для Дымчатых Ягуаров. Понятно, почему он считает такое предложение более чем щедрым.

Эйса Тэни из Ледовых Хелионов ткнул пальцем в сторону Влада:

— Тебе легко говорить, хан Уорд, у тебя ведь уже есть войска во Внутренней Сфере. Для нас же это возможность присоединиться к вторжению.

— Нет, это возможность продать своих солдат за обедки со стола Дымчатых Ягуаров. Он поставит вам задачи, которые растащат вас вокруг Периферии, заставят ударить по Синдикату в десятке мест, чтобы войска Синдиката ушли с планет, принадлежащих Ягуарам. В своих планах он упустил из виду, что на его миры напали войска не только Синдиката. Это коалиция, которая пустила в ход лучшие свои войска. Глупцом надо быть, чтобы полезть в такую войну.

Марта Прайд серьёзно кивнула:

— В словах хана Волков есть правда. Ильхан назвал это нападение делом Дымчатых Ягуаров, но, когда обстоятельства обернулись против него, он пытается представить это делом всех кланов. Так поступать некрасиво. Настолько некрасиво, что я выставлю собственные войска как возражение против заявок на помощь Дымчатым Ягуарам. Я заявляю, что любые войска, не входящие сейчас в силы вторжения, могут получить право участия, только победив войска Нефритовых Соколов.

— А я ставлю войска клана Волков против тех, кто пройдёт Нефритовых Соколов. — Влад поклонился в сторону Марты. — И более чем готов принимать вызовы по очереди с Нефритовыми Соколами, если хан Марта соблаговолит поделиться ими со мной и моими войсками.

— Нефритовые Соколы с удовольствием дадут Волкам возможность разбираться с некоторыми из соискателей, — улыбнулась Марта Прайд. — Вы слышали, ханы. Если вы хотите, чтобы ваши войска доказали своё право участвовать во вторжении, пусть покажут свою боеготовность против тех, кто уже бил войска Внутренней Сферы.

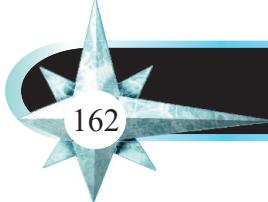
— Нет! — как молотом стукнул кулаком по столу Линкольн Озис. — Что вы делаете? Разве вы не видите, какая угроза нависла над нами?

— Я вижу эту угрозу даже яснее, чем ты, ильхан. — Влад свёл руки, соединив концы пальцев. — Ты ильхан, но ты также хан Дымчатых Ягуаров. Ты должен был немедленно сообщить нам об этой угрозе, но ты этого не сделал. Приходится предположить, что ты считал, будто справишься с ней сам. Отсюда я вынужден заключить одно из двух: либо ты, как ильхан, можешь с ней справиться своими силами, либо нет. В последнем случае я считаю, что ты должен признать себя неспособным нести службу ильхана. Тебе следует уйти в отставку, и будет избран новый ильхан тебе на замену, избран, чтобы разрешить этот кризис. Эти выводы неизбежны.

Лицо Озиса посерело.

— Ты недооцениваешь угрозу, Влад.

— Отнюдь, ильхан. Но я не считаю Дымчатых Ягуаров душой кланов. — Голос Влада стал ледяным. — Внутренняя Сфера может уничтожить Дымчатых Ягуаров, но кланы — вечны. Мы переживём твои ошибки и злоупотребления, независимо от того, переживёшь ли их ты. Твоя единственная надежда уцелеть — если сработает твой план отражения этого наступления. Если нет, то новый ильхан войдёт в твой коридор вторжения, и на этот раз будет действовать правильно.

*Межпланетный корабль «Барбаросса»
Надирная зарядная станция, Уолкомт
Пештский военный округ, Синдикат Дракона
27 июля 3059 г.*

Виктор Иэн Штайнер-Дэвион ещё раз просмотрел данные, плавающие над проектором в середине зала.

— Это не совсем то, чего мы ожидали.

Регент по военным вопросам спокойно покачал головой:

— Сказать, что мы этого не ждали, тоже нельзя. — Он чуть поправил повязку на глазу.

— Командир Дымчатых Ягуаров принял меня за Ганнибала, а потому изображает Сципиона Африканского. Напав на пять миров Синдиката, он надеется, что мы отведём войска и будем сражаться за спасение Синдиката. Мы учитывали такую возможность.

— Верно, и поэтому вторая волна была направлена за системы, с которых Ягуары легко могли нападать на планеты Синдиката. Проникнув за их передовые линии и затруднив снабжение, мы надеялись выманить окружённые силы наружу. Такого удара мы ожидали как реакцию на нашу первую волну, а не на третью. В этом-то и проблема.

Фохт приподнял бровь:

— И какая же это проблема?

Виктор нахмурился:

— Ну, нельзя сказать, что непреодолимая. У нас на этих пограничных мирах были три полка гарнизона, когда мы начинали вторую волну. Некоторые из этих сил мы передвинули вперёд для осуществления третьей волны — которая фактически затронет и часть планет, намеченных нами для четвёртой волны, — и теперь мы можем перемещать войска с передовых планет, которые не были затронуты.

Регент кивнул:

— И не забывай, что эти миры ожидали вторжения кланов в течение последних восьми лет. Синдикат построил оборонительные сооружения и обучил население отражать атаки. Если ещё учесть, что туда перебрасываются подкрепления, кланы могут встретиться с огромными трудностями при попытке захвата этих планет. Они ожидают лёгких боёв, как было в начале их вторжения, а не того, что ждёт их на самом деле. Они там завязнут надолго, а это значит, мы сумеем ответить такими силами, которых хватит на полное уничтожение войск кланов.

Принц обдумал слова Фохта. Во время инспекции пограничных планет Синдиката он оценил их боеготовность как весьма высокую. Войска гарнизонов проводили время в постоянных учениях и были укомплектованы как ветеранами, имевшими опыт битвы с кланами, так и новобранцами, энтузиазм молодости которых служил топливом для проведения в жизнь стратегических планов. Фортifikационные сооружения строились выдержать осаду кланов, и население было обучено тактике борьбы с кланами. Коэффициент выживания для ополчения был ничтожен, но такое обучение превращало каждую планету в укреплённый лагерь, а значит, кланам нигде на мирах Синдиката не будет покоя.

— Я бы предпочёл бить эти части на мирах, которые они держат, но дать им исчезнуть внутри Синдиката — это тоже годится. Я знаю, что мне бы не понравилась выброска на любую из этих планет. — Виктор скрупульно улыбнулся, — Надеюсь, кланы тоже не придут в восторг.

— Это точно. — Регент сцепил руки за спиной. — Кстати, просматривая реестр частей, участвующих в атаке на Шуйлер, я заметил, что первым батальоном Десятого Лиранского гвардейского командуешь ты.

— Это же мои «Ревенанты». Разумеется, их поведу я.

— А если я запрещу тебе участвовать в битве?

Виктор почувствовал, что у него скрутило живот.

— Раз мы включили Десятый Лиранский гвардейский в штурмовые силы, то я не могу не быть там, Кай поведёт улан, Хохиро будет командовать Первым полком «Гэнъёся», а Фелан поведёт в бой свой Четвёртый Волчий гвардейский. Я должен командовать «Ревенантами».

Фохт покачал головой:

— Нет, не должен. Погоди спорить, сначала ответь мне: зачем тебе их вести?

— Это мои люди. Я их подбирал, Я с ними учился. Мы вместе спасали Хохиро на Теньенте. Я не хочу, чтобы они шли в бой без меня, я не собираюсь требовать от них идти навстречу опасности и риску, если сам не рисую и не подвергаю себя опасности.

— Виктор, ты уже рисковал собой, твоя храбрость вне сомнения. — Фохт нахмурился. — Это трудно — отступить и командовать людьми не из гущи боя. На Тукайде мне больше всего на свете хотелось влезть в кокпит меха и самому драться с кланами. Смерть каждого моего солдата — это была смерть, которую я предотвратил бы, если бы был с ними. У меня было чувство, что я бросил своих ребят, отправив их в бой без меня.

— Вот именно. Так и есть. И вы понимаете, что я должен там быть.

— Нет, я понимаю, почему ты думаешь, что должен там быть. — Фохт медленно наклонил голову. — И ещё, я полагаю, ты считаешь, что твоё непосредственное участие в битве диктуется политическими соображениями. Ты опасаешься, как бы твоя сестра не использовала к своей выгоде то, что ты не был в бою, не рисковал своей жизнью в битве с кланами.

По спине Виктора пробежал холодок.

— Не стану отрицать, что такое соображение имеет место, но лишь в очень малой степени.

— Руки Виктора медленно сжались в кулаки. — Вы достаточно давно наблюдаете политическую кухню Внутренней Сфера. Вы помните, как моя бабка низложила своего дядю Александра и заняла пост архонта. Вы наверняка помните фокусы Райана Штайнера, а то и неуклюжие попытки Фредерика Штайнера заниматься политикой. Он командовал Десятым Лиранским гвардейским, и ему бы следовало оставаться при своём военном деле, потому что политик из него был никакой.

— Да, я помню. — Здоровый глаз Фохта сощурился. — Но не понимаю, какое отношение к этому имеет твой урок истории.

— Я хочу сказать... — Виктор вздохнув, собрался с мыслями. — Когда я... гм... умер, или думал, что умер, я тогда узнал о себе много нового. Я узнал, что по генетике, склонности, обучению я прежде всего воин. Это моя работа, моя суть и то, что я умею делать хорошо. Я — чистокровный конь, который должен скакать — иначе он издохнет. Это не значит, что я — социопат, который сам старается начинать войны, чтобы прыгнуть в кокпит меха, а потом крушить и убивать всё и всех. Я тот, кто чувствует, что необходимо сделать, и принимает на себя ответственность за сделанное ради сохранения свободы своего народа. Послушайте, вы правы: я знаю, что планирование и расчёт — основа всей операции. Мне эта работа нравится, я ею живу и думаю, что делаю её хорошо.

— Так и есть.

— Но проблема в том, что всё это — теория. Мне нужно оказаться на планете, вести собственного меха, погрузиться в реальность войны. Без этого я позволю себе наделать ошибок, на которые я не имею права. — Виктор поглядел на Фохта. — У вас в жизни было достаточно опыта, и вам, быть может, уже не обязательно участвовать в бою. Вы получили закалку, которой нет у меня.

— А если ты при этой закалке погибнешь?

— Прежде всего, это будет значить, что я не умею вести войска. — Виктор опёрся ладонями на стол. — И ещё: я должен драться сам, чтобы поддерживать уважение ко мне солдат. Посмотрим правде в глаза: у меня не слишком хороший служебной список. Первая часть, которой я командовал, уничтожена на Треллане. На Твикроссе мы бы все погибли, если бы Кай не при-

шёл на выручку. На Алийне меня тоже ждала гибель, если бы Кай не спас меня ещё раз. И уверен, на Тенъенте «Ревенанты» спасли бы Хохиро, но вмешательство его сил вытащило меня из неприятной ситуации. И наконец, на Ковентри это даже битвой нельзя было назвать, и там, даже если бы мы победили, то проиграли по потерям живой силы и техники.

— Кай, Хохиро, Фелан уважают тебя, а войска берут с них пример, — сказал Фохт.

— Это вещь очень непрочная. — Виктор пожал плечами. — Может, это лишь моё воображение, но я кажусь себе самозванцем. У меня масса ответственности, а при этом — масса сомнений. Я будто жду человека, который обвинит меня в обмане и докажет, что я не гожусь для поста, который занимаю. Участие в битве позволит мне доказать, что гожусь. Это понятно?

— Конечно, — улыбнулся регент. — Неужто ты думаешь, что ты первый полководец, которого обуреваю такие сомнения? Так бывает со всеми хорошими военачальниками. Думаю, что твой отец мучительно переживал решения, которые ему приходилось принимать, а про твою бабку я точно это знаю. Они знали, когда биться, а когда командовать.

Виктор медленно кивнул.

— И вы говорите, что сейчас для меня время не биться, а командовать?

— Ещё не совсем. — Регент тепло улыбнулся Виктору. — Я хотел только показать тебе, что ты хочешь биться, а не должен биться. Если бы ты хотел высадиться на Шуйлере, только чтобы пройтись в боевом мхе до ставки Ягуаров и объявить о своей победе, я бы тебя не пустил.

— Вы думаете, я на такое способен?

— Нет, пока ты больше воин, чем политик. — Фохт сложил руки на груди. — Пойди проверь, готовы ли твои войска к выступлению. Я отдам приказы нашему резерву занять позиции на случай контратаки Ягуаров. Когда мы закончим, яги будут знать, что мы воюем всерьёз, и начнут перебрасывать войска сюда, оставив Хантресс без прикрытия. Они узнают, что мы тоже изучали стратегию Сципиона Африканского и что у них куда больше общего с карфагенянами, чем они хотят думать.

* * *

«Я — Дымчатый Ягуар. Я охотник, а не зверь, на которого охотятся!» — элементал звёздный капитан Вулкан Боуэн хотел выкрикнуть это по радио, крадясь через городок Фуун. В своё время в составе 19-го ударного он видел много планет Внутренней Сферы, но принадлежащая Синдикату планета Матаморас была хуже всех. — «Здесь, наверное, живут только по приговору суда — так здесь всё бесцветно». — Гарнизонное подразделение, Вторые Ночные сталкеры, прославились своими ночными операциями, и Боуэн был уверен, что справедливо, потому что они не показывались в течение дневных часов.

Ночь не была его другом. Городок Фуун находился в пятидесяти километрах на восток от крепости Вадзукана. В нём был расквартирован 1-й гвардейский полк Свободных Миров, и 19-му ударному непросто было его отсюда выбить. Осаде мешали действия партизан ополчения из Фууна, и право решения этой проблемы было выставлено на аукцион. Изначальный конкурс Боуэн не выиграл — победил звёздный капитан Иеремия Фьюри, предложив действовать силами меньше пойнта. Фьюри и двое его спутников исчезли в трущобах Фууна, не подав даже сигнала тревоги.

Боуэн и четвёрка сопровождавших его элементалов нашли исчезнувших на вершине холма в центре города, распятых на грубых косых крестах. Что казалось Боуэну странным и слегка тревожным, это то, что во всём городе они не видели признаков жизни, пока не дошли до центра. И даже на голой земле возле крестов не осталось следов. Будто Фьюри и его двух элементалов извлекли из брони и убили фантомы.

И тут без предупреждения из ближайших домов обрушился град огня. Станковый пулемёт и ракета «Инферно» свалили Карсона. Боуэн тут же отдал своим солдатам приказ прорываться вперёд и стал поливать из пулемёта дом с северной стороны площади. Остальные последовали его примеру и бросились к приземистому кирпичному строению. Внутри их защитят стены, можно будет очистить здание и проутюжить город, подавляя сопротивление.

На пути к зданию Тревор наступил на мину. Она с грохотом взорвалась у него под правой ногой и подбросила Тревора высоко в воздух. Он завертелся колесом и свалился на голову и плечи. Боуэн понимал, что его воин разве что оглушён, но, когда Тревор встал и побежал к дому на западном краю площади, стало ясно, что он потерял ориентацию.

Перекрёстный огонь с юга и со второго этажа западного дома разорвал Тревора на части. Мелькнули в воздухе осколки бронекостюма, пули развернули Тревора на месте, сквозь соединения панциря простила тёмная жидкость, пытаясь затянуть раны, но разбрзгалась под ударами пуль, открывая находящегося внутри человека. Тревор упал, задёргался в судорогах, а пули всё били и били в него.

Боуэн первым пробился к северному дому, разрезав пополам одного противника очередью из пулемёта, подвешенного к предплечью левой руки, повернулся вправо и выстрелом малого лазера в правой руке превратил другого противника в пылающий факел. Оба свалились возле своего пулемёта, прикрытое мешками с песком. Грейс и Адриенна ворвались в дверь вслед за Боуэном и тут же бросились вправо и влево, очищая помещения рядом с главным залом. Боуэн услышал шум над головой, развернулся и пропахал потолок пулемётной очередью. В ответ послышался вопль.

Боуэн успел повернуться вправо, чтобы увидеть, как просел пол под ногами Адриенны. Он понял, что их заманили в капкан, но Адриенна уже исчезла. Что-то свалилось с потолка в поглотившую её дыру — Боуэн не успел разглядеть, видно было только, что это нечто металлическое, метра полтора в длину и с виду очень тяжёлое. От удара дрогнул фундамент, и стало ясно, что Адриенна даже не замедлила падение предмета.

Боуэн выкрикнул отрывистую команду, и они с Грейс бросились прочь из здания. Боуэн прыгнул через пулемётное гнездо за мешками с песком, собираясь выско치ть в окно, но левая нога поскользнулась на внутренностях убитого пулемётчика, прыжок вышел неудачным, нога зацепилась за подоконник, и Боуэн вылетел головой вперёд, невольно сделав сальто. Приземлился он на спину.

К счастью для него, этот неуклюжий выход спас ему жизнь.

Грейс выпрыгнула изящно, в соответствии со своим именем, и тут же стала насторожённо осматривать переулок. Сначала она поглядела влево, за спину Боуэна, обошла его и стала поворачиваться вправо. Примерно тогда, когда её взгляд упал на ржавый глейдер, торчащий справа в переулке, машина и взорвалась.

Оранжевый ореол вспыхнул вокруг Грейс, стал ярко-жёлтым, ослепительно белым, выставив женщину чёрным силуэтом. Боуэн видел, как она будто преобразилась в Нова Кошку — белый пылающий огонь охватил её левое плечо. Только когда левая рука Грейс, кувыркаясь, пролетела у него над головой, Боуэн понял, что происходит, но от силуэта Грейс остались только ноги до коленей.

Сила взрыва подняла его и швырнула его за рукой Грейс. Он врезался головой в стену, и почувствовал, что снова летит в воздухе. В очередной раз он рухнул, на этот раз на плечо. Тело дёрнулось, хрустнула лодыжка, когда нога раздробила кирпич в пыль. Боуэн напрягся в ожидании боли, но силовая броня уже накачивала в кровь лекарства, замораживающие ткани возле раны и повышающие выносливость.

Он выкатился на улицу и изо всех сил попытался встать на ноги. Позванивали, отскакивая от брони, автоматные пули. Иногда в него вонзался луч лазера, но всё это оружие предназначалось против незащищённой пехоты и беспокоило Боуэна не больше дождя. Очевидно, местные использовали своё самое тяжёлое и лучшее оружие для засады, а бойцы партизан были вооружены лишь лёгким стрелковым оружием. Но они, хотя и не могли убить его на месте, имели возможность сообщить, где он находится, и достаточно задержать, чтобы успеть организовать вторую засаду.

«Если я не уйду — погибну. — Боуэн огляделся, но не увидел очевидного пути на свободу. Движения на дороге не было ни в одну сторону, но припаркованные вдоль неё машины вполне могли оказаться бомбами вроде той, что убила Грейс. И надо предполагать, что так оно и есть.

— Лучший шанс — идти сквозь дома и убираться из этого района», — решил он.

Он побрёл, хромая, вдоль улицы туда, где в стене ресторана была дыра. Пробираясь через зал, перелезая через столы и разнося в щепки печь лазером, он пытался по радио связаться со штабом 19-го ударного. Волны помех прорезал ровный и громкий гудок — на всех частотах. — «Глушилки. Понятно, почему мы не услышали Фьюри», — сделал очевидный вывод элементал.

Боуэн вырвался из дома в узкий переулок, идущий с севера на юг. Повернувшись к югу, он увидел лысеющего, тощего старика, входящего в переулок и поднимающего к плечу древнюю аркебузу. Боуэна поразила невероятная отвага этого живого скелета. Старое ружьё, заряжающееся с дула, ничего не могло Боуэну сделать, и потому он отсалютовал в тот самый момент, когда старик спустил курок. Боёк ударили, посыпая искрами полку, ружьё выстрелило, пустив здоровенный клуб белого дыма.

Тяжёлый шар ударил Боуэна прямо в грудь и отбросил на пару шагов. Быстрый взгляд на диагностический дисплей показал, что броня не пробита, но выстрел напомнил Боуэну, что броня не предназначена для защиты от сил природы. — «Разгони как следует предмет достаточной массы, и он пробьёт броню».

Дым рассеялся, и Боуэн увидел, что старик спасается бегством в сторону дома поодаль от переулка. Боуэн погнался за ним, послав несколько быстрых выстрелов вслед убегающему повстанцу. Они не попали в цель, и старик, мелькнув красным кимоно, вбежал в дверь. На миг Боуэн подумал, не подарить ли старику жизнь в награду за храбрость, но быстро опомнился.

«Наверное, такие мысли — от наркотиков. Он пытался меня убить. Оставить его в живых — значит поощрить других. Он должен умереть. — Боуэн дал две очереди поперёк фасада здания, чуть изогнулся вправо и пригнулся, чтобы проскочить в дверь с минимальной потерей скорости. — Движущуюся мишень поразить труднее».

Влетев в дверь, Боуэн увидел своего противника прямо перед собой. Тот присел за стеной из мешков с песком. Старик ухмылялся широкой, почти беззубой ухмылкой, и точно так же, во весь рот, улыбалась сидящая рядом девочка. Боуэн удивился, чему они так обрадовались, увидев его, но просто он не сразу узнал устройство, которое они навели на него как оружие.

На двухметровом куске потолочной балки была закреплена рессора глайдера. К её концам был привязан скрученный металлический трос от высоковольтного кабеля, посередине он был оттянут далеко назад и закреплён защёлкой. Вдоль балки лежал метровый прут арматуры, с одного конца заточенный, с другого — зазубренный, и зазубренный конец лежал на середине троса. К защёлке был приделан длинный рычаг, и Боуэн лишь успел понять, на что смотрит, как старик толкнул рычаг ногой.

Рессора, хотя и не проектировалась как часть самодельного арбалета, сработала отлично. Импровизированный болт, сделанный из прутка арматуры, вылетел с такой силой, что сумел пробить броню элементала на правом боку. Боуэн чувствовал, как болт рвёт ткани тела и вылезает слева через броню, но лишь услышав мокрый и рвущий звук, он понял, насколько серьёзно ранен.

Боуэн попытался рвануться обратно на улицу, но торчащие концы прутка застяли в дверях. Элементал шагнул вперёд, сжёг арбалет лазером, но людей за ним давно уже не было. Он повернулся, пытаясь найти их взглядом, но подломилась сломанная лодыжка, и Боуэн рухнул на пол, на правый бок, ещё глубже вгоняя болт, потом перевалился на спину.

Он сильно закашлялся и ощущил во рту вкус крови. Подняв глаза, он увидел, что дисплей забрызган кровью. Бронекостюм стал накачивать в организм новые лекарства, замигала лампочка, показывая, что включён маяк для пеленгации. — «Но он тоже будет заглушён», — отметил раненый.

Боуэн хотел испугаться, хотел стряхнуть действие наркотиков, начать выбираться из Фууна, но не было сил. Он хотел встать и перебить всё население города, но знал, что это не спасёт ему жизнь. Пришла мысль, что люди, которых он убивал во время вторжения, никогда бы не осмелились на него напасть. — «Но мы дали им все эти годы, чтобы преодолеть свой страх. Теперь мы расплачиваемся за это».

Боуэн поглядел вверх и увидел, что к нему идёт всё тот же старик, высоко подняв кувалду. Элементал приказал своей правой руке подняться и испепелить старца, и был уверен, что она это сделала, но точно знать не мог, потому что дисплей разлетелся на мелкие осколки, навеки унёсшие с собой сознание Боуэна.

36

*Горный хребет Мицухама
Шуйлер
Зона оккупации Дымчатых Ягуаров
13 августа 3059 г.*

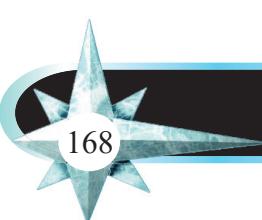
Когда аэрокосмические истребители завершили свой второй и последний налёт, Виктор стронул своего птиценого «Даиси» с места и направил омнимех в тёмное неровное ущелье, ведущее к гребню хребта Мицухама. Громыхающий гигант, которого Виктор назвал «Прометеем», был не самым быстрым из мехов 10-го Лиранского гвардейского, но обладал солидной ударной мощью и невероятной живучестью. Он был создан по технологии кланов и был подарком ему давным-давно, таким образом он мог встретить клановских противников на равных.

«На Алийне и на Теньенте он сохранил мне жизнь и дал победить клановцев». — Виктор знал, что, входя в узкий проход первым, он превращается в мишень, но страха почему-то не было. Боевой порядок кланов надо было прорвать, и лучше всего подходила позиция, где 4-й регулярный Ягуаров выделил тринарий для защиты слабого места на хребте. К востоку и западу флангам 4-го угрожали Тяжелогвардейская ПБГ и Первый полк «Гэнъёся», не давая им маневрировать, а 10-я ПБГ должна была прорвать клановский центр, опрокинуть противника и обратить в бегство..

Другая боевая часть на Шуйлере, 12-й регулярный Ягуаров, была разбита при фьорде Оласин безжалостным напором 4-го гвардейского кластера Волков, Первого Сент-Ивского уланского полка и 91-й дивизией комгвардии. Обе части клана были всего лишь простыми гарнизонными войсками и потому состояли из мехов первой и второй линии вперемешку. 12-йился отлично, и 4-й тоже сопротивлялся отчаянно, когда войска Звёздной Лиги подошли к горам.

«Даиси» вошёл в теснину, и навстречу ему поднялся гуманоидный мех, готовый стрелять. Компьютер «Прометея» определил его как «Грендель» — мех средней величины, кое-какой огневой мощью обладающий, но вряд ли способный остановить «Даиси». — «Разве что ему очень повезёт», — прокомментировал принц.

«Грендель» поднял левую руку и выстрелил из средних лазеров на внешней стороне предплечья. Один рубиновый луч ушёл далеко влево, но второй попал «Даиси» в левое плечо, поджарив броню. Правая рука «Гренделя» описала полукруг, и из неё полыхнул зелёный луч большого лазера. Он ударил меха Виктора слева груди. Расплавленная броня закапала на землю дымящимися лужицами. Средний лазер, закреплённый на гребне головы «Гренделя», тоже пустил луч в «Даиси», испарив броню на правой руке меха, и оставил такой же оплавленный

шрам, что и на левой руке.

Не успев подумать, Виктор навёл перекрестье прицела на силуэт «Гренделя», одновременно поднимая строенные большие импульсные лазеры правой руки и пушку Гаусса левой. Все импульсные лазеры поразили цель, содрав броню с левой руки, правой ноги и правого бока «Гренделя». Серебряный шар пушки Гаусса пронизал пар от расплавленной брони, сорвал броневые плиты с правой руки «Гренделя», оставив отметину на ферротитановой кости.

Несмотря на полученный удар, пилот клана сумел удержать меха на ногах, и «Грендель» снова навёл оружие на «Даиси». Два средних лазера ободрали броню с левого бока меха Виктора, рубиновый огонь из головы «Гренделя» сжёг броню на левой руке, а изумрудный луч большого лазера прорезал броню на правой ноге.

За «Даиси» Виктора появился «Пенетрейтор» Ренни Сандерлина и обрушил на «Гренделя» мощь импульсных лазеров, закреплённых на его туловище. Один луч прошёл мимо, но остальные попали в цель. Первый сжевал правую руку «Гренделя», выведя из строя смонтированные в ней большой и малый лазеры. От удара двух других вскипела броня на боках меха. Тот, что ударил в правый борт, испарил остатки брони и расплавил пусковую установку ракет ближнего действия. Остальные два расплавили броню над сердцем «Гренделя» и даже проникли внутрь. Из середины и правого бока меха повалил дым — наверное, был задет реактор.

Виктор, не обращая внимания на падающего «Гренделя», нацелился в «Шэдоукэта», который возник впереди в узком проходе и уже успел выстрелить. На броне «Шэдоукэта» виднелись шрамы от атаки истребителей, сделав его ещё более уязвимым перед «Даиси». По размеру и броневой защите «Шэдоукэт» был примерно равен «Гренделю», но не имел такого тяжёлого оружия. Учитывая полученные «Даиси» повреждения, меньший мех мог бы его подбить, но вряд ли вывести из строя.

Виктор напряг пальцы на гашетках джойстиков. В тот самый момент, когда наручные большие лазеры «Шэдоукэта» ударили в «Даиси», левая рука вражеского меха отлетела в клубах пара под лазерным огнём Виктора. Снаряд пушки Гаусса раздробил броню правой руки и сломал плечевой сустав. Два остальных импульсных лазера обрушили град энергетических стрел на левую ногу и правый бок «Шэдоукэта», сорвав столько брони, что пилот не успел среагировать на внезапное изменение веса машины. «Шэдоукэт» в кувырке рухнул ничком, и его заклинило между стеной ущелья и огромным валуном.

Но атака «Шэдоукэта» оказалась единственной. Оба больших лазера полоснули зелёными лучами поперёк груди «Даиси». Один повредил броню над реактором, а другой прорезал остаток брони слева на груди. Последний луч даже поджарил часть несущих конструкций, чуть не повредив пусковую установку ракет РБД, но не вывел у «Даиси» ничего из строя.

Узкий проход наполнился ярким серебряным светом, Ренни выскочил в своём «Пенетрейторе» перед «Даиси» Виктора.

— Пусти меня вперёд, Виктор. Мы почти наверху.

Виктор закусил губу, чтобы не выругаться. — «Ренни прав, я подбит».

Ренни Сандерлин был соседом Виктора по комнате на последнем курсе в Нагельринге, а подружились они ещё раньше. Он всегда был готов поддержать Виктора или прикрыть от опасности.

— Понял, Ренни. Прикрою тебе спину.

На гребне расселины им заступил дорогу огромный омнимех с изрытой бронёй. Тяжело сбитый гуманоидный «Мэн О'Уор» имел всего лишь десять метров в высоту, но в проходе, на фоне неба, Виктор смотрел на него так, как мог бы Давид смотреть на Голиафа. Лишённые кистей руки клановского меха поднялись вперёд, и показались два ствола ПИЧ, образующие правое предплечье, и дула счетверенных лазеров у запястья левой руки. Это был очень серьёзный противник, но Виктор знал, что «Мэн О'Уор» рухнет — потому что должен рухнуть.

«Мэн О'Уор» выстрелил первым. Рукотворная молния первого ПИЧ сожрала броню на левой стороне груди «Пенетрейтора», второй просверк синего луча растворил броню в середине груди. Алые иглы среднего лазера в левой руке вонзились в броню левой ноги меха ФедСода,

повредив её, но нигде не пробив насквозь.

Ренни дал ответный залп, и снова пять из шести импульсных лазеров, установленных в его туловище, попали в цель. Под лучами двух из них вскипела броня на левой руке «Мэн О'Уора», град рубиновых игл осыпал броню его левой ноги, ещё один сверкающий луч пустил волдыри на броне правой руки клановского меха, и последний туманом испарил броню с широкой груди «Мэн О'Уора».

Виктор резко навёл на «Мэн О'Уор» перекрестье прицела. Ливень зелёных дротиков расплескал броню с левой руки и туловища меха, но третий лазер и пушка Гаусса нанесли гораздо более серьёзные повреждения, пронзив и без того повреждённую правую руку. Снаряд гаусс-пушки разнёс в пыль почти всю броню на этой руке, а импульсный лазер испарил остатки. Стрелы нерастроченной энергии повредили плечо, лишив меха возможности двигать рукой, и взорвали один из ПИЧ, установленных на предплечье.

Несмотря на серьёзные раны машины, пилот-Ягуар «Мэн О'Уора» смог удержать машину на ногах. Два средних лазера его левой руки испепелили броню на правой руке и боку «Пенетрейтора». Голубой луч ПИЧ прошёл мимо, поскольку повреждение плеча ограничило свободу движений руки. Зато большой импульсный лазер вгрызся в правый бок меха Ренни, испарив остатки брони и разнеся один из больших импульсных лазеров, как раз когда лазер выстрелил в последний раз.

И все импульсные лазеры Ренни поразили цель. Ударившая низко тройка содрала броню с обеих ног омнимеха, а от удара второй пары запылала середина туловища. Больше всего повреждений нанёс последний, спалив остатки правой руки «Мэн О'Уора» и выведя из строя последний ПИЧ. Покорёженная чёрная конечность рухнула на землю.

Атака Виктора продолжила уничтожение Дымчатого Ягуара. Один импульсный лазер поджарил броню на груди боевого меха, второй испарил последнюю броню на левой руке и вгрызся в миомерные волокна и ферротитановые кости. Третий импульсный лазер оставил без брони правую ногу и перебил её верхний актуатор, оставив дёргаться перерезанные искусственные мышцы. В пробоину, открывшуюся после потери мышцы, влетел шар из пушки Гаусса. Он ударил в середину бедренной кости и взорвал её.

Гигантский мех с грохотом рухнул на правый бок, перевернулся на спину и остался лежать, глядя в сумеречное небо.

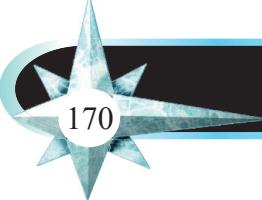
Ренни придержал «Пенетрейтора», чтобы Виктор вышел на гребень одновременно с ним. «Даиси» встал справа от него, прикрывая массивным корпусом омниса продырявленную на боку броню «Пенетрейтора» и одновременно прикрываясь машиной Ренни от ударов в повреждённый левый бок. Два великаны со сгибающимися назад коленями и наклонёнными вперёд корпусами выглядели странно и грозно — машины, созданные ради смерти.

Слева выскоцил маленький гуманоидный «Ханкю» и открыл огонь по «Пенетрейтору». Из его шести средних лазеров четыре, смонтированные в руках, рассыпали броню с левой ноги и руки «Пенетрейтора», импульсные лазеры, смонтированные на груди, стряхнули дымящиеся чешуйки брони с правой руки и левой стороны груди машины Ренни, но серьёзных повреждений не нанёс ни один.

Ответным огнём «Пенетрейтора» «Ханкю» был почти разнесён в клочья. Два импульсных лазера содрали броню с обеих сторон груди, ещё один убрал броню с правой руки, и стрелы последних двух прожгли броню правой ноги, вгрызаясь в мышцы и синтетические кости. «Ханкю», впрочем, остался стоять — благодаря искусству и неуместной храбрости пилота.

Справа от Виктора открыл по нему огонь «Перегрин». Этот человекообразный мех отличался плавными закруглениями брони и имел на каждом предплечье отсеки, где размещались средние импульсные лазеры. Они плюнули сверкающими рубиновыми кинжалами, вонзившимися в броню правого бока и правой руки меха. К этому добавился зелёный огонь большого импульсного лазера, ужаливший правую руку омнимеха, но весь этот огонь повредил только броню.

Принц почти небрежно махнул правой рукой «Даиси» направо и нажал гашетку. Зелёные лучи расплескались по поверхности «Перегрина», и два из них срезали почти всю броню с ног

противника. Это, впрочем, мало что меняло, потому что третий луч ободрал броню на груди «Перегрина», и сквозь оставшийся тонкий её слой ворвался шар из пушки Гаусса, разрушая несущие конструкции меха. «Перегрин» сложился пополам и упал назад, неуклюже сделав сальто. Во все стороны полетели осколки сломанных бронелистов.

«Пенетрейтор» и «Ханкю» снова обменялись выстрелами. Весь огонь меньшего меха опять попал в цель, каплями потекла броня с груди и правой руки «Пенетрейтора», оставив эти органы без защиты. Два лазера испарили оставшиеся листы брони на левой ноге меха и стали жечь внутренние конструкции. Хуже того, последние два лазерных луча пробили грудь «Пенетрейтора» справа, разрушив находившиеся там лазеры и разворотив почти все внутренние конструкции.

Выстрелы Ренни разорвали «Ханкю» на куски. Два импульсных лазера всего лишь сорвали броню с правой руки меха, но остальные три породили огненную бурю, и она поглотила правую руку «Ханкю», правую ногу и всю броню справа на груди. От удара маленький мех закрутился, шлёпнулся на невысокий бугор и остался лежать в проточенной дождём ложбинке.

— Ренни, как ты?

— Мех нуждается в ремонте. Джеммер мне голову оторвёт, но техники рождены страдать. А со мной всё в порядке.

— У меня то же самое. — Виктор вздохнул и понял, что вспотел куда сильнее, чем следовало бы, от жара в кокпите. — Теперь будь повнимательнее.

— Думаю, не придётся, Виктор.

— То есть?

«Пенетрейтор» показал рукой в сторону горизонта.

— Мне кажется, это межпланетники, а такую пыль подняли бегущие к ним мехи.

Виктор ввёл команду дать увеличение на голограммический дисплей. Доклад Ренни оказался точным, но Виктор ещё не мог этому поверить.

— Но это же Дымчатые Ягуары. Клановцы никогда не бегут.

В голосе друга слышался намёк на улыбку.

— Никогда не бежали, Виктор, — до сегодняшнего дня.

Виктор покачал головой и поглядел на двух дымящихся мехов, лежащих по обе стороны от него.

— А это просто звезда Омега, оставшаяся прикрывать отход?

— Похоже на то. — Рука «Пенетрейтора» взлетела в салюте, когда остальные гвардейцы подтянулись к вершине хребта и начали занимать рубеж. — Тебе сейчас следует улыбаться, Виктор, улыбаться во весь рот. Мы их сломили. Мы победили.

* * *

Виктор переводил глаза с регента по военным вопросам Анастасия Фохта на Фелана Келла и обратно, а последние доклады, переданные КомСтаром, плыли в воздухе посреди зала совещаний. После битвы у горного хребта Мицухама прошло уже много часов, и давно уже был захвачен штаб 4-го регулярного кластера Ягуаров в городе Цуара. Виктора знобило, и голова у него кружилась — это могли быть последствия целого дня боя и победы, но он решил, что это реакция на полученные сведения.

— Военный регент, насколько вы верите этим докладам?

Фохт на миг отвернулся от стола, потом потёр рот рукой.

— Раньше агенты, которые это передали, всегда были надёжны. Больше половины докладов идут от войск КомСтара, участвовавших в штурме, так что я считаю, что их данные настолько же достоверны. Кажется, что на Шварце, Рокленде, Куду и Гарштедте, как и здесь, на Шуйлере, сопротивление было лишь символическим с последующим отступлением. Доклады о том, что Дымчатые Ягуары покидают Айдлуинд и Ричмонд, кажутся точными, а то, что они разрушили здания своих штабов и главные промышленные объекты планет, означает, что они не хотели

отдавать это нам. Я также воспринимаю это как знак, что Ягуары не собираются возвращаться.

Виктор медленно кивнул.

— Мне тоже так кажется. Фелан, что ты об этом думаешь?

Впервые в жизни Виктор увидел своего кузена в замешательстве.

— Это абсолютно беспрецедентная вещь. Когда ты вынудил Марту Прайд отвести войска с Ковентри, это было сделано предложением хегиры. Оно относится только к врагу, которого ты победил в бою. Дать межпланетникам беспрепятственно покинуть систему — это уже хегира де-факто. Вывод войск вместо сопротивления или нападения на нас — это нечто неслыханное.

— Есть предположения, почему они это сделали?

Фелан пожал плечами — этот вопрос был ему явно неприятен.

— Приходится думать, что Дымчатые Ягуары встретились с более сильной угрозой где-то в другом месте. Может быть, они начали битвы с Нова Котами на родных планетах, может быть, какой-то клан угрожает им поглощением. Это могло заставить ягов оттянуть войска обратно на Хантресс для перегруппировки, переоснащения и ввода в бой. И пусть не будет по этому поводу иллюзий: мы, может, нанесли Ягуарам урон и разгромили несколько хороших боевых единиц, но никоим образом не уничтожили всей их реальной или потенциальной мощи.

Виктор знал, что Фелан прав.

— Ты хочешь сказать, что оперативная группа Моргана может прибыть на Хантресс и вместо слабо прикрытоего мира напороться на всё, что осталось у ягов?

— Примерно так, — нахмурился Фелан. — Если их отход не инсенирован.

Военный регент кивнул в сторону Фелана:

— Это ценная мысль. Может быть, они оттянулись назад, чтобы сосредоточить силы на ограниченном числе планет и попытаться дать нам бой там. Это позволит им выбирать поля боя — и выбирать к своей выгоде.

— Но похоже ли это на правду? — Виктор встал со стула и начал ходить в узком конце зала брифингов. — Такая тактика означала бы, что они предвидят наше наступление и сознательно жертвуют десятки боевых единиц, чтобы внушить нам ложное чувство превосходства. Поскольку мы ведём войну по их правилам, бросая бэтчеллы и объявляя, какие силы вводим, они могли бы отойти до нашего штурма и достичь тех же целей, сохранив больше живой силы и техники. Более того, если они настолько организованы, они ещё на многих мирах поступили бы так, как на Ричмонде и Айдлуинде, — разрушили бы промышленность, которая может дать нам жизненно важные средства для нашей кампании. В конце концов, мы только из трофеев можем добавить три полка боевых мехов кланов — не считая кластера Ягуаров, который ты включил в свой 3-й легион Волков, Фелан.

Фелан согласно кивнул:

— Я должен был предложить такую возможность, как бы ни был мал шанс, что она возможна.

— А это заставляет нас предположить немыслимое — преждевременный упадок Дымчатых Ягуаров. — Виктор покачал головой. — Мы за четыре месяца добились того, что планировали сделать за четыре года, и понесли лишь малую часть запланированных потерь. Это, конечно, чудесно, но ставит нас перед другой проблемой.

Регент по военным вопросам поднял глаза:

— И это?

— Организация экспедиции на Хантресс.

Фохт приподнял бровь:

— Она уже в пути.

— Я знаю. — Виктор переплёр пальцы и протянул руки к военному регенту. — Если это действительно тотальное отступление, то все войска Ягуаров направляются на Хантресс. Они наверняка будут там раньше Моргана, а это значит, что всех его людей перебьют. Мы не можем передать им предупреждение, потому что не знаем, получат они его или нет, а Ягуары могут его перехватить. Это умножит наши трудности. — Виктор расцепил руки и сжал их в кулаки. — Можно сказать, что мы расширяем наши операции на Периферию, чтобы продолжать

действия против Ягуаров. Синдикат способен контролировать распространение информации, и это будет критически важно, поскольку мы не можем допустить утечки в кланы и на их базовые планеты до того, как достигнем Хантресс.

Регент по военным вопросам нахмурился:

— Ты понимаешь, что таким образом ты и ведомые тобой войска покинут Внутреннюю Сферу минимум на полтора года?

Виктор склонил и снова поднял голову:

— А разве у меня есть выбор?

— Думаю, что да. — Военный регент протянул вперёд раскрытые ладони. — На тебе лежит ответственность перед твоим народом. Если тебя не будет, невозможно сказать, что за это время придумает твоя сестра. Поход на Хантресс никогда не входил в наши планы борьбы с кланами, и сделать это — значит сильно нарушить равновесие сил во Внутренней Сфере.

— Но если мы этого не сделаем, Моргана и его людей ждёт смерть.

— Этого ты не знаешь наверняка, Виктор.

— Но обязан предположить, регент.

Фохт непреклонно покачал головой.

— Морган Хасек-Дэвион — человек умный. Если он увидит, что шансы не на его стороне, то будет действовать разумно.

— Мне хочется так думать, но Морган может и вогнать своих людей в такой энтузиазм, что они сочтут невозможное достижимым. Если он решит атаковать во что бы то ни стало и погибнет при попытке, я... — Виктор резко развел руки и свёл их снова. — Я не хочу, чтобы он погиб, если могу этому помешать.

Голос регента по военным вопросам упал до холодного шёпота:

— Есть вещи, которые ты не можешь предотвратить, Виктор. Ты идёшь по опасной тропе, принимаешь решения, о которых потом можешь пожалеть. Принимай их обдуманно.

— Я так и делаю.

— Надеюсь. В твоих словах я слышу эхо своих решений, принятых давным-давно. — Фохт поглядел на закрытую дверь комнаты, потом вскинул голову. — Род Штайнеров рождает два типа людей. Первый — это воин, которому нет равных. Ты из этой породы. Второй — искусный политик, и это твоя сестра Катерина. В некоторых эти свойства смешиваются, и оба они были сильны у твоей бабки, но такие люди очень редки. Я хочу тебе сказать, Виктор, вот что: ты принимаешь военные решения, пренебрегая их политическими последствиями.

— Всё это хорошо, регент, и ваше суждение о моей семье весьма интересно, но оно не имеет отношения к делу.

— Имеет, Виктор. Ты знаешь знаменитую цитату из Сантаяны?

— Те, кто не помнят прошлого, вынуждены пережить его снова.

— Именно так, — торжественно кивнул Фохт. — Я и есть это прошлое, Виктор. Я не могу, и Внутренняя Сфера не может позволить тебе повторить то безумие, что совершил я тридцать лет назад.

— Не понимаю.

— Да, полагаю, что не понимаешь. — Фохт неуверенно улыбнулся и протянул руку Виктору. — Позволь представиться, принц Виктор Штайнер-Дэвион. Я твой двоюродный брат, если убрать два поколения. Моё имя — Фредерик Штайнер.

У Виктора отвисла челюсть, он откинулся назад и грузно опёрся на стену.

— Это... этого не может быть. Ты погиб в Синдикате Дракона на Дромини VI. Ты был героем, хотя тебя и послали с Десятым Лиранским гвардейским на самоубийственное задание за то, что строил предательский заговор с Альдо Лестрейдом. Ты подставил Содружество под удар Синдиката... Нет, ты не можешь быть Фредериком.

— Заверяю тебя, что это я и есть, Виктор, и проверка ДНК это быстро подтвердит. Мы с тобой кровно связаны только по женской линии, через нашу прарабабку, и наши митохондриальные ДНК окажутся идентичны. Можешь сам взять у меня кровь и проследить за выполне-

нием тестов, если хочешь доказательства.

Виктор покачал головой, уже слишком хорошо зная точность тестов ДНК. — «Именно сравнение ДНК показало, что Томас Марик — самозванец», — всплыло в его памяти. Он поглядел на Фелана.

— Кажется, тебя не удивило его заявление?

Волк покачал головой:

— Одним из заданий, которые я выполнял для ильхана, было раскрыть секрет личности регента по военным вопросам. Хотел бы я, чтобы это было так просто, как взять пробу крови.

— Кто ещё знает?

Фохт пожал плечами:

— Теодор Курита, примас КомСтара Мори, может быть, ещё несколько человек. Я давно уже не считаю себя той, прежней личностью. Своё новое имя я выбрал потому, что его можно приблизительно перевести как «воин возрождённый», и именно таковым я себя считаю. Свои таланты я посвятил охране безопасности Внутренней Сферы. Я влез в политику, и потому оказался там, где я есть, — вне власти, оторванный от семьи и традиций. Я сумел приспособиться к этой жизни, но, Виктор, не думаю, что ты тоже смог бы это сделать.

Виктор вспомнил свои мысли о том, что мог бы бросить всё за право жить на свободе с Оми, и покачал головой.

— Ты здесь не прав, как, думаю я, не прав и насчёт наших родовых черт Штайнеров.

— Да?

Фелан улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— Это будет интересно.

Виктор оттолкнулся от стены и встал прямо, вытянувшись, насколько мог.

— Ты не более был расположен от рождения быть великим воином, чем моя сестра — стервой и убийцей. Это не наследственные черты, это усвоенное поведение. А умение усваивать — это мы получаем в наследство. Твоё искусство воина, твоя способность адаптироваться к новой жизни в КомСтаре, твоё умение найти путь к победе над кланами — всему этому ты научился, а учиться — это я тоже умею хорошо.

— И вот что я хорошо выучил: я не могу предать доверие тех, кто от меня зависит. А Морган и его люди будут зависеть от меня. Катерине будет что делать с Сунь-Цзы Ляо и Томасом Мариком, так что чёрт с ней и с её интригами. Мы выполнили нашу половину операции против кланов, и теперь есть возможность помочь друзьям закончить со своей половиной работы. Это я и собираюсь сделать.

Фохт кивнул:

— Слова воина.

Виктор медленно улыбнулся.

— Катерина, я полагаю, доставит нам неприятности, если ей будет нечего делать. На тот маловероятный случай, если Томас и Сунь-Цзы не дадут ей занятия, я организовал пару мелочей, над которыми ей придётся крупно задуматься. Может быть, я скроюсь с её глаз, но никак не из её мыслей.

Регент по военным вопросам рискнул улыбнуться:

— Слова Дэвиона.

— Так и должно быть, потому что моей штайнеровской половине необходимо за ближайшие девять месяцев узнать всё, что можно, о том, как обучать войска коалиции, чтобы привести кланы к покорности. — Виктор сощурил глаза. — Нам придётся организовать учения, снабжение, ремонт, график доставки, безопасность, отношения с прессой...

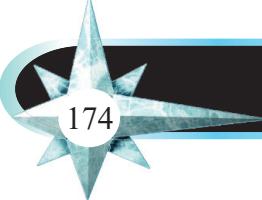
Фелан негромко засмеялся.

— Этим я предоставлю заниматься тебе, Виктор. А мне ты скажи только, когда выступать.

Виктор опустил взгляд на ботинки, потом посмотрел в зелёные глаза Фелана.

— Фелан, ты и твои люди должны остаться.

— Что? — поднялся со стула Фелан. — Я говорил, что мы не поведём тебя на Хантресс или

Страну Мечты, но никогда не говорил, что не будем тебя сопровождать.

— Я знаю, и мне жаль, что не могу позволить вам идти с нами. Не могу. — Виктор угрюмо нахмурился. — Смыслом этой операции было показать кланам, что Внутренняя Сфера вышвырнет их прочь. Ваше участие было жизненно необходимым, поскольку вы теперь — часть Внутренней Сферы. Нова Коты, влившиеся в силы обороны Звёздной Лиги, тоже принадлежат Внутренней Сфере, но я не буду брать их с собой. И не буду брать связанных из Дымчатых Ягуаров. То, что мы должны сделать в космосе кланов, должно быть сделано войсками Внутренней Сферы. Можно сражаться их оружием, но надо сражаться, не используя результаты их генетических программ. Только так мы можем доказать, что их превосходство иллюзорно, и будущее, созданное совместно, лучше, чем сформированное враждой. — Виктор заговорил тише: — Есть и ещё одна причина, более важная: мне нужно, чтобы ты остался в тылу. Во-преки тому, что я сказал военному регенту, я знаю, что Катерина не устоит перед искущением напакостить, пока меня не будет. Если ты будешь здесь с войсками, предназначенными для очистки планет от остатков Дымчатых Ягуаров, будет сила, которая помешает ей пуститься в слишком опасные авантюры. Мне нужен кто-то, к кому может обратиться Ивонна, если не будет справляться. Не знаю, кто лучше тебя может её защитить.

— Чёрт тебя побери, Виктор Дэвион! — Фелан ударил кулаком по ладони. — Я готов был спорить со всеми твоими доводами, а ты просишь меня остаться и поберечь Ивонну. Чёрт бы тебя побрал. Чёрт возьми, ты знаешь, наверное, что из всей вашей породы я лучше всего отношусь к ней.

— Да ну, мне твоя сестра Кейтлин тоже всегда нравилась больше, чем ты. — Виктор встретился взглядом с хмурым взором Фелана, затем оба расхохотались. — Ты мой якорь здесь, Фелан. Сохрани мир до нашего возвращения.

— Ты только постараися вернуться побыстрее, Виктор. — Фелан погрозил принцу и регенту по военным вопросам пальцем. — Если вы двое задумаете удрать, как Керенский, и никогда не вернуться, это вам с рук не сойдёт. Я вас найду и притащу обратно в этот бедlam, чтобы вы сами разобрались с его пациентами, которых на меня бросаете.

Эпилог

*Королевский дворец, Триада
Город Таркад, Таркад
Округ Донегол
Лиранский Альянс
1 сентября 3059 г.*

Катрина Штайнер сама бесконечно поражалась своей сдержанности, которая была подобна поднятию рекламного щита с прославлением собственного смирения. Она вполне могла бы дать выход эмоциям и разнести вдребезги свой кабинет. Ещё её очень подмывало дать приказ разбом-

бить горный замок, где жил Виктор во время Уайтингской конференции. — «Было бы поделом».

Две дошедшие до Катрины новости наполняли её бурей противоречивых эмоций. Первая — намёк на ранение Виктора на Лютьене. Её бесило, что у брата не хватило достоинства умереть. Его смерть сняла бы целые слои сложностей во Внутренней Сфере. Ещё её крайне злило, что доклад — чистейшие слухи, и нельзя получить ни одного твёрдого доказательства, что Виктор был ранен. А последние сообщения с театра военных действий в Синдикате указывали, что Виктор блестяще проявил себя на поле боя, но получил лёгкое ранение, которое может оставить шрамы, — «удобное объяснение шрамов от катаны, проткнувшей грудь!»

Катрина села за стол и откинулась на белую кожаную спинку кресла. — «Ясно, что, если я хочу его смерти, надо самой приказать сделать эту работу».

Опыт Катрины в этой области и был причиной её тревоги по поводу второй новости, представленной ей вниманию. Фрэнсис Йешке бесследно исчезла. Не было сына по имени Томми, не было погибшего на Ковентри мужа, не было записи об её удочерении или о зачатии отцом Галена Кокса внебрачного ребёнка. Женщина, которая в ноябре прошлого года так убедительно просила помощи, исчезла из виду, и все компьютерные записи, подтверждавшие её существование, исчезли вместе с ней.

Единственным фактом, оставшимся от этой любопытной истории, было совпадение ДНК Галена Кокса и Джерарда Крэнстона. Они были идентичны. Вероятность подобного совпадения равняется одной четырёхмиллиардной. Если этого мало, наложение портретов обоих личностей давало множество точек совпадения. Даже профили голосов совпадали.

Отсюда следовал неизбежный вывод, который возвращал Катрину к стычке с Виктором у могилы матери. — «Он много узнал. Он подослал ко мне эту женщину, потом заставил её исчезнуть, давая мне понять, что знает о моей роли в гибели нашей матери. У него даже может быть доказательство, но он не хочет пускать его в ход раньше времени, чтобы не разрушить Звёздную Лигу, прежде чем мы её восстановили. А Йешке он послал ко мне по той самой причине, по которой я бы поступила так же, поменяйся мы с ним ролями. Он хочет мучить меня и заставить бояться его возвращения».

Катрина колко рассмеялась.

— Твоя ошибка, Виктор, в том, что ты дал мне основание для тревоги и время, чтобы с этим основанием разобраться.

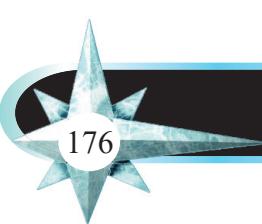
Райан Штайнер мёртв, и тем на треть сократилась группа людей, которые могли знать о её роли в смерти Мелиссы. Вторым был человек по имени Дэвид Ханau. Она смутно помнила этого крепыша. Он был её агентом в лагере Райана и служил ей верно. Сейчас он жил с женой на Пульсбо в собственном имении, радуясь обеспеченной жизни, оплаченной архонтом. Катрина не считала, что он представляет опасность, но всё же... свободный кончик ниточки. — «Я компенсирую потерю его вдове».

Последний человек, который мог что-то знать, — личный секретарь Райана на момент его смерти. Свен Ньюмарк, беженец из Расальхага, присутствовавший в комнате в момент смерти Райана. Различные психи-теоретики, помешавшиеся на заговорах, на основе совпадений, недостаточных знаний и принятия желаемого за действительное выдвинули тезис, что Свен и убил Райана. Ньюмарк, очищенный следствием и судом от всяких подозрений в соучастии, несколько месяцев выдерживал позорную травлю, потом исчез.

«И я не могу рисковать, что он снова появится. Я должна его найти и сделать так, чтобы он никому ни о чём не рассказал. — Катрина улыбнулась про себя. — К счастью, в моём распоряжении для этой цели ресурсы всего правительства. Когда не станет этого человека, не станет и секиры, которую занёс над моей шеей Виктор. И когда будет снято это искусственное ограничение, лишь я сама буду себя ограничивать».

Она свела ладони вместе.

— И тогда, милый мой брат, когда ты вернёшься домой, мы уладим наши разногласия раз и навсегда.

Курорт Хелспринг, Кресцент-Харбор Нью-Эксфорд Арк-Ройялский оборонительный кордон

Франческа Дженкинс шла, рассматривая Свена Ньюмарка из-под больших тёмных очков и делая вид, что читает документ в карманном ридере. Ньюмарк, высокий и тощий, растянулся на покрытом полотенцем шезлонге, стоящем у борта бассейна. Он выкрасил волосы и брови иссиня-чёрным, но бледные волоски на теле сохранили свой натуральный цвет. Франческа сочла бы ошибкой, что он не выкрасил их для маскировки, как поступила она сама, но Ньюмарк под именем Реджинальда Старлинга изображал из себя фрондирующего художника. А контраст цвета волос и две серьги в правом ухе были знаком бунтаря против общества.

Франческа восхищалась дерзостью выбора личины, которая поставила Ньюмарка в центр общественного внимания, но на самом деле это ставило ещё один защитный слой между ним и раскрытием его истинной личности. Почти все, кто желает скрыться, становятся отшельниками — находят себе нору, заползают туда и закидывают вход землёй. Но стать человеком на виду — только человеком, имеющим репутацию ненадёжного, патологически неспособного сказать правду и постоянно строящего из себя что-то новое, — это значит превратиться в карикатуру. Встань он сейчас и закричи в голос, что он — Свен Ньюмарк, никто не принял бы этого всерьёз.

Франческа отвергла бы Старлинга как возможную маску Ньюmarca, если бы не сам факт его искусства. Исследуя материалы по Ньюмарку, она обнаружила статейку в диско журнале сплетен на Солярисе. Имя Ньюmarca стояло в списке людей, которые отдали свои оригинальные произведения на благотворительный аукцион. Через неделю работы Франческа сумела найти экземпляр каталога аукциона, содержащий оцифрованную картину Ньюmarca. Не имея ничего больше, с чего можно было бы начать поиск, Франческа велела компьютеру проанализировать все аспекты картины, а потом стала по новостям и базам художественных данных искать похожие работы.

Очень много было совпадений в выборе размера и цвета, темы, средств, даже имени — какой-то фальсификатор сделал серию работ якобы Ньюmarca, на которых голова Райана Штайнера разлеталась от пули убийцы, — но хорошее совпадение было только одно. Совпадали буква «С», которой были подписаны и полотно Ньюmarca, выставленное на благотворительный аукцион, и все работы Старлинга. После этого Франческа полностью переключилась на Старлинга — «Стара», как называли его неистовые поклонники, или «Реджи» — так называли его брызгавшие слюной критики.

Этих критиков, впрочем, было немного. Искусство Старлинга стало тёмной стихией, которая находила отклик у людей, живших у самой границы оккупации кланов. Популярность Старлинга подпрыгнула выше звёзд, когда Нефритовые Соколы двинулись на Ковентри, и несколько его полотен были проданы за астрономические суммы. Реджинальд Старлинг сделался видной фигурой Нью-Эксфорда, что говорило больше об отсутствии в городе более ярких людей, чем о личной притягательности или таланте. Он, конечно, был хорошим живописцем, но Старлинг бывал резок и груб, и приглашать его на общественные мероприятия считалось делом рискованным.

Всё, что она узнавала о Старлинге, имело какую-то неясную параллель с чем-то, имеющим отношение к Ньюмарку, а потому она и Курайтис приехали на Нью-Эксфорд и подобрались к художнику поближе.

Франческа поставила правую ступню в лужицу у ножки шезлонга и упала на спину, поставившись, чтобы толстый махровый халат при этом распахнулся. Ридер выпал из руки и разлетелся на кусочки рядом с Ньюмарком, отскочившие пластиковые осколки колнули его в бок.

— Ой!

Ньюмарк сел, и глаза его немедленно прилипли к голой груди Франчески. С задержкой он моргнул и свесил ноги с шезлонга.

— Вы не ушиблись?

— Нет, но... осторожно! У вас под ногами осколки пластика, а они острые.

— Ах да. Спасибо. — Ньюмарк повернулся, встав коленями на шезлонг, и начал собирать осколки ридера. Подняв выскочивший диск, он прочитал название. — «Безумие беженца», Брейерс.

— Да, этакое лёгкое чтение. — Франческа встала на колени и частично запахнула халат. — Извините, что так вышло. Какой-то у меня неудачный год.

Ньюмарк потряс диском:

— Ужасный, если вы считаете «Безумие» лёгким чтением.

Франческа села на пятки и слегка поправила поясок купального костюма, коснувшись сморщенного шрама на левом бедре.

— Люди из агентства размещения сказали мне, что в книге Брейерса говорится насчёт эмоциональных проблем перемещённых лиц. Я жила на Цюрихе, но там началась война, и я еле уцелела. — Она показала на шрамы у себя ниже грудины и на бедре. — А выйдя из больницы, я вернулась к родителям на Ковентри. Туда ударили кланы, и я опять бежала. — Она тепло улыбнулась Ньюмарку. — Я сказала компьютеру, чтобы случайно выбрал мне какое-нибудь место, и вот я здесь.

Ньюмарк вручил ей диск.

— И давно?

— Полгода. Я себе говорю, что выдержу первые полгода, если буду всё время думать, будто это уик-энд на курорте. Выходные дни для хорошего поведения.

Ньюмарк откинулся в шезлонге и засмеялся:

— Ага! Ещё один человек, который здесь живёт как по приговору!

Франческа вздохнула:

— Теперь, когда разбился ридер, похоже, меня ждёт психушка. Книги — только они поддерживают меня в здравом уме.

Он нахмурился:

— Но у вас же должны быть друзья? Хотя бы по работе.

Она качнула головой, разметав белые волосы по плечам.

— Нет, я самостоятельный исследователь. Составляю библиографии. Если писатель или учёный хочет начать новую книгу, я вылавливаю весь относящийся к делу материал, сортирую, отбраковываю, создаю перекрёстные ссылки и составляю библиографию. Работа интересная, и платят хорошо. Особенно верно это стало, когда я узнала, как заставить поисковые механизмы эпохи Звёздной Лиги вытаскивать новые данные из сердечников памяти Звёздной Лиги, которые нашёл «Легион серой смерти». Но всё равно работа очень одинокая.

— Если хорошо платят, можете купить себе новый ридер.

Франческа пожмела плечами:

— Это же не так, как с настоящей работой. Я получаю небольшой аванс для начала работы, но платят мне, когда я её сдаю. Сейчас я в середине работы над тремя проектами, и ни у одного конца близко не видно. Нет продукта — нет денег.

— Понимаю, — кивнул Ньюмарк. — У меня то же самое.

— Да? А какая у вас работа?

— Вроде как маляр.

— Нет, правда? — Франческа дружелюбно улыбнулась. — Может, я наняла бы вас перекрасить мою квартиру? Кремовый, бледно-жёлтый, красное золото — не мои цвета.

— Извините, что я неточно выразился. Я художник. — Ньюмарк сел и протянул ей руку. — Реджинальд Старлинг.

— Очень приятно, я Фиона Дженсен. — Она пожала его руку, потом чуть нагнула голову. — А я должна была знать ваше имя?

Вопрос застал Ньюмарка несколько врасплох, потом он улыбнулся и покачал головой:

— Вероятно, нет.

Франческа добавила в голос энтузиазма.

— А ваши картины выставляются где-нибудь? Их можно посмотреть? — Она смешалась. — То есть здесь, в Кресцент-Харбор? Я люблю живопись, на самом деле люблю, но у меня нет...

Ньюмарк протянул руку и заглушил её возражения, положив ей палец на губы.

— Вы слишком тяжело работали, как вы сами сказали. — Он внимательно посмотрел на неё, вглядываясь голубыми глазами. — Вот что, Фиона, я возьму вас сегодня в одну галерею. У меня сегодня вечером открытие выставки, и я не собирался туда показываться — задетые завсегдатай всегда что-нибудь купят, чтобы иметь кусок художника, который выказал им презрение. Феодализм — бесполезные и бездарные думают, что могут действительно владеть работой гения. Пойдём и повеселимся.

Франческа заколебалась:

— Открытие выставки? Я бы хотела пойти, но не знаю, есть ли у меня что надеть.

Ньюмарк рассчитано улыбнулся:

— Вы, милочка, будете со мной. Что бы вы ни надели, ваш наряд признают идеальным, и будут восхвалять вас до небес. — Он просунул руку за её ухо и отвёл волосы в сторону. — Да, малость цвета, чтобы придать вам вызывающий вид, и всё будет отлично.

Франческа осторожно высвободила волосы.

— Я туда пойду как ваш друг или как ваша последняя работа?

Ньюмарк поджал губы, прищурился, потом кивнул:

— Туже, мисс Дженсен. У меня, как и у вас, нет на этом бульваре ни единого друга. Может быть, пришла пора это изменить.

— Изменить к лучшему, — улыбнулась Франческа. — Я могу быть очень хорошим другом, но для этого мне нужны три вещи: доверие, поддержка и честность. С друзьями нет тайн, кроме общих. Если вас это устроит...

Ньюмарк слегка засмеялся, и Франческа услышала в этом звуке тень облегчения.

— У меня есть тайны, которых вам лучше не знать.

— Позвольте мне самой судить, мой друг. — Она коснулась шрама у себя между грудей. — Человека, пережившего то, что пережила я, мало что может поразить.

— Думайте так и дальше, Фиона, — широко улыбнулся Ньюмарк. — Если мы станем хорошими друзьями, мы эту гипотезу проверим, и проверим тщательно. Сегодня для вас начинается новая жизнь в Кресцент-Харборе, Фиона Дженсен, и я обещаю вам, что это будет совсем новая жизнь, которой вы раньше не знали.

Об авторе

Майкл А. Стакпол написал двадцать два романа и множество рассказов и статей, он один из популярных авторов RoC. Среди его книг в серии BattleTech® — трилогии «Кровь Керенско-

го» и «Воин». Из-за высокого спроса «Кровь Керенского» была недавно переиздана, и будет переиздана трилогия «Воин». Другие романы Стакпола, «Естественный отбор», «Цена риска», «Рождённый для войны» и «Преступные намерения», также описывающие вселенную BattleTech®, продолжают его хроники событий во Внутренней Сфере.

Майкл А. Стакпол — также автор «Дементии» («Слабоумие»), третью книгу в серии «Хроник мутанта» RoC. В 1994, «Bantam Books», издали «Однажды герой», в жанре эпической фэнтези. «Война за бакту». Последняя из четырех книжек «Разбойный эскадрон» во вселенной Star Wars, была недавно издана.

Кроме писательства, Стакпол — инновационный дизайнер игр. Множество его проектов выиграло награды, и в 1994 он был введен в академию игровых искусств и зал славы дизайнеров.

Приложение

Японские выражения, встречающиеся в романе:

Комбанва — добрый вечер;

Аригато (домо аригато) — спасибо (большое спасибо) (формальное);

Коннитива — добрый день;

Кэндзюцу — «искусство меча», японское искусство владения мечом;

Сэнсэй — «рождённый раньше», «преждерождённый», «старший») — в Японии вежливое обращение к учителю, врачу, писателю, начальнику или другому значительному лицу или значительно старшему по возрасту человеку;

Сумимасэн — извините (обратите внимание);

Ииэ (иэ) — нет (стандартная вежливая форма отказа или непринятия комплимента, также означает «не за что» в неформальной форме);

Дайсё — букв. «большой-малый» — пара мечей самурая, состоящая из дайто (длинного меча) и сёто (короткого меча);

Хай — да, понимаю, продолжайте (не всегда согласие);

Кайсяку — или кайсякунин — помощник при совершении обряда сэппуку (харакири). Кайсяку должен был в определённый момент отрубить голову совершающего самоубийство, чтобы предотвратить предсмертную агонию. В роли помощника обычно выступал товарищ по оружию, воин, равный по рангу, либо кто-то из подчинённых (если рядом не было специального человека, назначенного властями).

Комментарии редактора

Этот роман был издан издательством «Дрофа» в 2002 году в переводе М.Левина под названием «Возрождение завета». Я счёл нужным изменить название, как не соответствующее реалиям книги и вводящее в заблуждение. Как будет потом известно, подлинного возрождения Звёздной Лиги так и не произошло, и клановцы были правы, называя новую организацию государств Внутренней Сфера подделкой. Да и в тексте есть намёки на такую ситуацию, которые переводчик того издания не заметил.

Далее рассмотрим сомнительные места в оригинале.

1 глава:

Такие прыжки выматывают, но куда хуже Виктору пришлось на межпланетнике, с большим ускорением летящему к Таркаду. — «С моим ростом двигаться при гравитации выше нормальной — серьёзная работа».

Как раз наоборот. При высокой гравитации коротышка получит прибавку к обычному весу меньшую, чем у здоровяка, и ему будет легче двигаться. Но легко не будет, да.

— Кстати, я беру себе Биврёст-холл в Нагельринге на время моего пребывания. Там есть технические средства, которые мне нужны.

Смотрим 3 главу:

Биврёст-холл, Триада

Город Таркад, Таркад

Хотя Нагельринг и Триада это города-спутники, формирующие мегаполис Таркад, поместье Биврёст никак не может быть в двух местах одновременно. Думаю, стоит вычеркнуть Нагельринг, т.к. постоянно мотаться между двумя городами на заседания будет неудобно, да и дипломатические представительства других государств (Теодор Курита запросто зашёл в гости) выносить из правительенного квартала несколько странная идея, а город при академии должен быть скорее закрытой территорией. До кучи, в соседнем городе Асгард есть отель «Биврёст», в котором останавливался Грейсон Карлайл в «Операции Экскалибур».

4 глава:

В свои девятнадцать Ивонна была красивой по любым меркам, с рыжими волосами и серыми глазами — отцовским наследством — и гладкой, светлой кожей Мелиссы Штайнер-Дэвион.

Её отец действительно носил рыжие волосы, но серые глаза были у её матери и бабушки.

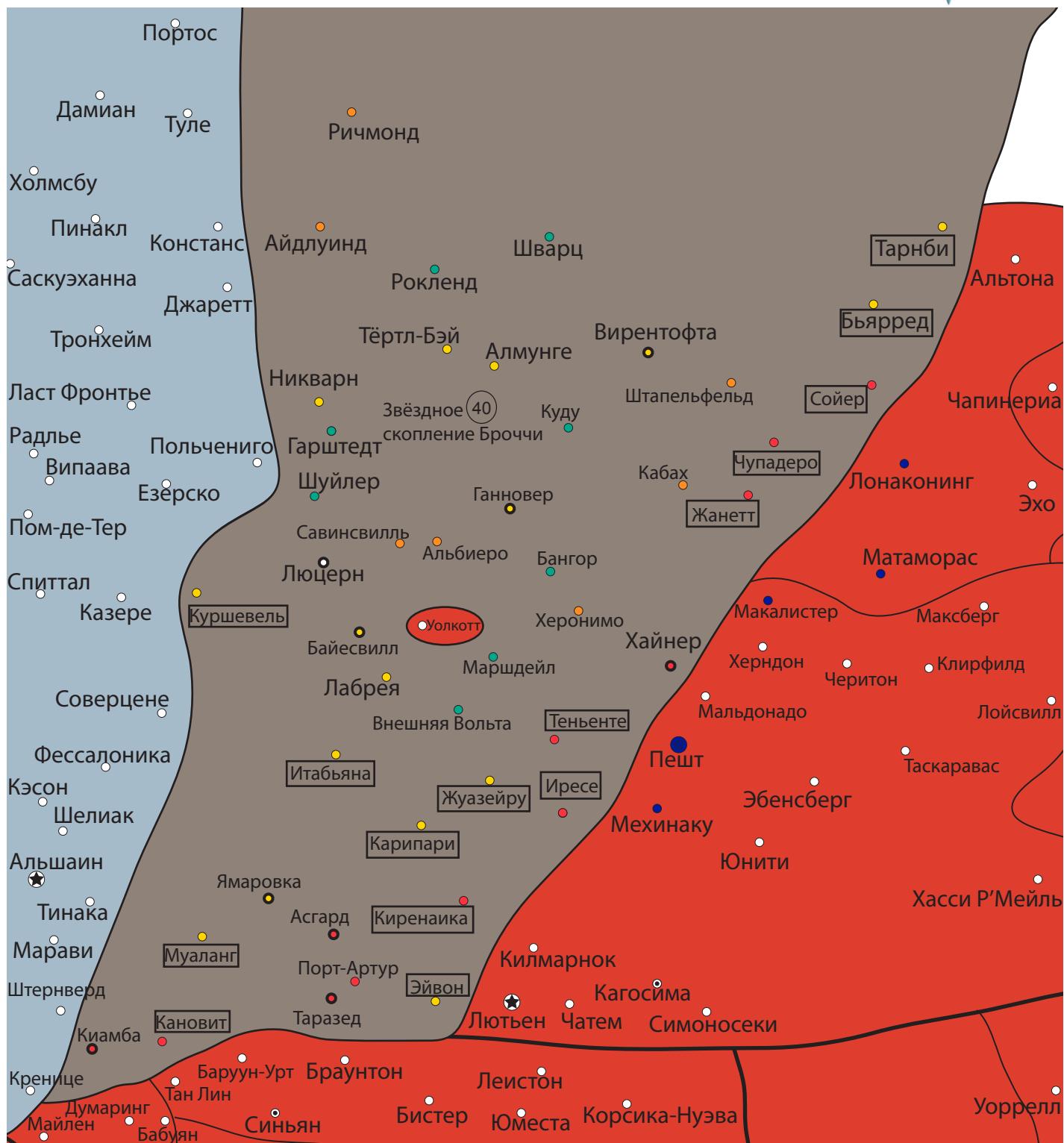
6 глава:

Тут прищурил глаза Томас Марик:

— Я считаю, регент по военным вопросам, что канцлер поднял серьёзный вопрос о присутствии на нашем собрании Моргана Келла. Ни он, ни его сын не были приглашены нашей хозяйкой — их пригласил её брат. Присутствие Моргана Келла явно предназначено для того, чтобы её разозлить, хотя надо отдать ей должное — она слишком хорошо воспитана, чтобы на это реагировать. Но факт остаётся фактом — Морган Келл не имеет права находиться здесь.

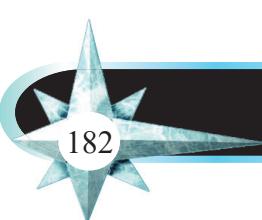
...

— Нет. — Морган Келл покачал головой, прижал металлическим пальцем монету к столу и пустил её направо, обратно к Кэндес. — «Гончие» не нанимаются. Я прибыл сюда, приняв приглашение Кэндес, потому что дал обещание отдать всё, что собой представляю и чем владею, на защиту шестнадцати миров от нападений кланов. Создавая Арк-Роялский оборонительный кордон, я ставил себе целью не раскол Лиранского Альянса, но лишь более прямое управление там, где оно нужно, чтобы освободить руки архонта для решения других задач в других местах. Если этой причины недостаточно, чтобы я здесь находился, я уйду.

Операция "Бульдог" (Уничтожение клана Дымчатых Ягуаров)

- Операция "Охотничья собака"
- Волна 1 "Удар катаны"
- Волна 2 "Движение вперед"
- Контратака Дымчатых Ягуаров
- Волна 3 "Низвержение Ягуаров"
- Волна 4 "Зачистка"

Приложение

Так кто пригласил Моргана Келла? Очевидно, что Виктор. Исправлено.

7 глава:

— Если не появится ваш брат Питер или **Морган Хасек-Дэвион не пойдёт с оперативной группой**, то пост регента достанется, скорее всего, Ивонне. — Тормано задумался, потом решительно кивнул.

Что-то непонятно, если «не пойдёт», значит останется, а если останется, почему не может стать местоблюстителем? Тем более что до свадьбы Хэнса Дэвиона он уже был наследником Федеративных Солнц. Наверное второе «не» (not) лишнее.

Советники Катрины Штайнер, её двоюродная бабушка генерал Нонди и мандринн Тормано Ляо, наблюдали за нею, крутящей в пальцах платиновый ножик для бумаги.

Мандринн – явно искажённое «мандарин», в других источниках, например FAS1720 FM Lyran Alliance, так и написано: «мандарин Ляо».

Также у Стакполя в издании было многовато искажённых слов:

kenjitsu – kenjutsu, кэндзюцу;

Byran – Bryan, фамилия лиранского маршала;

Tazared – Tarazed, планета;

Metamoras – Matamoras, планета.

11 глава:

Заседания военного планирования разбились на долгие совещания, когда сравнивали официальные оценки боеготовности и сил войск каждого государства с фактами и цифрами, сообщёнными Джерри Крэнстоном и Доком Тревеной. В общем и целом цифры оказывались похожими, хотя Сунь-Цзы переоценивал свои новые боевые единицы и недооценивал боевые единицы дома воина.

Вообще-то домов в Капелланской Конфедерации несколько, поэтому «воинских домов».

18 глава:

Политический совет Звёздной Лиги назван Первым Советом, но в дальнейших романах он называется Совет лордов. И в старой Звёздной Лиге был Совет лордов.

В 31 и 34 главах у автора 4-й драгунский кластер Ягуаров внезапно превращается в 4-й гусарский кластер. Пришлось проверить по сценариопаку FAS1704 The Dragon Roars — таки драгунский. То же с 7-ым гусарским, который на самом деле драгунский.

Мысль эта самому Фелану показалась странной, но не было времени её додумывать — он уже целился в низкий, на птичьих ногах силуэт «Дайр Вульфа», который столетия назад появился в развлекательных головизационных передачах, где гладиатор-человек бился с приземистыми ящерами из рода велоцирапторов.

Тут есть один тонкий момент, который не все знают: в «Парке юрского периода» (фильм 1993 года) и его сиквелях, мелкие хищные динозавры были названы велоцирапторами, поскольку в фильме был реконструирован дейноних, считавшийся тогда палеонтологами входящим в род велоцирапторов. Подробности можно прочитать в Википедии. Сейчас это отдельный род, и те же жёсткие диски фирмы Western Digital могли бы называться по-другому.

В 33 главе клановские мехи названы именами Внутренней Сферы, хотя обе сражающиеся стороны из кланов, даже если повествование идёт от лица бывшего жителя Сферы. Исправил.

Информация Влада исходила от разведчиков, заброшенных во Внутреннюю Сферу. Небольшие межпланетники через зону оккупации Нефритовых Соколов проникали в обитаемые системы Лиранского Альянса, перехватывали как можно больше вещания популярных передач средств массовой информации с планеты и уходили раньше, чем гарнизон планеты успевал среагировать.

Даже если сам перехват информации выполняется кораблями внутрисистемного класса, сами они перемещаться между системами не могут. Пришлось перестроить предложение.

ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН СПОСОБ ОСТАНОВИТЬ КЛАНЫ

Обладая ценнейшей секретной информацией, которая поведёт их по Дороге Исхода, наследные государства Внутренней Сфера могут сражаться с кланами на собственных условиях... и в тылу врага. Для того чтобы накопить силу, достаточную для противостояния кланам, нужно заново создать легендарную Звёздную Лигу — союз наследных государств — и армию боевых мехов под руководством Виктора Штайнера-Дэвиона. Но в смертельной политической игре правители опасаются альянса. Сестра Виктора, Катрина Штайнер, плетёт свою макиавеллистскую интригу, создавая новые, более коварные планы. И война против кланов может оказаться только маскировкой подлинной опасности...

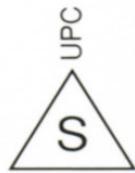
F959
CORPORATION

U.S.A. \$5.99
CAN. \$6.99

ISBN 0-451-45613-0

45613

<http://www.penguin.com>